

Р. М. БАТАЛОВА

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

Монография является первым опытом описания диалектных особенностей коми-пермяцких наречий в синхроническом и диахроническом плане.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
К.Е. МАЙТИНСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа посвящена синхронному и диахронному исследованию диалектов коми-пермяцкого языка. Это первый опыт фронтального изучения особенностей коми-пермяцких наречий.

В коми-пермяцком языке нами рассматриваются три наречия: северное, южное и верхнекамское. Довольно близким по своим морфологическим и лексическим особенностям, а также по системе ударения является и язык красновишерских пермяков (коми-язвинцев). Изучению последнего наречия была посвящена монография В.И.Лыткина "Коми-язвинский диалект" (М., 1961). Указанные три наречия в целом специальному исследованию не подвергались.

Отдельные сведения, имеющиеся о некоторых диалектах коми-пермяцкого языка, не могли удовлетворить возросший за последние годы теоретический и практический интерес к этому языку и его диалектам, поэтому было предпринято изучение диалектных особенностей языка в целом. Исходя из практических задач, значительное внимание уделяется исследованию северного и южного наречий коми-пермяцкого языка, распространенных на территории Коми-Пермяцкого национального округа.

В работе анализируются фонетические и морфологические особенности коми-пермяцких диалектов и говоров. В ней по возможности прослеживаются различные ступени развития и степень распространенности позднейших явлений, которые в настоящее время еще не имеют стабильного характера. Основное внимание нами уделено новейшим явлениям (судьба звуков *в*, *д* и *й*, пути морфологизации ударения и развитие падежной системы и т.п.), которые являются результатом развития языковой системы в целом.

Для написания работы автором использованы отдельные сведения из имеющейся лингвистической литературы и рукописных памятников письменности, а также данные родственных и неродственных соседних языков.

Материал для данной работы собран автором во время ежегодных научных командировок (в 1962-1972 гг.), в результате которых зафиксировано большое количество диалектного материала, по отдельным говорам сделаны магнитофонные записи.

Поскольку работа может быть использована в качестве учебного пособия по диалектам коми-пермяцкого языка в средних и высших учебных заведениях Советского Союза, в ней употребляется транскрипция на основе существующей графики и терминология, принятая в современных коми языках.

В первом опыте классификации коми-пермяцких диалектов автор не претендует на окончательное решение всех вопросов.

Автор выражает признательность своему учителю доктору филологических наук, профессору В.И.Лыткину и члену-корреспонденту АН СССР Б.А.Серебрянникову за ценные замечания, сделанные ими в рукописи.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Коми-пермяцкий язык входит в пермскую группу финно-угорских языков. Основная часть коми-пермяцкого населения проживает на территории Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области¹. Сравнительно близки по своим языковым особенностям к коми-пермякам также коми-язьвинцы, проживающие на территории Красновишерского района Пермской области, и кировские пермяки (так называемые зюздинцы), населяющие северо-восточную часть Кировской области².

Язык кировских пермяков (зюздинцев) в сравнении с коми-язьвинским диалектом³ значительно ближе к диалектам северного наречия, но имеет и ряд специфических черт, поэтому мы его рассматриваем как особое наречие языка коми-пермяков (карта 1)

В этой работе основное внимание уделено исследованию двух наречий коми-пермяцкого языка — северного и южного, распространенных на территории Коми-Пермяцкого национального округа.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Изучение диалектов любого языка для лингвистики имеет особое важное значение. Живые диалекты являются ценным источником истории языка, так как в них могут сохраниться архаические черты языка. Их число и варианты в разных диалектах будут различными. Диа-

¹ По данным переписи 1970 г. на территории указанного округа проживало 123,5 тыс. человек (коми-пермяков).

² Коми-язьвинцы составляют около четырех тысяч, а кировские пермяки — около пяти тысяч человек.

³ Он исследован В.И.Лыткиным (см. Лытк. Коми-язьв. — Библиография в конце книги).

Исключительно ценным источником изучения истории языка являются диалекты тогда, когда по исследуемому языку нет древних памятников письменности. Коми-пермяцкий язык относится к числу таких языков. Первые памятники письменности (рукописные словари и словники) относятся к XVIII в.:

1. Н.Ф. М ü l l e r. Sammlung russischer Geschichte. т.3, СПб., 1758, стр.382-408, где наряду со словами на коми-зырянском, удмуртском и других языках зафиксировано небольшое число коми-пермяцких слов.

2. I. F i s c h e r. Sibirische Geschichte..., т.I (1768). - В этой работе на стр.133, 162-165 приведено несколько десятков коми-пермяцких слов параллельно со словами удмуртского, мариинского и других языков.

3. "Дневные записки путешествия академика Лепехина". СПб.1780, т. III. - В данной книге зафиксировано 50 коми-пермяцких слов с переводом на русский язык³, записанных Лепёхиным в с.Селеще (ныне с. Селище Косинского района).

4. Несколько сотен коми-пермяцких слов представлено в словаре Палласа⁴.

5. Значительный словарный материал имеется в "Кратком пермском словаре с российским переводом собранный и по разным материалам расположенный города Перми Петропавловского собора протоиреем Антонием Поповым 1735 г." Он содержит около 2500 слов. К словарю приложены "Реестр российских речений из пермского словаря" и "Примечания ... к грамматике пермского языка, составленные с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык".

В словаре представлен припермский диалект, который некогда был распространен на юго-западе от Чердыни и Оней. Данный диалект имел значительное сходство с нердвинским диалектом (ударение морфологизированное, суффикс множественного числа *-эз* и др.).

В XIX в. интерес к языку коми-пермяков все более возрастает: продолжается составление словарей на материалах разных волостей, появляются первые грамматики, составленные на диалектном материале.

Нам известно несколько словарей XIX в., рукописи которых находятся в архивах библиотек Ленинграда и Казани.

В 1828 г. академику Шегрену была представлена жителем с. Ильинское Львом Силоновским рукопись словаря "Лексикон пермского языка,

³ См. Лытк. ДН, 148-161.

⁴ Паллас. Ср. сл. яз. и нар.

кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником иереем Георгием Чечулиным". Словарь содержит около 4,5 тысяч слов. В нем зафиксирована лексика злового диалекта, типа нердвинского. Данный диалект, по-видимому, был распространен на территории Оханска, Нердвы, Ильинского, т.е. в бассейне реки Обвы с ее притоками. Поэтому мы его условно называем обвинским.

Значительным по объему является словарь "Русско-пермяцкий" 1848 г., который содержит 3,5 тысячи слов. Автор рукописи неизвестен, место составления — г. Усолье⁵.

Лексические данные этих трех рукописных словарей (включаем сюда и словарь Антония Попова) представляют исключительно ценный материал для пермистов, так как в них зафиксированы языковые данные трех ныне уже не существующих диалектов.

Из статьи Т.И. Тепляшиной "О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка"⁶ стали известны следующие рукописные словари, находящиеся в Казани, в Центральном государственном архиве Татарской АССР:

1) "Лексикон пермского языка", содержащий около 4500 слов. В конце словаря дается указатель русских слов. Рукопись, примерно, середины XIX в.

2) Другой словарь по типу русско-пермяцкий, содержит около 2000 слов. Рукопись не датирована. Словарь передан в Пермский Губернский статистический комитет "членом-корреспондентом", священником Василием Пономаревым.

Судя по фонетическим, лексическим и некоторым морфологическим особенностям, диалект, зафиксированный в "Лексиконе пермского языка", был распространен в бассейне реки Сивы и граничил на северо-востоке с обвинским диалектом, а на северо-западе — с говорами верхнекамского (зюздинского) наречия коми-пермяцкого языка⁷. В "Пермском словаре" отражена лексика другого диалекта, имевшего, по нашему предположению, распространение в бассейне реки Нердвы, юго-западнее припермского диалекта. Этот диалект имеет много об-

⁵ Подробнее об этих словарях см.: Р.М. Б а т а л о в а. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII-XIX вв. — ВФУЯ. М., 1966 г., стр.110-121.

⁶ Т.И. Т е п л я ш и н а. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка. — СВУ, № 1, 1965, стр.60-61.

⁷ Р.М. Б а т а л о в а. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.). — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967, стр.69-75.

щего с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка. Первый диалект мы условно называем сивинским, а второй — карагайским. Оба диалекта относятся к группе эловых (диалектов). Эти словари содержат значительное количество слов, неизвестных современному коми-пермяцкому языку или встречающихся на весьма ограниченной территории (в отдельных диалектах и говорах южного наречия и говорах северного наречия)⁸.

3) Около 300 слов зафиксировано в рукописном словаре 1835 г. "Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских".

В этом же архиве хранится рукопись первой коми-пермяцкой грамматики под названием "Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка", составленные протоиереем Свято-Троицкого собора города Соликамска Федором Любимовым. Памятник датирован 8 февраля 1838 г. В работе содержится оглавление и введение (предуведомление), в котором кратко изложены некоторые сведения из истории коми-пермяков. Грамматический материал изложен в 10 главах. В первом разделе первой главы приведены некоторые сведения о грамматике, в остальных восьми описана фонетика. Вторая глава посвящена частям речи. По образцу русской грамматики автор выделяет восемь частей речи (имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие) и находит шесть падежей. В рукописи грамматики Федора Любимова особую ценность представляет лексический материал, приведенный в каждой главе, а также наименования монет на коми-пермяцком языке от 1 до 1000 рублей и отдельные коми-пермяцкие словосочетания и выражения, приведенные на двух предпоследних страницах.

С выходом в свет книги венгерского ученого К.Редэи "Пермяцкий словарь..."⁹ стали известны материалы еще одного рукописного словаря, составленного служащим имения графов Строгановых Ф.А.Волеговым в 1833 г. в с. Новое Усолье. Словарь представляет исключительную ценность еще и потому, что в нем зафиксированы материалы ныне исчезнувшего усольского говора, географически близкого с оньковским диалектом коми-пермяцкого языка. Рукопись словаря была подарена Ф.А. Волеговым в 1843 г. венгерскому исследователю А.Регули.

⁸ См.: Р.М. Б а т а л о в а. Материалы по коми-пермяцкой лексике..., стр.69-75.

⁹ Károly R é d e i. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Károly Rédei. Budapest, 1968 (всего 138 стр.).

Как видно из изложенного выше, на коми-пермяцком языке имеется значительное количество рукописных памятников, относящихся к XVIII и XIX вв.

Начало серьезному изучению коми-пермяцкого языка было положено Н.А.Роговым, служащим иньвенской дачи Соликамского у., в прошлом столетии. Им была составлена полная грамматика коми-пермяцкого языка. Книга Н.А.Рогова "Опыт грамматики пермяцкого языка" вышла в 1860 г. В этой работе автором зафиксированы живые формы кудымкарско-иньвенского диалекта середины XIX в., его основные грамматические явления. Одновременно приводятся также данные и нердвинского диалекта, который назван южным. В 1869 г. вышел в свет его же словарь под названием "Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь", в котором представлена лексика кудымкарско-иньвенского и нердвинского диалектов¹⁰. Словарь содержит около 13 000 слов, собранных автором на месте в 1849-1868 гг. Данный словарь до сих пор является самым богатым и единственным печатным коми-пермяцко-русским словарем.

В последнем десятилетии XIX в. были напечатаны две книги для пермяцких церковно-приходских школ: первая книга для чтения и букварь для иньвенских пермяков¹¹.

Некоторые данные по коми-пермяцкой лексике имеются в коми-зырянских словарях конца XIX и первой половины XX в.¹²

¹⁰ См.: Р.М. Б а т а л о в а. К столетию со времени выхода первого Пермяцко-русского словаря, - ж. "Наш край", вып.4. Кудымкар, 1970.

¹¹ См.: Е.В. П о п о в. Первая книга для чтения. Пермь, 1894; Букварь для (северо-восточных) иньвенских пермяков (Опыт). Казань, 1897. О более поздних дореволюционных изданиях см. в кн.: "Коми-пермяцкий язык". Кудымкар, 1962, стр.34.

¹² См.: Р. W i e d e m a n n. Syrjänsch-deutsches Wörterbuch. СПб., 1880; Г.С. Л ы т к и н. Зырянско-русский словарь. - В кн.: "Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык". СПб., 1889 (коми-пермяцкие слова отмечены буквой К (камские коми); Н.А. Ш а х о в. Коми-русский словарь. У.-Сысольск, 1924; Т.Е. U o t i l a. Syrjänsche Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938; Y. W i s h m a n n. Syrjänscher Wortschatz. Herausgegeben von Т.Е. Uotila. Helsinki, 1942 (в последнем словаре зафиксированы слова из южвинского говора д.Тырнова - Кырым). Подробнее об этих словарях см.: Коми-перм., 146-151.

ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

В годы советской власти коми-пермяки, как и многие другие народы нашей страны, впервые получили право на создание своей письменности. В 20-е годы проводилась большая работа по установлению норм литературного языка. Этот процесс в основном определился к 1929 г., когда за норму коми-пермязского литературного языка были приняты основные особенности кудымкарско-иньвенского диалекта (см. стр. 230-235).

В 20-30-е годы, а также и в 40-х годах основное внимание было уделено созданию учебной литературы, в которой нуждались школы; художественная литература только набиралась сил.

Но уже в этот период отдельные ученые занимались изучением ряда диалектов, сбором диалектного материала, что способствовало решению научных и практических задач, стоящих в то время перед языковедами-практиками и учеными.

Планомерное изучение диалектов коми-пермязского языка намечалось уже в конце 20-х и в начале 30-х годов членами "Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка". Так, в 1928 г. Г.А. Нечаевым был собран материал по верхнекамскому наречию (так называемому, зюэдинскому), а в 1929 г. — по кочевскому диалекту. Эти материалы легли в основу его статей: "Характеристика зюэдинского диалекта коми языка" и "Отношение окружного коми языка к северным диалектам Коми округа"¹³. В последней статье автор рассматривает вопросы, связанные с диалектной основой коми-пермязского литературного языка. Он еще в первый период установления новых норм (ведение чередования д с в) писал, что фонетика литературного языка настолько искусственна, что на нем не говорит ни один носитель коми-пермязского языка.

Характеристике иньвенского диалекта посвящена кандидатская диссертация А.С. Кривошековой-Гантман, в которой основное внимание уделено вопросам словарного состава и словоизменению в иньвенских диалектах¹⁴.

Фонетические особенности кудымкарско-иньвенского диалекта в отношении употребления д и в рассматриваются П.С. Кузнецовым¹⁵. Краткое описание отличительных черт нижеиньвенского, оньковского

¹³ Нечаев. Характеристика зюэдинского диалекта...; Нечаев. Отношение окр. коми лит. яз. к сев. диал.

¹⁴ Гантман. Слов. состав иньв. диалекта. Канд. дисс.

¹⁵ П.С. Кузнецов. Коми-пермязские этюды. "Труды Ин-та языкознания АН СССР", т. IV, 1954; Кузнецов. Судьба твердого д в иньвенском диалекте..., стр. 188-190.

и нердвинского диалектов, а также некоторых особенностей северной диалектной группы дано В.И.Лыткиным в его работах "Историческая грамматика коми языка", ч.1 (Сыктывкар, 1957) и "Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам" (Москва, 1955), а также в учебниках для вузов по коми и коми-пермяцкому языкам. Результаты исследования оньковского диалекта изложены в нашей кандидатской диссертации¹⁶.

Определенная работа по сбору диалектного материала проводится студентами коми-пермяцкого отделения Пермского пединститута. К сожалению, результаты студенческих работ нигде не опубликованы.

Более или менее изученными являются диалекты южного наречия, а северное наречие изучалось эпизодически и нет почти никаких печатных работ, свидетельствующих об особенностях диалектов данного наречия. Здесь мы можем указать лишь две упомянутые выше статьи Г.А.Нечаева, в которых отражены основные черты верхнекамского и кочевского диалектов, а также "Диалектологическую хрестоматию по пермским языкам" В.И.Лыткина, в которой зафиксированы некоторые черты северной диалектной группы и верх-лупьинского диалекта¹⁷. Поэтому фронтальное исследование северных диалектов являлось первоочередной задачей. Не менее важным было более детальное изучение южных диалектов и в особенности кудымкарско-иньвенского диалекта, в котором обнаруживается ряд говоров¹⁸. Особенно важно изучение фонетической системы "новых" говоров, характеризующихся различным употреблением звука в. Выявление вариантов и границ различного употребления данного звука помогло бы пермистам уяснить проблему замены д звуком в в бассейне р. Иньвы и сужения позиций в в некоторых диалектах и говорах других пермских языков.

При изучении говоров мы стремились проследить особенности (варианты) звука в в разных пунктах южных районов. Явление варьирования звука в в его слабых позициях (в середине слова перед согласными, на конце слова и между гласными) в южных диалектах — живой процесс, находящийся на разных этапах развития. Наличие

¹⁶ Баталова. Онък. диалект...

¹⁷ Лытк. ДХПЯ, 24-26.

¹⁸ В работе термин "говор" обозначает мелкую территориальную разновидность языка. Группу говоров, имеющих ряд одинаковых черт, мы называем "диалектом". Термин "наречие" употребляется для обозначения совокупности диалектов (или говоров), обладающих общими чертами. Следовательно, язык мы "делим" на наречия, наречия — на диалекты, а диалекты — на говоры. Термин "говор" употребляется также в значении говора одного населенного пункта или группы деревень (так называемого "куста").

этого фонетического процесса вызывает большие трудности при классификации говоров. Но, учитывая то, что "наречия, диалекты и говоры могут быть определены применительно к известному этапу исторического развития языка и что классификация диалектов каждого языка своеобразна, как своеобразна и история их диалектов"¹⁹, мы условно выделили довольно большое количество говоров в составе южного наречия. При этом нужно учесть, что степень расхождений между диалектами и диалектными группами внутри языка может быть также различной.

Данная работа посвящена синхронному и диахронному описанию диалектных особенностей северного, южного и верхнекамского наречий. По возможности прослеживаются различные ступени развития и степень распространенности позднейших явлений, которые в настоящее время еще не имеют стабильного характера. Развитие некоторых явлений (например, так называемая "ассимиляция" или уподобление гласных) находится на такой стадии, что в данное время нельзя дать удовлетворительного решения. В этом случае мы приводим языковой материал дискуссионного характера, уверенные в том, что публикация его может натолкнуть других исследователей на размышления и поможет сделать интересные выводы.

Основное внимание нами уделено новейшим явлениям (судьба звуков в, л и й, пути морфологизации ударения и т.п.), которые являются результатом развития языковой системы в целом.

Являясь первым опытом классификации коми-пермяцких диалектов, наша работа не претендует на окончательное решение всех вопросов.

Дальнейшие исследования по языку коми-пермяков позволят углубить знания о диалектах и провести более точную их классификацию.

В работе использованы диалектные материалы, собранные автором в 1962-1972 гг.

РАССЕЛЕНИЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

Коми-пермяки живут на Каме с глубокой древности. Еще в XIV в. они занимали обширную территорию Перми Великой. Но постепенно значительная часть этой территории обрусела; часть пермяков, живущих тут слилась с русскими, но сохранились до нашего времени пермяцкие названия ряда городов и селений этих мест²⁰.

¹⁹ У.А. Мейланова. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964, стр.36.

²⁰ В разделе использована следующая литература: Коми-Пермяцкий национальный округ. Под ред. акад. Григорьева и др. М.-Л., 1948; И.Н. Смирнов. Пермяки. "Изв. общ-ва археологии, истории и

Сложны исторические пути этого края и населяющего его коми-пермяцкого народа. Истоки их истории теряются в глубокой древности. Лишь в легендах и сказаниях нашли отражение происхождение этого народа и истоки его многовековой культуры.

Этот край лесистых холмов и извилистых рек с крутыми берегами, мысами и пещерами обладал удобными для заселения местами. Возвышенные берега Камы, Иньвы, Чусовой и других рек не затоплялись разливами. Реки, озера и лесные массивы служили местами добычи пищи и приложения труда первобытных людей. Большое значение имело близкое расстояние между истоками рек, давшее возможность местному населению благодаря волокам осваивать районы разных речных бассейнов.

Культура народов коми благодаря водным путям бассейна Камы с очень ранних времен пришла в столкновение с более сложной культурой Востока. Пермь состояла в торговых отношениях со скифо-сарматскими племенами, с булгарами, татарами, подвергалась нашествиям турков с юга, соседствовала с угорскими народами. Позднее, чем связь с Востоком, зарождаются отношения со славянскими племенами Руси. Уже в XII в. Пермь платила дань новгородцам. Первое летописное упоминание о Перми встречается в Новгородской летописи 1187 г. Название "Пермь" в современном виде в русских летописях встречается с XIV в. Центром на Каме была Чердынь, получившая название Перми Великой, князья ее именуются великопермскими. В XVI в. этнографический термин "пермь" заменяется производным "пермяки".

этнографии", т.9, вып.2. Казань, 1891; А.А. Д м и т р и е в. Пермская старина, вып.1-8. Пермь, 1889-1900; Н.К. Ч у п и н. Географическо-статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1876; И.Я. К р и в о щ е к о в. Словарь географическо-статистический Чердынского у. Пермской губ. Пермь, 1914; А.Е. Т е п л о у х о в. Известия о чудском селище близ села Кудымкарского. Екатеринбург, 1880; О н ж е: О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. Екатеринбург, 1880; О.Н. Б а д е р и В.А. О б о р и н. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958; В.А. О б о р и н. Некоторые вопросы этногенеза коми-пермяков. "Вопросы марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений". Пермь, 1972; В.Н. Б е л и ц е р. Очерки по этнографии народов коми. "Труды Ин-та этнографии", т.45. М., 1958; Пермская область. Пермь, 1959; Н.И. Н е ш а т а е в. Природа Коми-Пермяцкого национального округа. Пермь, 1965; Д.П. Л а ш у к. Формирование народности коми. М., 1972; Г.Т. Б а ч е в. Коми-Пермяцкий национальный округ. Краткий справочник. Кудымкар, 1973; А.С. К р и в о щ е к о в а - Г а н т - м а н. Откуда эти названия. Пермь, 1973; и др.

В этом значении он встречается в трех актах XVI в. — уставной грамоте, данной московским царем усольцам и чердынцам в 1553 г., в жалованной грамоте канинским и тиманским самоедам в 1545 г. и в писцовой книге Пустозерской волости 1574 г. Термин "пермяки" во всех трех документах имеет такое же широкое значение, как и Пермь. В уставной грамоте 1553 г. он означает пермяцкое и русское население Чердынского и Соликамского у.; в актах, относящихся к самоедам, под пермяками вместе с печорянами разумеются нынешние зыряне.

И.Н.Смирнов в книге "Пермяки" писал: "Пермяки нашего времени представляют собой южную ветвь того племени, которое было известно нашим летописцам под именем Перми и включало в себя рядом с предками пермяков и нынешних зырян..."²¹

С XI-XII вв. начинается культурное влияние на коми-пермяков со стороны русского народа. Основой хозяйственной жизни камских коми в XI-XIV вв., когда они впервые соприкоснулись с русскими, было уже пашенное земледелие. К этому периоду относятся многочисленные находки железных сельскохозяйственных орудий — ральников, топоров. Для населения этого края важное значение продолжала иметь, конечно, охота, которая в это время приняла в значительной степени промысловый характер, поскольку меха составляли предмет обмена.

В 1472 г. Пермь Великая оказалась в вассальной зависимости и была присоединена к Московскому государству. В начале XVI в. прекратилась самостоятельность Перми, а во второй половине его были заложены основы закрепощения большей части ее за русскими помещиками. В 1558 г. громадная территория по обе стороны Камы "от устья р. Лысьвы до устья Чусовой" переходит в собственность Аникия Строганова — богатого Соль-Вычегодского солепромышленника и землевладельца.

В XVI-XVII вв. в Прикамье создается и развивается феодальная вотчина Строгановых, что привело к постепенному закрепощению значительной части как русского, так и коми-пермяцкого населения.

Русское правительство рассматривало владения Строгановых как свою военно-экономическую базу на востоке, поощряя ее владельцев к постройке укреплений и используя их средства для активной обороны границ.

По грамоте 1558 г. Григорий Строганов получил более 3 млн. десятин. Строгановы, как и другие крупные землевладельцы, получили феодальный иммунитет — право судить своих людей и собирать с них подати.

В 1664 г. Строгановы получили грамоту на Обву, Иньву, Косьву и Яйву — притоки Камы.

²¹ И.Н. С м и р н о в. Пермяки, 77.

Коми-пермяки в это время жили, главным образом, в северо-западной части таежного Верхнего Прикамья. Эта часть, огражденная дугой Камы с севера и течением Обвы и Косьвы с юга, составляла в XVI в. так называемый "отхожий стан", или округ, уезд. Здесь находились, по писцовым книгам Яхонтова 1579 г., с. Лупья, Вильгорт, Купрос, Кудымкар и др. Однако русские пришельцы быстро заселили "отхожий стан". По Яхонтову, тут было всего два погоста (Гайны на севере и Обва на юге), 32 деревни и 3 починка. Через 44 года, судя по писцовым книгам Кайсарова 1623-1624 гг., в Чердынском уезде прибавилось 180 новых населенных пунктов, в основном за счет русского населения. Русские заселили также и Обву.

Коми-пермяцкое население на севере сосредоточилось в бассейне р. Коса, где появился погост Коса на месте деревни Ныров. В Косинском округе стало 7 деревень и пустошь (всего пять новых). На юге центром сосредоточения коми-пермяков явился бассейн р. Иньвы. В Кудымкарском округе стало 11 деревень и 13 починков, из которых 20 было вновь возникших. Некоторые новые деревни имели пермяцкие названия - Юсьва, Егва, но, вероятно, многие из них уже тогда имели и русские названия.

Между Косой и Иньвой возник район, населенный русскими (ныне Юрлинский р-н). Вопрос о появлении русского клина между северной и южной пермяцкой территорией остается до сих пор окончательно невыясненным. По одним предположениям, местные жители - это обрусевшие пермяки, по другим - вселившиеся извне русские, вероятнее всего из смежного Вятского края. По распространенным устным преданиям - это потомки петровских стрельцов, якобы бежавших или посланных после стрелецкого бунта. Возможно, однако, что сюда действительно проникли потомки петровских стрельцов, появившиеся из лесных скитов Осинского уезда в самом конце XVIII в. Есть данные, что еще в 1-й половине XVIII в. сюда бежали стрельцы от преследования властей. Но наиболее значительный приток населения был из северных частей Вятского края (район Кайгородка). Эти пришлые люди осваивали территорию современного Юрлинского р-на с его относительно благоприятными условиями для сельского хозяйства. Так, по-видимому, выкристаллизовался этот русский район в современном Коми-Пермяцком национальном округе.

Прилив русского населения в Прикамье был связан с тем, что после присоединения коми-пермяцких земель через нее шла новая, более южная и более короткая дорога в Зауралье.

Общение с экономической и духовной культурой русского народа внесло много прогрессивных элементов в жизнь коми-пермяцкого народа. Коми-пермяки постепенно восприняли более высокий бытовой уровень, это отразилось на жилище, одежде, сказалось на сельском

хозяйстве (от русских было заимствовано употребление удобрения, ряда сельскохозяйственных орудий: косы-горбуши, сохи с двумя ральниками, бороны с деревянными зубьями, мельницы-мутовки и т.п.). Как отметил И.Н.Смирнов, в обиход коми-пермяков вошли новые слова: назем, межа, полоса, загон, ральник, лён, вилы, лопата, деревня, улица, мельница, овчина, сапоги, сарафан и др. Пермяки заимствовали многие русские бытовые обряды и русские песни, в том числе свадебный обряд.²²

Обва и Иньва манили к себе население, потому что здесь природные условия отличались от сурового чердынского севера. В 1640 г. чердынцы в жалобе писали о себе следующее: "Из многих мест к ним на Обву и Иньву крестьяне селятся, многие пашни у них великие, и места теплые, и земли родимые, и хлеб и мед и хмель у них родятся по вся годы, а у них-де пермичей, место подкаменное студеное, хлеб не родится, побивает мороз по вся годы".²³

В XVIII в. Строгановы сумели закрепить за собой лучшие земли, почти половину территории Перми Великой, а вместе с тем закрепить сидевшее на этих землях свободное население.

Чердынские крестьяне, в том числе и пермяки, еще не знали помещичьей власти и упорно отстаивали свою свободу. С пермским майором Строгановых была связана судьба основной массы коми-пермяцкого народа.

Следует отметить, что строгановское землевладение в крепостную эпоху ограничивалось иньвенским бассейном. А в верховьях Косы крестьяне почти не знали помещичьих запретов по охране леса. Однако в логотских и других, лежащих к северу "дачах", часть лесов принадлежала некоторым уральским горнозаводчикам. Так, в расширении запашек и урлинцы неоднократно сталкивались на южной границе своих земель с интересами Строгановых и вели подлинные битвы со строгановскими людьми еще в 1-й половине XIX в. (например, в 1828 г.).

В конце 50-х годов XIX в. в России проживало 59 тыс. пермяков обоего пола, из них 41 тыс. помещичьих крестьян обитала неразрывной массой в южной части Пермской губ., населяя Иньвенский округ строгановского имения, где было около 38 тыс. пермяков, и соседние пермяцкие села, принадлежавшие другим владельцам: Купрос, Кокшарово, Майкор, Кызьвенское. Остальная масса коми-пермяков, государственные крестьяне, размещались в северной части Пермской губ. (13 тыс.) и в Вятской губ., в верховьях Камы (около 4,6 тыс. чел.).

²² И.Н. С м и р н о в. Пермяки.

²³ Коми-Пермяцкий национальный округ, стр.133.

Иньвенский округ, выделенный в 1883 г. и почти сплошь заселенный коми-пермяками, занимал примерно четвертую часть майората, раскинувшегося на 13 тыс. 935 кв. верст (1 млн. 446 тыс. десятин) в Пермском, Оханском, Соликамском, Кунгурском и Екатеринбургском у. Пермской губ. Иньвенский округ включал 7 сел или ведомств: Верх-Иньвенское, Отевское, Йогвинское, Архангельское, Юсьвинское, Верх-Юсьвинское и Кудымкарское. В 50-х годах за этими селами числилось 357 деревень, 299 починков и 85 однодворков.

Отмена крепостного права и вступление России на путь капиталистического развития не стерли с коми-пермяцкого края печати отсталости. Он оставался глухим бездорожным уголком отсталого Приуралья. В лесной, северной части Чердынского у. по-прежнему над людьми тяготела власть суровой природы, требующей огромного труда и выносливости. Крестьяне жили в разбросанных затерянных деревушках, куда часто можно было пробраться только верхом. В Чердынском у. государственные крестьяне жили в ужасных условиях.

Несколько более благоприятное экономическое положение было у крестьян Иньвенского края, связанного с рынками сбыта близлежащих заводов и соляных промыслов. Однако и здесь хозяйственное развитие тормозилось крепостническими пережитками, господством латифундий Строгановых. Главным подсобным заработком была перевозка руды и доставка дров на заводы, как и в крепостное время.

Тяжелая нужда гнала коми-пермяков далеко за пределы своего края — в Сибирь, где и теперь существует ряд деревень, созданных из переселенцев верхнего Прикамья.

В 1897 г. в России насчитывалось уже свыше 104 тыс. пермяков обою пола, а в 1914 г. свыше 139 тыс., не считая переселившихся в Сибирь.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции коми-пермяцкие селения размещались в основном в области правых притоков Камы — Иньвы и Косы и их притоков, а также на севере — по самой Каме, по р. Лупья и Тимшор.

Этот район расселения коми-пермяков составил основную часть территории Коми-Пермяцкого национального округа. Кроме того, пермяки живут и поныне в смежных районах преимущественно отдельными селениями, вкрапленными в гущу русского населения, — по р. Язьва (приток Вишеры) и в самых верховьях Камы, в пределах нынешней Кировской обл. (звездинские пермяки).

В пределах округа коми-пермяки живут, таким образом, компактной массой на юге, в бассейне р. Иньвы, и несколькими разпыленными группами на севере.

Октябрьская революция уничтожила власть Строгановых и других эксплуататоров в Прикамье. Пермяки стали равноправными гражданами и хозяевами своей страны.

26 февраля 1925 г. Постановлением Президиума ВЦИК Пермский край был выделен в особый национальный округ. 3 апреля 1925 г. на первом съезде Советов Кудымкар был объявлен центром округа. Коми-Пермский национальный округ был выделен из существовавшего тогда Верх-Камского округа Уральской обл.; в него вошли все, целиком или отчасти, населенные пермяками волости бывших Чердынского и Соликамского у. Вне национального округа остались лишь небольшие группы пермяков: Верх-Язывиная вол. (где живут носители так называемого коми-язывинского диалекта), слишком отдаленная от основной массы пермского населения; пермяки Нердвинской и Верх-Нердвинской вол. (позже вошедшие в состав округа), а также так называемые "звездинские" пермяки (говорящие на верхнекамском наречии), разбросанные мелкими группами среди лесов в истоках Камы, также оторванные от основной массы коми-пермяков.

Создание национального округа дало возможность осуществить быстрое хозяйственное и культурное развитие коми-пермяков, не порывая их прочно укрепившихся экономических связей с северо-западным Уралом и Пермью.

В округе ныне шесть административных районов: Кудымкарский, Юсьвинский (южные районы), Кочевский, Косинский, Юрлинский и Гаинский (северные).

Плотность населения в южных районах в 2-3 раза превосходит среднюю по округу. Здесь примерно на 1/5 территории живет около 2/3 населения округа. На остальных 4/5 территории обитает только 1/3 населения, и плотность его там колеблется, постепенно понижаясь по мере продвижения на север, в среднем от 4-6 до 1 человека на 1 кв.км. (Юрлинский — Кочевский — Косинский — Гаинский). Наибольшая густота населения приурочена в основном к долине р.Иньва и к южным участкам ряда ее притоков, также к полосе вдоль Менделеевского тракта и его продолжения до с. Белоево. Здесь живет от 30 до 40 человек и более на 1 кв.км. сельских земель. Вдоль старинного юксеевско-косинского тракта вытянулась полоса, в которой плотность сельского населения снова повышается до 25-30 человек.

В пределах округа коми-пермяки живут, таким образом, компактной массой на юге, в бассейне р.Иньва, и несколькими разпыленными группами на севере (вдоль тракта).

Небольшие островки русского населения, жившего тут еще до революции (кроме Юрлинского р-на) ныне встречаются в Ленинском сельсовете Кудымкарского р-на, в Юсьвинском р-не — в Оньковском, Купросском и Юсьвинском сельсоветах, в поселках — Пожва, Майкар, Городище, куда были переселены русские Строгановыми для работы на солеваренных промыслах и заводах.

Густонаселенная территория иньвенского бассейна издавна является экономически наиболее развитой. И в настоящее время здесь сосредоточена основная часть местной промышленности округа. Здесь же находится и административный и культурный центр Коми-Пермяцкого национального округа — г.Кудымкар.

Общественная и экономическая активность местного населения Иньвенского края из-за значительной плотности населения и т.д. не могла не оказать соответствующего влияния на развитие языковых процессов. Это подтверждается существованием на данной территории крупных очагов новейших языковых явлений (см. об этом в последующих разделах данной работы).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ И ЕГО РАЗВИТИЕ СОГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

В диалектах и говорах коми-пермяцкого языка насчитывается 33 фонемы: а, о, в, г, д, дь, дж, ж, дз, з, зь, и, й, к, л, ль, м, н, нь, о, ѓ, п, р, с, сь, т, ть, тш, у, ч, ш, ы, э.

Кроме указанных, встречаются звуки ф, х, ц, щ, рь в словах, заимствованных из русского языка. Эти звуки спорадически встречаются в речи всех слоев коми-пермяцкого населения, а звук щ, как наиболее трудный по произношению, как правило, характерен только для речи местной интеллигенции. Звуки ф, х, ц, рь в разной степени усвоены и усваиваются в различных диалектах. Так, для говоров верхнекамского наречия (так называемого юздинского) свойственно довольно широкое употребление звуков ф и х¹, налицо активный процесс их усвоения. Например: шоферилъ 'выучился на шофера', фатерант 'квартирант', фатитъ 'хватает', телефон, куфайка и фуфайка, конфетка, фастайтис 'он хвастал', фирург 'хирург', галифей 'галифе', афанасинской, но: Педоралон 'у Федоры' и т.д.; тракторлѣ 'трактору', хришеннѣ, сахар, лехарь, храница 'хранилище', грѣхас пиран 'грѣшишь', пыхтѣ 'появляется опухоль', хирург, духа 'с запахом', охота, сапох кодь 'как сапог', хоркайтѣ 'фыркает' и т.д.

В северных говорах звуки ф, х, ц и щ, как правило, передаются звуковыми соответствиями п, к, ч (тш), ш (тш), сравните: б.-коч.² эпедрин 'эфедрин', робѣтшшѣй 'рабочий', притшешикалѣ 'работает'

¹ В данном случае нас интересует только факт существования ф и х, а не различные пути их появления. Это замечание относится и к следующим страницам.

² Примеры по рассматриваемым явлениям приводятся по "опорным" (исследованным) пунктам, которые мы условно называем "говорами" либо "кустами" в значении языка той или иной группы населенных пунктов.

прицепщиком', пирманн 'на ферме', коч. кбзяин 'хозяин', роботный 'рабочий-то', шактанн 'в шахте', табашиик 'табашик', тбвариш 'товарищ', Шукииннс 'Шукин-то', мисеч 'месяц', сьтик 'стих', полуш-топ 'полуштоф', певраль 'февраль', клям 'хлам', сакар 'сахар', шкап 'шкаф' и т.д.; пел. буканка, штрауйтис 'оштрафовали', зоо-тэник 'зоотехник', плака 'плаха', чеп 'цепь', но: операція, ма-хорка, граница и др.; мкс. сакар, фролович, выкоднбй, плаш, хохол вблй 'украинец был', плака 'плаха', голичинскбйез 'голицынские', поповшинаэз 'поповщины (обл.)', цвёттэз 'цветы'; чаз. дук 'дух', кбзяин 'хозяин', райфонн олб 'в райфо работает', сьмек 'смех', нишбйез 'нищие', бшпб 'еще', но: на фронтэ, хозяин; н.-кос. эшпб 'еще', племеннича 'племянница', дук 'дух', сакар 'сахар', яшшикин 'в яшике', но: дбс петужез 'все петухи', огурцыз 'огурцы'; лев. пезу 'фзо', селишшоис 'из Селища', мельничэз 'мельницы', тётни-ка 'техника', пишша 'пища', купеч 'купец', машенизачия 'механизация', пельшб 'фельдшер', тэшша 'теща', шопер 'шофер', колхознича 'колхозница', но: двацет эрс 'двадцать верст', петнацет яшп; пукс. штракуйтис 'штрафовали', буканка 'буханка', тбвариш 'товарищ', Пекла 'Фекла', пишшальбн 'пищалем' и др.; чур. нептянбяс 'в нефтяном', Педосеев 'Федосеев', окота 'охота', пёрма 'ферма', телепбн 'телефон', больничаса 'в больнице' и др., но: неф 'нефть', ферма, четырнацатоба 'четырнадцатого'; гаин. парокбдбн 'пароходом', канпётка 'конфетка', улича 'улица', колкбз 'колхоз'; васьк. тшбка 'щека', буканка 'буханка', племенича 'племянница'; ис. пашисбй 'фашистский', Шыпичин 'Шыпицын', помош 'помощь', нишпу цвет 'цвет липы', рубеч 'рубец', телепбн, Закар 'Захар', но: операція, дикбй хмельсб и 'пей настой из дикого хмеля'; мкс. яшшик 'ящик', клям 'хлам', укват 'ухват', шўка 'шука', улича 'улица', но: уф, аха; в.-л. колкбз, старўка, петўк, разьнича, колостбй 'холостой', окбтъник 'охотник', но: буфайка.

Звук рь в диалектах обычно встречается в начале и середине слова. Примеры: ряддэзбн 'рядами', ряксыны 'кричать', гряд 'гряд-ка', корика 'хорь', карявбй 'карявый' и др. В конце слова на месте рь произносится р (твёрдо): словар, январ, буквар, лекар, аптекар и т.д. Наиболее широкое употребление рь, в том числе и на конце слова, мы снова наблюдаем в верхнекамских говорах, сравните, например: лехарь, рякбстй 'я рывкнула', заврётка брылис 'завертка порвалась', пестерьбс 'я пестерь-то свой', сухарёкбн 'с сухариком', крякасис 'зацепился он о что-то', писарь, прямб, но: рбзинка.

Вместе с тем в коми-пермяцком языке имеется ряд говоров, где рь вовсе не встречается или употребляется лишь в единичных словах. Это относится к ошибскому говору кудымкарско-иньвенского

диалекта, к мысовскому и исаевскому северного наречия. Примеры: каприз, тюрма, отрад, зырана, прамой, товариш 'товарищ', крукало-мось сиб 'ударили его'. В употреблении звука р (мягкого) в северных диалектах нет единства: в одних говорах он встречается в начале и в середине слова, в других — не встречается или же не во всех случаях, например: б.-к. крукала, ср. ср.-и. кряканы 'оставить подножку, взять на крючок'; коч. зырана, брыкнитом 'брыкнул', поперег, рёвыт сётон 'реву тут', лагерн 'в лагере', град вылись 'с градки'; чаз. тюрма, манастир, песьтерсис 'из пестеря'; пукс. гряннез 'гряни', рявкнитас 'рявкнет', но: лук град 'градка луку', брыкниччис 'брыкнулся', стукнулся, товариш 'товарищ'; гаин. Кудымкарийас 'в Кудымкаре', няралом 'мил, бил', раллас больше тбччасо 'ряды больше будут заметны'; васьк. рядон 'рядом', корюка 'хорь', брыктамо 'бросаем, стучим'; ис. крукаломоось 'подножку подставили'; мис. зыряннез 'зыряне', прамойсб 'хорошего-то'; в.-л. зыранка 'зырянка', прамой мортлись 'у доброго человека', румкаокон 'рюмочкой', мороной кбр 'моренный вкус'. Примеры показывают, что в большинстве северных диалектов процесс усвоения звука р не завершился.

В говорах верхнекамского наречия звук р употребляется значительно шире, ср.: лекарь (иньв. лекар) 'лекарь', рякбсти 'я закрычал (а)', стряпайтам 'стряпаем', заврётка брылис (лит. орис) 'завертка порвалась', песьтерёс (лит. пестер) 'я свой пестерь', сухарёкон (лит. сухарокон) 'по сухарику', крякасис 'зацепился', писарь (иньв. писар), прямо и др.

Усвоение русского звука р (мягкого) в южных говорах и диалектах также идет неравномерно, в большинстве говоров он усвоен в позициях начала и середины слова перед гласными звуками йу и йа. Сравните: крох. кык ряд 'два ряда', крючок, кряж и др.; куд. рябина и ребина, отряд, тряпка и др. В верх-иньвенском и мелехинском говорах р в этих позициях встречается непоследовательно, например: мелех. рядом, мерайтисб 'измерили', румка 'рюмка'; в.-и. рядом, ребина, кряквын 'на крючке', но: мерайтисб да суутотисб стоббес 'измерили и поставили столбы'. В ошибском и вагановском говорах р перед гласными йу и йа не употребляется. Примеры: ваг. равзамб-сынамб (ср., н.-и. рывзамб) 'громко поем', брыкниччи (н.-и. брыкнитчи) 'бросилась я', чисто рядом (н.-и. рядом) 'все рядом', трапка 'тряпка', крякб (< кряк) нутоб 'кряк несет', тюрма (оньк. тырма), бракья-кыя (ср.-и. бракья) 'стучу-тку' и др.; ср. ош. тюрма 'тырма', каприз 'каприз', отрадыс шедис 'отряд-то попался', эта радцын 'в этом ряду', пес кражезвас 'на бревнах', брыкниччыввис 'брыкался', до сеньтябра по 'до сентября, говорят' и др.

Звук ц в большинстве русских заимствований во всех диалектах заменяется звуком ч. Примеры: гѣсьтѣньчи и гѣсьтѣнѣч 'гостинцы', коодѣч и колодец, больнѣча и больница, чиган и цыган, конѣч, цена, пойча 'половица' и др. Следует отметить, что многие заимствования (со звуком ц) могут произноситься то со звуком ц, то с ч.

Изложенный выше материал показывает, что усвоение русских звуков ф, х, ц, рь в коми-пермяцких диалектах является живым процессом.

Незначительные отклонения в диалектах имеются в употреблении аффрикат дз, дж, тш. В некоторых говорах и диалектах встречаются случаи деаффрикатизации. Такие примеры можно привести из говоров верхнекамского наречия: жѣжн (< джѣджн, ср. куд. джѣджн, к.-з. джѣджн) 'на полу', жѣж (< джѣж, ср. к.-я. у, к.-з. джѣж) 'пол', эз ѳжал (< уджал, ср. куд. эз уджаѳ, к.-я. уѳжалне) 'не работал', зѳртѳ (< дзуртѳ, ср. к.-з. дзуртнн) 'скрипит', ѳшѳѳмыс (< этшѳѳмыс, ср. к.-и. этштѳѳмыс, к.-з. этатѳѳ, к.-я. ѳшѳѳем) 'такой-то'; см. также же случаи: ѳжѳт 'большой', сѳзѳ 'так', ѳзѳ-ту 'так-ту', ѳзи 'вот так', гѳрзѳѳшта 'свяжу немного', ѳшѳѳмыс 'такой-то', ѳсѳ-ту 'так-то', жѳгасѳѳѳм 'повесился', ѳзе-ѳзе бѳйтѳ-нн 'так-так говорят', ѳтызѳ 'вот так' и др.; ср. из исаевского говора (ѳшѳѳм рѳжанс 'вот такое лицо', сѳшѳѳм 'такой'), левичанского говора (ѳшѳѳѳѳѳ кѳѳѳма 'такие-то три', сѳшѳѳѳѳѳ 'такой-то', рѳзѳнн 'ломать'); мисовского диалекта (пѳшѳѳнн 'опышны'), пельмского говора (вѳжнн 'перейти', нѳшѳнас 'со мхом') северного наречия и нердвинского диалекта южного наречия (ѳшѳѳѳѳѳ 'накосили', ѳшѳѳѳнн 'косить').

Необходимо подчеркнуть, что состав согласных звуков в коми-пермяцких диалектах в основном одинаков, кроме употребления звуков в и л.

Употребление звуков л - в

Нормой для коми-пермяцкого литературного языка в отношении употребления звуков л - в считается вычегодский тип (как и в коми-зырянском литературном языке). Такое употребление л - в в коми-пермяцкий литературный язык введено искусственно, как срединный тип между северными (сильно лакающими) и южными (вѣкающими) коми-пермяцкими говорами³. Чередование л - в, свойственное присыктывкарскому диалекту, легшему в основу коми-зырянского литературного языка и принятое за норму коми-пермяцкого литературного языка,

³ Совр.к.яз., 48.

не свойственно ни одному диалекту языка коми-пермяков. Суть чередования д с в заключается в том, что древнее д в середине слова перед согласными и в конце слова переходит в звук в. Примеры: чѣвтъны 'раздеть', ѡвтны 'махать', вѡв 'лошадь', тѡв 'зима' и др. В середине же слова перед гласными всегда употребляется д. Ср. вѡлѡн 'лошадью, на лошади', тѡла 'ветрено', сѡла 'солёный'⁴.

В.И.Лыткин в своей "Исторической грамматике коми языка" пишет, что "звук д в коми диалектах претерпел большие изменения: в одних диалектах (например, в иньвенском, кроме оньковского) совсем исчез, в других – в конце слога он перешел в звук в, ...имеются также говоры, в которых старое д сохранилось в первичном, неизмененном виде, таковыми являются: сысольский, лузско-летский (за исключением некоторых сельсоветов), печорский, косинско-камский и коми-язьвинский, в которых произносятся: вѡл 'лошадь', нылйас (орф. ныльяс) 'девушки', олны 'жить'⁵ и т.д. Далее он доказывает, почему аловые диалекты являются первичными. О первичности аловых диалектов свидетельствуют следующие данные: 1) древнепермские памятники письменности, в основном распространенные на Вычегде, на территории современных взовых говоров и написанные на аловом говоре, например: уѡал (Тр.5) 'делаю'; ноллом (Сосн.3) 'носимый, носящийся', должи (Л.16) 'воскрес (он)' и др.⁶; 2) другие родственные языки, в которых сохранилось финно-угорское д, ср. коми лит. тѡв 'зима', удм. тол, мар. тэд, фин. *talve-*, венг. *tél* 'зима'; 3) с территории иньвенских взовых говоров названия рек в официальных документах на русском языке переданы со звуком д, например: Исыл, Велва, Косыл, Оныл и др. (ср. современное – Исыв, Вевва, Косыв, Оныв и др.); 4) древние заимствования из коми в хантыйский и мансийский языки⁷. На основе этих фактов В.И.Лыткин заключает, что "было время, когда в-диалектов в коми языке не было"⁸. Это положение относится и к коми-пермяцкому языку.

Венгерский ученый Д.Фокош-Фукс установил, что вз-аловые, нуль-аловые и без-аловые диалекты появились около XVII в.: в начале XVIII в. они уже имелись на территории распространения языка ко-

⁴ Подробнее о нормах в отношении употребления д и в в коми-пермяцком литературном языке см. в кн. Коми-перм., 44-45.

⁵ Лытк. Ист. грамм., 119-121.

⁶ Лытк. ДЯ, 24-26.

⁷ K á r o l y R ě d e i. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

⁸ Лытк. Ист. грамм., 119-121.

ми⁹. Очевидно, до этого вся территория коми языка (коми-зырян и коми-пермяков) принадлежала аловым диалектам. О наличии же в в диалектах начала XVIII в. свидетельствуют памятники письменности того времени – работы Страленберга (1710 и 1722), Г.Ф.Миллера (40-е годы XVIII в.), Палласа (1787 г.), Лепехина (1771 г.).

Вполне понятно, что переход д в в и в > ф (нуль звука), а также совпадение звука в с д (т.е. потеря звуком в своей фонематичности) происходил, – а в некоторых диалектах и сейчас продолжается – с известной постепенностью, при этом этот звуковой процесс в одном диалекте протекал раньше, в другом – позже.

Причины перехода звука д в в (совпадение д с в) в научной литературе пока что не нашли удовлетворительного объяснения.

Весьма слабая артикуляция наблюдается при произношении коми-пермяцкого в, особенно в позициях – в середине слова перед согласными и на конце слова, где в напоминает звук й (у неслоговое), и в интервокальном положении (это наиболее слабая позиция звука в во всех взовых диалектах). В положении между гласными в говорах южного наречия звук в по своему качеству не одинаков: ср. акс. коб; крох. ковб и коб 'надо'; фэд. сыбвб; в.-ю. сыбвб; куд. сыбб 'поет'; кув. кывб и кыб; бел. кыб 'слышит' и т.д. Перед согласными и на конце слова в одних диалектах он в большинстве случаев¹⁰ сохраняется (в таких случаях мы его обозначаем буквами в и в'), в других напоминает й (или й'), а в третьих – он выпадает, в четвертых – наблюдается незначительное удлинение предыдущего гласного. На конце слова звук в в подавляющем большинстве случаев переходит в й (у неслоговое) или й'. Звуки в, й, й' – варианты фонемы в (примеры см. ниже).

Наиболее сильны позиции звука в во всех диалектах в начале слова и в середине слова после согласных. Примеры: 1) вбр 'лес', вон 'брат', вун 'день', вокны 'прийти' и др.; 2) пыртвыны 'заносить', кинвбн? 'чей?', мортвбн 'у человека' и др.

Переход д в в в взовых диалектах южного наречия, несомненно, вызван в языке комплексом взаимосвязанных причин. Это фонетическое явление – результат длительных изменений, происшедших в фонетической системе наречия; по-видимому, изменились закономерности

⁹ D.R. F o k o s – F u c h s. Aus dem Gebiete der Lehnbeziehungen. "Acta Linguistica. Scientiarum Hungaricae", т. III, н. 3–4. Budapest, 1953, стр. 211–289

¹⁰ Здесь и далее слова "изредка", "редко", "в большинстве случаев", "часто" мы обычно употребляем при характеристике новейших явлений, находящихся в процессе развития, или, когда отмечаем функционирование устаревших (архаических) языковых фактов.

следования звуков в речи (в слоге). Немалую роль здесь могла сыграть и инерция органов речи, которая может вызвать ослабление и выпадение звуков, а иногда и сближение и совпадение с каким-либо "близким" звуком.

Подобные явления наблюдаются и в других языках. По мнению, Г.А.Бариновой, "выпадению подвержены главным образом слабые согласные (звонкие и сонорные), смычка которых артикулируется с меньшим напряжением мышц активного органа, чем при произнесении более сильных согласных. Звонким и сонорным легче утратить смычку, а следовательно, и взрыв... Фрикативные же согласные выпадают потому, что они не имеют полной смычки. С наибольшей легкостью исчезают звуки, соединяющие в себе качества, как сонорных, так и фрикативных: [й] [ј] и [в], [в̥] ... Выпадают в основном согласные, близкие к гласным (по артикуляции и звучанию)"¹¹.

Коми звуки в и л входят в разряд сонорных. В.И.Лыткин пишет, что "при произношении сонорных (м, н, н̄, в, л, л̄, р, й) препятствие образуется так, что воздух входит через широкий проход; от трения воздуха о стенки этого прохода получается слабый шум, почти такой же слабый, как и при произношении гласных..."¹².

О "совпадении фонем в и л" П.С.Кузнецов пишет следующее: "...Мои наблюдения привели меня к тому, что совпадения фонем в и л в действительности в иньвенском диалекте нет. В соответствии с в других диалектов (хотя бы, например, северного коми-пермяцкого, косинского, где в любом положении сохраняется твердое л), в иньвенском диалекте произносится губно-зубное в, на месте же исконного л в любом положении является билабиальное w. Различие совершенно отчетливо и выступает в речи одного и того же лица. Так, например, с одной стороны: ва 'вода', вон 'брат', вур '(с)шей', вир 'кровь'..., с другой стороны, wok 'иди (сюда)', wokti 'я пришел (орфографически вокти), йувам 'пьем', йвын 'далеко'. Совершенно отчетливо выступает различие этих двух звуков в пределах одного слова, например: вэw 'лошадь', сравни кoc. вал..."¹³.

Е.В.Ботева подтверждает положение П.С.Кузнецова относительно того, что в этом говоре имеется губно-губное w. Однако она считает, что и в настоящее время большинство населения, говорящего на иньвенском диалекте, употребляет только одну фонему в - w. Осо-

¹¹ Г.А.Б а р и н о в а. Редукция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи. "Развитие фонетики современного русского языка". М., 1971, стр.117-127.

¹² Совр.к.я. 29.

¹³ Кузнецов. Судьба твердого л в иньвенском диалекте..., 188-190.

бенно это характерно для речи молодого поколения¹⁴. Далее автор пишет, что при эксперименте не удалось установить никакой закономерности употребления в и w.

Как показали наши наблюдения над взовыми диалектами, фонема в имеет разные варианты в различных диалектах (об этом подробнее см. ниже). Вариант фонемы в звук w (в нашем обозначении в^о, ў или ў') в начале слова, а также в середине слова после согласных не встречается, т.е. никакого различия в произношении звука в в начале слова на месте древнего д нами не обнаружено, так как эти две позиции для звука в являются сильными. Приведем в качестве примеров корневые слова, в начале которых в взовых диалектах стоит в, а в зловых — д (типа: вок — лок 'иди сюда'): воан < лоан 'будущий', воу¹⁵ < лов 'душа, дыхание', воўон < ловйон 'в живых', воўцу < лов-цу 'осина', войны < дойны 'месить ногами', вокны < локны 'прибыть', воа < лола 'лось', воавны < лолалны 'дышать', вонтны < лонтны 'топить', вонны < лонны 'быть, становиться', воп < лоп 'селезенка', вотшкын < лотшкынны 'хлюпать', вот < лот 'злой', вогаўны < логавны 'сердиться', вотдз < лотдз 'овод', вот 'синий', вонь < лонь 'тихий', воп < лоп 'бурянь', войсинны < лойсинны 'тесать', восьботны < лосьботны 'наладить', восьбыт < лосьбыт 'ладный, приятный', восяўны < лосьяўны 'подходить, быть пригодным' и т.д. Примеры показывают, что на месте древнего д северных диалектов в южных диалектах (здесь на примере среднеиньвенского говора) в начале слова выступает всегда в, в середине слова между гласными — нуль звука, перед согласными — ў, в^и и на конце слова — ў. "Появление в на месте д и удлинение предшествующего гласного или, наконец, совершенное выпадение д в конце слова и в середине перед согласным — явление вторичное, более позднее"¹⁶ (карта 2).

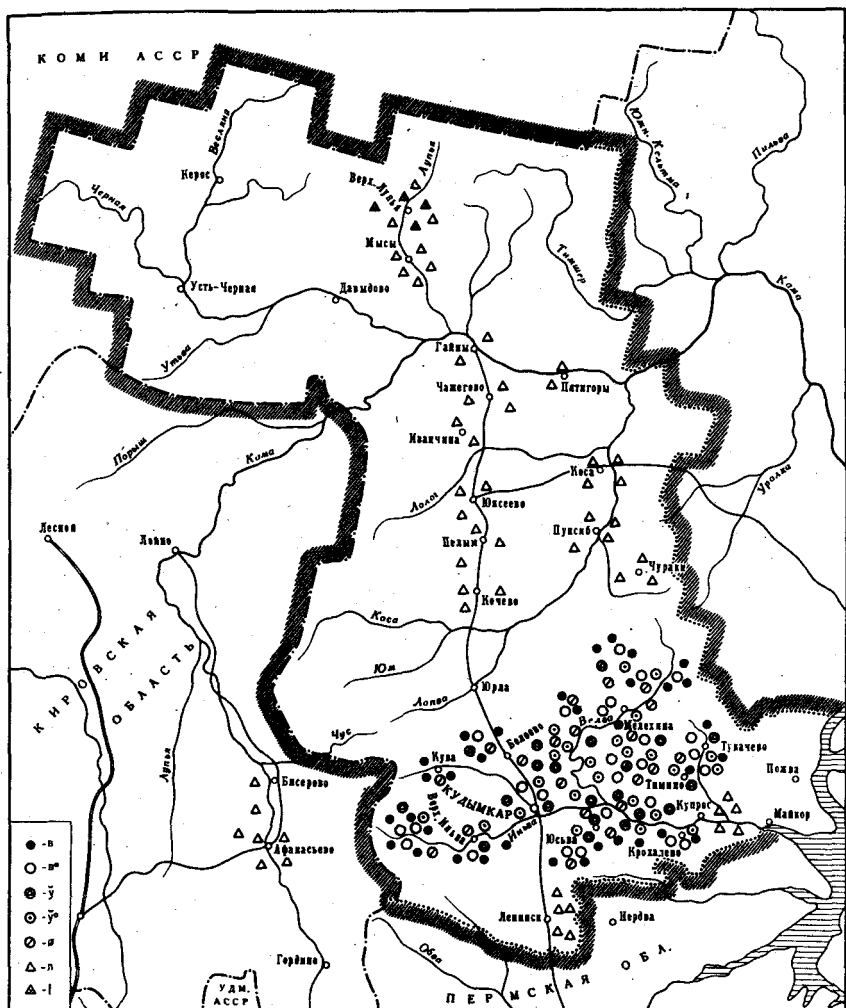
Позиции звука в в фонетической системе южных взовых диалектов не везде одинаковы. Они зависят не только от качества соседних звуков. Так, в начале и в середине слова — после согласных — эти две позиции звука в сильные, здесь в всегда выступает в своем основном варианте. Примеры из ср.-и.

1. В в начале слова: воёмась 'были', ворын 'в лесу', воас 'будет', вунис 'день-то', воктонны 'идут', веччим 'мы сошли', вет-воёмась 'они сходили', вунтыр 'весь день' и др.

¹⁴ Е.В. Ботева. Характеристика иньвенского диалекта в сравнении с литературным коми-пермяцким языком. "Коми-пермяцкий язык". Кудымкар, 1962, стр.43.

¹⁵ Слова со звуком в (в начале слова) приведены в таком варианте, как они употребляются в среднеиньвенском говоре.

¹⁶ Совр.к.яз., 48.

Р и с. 2. Изоглоссы употребления звуков в и л и их вариантов в коми-пермяцких диалектах и говорах

2. В в середине слова после согласных и й: тэчвѳм 'он складывал', вийвѳм 'он стрелял', вѳтвѳмась 'сходили', кинвѳн? 'чей?', одѳрвун 'позавчера', пѳрво 'сначала', кайвыны 'слазить' и др.

3. Другие позиции – середина слова перед согласными, между гласными и конец слова – являются слабыми. Здесь на месте в чаще всего выступают его варианты в, ў, ў' и нуль звука, т.е. в выпадает:

По нашему мнению, в коми-пермяцких воевых диалектах на пути исчезновения (т.е. выпадения) звука в имеется не одна промежуточная стадия (в > у > ∅ нуль звука), а больше, причем в разных позициях происходит по-разному. Ср. ср.-и.: кѡвис > кѡв°ис > коис 'понадобился', пыравны > пырав°ны > пырауны и пырау°ны 'заходить', сѹвда > суѹ°да > суда 'высотой с', кѡв > кѡв° > кѡу > кѡу° и кѡ° 'опояска' и т.п. Появление того или иного варианта в середине слова перед согласными и на конце слова иногда зависит и от качества предыдущего гласного, например: поу° и по° 'бойся', тѡв° и тѡу°, тѡ° 'зима, ветер', тыу° и ты° 'перо (гусиное)', игнаѡв, игнау и игнау° 'закрой, прикрой' и т.п. В некоторых говорах встречаются случаи незначительного удлинения предшествующих гласных, чаще - у, н и ѡ. Например, в аксеновском говоре: ог ку° 'не умру', оз о° 'не живет, нет' и др. Небольшое удлинение предыдущего гласного в результате выпадения последующего в мы обозначаем знаком (°) здесь и далее с правой стороны.

Ослабление качества в в слабых позициях - относительно новое явление, выступающее более отчетливо в срединных южных говорах (например, в среднеиньвенском, в собственно кудымкарском) и менее - в окраинных¹⁷, ср., например, кувинский говор. Ср. примеры:

кувинский говор

тѡвнас 'зимой'
пѡвзин 'ты испугался'
ов да ов 'живи да живи'
пырав 'заходи'

отевский говор

пѡунас 'доской'
вѡузис 'ожил(а)'
оз ков° 'не нужно'
эг вѡгау 'я не сердилась'

и др.

Приведем примеры на употребление звука в в его слабых позициях в разных говорах.

1. Звук в в середине слова перед согласными. В азовском на месте в встречаются его варианты: в°, ѹ, ѹ° и ∅ (нуль звука): асѹѹ°нас (< асивнас, ср. крох. асивнас, к.-з. асивнас 'утром'), дерѡв°ня (< русск. деревня), мѡда кууны (< кувны, ср. кув. кѹвны, к.-з. кувны) 'хочу умереть', чѡгъяѡ (< чегъяѡ, ср. к.-з. чегъявны) кѡв°сѡ 'ломает свой язык'; см. также: ог вунѡв°т 'не забуду', ямасис нѡвйисѡ 'из ямы растаскали' и др.; в тиминском звук в встречается в следующих вариантах: в° (вов сѡ, кыскаѡны 'таскать', суниссѡ кы-

¹⁷ Ср.: Гантман. О переходе д в в и чередовании в с нулем звука., 212-228. Ср.: V á s z o l y i E r i k. Az őpermi l fonéma utódjai az Inyva menti permják nyelvtérületen. "Nyelvtudományi közlemények", 64, sz. 2. Budapest, 1962.

шав°ны 'вдеть нитку', кисо° пимб°в°твис 'руку вывихнул он', дерев°
нлись 'из деревни', бав°да 'балда'), ў (мий° сис° тоўкис 'что за
толк от него') и ў° (п°нис уджаў°ны 'начал работать', виж°оу° сис 'из
Вижелово', куу°ны коб 'умирать надо' и др.); в доеговском позиции
в перед согласными не устойчивы. Ср.: в°тсавны 'добавить, подборо-
сить дрова в печь', на°кывны 'зарезать', коль°ав°вб°мась 'проводили
(не раз)', бос°тавви 'брал я (не раз)', корт°ав°ны 'связать', сетау°
ны 'раздавать', ўтас 'залает', в°удб°р 'поверхность', 'верхняя
часть' и др. в аксеновском говоре в положении перед согласными на
месте в мы встречаем его аллофоны (варианты фонемы в) – в°, ў, ў°,
огубление предшествующего гласного и нуль звука, например: нов°
йон 'носят', в°в°в°б° 'приходит', гор°знь°в°б° 'порой плачет', оз суав°
в°б° да 'не простаивают'. Впрочем последние три примера можно фонети-
чески передать и следующим образом: в°в°б° < в°в°в°б° < в°в°в°б° (лит. в°в°
лб°), гор°знь°б° < гор°знь°в°б° < гор°знь°в°б° (лит. гор°знь°лб°), суав°б° < суав°
в°б° < суав°в°б° (лит. суав°лб°), так как в говоре функционирует явление
стяжения двойных согласных в один (об этом см. стр. 63–64). Ср.
также: ноу°йб°нб° 'носят', керау°ны 'рубить'; из пау°кб° 'не попали',
коу°та корб° 'ковту просит', неу°на 'немного', соу° сём 'совсем', кар°
тоу°ка 'картошка', ки°зб°те 'слушайте', йб°сб° бос°тб° 'молока берет',
бы°ра поны п°нда 'сильно бояться буду', ко°тасб° дзб°т пас°таис 'коф-
ту, смотри, она надела' и др.

В крохалевском говоре в позиции перед согласными звук в сохра-
няется: невнушка°н 'по-немногу', т°внас 'зимой', ос тай кыв°сн
'не слышно что-то', пр°вка 'провода', из павк°твы 'не задевал
он', с°всем оз виз°н°т 'вовсе не течет' и др. Лишь в двух зафикси-
рованных примерах замечено изменение качества фонемы в > ў° (огуб-
ление предшествующего и незначительное его удлинение: ко°козис в°и
ни 'колхоз уже был') и ў: в°ўб° допд°и 'лошадь я запряг'; в фодо-
ровском в большинстве случаев в сохраняет свои позиции в середине
слова перед согласными: в°вья 'живой', нов°йб°та 'ношу', к°взы 'слу-
шай', но: он п°нб°в°т эд тэ 'ты ведь не ешь', шогав°бдз 'до забо-
левания', т°в°ка 'телочка' и др.

В мелухинском говоре на месте основного варианта в появляется
его вариант в°, который характеризуется более слабой артикуляцией,
и в редких случаях ў, ср. в в середине слова перед согласными:
дз°увска син 'смелая', гавд°итасб° 'пошумят', суав°ны 'стоять', ов°ны
'жить', ас°н°в°нас 'утром', к°в°сис 'было слышно', керау°ны 'рубить',
в°упаис 'из Волпы' и др.

В верх-кошвинском кусте в середине слова перед согласными звук
в сохраняется в большинстве случаев: п°кб°тавны 'ставить подпорку',
вив°канас вептав° 'вилкой поднимай', эч°б° субт°б°там 'сюда поставим',
четч°б°та 'спрыгну', ма°авны 'гладить рукой', в°вдб°рас тэч 'клади

на верх', миськавны 'мыть' и др. В некоторых случаях вместо в появляется его слабый вариант в°: пóрсьыс сорóв°тё да 'поро- сенок роет да', пыкóтав°ны коис 'надо было подпереть', кыв°зы 'слушай'.

В верх-иньвенском в середине слова перед согласными появляются варианты фонемы в - в°, ў, ў° и ∅ (нуль) звука: угóв°сис 'с угла', ўв°тас 'внизу', вев°дóрись 'верхний', медаўны 'нанять', пышнаўны 'опышнать', тóў° нас 'зимой', веччý°ны 'спускаться ненадолго', кар- тоў°ка, ў°тас 'внизу, под низом' и др.; в самковском кусте фонема в в позиции перед согласными в большинстве случаев встречается в своем слабом варианте в° или же ў, ў°: ныв°као́кыс мéнам 'девочка моя', мышкóн эт вéрмн óв°ны да 'не могла нагнуться я', октав°ны 'на- поить', нэв°на 'мало', пóндасó серав°ны 'начнут смеяться', óунйтóсь 'жить-то', о́а куўтóдзас 'доживу до смерти', оз кý°зó 'не слушают', кóкó кóмаў°ны нем 'на ноги обуть нечего' и др. В отдельных случаях в этой позиции в > ∅ (нуль) звука, например: тарó°тны 'покатить', патру́ллез сутóтисó (< сувтóтисó) 'патрулей поста- вили'.

В дёминском в перед согласными и й сохраняется: правда, пóнас ко́вны 'понадобится', вóвзис эд 'ожил ведь', тóвнас нывкао́кыс вóви дýнам 'зимой девочка-то была при мне', йóвсó оз сет 'молока не дает' и др., но: соччýис дерéв нýс 'сгорела деревня', аснý нас 'утром', нянь чопан < човпан 'каравай хлеба'.

В кудымкарском говоре в перед согласными выступает в следующих вариантах: а) основной вариант в (сы́втóн 'с песнями', герья́ввис 'причитал он'), б) в (вóв°сó йóскóм 'распряг лошадь', итна́в°тóм 'не закрытый'; гунав°в°ни 'на гумне'), в) ў (спраўка сéтисó 'справку дали', пудóука 'пудовка'), г) ў° (вев°дóрас 'на поверхности', ви- ноў°но́й 'виновный', куў°ны 'умирать') и д) нуль звука: зы́пка утас (< увтас) 'под лямкой', са°дат 'солдат', вó°зё́тóмась 'ожи- вили'.

В отевском в позиции перед согласными в имеет варианты: в°, ў, ў°: прав°дéдушко, церкóуно́й 'церковный', нýка < нывка 'девушка', дерéу°ня 'деревня', потоо́кыс сувда 'высотой с потолок' и др. Если же рядом стоят два вв, то они оба сохраняются, сравните: война́- ввас 'на войне', о́ктивввис 'собирал он', аснвввзнас вóвввис 'утрами он приходил'.

В белоевском в слабых позициях иногда выступает ў (у неслого- вое). Примеры: медаўны 'нанять', мéам ко́уко́зас 'у меня в колхо- зе', но: уджавны 'работать', жóвгис 'он стукнул', йóвсья 'Евсее- вич', нывкао́к 'девочка' и др.

В косогорском говоре перед согласными в иногда выступает в своем варианте в°, который имеет более слабую артикуляцию, чем в, напри-

мер: тѡв°быт 'всю зиму', нѣвна 'мало'; сѡбвѣзны 'плонуть', панѡв°т 'верни, отговори', вѡв°зис 'воскрес он', повторѧ и пов°тора, ѡввѡ 'бывает' и др.

В кувинском в сохраняет свои качества, например: тѡвнас 'зимой'. мыля нѡ пѡвзин? 'Почему ты испугался?' сѡвтис совсем 'Вовсе остано-вился' и др. Сравните в ошибском кусте: тѡвнас 'зимой', нждѧв°ни 'командовать', ос кѡвсѣ 'не слышно', окав°ни 'целовать', удѧв°тѡт 'без работы', тѡвсѧ 'зимний', чужѧвны 'пинать', новѡйтис 'носил он', вѣв°пти 'покрыл я' и др. В этой позиции после о в изредка пере-ходит в более слабый вариант ѹ, например: окоѹсѡ кѣрисѡ 'укол-то сделали', поѹкуля бѡсѣны 'полмешка взять', но: ѡвтѡн 'живя', сѡвсѡ 'соли', шѡв°коѹи 'шелковый'; в егоровском: кѡтшѡв°тны 'окружить', кинов°на? 'чѣя?', ѧн чѧв°зн 'не шуми', нѹѹкѡт 'с дочерью', нѣуна 'мало' и др.; в лопанском: тѡв°нас 'зимой', нждѧв°ни 'командовать', ѧв°гус 'август' и асѣвнас 'утром', курчѡвтис 'укусил он' и т.д.; в мелехинском: нивкѡм 'лапоть', пѡнас кѡвны 'понадобится', тѹѡ ѡвны 'жить можно', кѡвзн 'слушай', но: тѡв°нас 'зимой', ков°козсис 'из колхоза'; в хайлукском говоре: пѡннс дѡвкис 'собака ла-яла', ѧдзѣвны 'увидеть', кѡвны 'слышать', вѡвзѡ 'оживает' и др.

Следовательно, в данной позиции в сохраняется только в кувин-ском и хайлукском говорах. Звук в и его наиболее сильный вариант в° выступают в окраинных говорах – в азовском, крохалевском, федо-ровском, мелухинском, верх-юсвинском, дѣминском, косогорском, лопанском, егоровском, ошибском, мелехинском и хайлукском. В ос-тальных говорах употребляются наиболее слабые варианты – ѹ, ѹ° и нуль звука.

Во всех говорах звук в перед согласными после гласного у почти всегда выпадает, т.е. переходит в нуль звука. Ср., например, в крохалевском говоре: рублѣй дѡцѣтѣѡ сѹтас (< сѹвтас) 'рублей двадцать будет стоять', тракторнѣ утын (< увтын) 'под трактором-то', пѡнис сутны ни (< сѹвтны ни) 'начал он вставать на ноги уже'; ср.-и. чукиѧз (< чуѹкиѧз < чувкиѧз < чулкиѧз) 'чулки', утас 'низкое место', уттѣсѡ вундѧи 'снизу подрезал я', бѧня утѡ 'за баней, букв. под баню', утис 'лаял', чѹсвѹйтѡ (< чуѹсвѹйтѡ < чув-ствуйтѡ) 'чувствует', чунь судышка 'высотой с палец' – происходит стяжение в один звук у, ср. в косогорском: ѣты судышка (< сѹвдыш-ка) тѡко 'вот такой высоты только'; кув. нѣны утын (< увтын) 'под окном'; бел. сняряд утас (< увтас) шѣдѣ 'я попал под снаряд'.

Следует отметить, что почти во всех говорах, если рядом стоят два в (вв), то они оба сохраняют свое первоначальное качество. Например в федоровском: оз вѡввы 'не приходит', удѧввѣ тракто-

рйссн 'работал трактористом', сяко овво 'всяко бывает', ме куавви 'я умирал'. Ср. в белолевском говоре: вонис вузавво 'мой брат продал', ме висътавва 'я часто говорю' и др.

Звук в на конце слова имеет различные варианты. Сравните в азовском: а) в¹⁸, например: кычав^о (< кычав, ср. крох. кычав, кув. кытсавны) 'зови', кыв^о сё мыччав^о (< мыччав, ср. крох. мычав, к.-з. мыччавны) 'покажи свой язык'; см. также: кыв^о эн чёгыав^о 'не ломай свой язык'; б) ў, например: пять домоў (< русск. домов) воисо 'пять домов были', поў (< пав, ср. к.-з. пав) 'доска' и др.

В тиминском говоре в конце слова фонема в реализуется в следующих вариантах: а) ў, например: эг адззў^о 'не видел я', сё и поў^о 'то и бойся', из воў^о 'не было', эн и удлаў^о 'ты и не работай' и др.; б) нуль звука с дополнительной лабиализацией предшествующего звука, например: дак оз ку (< куў^о < кув) 'так не умрет', сё эг ку (куў^о < кув) 'все еще я не умер', кык то (< тоў^о < тов) 'две зимы'.

В тукачевском фонема в выступает в вариантах -в, в^о, ў, ў^а. а) в^о - эн нмав^о 'не балуй', оз улсав^о 'не отсыреет'; б) в - восем часов, до шестидесети градусов; г) ў - пошоў, д) ў^а - из куў^а 'не умер', эн висътаў^а 'не говори', эз восяў^а 'не повезло' (здесь в сохраняется чаще всего в заимствованиях); в доеговском на конце слова звук в почти всегда переходит в ў, например: оз коў 'не нужно', учоттоў 'маловат', зэў 'крепкий', из воў да 'не было да', вундаў 'режь' и др.

Изредка встречаются случаи сохранения в на конце слова в его варианте в^о, ср. примеры в аксеновском: а) в^о - петав^о жб 'выйди же', сёйбнб йбв^о 'пьют (буков. едят) молоко', эта нидзв^о 'это дождевой червь'; б) ў, например: эз воў^о 'не был он', висътаў^о мь^о кб 'скажи что-то', бн^о оз удлаў^о 'сейчас не работает'; в) незначительное удлинение предшествующего гласного с дополнительной лабиализацией, например: тэ ин ншб вб^о (< вбв^о, ср. крох. вбв, к.-з. вбвны) 'ты еще не был', из удла^о (< удлав, ср. к.-з. удлавны) 'не работал', оз кы^о (< кыв, ср. к.-з. кывны) 'не слышит', уна оз ко^о (< ков, ср. к.-з. ковны) 'много не нужно', дерё^о няас (< русск. деревня) 'в деревне-то' и др.

В крохалевском говоре позиции звука в на конце слова также не устойчивы: а) в сохраняется - пбднав 'запри', ныв 'дочь', пять ковкозов 'пять колхозов'; б) в > ў^о - штобн дукыт из воў^о 'чтобы духу твоего не было'; в) в > б (нуль звука) - гортн из о^о 'дома

¹⁸ Маленьким кружочком с правой стороны букв мы обозначаем не только небольшое удлинение предшествующего гласного (см. стр. 28), но и ослабленные варианты звуков в, ў (у неслогового) и й (ср.: в^о, ў^о, й^о).

он не жил'. Однако в большинстве случаев встречается основной вариант в.

В среднеиньвенском на конце слова в > ў: поў 'бойся, берегись', эг адзэў 'я не видел' и т.д.; ср. в федоровском: а) в сохраняется: нўв 'дочь', эн киськаў 'не поливай', сія сокоў 'он - сокол' и др.; б) в > в: пўксы да пўкаў 'сидись и сиди'; эн гораў 'не шуми' и др.

В мелюхинском: а) в сохраняет свое качество: хорошў 'хорошев', уджаў 'работай', сўбынтў 'трудновато' и др.; б) в > в: вўв 'лошадь', куштў (топоним) и др.

В верх-юсьвинском: на конце слова в также сохраняется, чаще в своем основном варианте и реже в слабом варианте: Танў, чўв, чўв 'Таню, помолчи, помолчи', вептаў 'поднимай', ўв 'да', Бўрлов (топон.), эз вўсяў 'не подошло', оз ни веськаў 'уже не выздоровеет', мычаў, шўб 'покажи, говорит', но: кураў 'собери', эн адзэў 'не видел ты', дыржык оз кўв 'дольше не умрет', эн пўднаў 'не закрывай'.

В верх-иньвенском говоре на конце слова в > ў: петь годў 'пять годов', вот и пышнаў 'вот и опытный', тўў 'зима', шесь часў 'шесть часов', ср.: йў и йўв 'молоко'.

В самковском в на конце слова чаще всего переходит в свой вариант в. Ср.: кык нўв 'две дочери', эз и ынаў 'и не исчезало', оз тай тыдаў 'и не видно', дыр оз веськаў 'долго не поправляется' и др.; очень редко встречается наиболее слабый вариант ў: вўсьбі готў 'приготовил я заранее'. Основной вариант в встречается реже: туйсон нўкья йўв 'в туйске сметану', савдатас деветь годў вўма 'в армии девять лет он был'.

В кудымкарском говоре в на конце слова имеет варианты: а) в (эс тырмў 'не хватало'), б) ў (эг веськаў 'я не поправилась'), в) ў (гортн эз вўў 'дома не было', вўў 'лошадь'); в отевском в на конце слова переходит в ў и нуль звука. Примеры: Юрў оз уджаў 'голова моя не работает', годў вўсем ни эз ройсь 'годов восемь уже не выпускала роя', кўбы не здороў вўи дак 'если бы я здоровым был так', нўў дынў мунў 'едет к дочери', оз ко вёрлн 'не нужно кормить'; ср. в косогорском: жагвнў 'медленно', эз вўв 'не было', пўкаў 'сиди', петав 'выходи, сходи', сапоггез кўмаў 'обуй сапоги' и др.; в кувинском: Міся ов да ов 'Говорю, живи да живи', Пырав, пырав 'Заходи, заходи', Таўн ведзаў 'Сегодня отпусти'; в ошибском кусте: а) в (гортн ов 'живи дома', отгўв сётвўм 'давал отгул', он адзэў 'не увидишь', жўв кёрсян 'мерзнешь'); б) в (чўв 'молчи', оз зэрав 'дождя нет' и др.).

В егоровском на конце слова в реализуется в вариантах в, ў, ў, а после у иногда переходит в нуль звука: а) в > ў: эн пўднаў 'не закрывай', эг адзэў 'не видел я'; б) в сохраняется: оз и

ов 'и не бывает', чѳв 'молчи', эз зэрав 'дождей не было'; в) в > в': эн кѳмав 'не обувай'; г) в > ѳ: пасьтаѳ 'надень', ос куѳ 'не умрет'; д) в > ѳ: он ку 'не умрешь' и др.

В лопанском: а) в сохраняется: асив 'утро'; б) в > в': не ѳѳѳѳ 'нормальный', сыв 'талый', пырав 'заходи' и др.; ср. в мелехинском: эн керав 'не руби', мича ныв 'красивая девушка', эз вѳв 'не было', оз кыв 'не слышно', оз жѳ уджав 'тоже не работает' и т.п. и в хайдукомском: оз ков 'не нужно', ме эг вѳв 'я не был(а)', эн сыв 'не пой', кыскав 'таскай' и др.

В этой позиции основной вариант фонемы в также употребляется в кувинском, в мелехинском и хайдукомском говорах. Вариант в' появляется в азовском, крохалевском, самковском, косогорском, ошибском и лопанском.

Употребление неслогового ѳ имеет довольно широкое распространение в некоторых диалектах близкородственного удмуртского языка¹⁹.

3. Звук в между гласными. Данная позиция звука в является наиболее уязвимой. Ср.: в азовском говоре в интервокальном положении звук в выступает в своем основном варианте (в), в ослабленном варианте (в') или выпадает (ѳ), например: Ивачись 'из Ивача', кывит эки 'язык твой болит', сельсув'этѳ (< русск. сельсовет) вев'аис (< веваис, ср. в.-н. веваѳ) 'привык к сельсовету', розь ѳам (< овам, ср. к.-з. овны) 'врозь живем', уджаисѳ (< уджависѳ, ср. к.-з. уджавны) 'они работали'; см. также: деревушкас 'деревушкато', ков'ѳ 'надо', робѳтависняс 'с работы', сув'ѳ сѳтѳнѳ 'стоит там', нѳѳѳ 'отнеси'; курччаас (< курччавас) 'искусает', кынс (< кывнс) иджит 'язык большой', кыскаас 'вытащит все', таун (< та-вун) 'сегодня', ѳтвааисѳ (< ѳтвааисѳ) 'объединили', тѳ вѳѳтѳѳ (< вѳѳтѳѳѳ) 'вы учите'.

См. также случаи в других говорах: в тиминском наиболее слабые позиции в между гласными, здесь он встречается в слабом варианте в: шкѳв'аас 'в школе', тав'ѳ 'в этом году', вев'ѳтѳны 'учат', вов'ис ѳтпусѳ 'приезжал в отпуск', миськав'ѳ 'моет', кань паняв'ѳ 'кот лает' и др.; примеры на сохранение в (т.е. употребление в в его слабом варианте в') составляют примерно около 30% от общего количества слов, в которых в встречается между гласными; в остальных случаях выявляется нуль звука, т.е. в выпадает: сѳччин ѳѳѳѳ (< ѳѳѳѳв'ѳ < ѳѳѳѳѳ) 'там играйте', сетвисѳ нѳѳ (< нѳв'ѳ < нѳѳѳ) 'давали им', таун (< тав'ѳун) пѳ выхѳнѳѳѳ вѳѳма (< вѳв'ѳма) 'сегодня, говорят, выходной был', кѳккѳз сайкаисѳ (< сайкав'исѳ) 'ноги простыли', пѳѳ (< пов'ѳ) дак 'боится так', ѳрагаѳн вѳѳ (< вѳв'ѳ)

¹⁹ И. В. Т а р а к а н о в. К вопросу истории и развития неслогового ѳ в удмуртском языке. ВФУЯ. М.-Л., 1962, стр. 75-82.

уктаб (< уктав^б) 'благой было поит', выисьянь (< выв^и исьянь) усьба 'сверху он упал' и т.д.

В тукачевском в интервокальном положении в имеет варианты в^б или нуль звука, например: шодов^а 'Шедова', чув^а аис 'прошло', давай, не права ме 'я не права', продавецис 'продавец-то', кыва эд 'слышу ведь', угов^о окин 'в уголке', шков^а асис 'из школы-то', уджав^о 'работает' и др. Слова, где встречаются между гласными в и в^б составляют примерно 40%. В остальных случаях в между гласными выпадает: вбит (< вбнит; ср. кув. и к.-з. вбвны) натэтб 'вы были, наверно', миськайт (< миськавит, ср. к.-з. миськавны) 'вымыли', чув^а аисб (< чувависб, ср. к.-з. диал. чулавны) 'прошли', тунсса (< тунвсса, ср. в.-н. тунвс, кув. тунвсон) 'весенний', суаб (< суаваб, ср. кув. суавны, к.-з. сулавны) бторын 'стоит на улице', см. также: пыраин 'ты заходил', из вбб 'не были', пукабма 'сидел', снб 'ей, ему', коб 'надо', чегвай 'я сломал', коасб 'в промежуток', гнжыас 'поцарапает', пыраншти 'заходила я на минутку', вынн 'высокий, наверху', жутаб 'ломается', таун 'сегодня' и др.

Подобные же случаи встречаются в доеговском: в в интервокальном положении в большинстве случаев выпадает или переходит в нуль звука. Примеры: коб (< ковб) корны 'надо просить', ась сайкаб (< сайкавб) 'пусть остынет', мбснм кнб (< кнвб) уксис 'слишню наша корова замычала', косяб (< косявб) и сераб (< серавб) 'рвет и смеется', ме петаа (< петава) 'я выйду' и т.п.; в аксеновском в большинстве случаев звук в также выпадает, например: таун (< та-вун) 'сегодня', муннн коб (< ковб) 'надо идти', шкоаб (< шковаб) 'в школу', туйвас эд куан (< куван) 'в дороге ведь умрешь', чир бшаас (< бшавас) тшнвас 'топор можно повесить на дым', уктаис (< уктавис) 'напоил он', вуджаам миянтб 'сходим (буков. перейдем) к нам', нобб (< новбб) годбн 'во время нового года' и т.п., но: кув^а - кав^а 'ляв-ляв', ветвы кинбвб 'сходи в кино', йивын 'на льду', дак кыва 'так слышу', поні пбшсьывынн (< пбшсьыввынны - лит. пбшсьыв-лыны) 'начал я делать теплые ванны', давай, кнчбвина, отакасб 'отаву-то'. В и его аллофон в^б сохраняются лишь в отдельных случаях: в изобразительных словах (кув^а = кав^а), во внешнеместных падежных суффиксах с основой на гласную (йивын < йиввын 'на льду', кинбвб < кинбвбвб 'в кино'); в глаголах многократного вида (пбшсьывынн < пбшсьыввынны) и в некоторых русских заимствованиях (давай, кнчбвина, отава).

В крохалевском в интервокальном положении в в большинстве случаев сохраняется: ваивис 'он привозил', этб ведзавб 'не отпустили мы', жива 'жила', вывись кнббтис 'сверху унесло потоком', от ветвынн 'не хожу', эз мбд вбввынн да вббб жб 'не хотел он приходить, да приходит же' и др., но: вартвыис (< вартвыис)

'избивал он', о́го о́бсьтѣ ме сѣись (< сѣвись) 'мы у него не возъ-
мем', лис мѣчѣис (< мѣчѣвис) 'лист он показал', чѣис сѣ пукаѣ
(< пукавѣ) 'чай все еще стоит', миандын ѡис (< ѡвис) 'у нас он
жил', изѣ пѣраѣ (< пѣравѣ) 'не заходили' и т.п.

В среднеиньвенском говоре звук в между гласными переходит в ф звука, т.е. выпадает: уджафны, вофмась вофры 'работают, были в лесу', оз узфвын 'не спит', ме шогая 'я болею', мий^а ниф 'что им', ризыф-сераф 'посмеивается', шфрай 'скроил я', таф 'в этом году', сффын 'поют' и др.; лишь изредка встречаются случаи сохранения в между гласными: кок йывас 'на ногах', вевай 'научилась я', чавфифсф 'сивые', что свидетельствует о том, что процесс выпадения в в интервокальном положении еще не завершился, но он является уже господствующим.

В федоровском говоре звук в между гласными выпадает: куа́к и́жда 'величиной с кулак', шога́и и́шб 'я болел еще', ко́б 'ну́жно', тао́ 'в этом году', адзэ́нб 'видится', рядом о́ам 'рядом живем' и т.д., но: си́а черчичи́чви́с 'он иногда чертил (больных)', во́сьяв о́ 'подко-дит', пи́в о́сб сорва́вни по́на 'пиво-то помешаю', мо́ртовой боле́зь 'бо-лезнь от колдовства'; случаи сохранения в в интервокальной по-зиции также редки. В мелухинском говоре в в большинстве случаев выпадает: паська́ом 'расширился', тата́ра о́бмась 'татары жили', ви́сьтаа́ 'скажу', мо́ді ве́стни 'я хотел выучить', у́ись 'снизу', и́ись 'издалека', но: адзэ́йв и 'я видела', и́во́к 'молочко', уна́ваб 'во многие места' и др. В верх-юсвинском говоре в между глас-ными также чаще всего выпадает: та́льни ко́б (< ковб) 'утрамбовать нужно', э́тыдз во́и (< воби) 'так было', те́нт эд ви́сьта́о́ни 'тебе ведь говорят', лбо́мсб че́гва́о́мась 'черемуху заломали', ми́б о́и́мб (< овимб) 'мы жили', и́и́сь (< и́ивись) гу́сяис (< гусявис) 'у них он выкрал' и др., но: ве́шты́ни ко́вб 'сдвинуть надо', се́т си́вб 'от-дай ему', кы́мб о́мбн су́ваб 'кругом тучи'; в верхиньвенском говоре то же: и́и́бн (< и́ивбн) 'у них, их', вы́и́н (< ивыи́н) 'высоко', и́и́'ис (< и́ивис) 'вершина-то', пы́маисб (< пы́маивисб) 'вспотели', во́бм (< воббм) пу́ж 'был иней', ви́сьтаа́ (< ви́сьтава) та́й 'говорю же', по́тоо́ксинь 'с потолка', ко́б о́и (< ковб о́и) 'нужно о́и', и́и́н (< и́иви́н) му́на́и́нс 'дальняя дорога', ма́о-де́о (< мало-дело) и т.д., но ср.: э́г вайвэ́йвб 'не приносили мы', се́таво́ни 'дают, раз-дают', до́ва́ис 'вдова-то', ро́зово́йбн 'розовым', вы́в и́и́н бо́ль-ни́цаа́с 'вверху, в больнице', то чи́сто уджа́в о́ 'вот все рабо-тают' и др.

В самковском говоре в интервокальном положении в 2/3 случаях я переходит в нуль звука, например: тракторѡн удѡѡ (< удѡѡѡ) 'на тракторе работает', ѡткоѡѡ пѡсьѡѡѡ (< пѡсьѡѡѡѡ) 'одинаково оделись мы', рѡѡѡн шѡѡѡѡ (< шѡѡѡѡѡ) 'я раком болела', ѡрѡѡѡѡ

эмось 'В школе имеются', Пововиккез вбвисо 'Половики были', Воннэз вббмась 'Братья были', Ме сьывим 'Мы пели', Бббаво пб бббав (< бббаво) 'Говорят, балуется, балуется' и др., но: оградаас чапкаа (< чапкава) 'в ограде сброшу', миськаи (< миськави) да вочи 'выстирала я и залатала', эт кузёчка тай петабма (< петабма) 'вот такие малюсенькие взошли'.

Таково же положение в данной позиции и в ошибском говоре: примерно в 40% случаев в переходит в нуль звука (т.е. выпадает), в остальных случаях в сохраняется и выступает либо в основном варианте (в), либо в своем слабом варианте (в'), ср.: ныис (< нывис) горзо 'дочь-то плачет', кыскаан (< кыскаван) 'таскаешь, возишь', чуваис (< чувавис) 'прошло', пуксьём (< пуксьёвём) 'он сажился', орсяём 'нагноилось', коб (< ковб) босьны 'надо купить' и др., но: кастьёас 'вспомнит', зонкаво 'мальчику', койкавас 'на кровати', вбсаяв 'подходит', адзэивём 'увидел он', унавасянь 'из многих мест', мий ковб 'что нужно' и др.

В егоровском в интервокальном положении в чаще всего выпадает, в остальных случаях сохраняется или выступает в варианте в', например: вббм 'был он', чуаём 'прошло', поучитви 'я получила', уё во-тяё 'капает', таун 'сегодня', шонавб 'нагревается', ыв'ниось 'далеко находятся', пырав'а 'зайду', деньгавб уджаёны 'на деньги работают', Девинёт 'через Девино'; ср. в лопанском: тыдаб (< тыдавб) 'виднеется', туыссиянь (< тувыссиянь) 'с весны', кынмаис (< кынма-вис) 'он простудился', мыччаа (< мыччава) 'покажу', таун (< та-вун) 'сегодня', но: кальчав'а (< каличава) 'запру на крючок', ме вбв'и 'я был', ов'ис 'он жил', ывисянь 'издалека', вевб'чи 'я учил-ся', деветь 'девять' и др.

В мелехинском в между гласными выпадает (примерно в 60% случаев), в остальных случаях — сохраняется, например: зэнт вбб 'было трудно (туго)', аграномыс нбджаис 'агроном смотрел', вон сьён 'брат его', шкоа бббрас 'за школой', Зояись бббьтамб 'берем у Зои' и т.д., но: абу ывын 'не далеко', серавб 'смеется', сиа уджавб 'она работает', веччывб часто 'приходит часто' и др.; в хайдукском говоре в данной позиции в большинстве случаев звук в также выпадает, ср.: сэтён тово 'тут вот что', Юсывайивис 'Верховье Юсвы', сь лынн и овб 'у него и живет', Савинаас 'в Савино-то', но: коб (< ковб) 'нужен', миськаис (< миськавис) 'она вымыла', бур ган (< ован) кошёны 'хорошую жизнь ищут', туун (< тулуун), ме вббимб (< вббимб) 'мы были' и т.п.

Таким образом, в интервокальном положении в и его вариант в' чаще всего сохраняются в азовском, крохалевском, деминском, кувинском и ошибском говорах.

Названные говоры данного наречия относятся к числу периферийных. Эта особенность (периферийность) была отмечена и А.С.Кривошековой-Гантман. Она пишет, что "чаще всего в в середине слова между гласными употребляется в говорах, распространенных по соседству с д-диалектами коми-пермяцкого языка или с русским языком, например, на территории бывших Ёгвинского и Верх-Инъвенского ведомств Строгановской вотчины. Верх-инъвенцы и Ёгвинцы говорят: мавава 'глазу (по голове)', стововой 'столовая', керава 'рублю',²⁰. Наши наблюдения показывают, что теперь и на этой территории в интервокальном положении звук в выпадает.

Почти во всех говорах выявляются отдельные слова, в которых звук в встречается как вставной звук. Приведем примеры из ряда говоров: тук. радивос 'радио-то', ювнѝ < юны 'пить'; кув. чай-тѝ ювѝ 'чай-то пьет'; ош. каравулитѝ < караулитѝ 'я караулил' и пѝ-вис < пѝис 'сварил он'; лоп. ювисѝ 'пили', чѝскыт юваныс 'вкусный напиток' и др. (см. также стр. 41).

В русских заимствованиях всех южных взовых диалектов д также отсутствует, т.е. заменяется звуком в, который претерпевает в разных позициях те же изменения, что и в исконных словах. Ср.: доег. коукоз 'колкиз', свабнник 'слабенький', своо 'слово' и др.; куд. поу 'пол', шкоа 'школа', квасс 'класс'; бел. сваа 'слава', кав'ат 'халат', заод 'завод', кузоу 'кузов' и др. и т.п.

Диалекты и говоры северного наречия, в отличие от южных (взовых) диалектов, характеризуются наличием звука д (твердого). Звук д встречается во всех позициях: в начале, в середине и на конце слова: а) б.-к. док 'иди', кулан 'умрешь', нѝлна 'мало', одѝрлун 'позавчера', оз адззыл 'не увидит' и др.; б) коч. лудык 'клоп', кѝлья 'сноха', пырал 'заходи', ыллаас 'на улице' и т.п.; в) н.-к. локтѝм 'мы пришли', чѝглал 'ломай', начкылы 'зарезать', кыдз олат? 'как поживаете?', оз кыл 'не слышит' и др.; г) лев.: ѝз ло 'не стало', сѝблѝм 'сердце', пѝлзис 'испугался', ѝз вѝл 'не был он' и др.; д) пукс. ог лѝсѝтѝ 'не смею', ог одсал 'не помогаю', ондлаѝт 'повсюду', палжы 'полдник', ылѝджык 'подальше' и т.д.; е) чур. ѝнѝ лѝсис 'сейчас случилось', ѝлны 'жить', ѝтлаы 'вместе', ылі 'далеко', ыѝл 'молоко' и т.п.; ж) ис. уджалѝ 'работает', тулда 'оцепенел', уна и шуллис 'много и наговорил он', оз тыдал 'не видно' и т.д.; з) гаин. лун-лун 'день-деньской', оз и пыралы 'и не заходит', висѝталѝ 'сказал я', он пол 'не боишься' и др.; и) мыс. док 'иди сюда', жарѝл 'жарковато', ѝн нѝллы 'не носи', вѝл 'конь', кѝсиисѝ вѝтлы 'обещались сходить' и т.п.

²⁰ Гантман. О переходе д в в и чередовании в с нулем звука, 213.

к) в.-л. муна вала 'иду за водой', вилти по́лѡ 'очень боится', мий-де нѡ эн локлѣ? 'почему не приходил ты?' и др.

Звук в в коми-пермяцких словах встречается лишь в начале слова:

а) б.-к. вѡчѡччин 'ты принарядился', вѡис 'он утонул', вѣшны 'подвинься', водж 'ветка, ответвление'; б) коч. вѣрма 'могу', вай 'принеси', ва 'вода', вѣжѡсь 'желтые' и т.д.; в) н.-к. важнѣ 'давно', вѣтла 'схожу', вѣлѡччѡ 'учится' и т.д.; г) лев. вѡчисѡ 'ремонтировали', вѡззисѡ 'насылается', видзѡт 'смотри', вѡлись 'потом' и др.; д) пукс. виччисяс 'подождет', вѡрѡт 'по лесу', велт 'покрышка', оз вѡрччы 'не молотится' и др.; е) чур. вѡриѣз 'леса', вѡдны 'прилечь, лечь', видззѣзнс 'луга-то' и др.; ж) гаин. вѡсѡтѣ 'полол я', вѣшьннѣс 'бровки', вѡллі 'бывало', вунѣштѣс 'срезал он' и др.; з) ис. виж 'желтый', вилѣ 'новый', ва 'вода'; и) мнс. висѡбны 'болеют', вѡклѡн 'у брата', вѡл 'конь'; к) в.-л. от вѡч-кал 'не наказываю', муна вала 'иду за водой', вок 'брат', велтѣ 'крыша' и т.д.

Звук в в середине слова встречается в следующих случаях: 1) в начале второго компонента сложного слова: б.-к. синва (< син + ва 'глаз + вода') 'слеза'; коч. таву (< та + ву, ср. к.-и. таво, к.-з. та - краткая форма от тайѡ 'этот, такой', во 'год', таво 'этот год, нынешний год'. - См. Коми-русс. словарь. М., 1961), сѣрва (топон.), лысва 'роса'; пел. Оно́лва, Кѡсвалас 'на Косе'; н.-к. вотьва 'дождевая вода'; лев. вѡжѣва, вѡльвил 'название места'; пукс. таву и таво 'в этом году'; гаин. сѣрва 'отбросы от пива'; ис. таво и та́ло 'в этом году'; мнс. вотьва 'дождевая вода'; в.-л. гѡгѡрвоам 'понимаем'. В подобных сложных словах (второй компонент которых имеет или имел звук в) в ряде диалектов на месте в появляется л под влиянием "закономерности" - отсутствия звука в в середине слова, ср.: б.-к. кунлатѡгъяс (ср. к.-з. кунва) 'без щелока'; коч. та́ло (ср. к.-з. таво) ѣз лесуйт 'в этом году он не охотился'; пукс. та́ло чѡрѡтѡ 'в этом году убивает молнией'; гаин. та́ло 'в этом году'; ис. та́ло; мнс. та́лосяс 'этого года'. Вероятно, это является признаком перехода сложного слова в простое.

2) В относительных прилагательных с русским заимствованным суффиксом. -ѡвѡй (-ѡвѡй, -ѡй, -ѡвай): в б.-к. дѡраѡвѡй 'из холста', ѣтаѡвѡй 'из этого...', вайѡтѡмѡвѡйѡсь 'привезенные', чилькѡтѡмѡвѡйс 'надоенное-то'; в коч. лѣнѡвѡй 'из льна, льняной', дѡраѡвѡйсѡ 'из холста-то'; но: ѡрѡвѡлѡй 'из осенних', важѡлѡй 'из старья, из старого'; лев. нѣлкаѡвѡй нѣл 'старая дева'; пукс. вилѡвѡй 'новый', плакаѡвѡй 'из плахи', бараѡвѡй 'барачного типа', куканѡвѡй 'телятина', ѡсяѡвѡй 'яровой', шѡгдѣвѡй 'шеничный', дѡравѡй 'из холста', мыжѡкѡвѡй 'мужчина, из мужского рода'. Итак, в пуксибском говоре суффикс относительных прилагательных употреб-

'в канаве-то', дерёшняэз 'деревни'; чур. сёлсём 'совсем', дерёшня 'деревня'; гаин.: дерёшняэсö 'деревни-то'; ис. во́лсе оз кол 'вовсе не нужно', трелóжитö жö 'тревожит же'; мнс. сёлскöй солэт 'сельский совет', гöдöл пять 'годов пять'; в.-л. картöлка 'картошка', кóмлата 'диал. комвата', кóлта 'ковта', та солсём беспутнэй 'ты совсем непутевый (беспутный)'.

Представляют определенный интерес случаи замены звука в начала слова звуком д в исконных словах: б.-к. лаас (< ваас ср. к.-з. ва) пыр 'заходи в воду', лудö = зубыт (< вудö, ср. нерд. вудö) 'чешется = больно'; коч. гöтов лöззын (< вöзынн, ср. к.-з. вöзынн) 'готов навязать'; см. также: ась лöззö 'пусть навязывается', нöбс луг 'дверная ручка'; пел. таччö лöллис 'сюда приходил'; пукс. лундамö ни 'уже жнем'; чур. лошиччöм нёлна 'немного помялось и запачкалось'; ис. лазгöм задас 'ударил он по заду' и др. Следовательно, видимо, имеется какая-то тенденция к дальнейшему сужению позиций согласного звука в, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

Необходимо отметить, что звук д изредка встречается и как вставочный звук, например: б.-к. пүламö ужн 'сварим ужин'; коч. пүлöма 'он сварил'; в.-л. ачым пэ шула 'говорит, сам скажу' и др.

В самом северном диалекте, в верх-лупьинском, встречается л (среднеевропейское), напоминающее коми-зырянское л (твердое). Приведем примеры: лок-лок 'иди-иди (сюда)', локы1 'приходи, походи-вай', öзö лэдзö лүпьят 'не пускают в Лупью-то', лүнын 'днем', вёлалисö 'привыкли', лöгасис 'рассердился', шүлlic-шүлlic 'ворчал-ворчал', ме эг вöшталö 'мы не потеряли', ог лысь 'не смею', гыля-ли 'полоскал я', сүлчис 'он остановился'.

Звук л встречается не только в исконных словах, но и в русских заимствованиях: кóлта вм. ковта 'кофта', сёлсём 'совсем', картöлкатö пöди он бось? 'картошку-то, наверно, не возьмешь?' и др.

Наряду со звуком л (у одного и того же информанта) употребляется л (твердый), причем последний занимает более широкие позиции. В употреблении звука л никакой закономерности установить не удалось, он употребляется как вариант фонемы л.

Выше мы отмечали, что сильной позицией звука в является начало слова. В середине слова он встречается лишь в сложных словах, в заимствованиях и в ряде слов как вставочный звук, причем его позиции не устойчивы: один и тот же носитель диалекта может произнести то или иное слово со вставочным звуком или без него, например: ювö и юö 'он пьет', шүвис и шүö 'сказал и говорит', пүвис 'сварила она' и т.п. Следует подчеркнуть, что, вообще, положение вставочных звуков в коми-пермяцких диалектах очень неустойчивое:

это звуковое явление — пережиточное (см. об этом ниже). В коми-зырянском языке (и в его диалектах) оно распространено значительно шире²¹.

Звук в в единичных случаях (в некоторых говорах) встречается и в середине слова. Приведем все примеры, имеющиеся в нашем распоряжении: б.-к. пинь не сеява́ет 'зуб не имеет', киновна 'как по отчеству (она)'; н.-к. чувиз прыс 'нежданно зашел'; лев. ловья 'живой', шварья эти́н 'тру этим', швыч горто́дзис ну́отис 'мигом он увел домой (к себе)', тёв-тёв терло́ны 'курлычут', чив-чив керло́ 'чирикает'; гаин. швал 'шишка (вздутие)', только́ шавго́ччис 'лишь шамкал он'; мис. кватъ 'шесть'; в.-л. швалья 'бугристый', швырѓмат 'ты отбросил, оказывается'; часть из этих слов являются звукоподражательными.

Имеются случаи, когда звуки л и в в положении между гласными выпадают, например в б.-к.: суа́лыш (ср. нердв. сула́лыш; к.-з. сула́лышт) 'постой', кура́ис (ср. оньк. кура́лис) 'собрал'; см. также в заимствованиях из русского языка: тороо 'второго', четы́ртоо 'четвертого'; ис. сьчетоода́лис (л. счетовода́лис) 'работал счетоводом' и др.

К зловым диалектам относятся также два диалекта южного наречия — оньковский и нердвинский, функционирующие на юго-востоке и в южной части Коми-Пермяцкого национального округа.

Как и в других л-овых диалектах, в оньковском диалекте фонема л встречается во всех позициях: в начале (ло́дз 'овод'), в середине (ко́ло 'надо', кинло́ 'кому', мы́кыл 'ум, сознание') и в конце слова (кыл 'язык', ви́зыл 'быстрый'). В названных позициях имеет место сохранение исконного л. Но звук л появляется и на месте исконного в в начале второго компонента в следующих сложных словах: Ны́тлао́ (л. Нытвао́ < Ныт-ва; второй компонент сложного слова ва употребляется в значении 'река, вода') 'в Нытву', ср. также: По́жлао́ (л. По́жва) 'в По́жву', Ку́лао́ (л. Кувао́) 'в Ку́ву', синла́ (л. синва́) 'слеза (дословно глазная вода)', не́лажын (л. не́важын) 'недавно', во́тыла́ (л. во́тыва́) 'дождевая вода', се́рла́ (л. се́рва́) 'отходы от пива', ку́нла́ (л. ку́нва́) 'шелок', но: Ю́сьва 'р. и село Юсьва', Иньва́ (р. Иньва). Заметим, что слова — синла́, не́лажын, во́тыла́, ку́нла́ могут употребляться и со звуком в: синва́, не́важын, во́тыва́, ку́нва́. Особой закономерности в употреблении звука л на месте в в начале второго компонента сложного слова в данном диалекте нам не удалось установить. Здесь проявляется тенденция к замене в фонемой л везде и всюду, как это происходит в иньвенском диалекте, где наоборот, фонема в вытеснила л.

²¹Лытк. Ист. грамм., 79-81.

Очевидно, в оньковском диалекте происходит фонетический процесс противоположного характера: звук в вытесняется фонемой л. Об этом свидетельствуют и русские заимствования, в которых под влиянием фонетической системы диалекта в передается через л, ср.: ты́кла < тыква; лот < вот 'вот', прад < прав, толариш < товариш, прадда < правда и др. Но в большинстве случаев в в русских заимствованиях сохраняется под влиянием местного русского говора.

Заметим, что звук в в силу традиции в речи оньковцев встречается еще в исконных словах, главным образом в начале слова и реже в середине слова. Примеры: важ 'старый', важын 'давно', висьны 'болеть', вѳт 'сон', вѳччын(ы) 'гнаться' и др. Но в этих же словах оньковцы могут произнести звук л вместо в: лаж, лажын, лисьны, лѳт, лѳччын(ы). При этом приведенные слова по своему значению не противопоставляются. Ср.: лон и вон 'тут это', лоштын(ы) и воштын 'девать, потерять', ломдзалны и вомдзалны 'сглазить' и т.п. Данные диалекта показывают, что звук в утратил смысловозначительную функцию и употребляется в качестве варианта фонемы л.

Таким образом, выявляется новый тип диалектов – безвзвовой: поскольку отличительной чертой оньковского диалекта является отсутствие фонемы в. Этим он отличается от всех остальных диалектов коми-пермяцкого и близкородственного коми-зырянского языков.

Фонема л появляется и на месте исконного в и в начале слова: лѳзийс < вѳзийс 'он навязывал', лоштіс < воштіс 'он дел, потерял', ліччисям < віччисям 'ждем', са лажын ни абуьс 'его уже давно нет' и др. л встречается и в качестве вставочного звука для устранения зияния между гласными, ср.: нулѳтны < нуѳтны 'унести', пулас < пуас 'сварит', клям 'выпьем', шулны < шуны 'сказать, молвить' и др.

Конечно, хотя и незначительное, но какое-то влияние оказывают и соседи – носители нижнеиньвенских (нуль-аловых) диалектов. Весьма возможно, что смешение л с в – вполне закономерное явление на стадии исчезновения последнего, уже утратившего свою фонематичность. Чередование л с в оньковскому диалекту не свойственно.

В диалекте имеются случаи колебания в употреблении фонемы л. Изредка на месте л в речи носителей диалекта появляется звук в: вѳтам 'ходим', миськавны 'мыть', вок 'иди', повиккес 'половики' и др., вместо ожидаемых: вѳтлѳтам, миськалны, лок, половиккес и др.

Смешение л с в, по-видимому, было характерно и для исчезнувшего приусольского диалекта, занимавшего территорию между Онями и Чердынью. Это подтверждают данные усольского русско-пермяцкого словаря 1848 г.²² Примеры: куйлы и куйвы 'я пролежал', пиняви и пи-

²² См. Р.М. Б а т а л о в а. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII-XIX вв. – ВФУЯ. М., 1966, 110-122.

няли 'я боронил', кыл и кыв 'язык' и др. По мнению Б.А.Серебренникова, данное фонетическое явление можно отнести к так называемой вибрации, когда на определенной территории (в "зоне вибрации") существуют старые и новые явления.²³

Имеются случаи выпадения л в интервокальной позиции. Ср.: вѡи и вѡлі 'он был', сѣтай и сѣталі 'я раздала', коис и кѡліс 'нужно было' и др. Имеет место также переход л в ў: соў и сод 'соль', из вѡў и из вѡл 'не был он' и др. Смещение л с в, выпадение л и ослабление его на конце слова (л > ў - у неслоговое) стали возможными, вероятно, потому, что они близки по артикуляции и оба имеют довольно слабый смык (затвор). Заметим, что соседние русские говоры характеризуются также наличием звуков л и в с ослабленной артикуляцией.

По употреблению звука л нердвинский диалект имеет большое сходство с оньковским и северными диалектами. Звук л встречается во всех позициях: в начале слова (лѡктим 'мы приехали', тѣтшѡм лѡис 'таким стал'), в середине (кѡлѡ 'нужно', ѡлны 'жить', лѡрда 'иногда паху') и на конце слова (чѡл-чѡл 'тише-тише').

Однако звук в встречается в начале слова, поскольку эта позиция для в является сильной. Например: вѡлі 'он был', вѣшѣн 'брюки', вижѡтисѡ 'пожелтели', оз вежѡрт 'не понимает', вѡтласѡ мѣнѡ 'выгонят меня' и т.д. В на конце слова в исконных словах не встречается. Позиции середины слова для в также не свойственны. Ср. с литературным: кѡлны (л. кѡвны) 'слышать', сѡллі (л. сѡвлі) 'я пел иногда' и др. В в середине слова в нердвинском диалекте встречается лишь в качестве вставочного звука (кѡвалѡ < кѡлѡ 'спрашивает', сувалѡ < суалѡ < сулалѡ 'стоит', дѣсѣть раз кѡвалліс 'раз десять спросил', оз вермы лѡвалннытѡ < лѡвалннытѡ < лѡлалннытѡ 'дышать-то', каравулиті < караўлиті 'караулил я' и др.) и в русских заимствованиях (во всех позициях): ѡбщество, ѡдва 'едва', сіа шѡдра, карявая, 'она карявая', звониті 'позвонил я', годов дѣсятѡк 'годов десять' и т.д., но: литрол пять тѡрѡ 'объем пять литров'.

В диалекте встречаются единичные случаи перехода в > л: кѡчѡ лоштисѣн? (< воштисѣн) 'куда денешься?', удѣрлу < удерву 'в позапрошлом году', тѡло < таво 'в этом году'. Изредка встречаются и случаи выпадения л и в в интервокальной позиции: суалны 'стоять', лѡалны 'дышать', серѡнѡ < серовно 'все равно', дѡстѡил ѡй 'доставил мяса', пѣрѣлѣно 'правильно'.

По употреблению звуков в и л верхнекамское наречие²⁴ имеет сходство с диалектами северного наречия, в которых звук в встре-

²³ Общее языкознание, т.3, стр.96.

²⁴ Н е ч а е в. Характеристика эздинского диалекта.; Лытк. Ист. грамм., 60-61.

чается лишь в начале слова, ср.: вёлѡдѡ 'учит', велала 'понимаю', вѡзйисѡ де 'насылается де', вѣтліс 'сходил он', важнѡ абы 'давно нет', вйѡк 'маслице', вѣм 'есть, имеется', вѣхнѡд 'узкий', воллі 'я приходила' и т.п. В в середине слова в этом наречии встречается в русских заимствованиях: бессѡвеснѡй, канавалѡн оліс 'был он коновалом', Иван, навѣрно, давлѣніѣ, золѡвка, цветѡвник 'цветник', тѡва-рыш, половичаз 'половицы', автѡбѡсѡн 'на автобусе' и др., в коми словах: таво 'в этом году', ѡвѡлтыштѡ 'я кинула' и др. На конце слова в также появляется лишь в русских заимствованиях: шестѣ часѡв, Тѡров (Киров), вѡсемсят киломѣтров и др.

Звук л в говорах этого наречия встречается очень широко, во всех позициях: а) л в начале слова: оз лысь 'не посмеет', лѡктасѡ 'придут', ланѣччыштѡ 'я заснула'. Мый лѡгасин? 'Почему сердиться?' и др.; б) л в середине слова: вѡлі 'был(а)', от вѣтлы 'не схожу', сѡлтѡтѡ 'я поставил(а)', кералны 'рубить', талун асылнас 'сегодня утром', дзал кѡсяліс 'раз порвал', ѡѡѡдлан 'обманиваешь', тѡлѡнт 'всю зиму', гѡрлын 'на печке' и т.д.; в) л на конце слова: эн усял 'не падай', эз и вѡл 'и не был он', оз кол 'не нужно', уджал да ол 'работай и живи', ѡльсал 'постели' и т.д.

Звук л встречается на месте в в некоторых русских заимствованиях. солсем < совсем, ѡлѡкія 'Евдокия', каналѡ дорас 'на краю канавы', до десяті часѡл (< часов) и др.

Последствия утраты фонемы л

Фонетическое явление утраты фонемы л в вѡвых диалектах привело к изменениям не только в фонологической системе этих диалектов, но и явилось одним из условий перестройки падежной системы. Прежде всего это касается изменения фонетического облика серийных послелогов с основой на выл-.²⁵ Из-за выпадения интервокального в эти послелогои трансформировались в падежные окончания,²⁶ ср.:

К.-п. лит.

Южное наречие

ѡшын вылын 'на окне',

вывѡ'ын > выын > вын: ѡшынвын

ѡшын вылѡ 'на окно'

вывѡ'ѡ > выѡ > вѡ: ѡшынвѡ

ѡшын вылісь 'с окна'

вывѡ'ісь > выись > вись: ѡшынвись

ѡшын вылѡт 'по окну'

вывѡ'ѡть > выѡть > вѡть: ѡшынвѡть

ѡшын вылѡдз 'до поверхности окна'

вывѡ'ѡдз > выѡдз > вѡдз: ѡшынвѡдз

²⁵ Гантман. О некот. особен. инъв. диал.

²⁶ Р.М. Б а т а л о в а. Роль периферийных диалектов в изучении истории развития языка (на материале коми-пермяцкого и коми-зырянского языков). - ВФУЯ. Саранск, 1972, стр.106-108.

В результате этого возникла новая группа падежей, которую мы называем внешнеместными (см. стр. 136-138).

Аналогичное явление — разрушение системы серийных послелогов с основой на выл- характерно и для аловых диалектов: оньковскому и нердвинскому южного наречия и всем северным диалектам, в том числе и верхнекамским говорам. Ни в одном диалекте в целом система послелогов с основой на выл- не сохранилась: в одних эти послелогии полностью перешли в падежные окончания (как и в южных диалектах); в других — послелогии вылын, вылѵ, вылись, вылѵт и вылѵдз продолжают употребляться наряду с сокращенными (падежными и падежеобразными) формами. Ср. примеры из исаевского говора: врачлын ся сила букв. 'на враче вся сила', тракторлѵ пуксьѵ 'на трактор садится', видзылас 'на лугу', пѵчталын 'на почте', пуксьѵѵѵма машинанлѵ 'он посадил на машину', но: токо пизь вылѵ мем колѵ 'мне только на муку нужно'.

Выпадение звука в между гласными в диалектах южного наречия отразилось на структуре некоторых суффиксов, содержащих в: лит. косялѵ — иньв. косяѵ < косяѵѵ 'рвет', лит. ветлѵвлѵ — иньв. ветвын 'ходи, навещай', лит. казьтѵвлѵма — иньв. касьтѵѵѵма и касьтѵѵма 'он вспоминал', лит. кѵзовѵй — иньв. кѵзѵѵй, кѵзѵѵ 'еловый', пѵѵѵѵѵй — иньв. пѵѵѵѵй, пѵѵѵѵ 'деревянный' и др.

Выпадение звука в в интервокальном положении явилось одной из причин появления стечения гласных. Ср. сев. пѵла 'боюсь', лѵлалѵ 'дышит', малалѵ 'гладит (кошку)', тѵлѵсь 'луна'; южн. соответственно пѵа, воаѵ, мааа, тѵсь и др. Появление новой закономерности — стечения двух и более гласных звуков исключает возможность употребления вставочных звуков (например, в и й) между гласными. Примеры: кѵас 'в его (ее) руке', шѵим 'мы сказали', кѵись 'с руки', сѵись 'из волоска' и др. Произношение кѵйас, шѵйим не характерно для современных коми-пермяцких диалектов²⁷.

Звук й не произносится в корне слова, ср.: лит. вайс 'принес', вѵйс 'убил', кѵйс 'разбросал'; диал. вайс, вѵйс, кѵйс и т.д.

Звук й выпадает между гласными повсеместно, как в диалектах и говорах южного наречия, так и северного (см. стр. 48).

К вопросу о выпадении интервокальных согласных

Явление выпадения интервокальных согласных встречается в целом ряде языков. "Выпадение интервокального согласного обычно явля-

²⁷ Вставка й между гласными, по-видимому, имеет место в некоторых коми-зырянских диалектах (см. Совр. к. яз., 55).

ется следствием ослабления согласных"²⁸. Ослабление и выпадение может охватывать или значительную часть согласных, или лишь небольшое количество последних. "Оно может идти широким фронтом", и в этом случае проявляется как фонетический закон, но он может ограничиваться только отдельными случаями, наиболее часто употребляемыми в разговоре слов. "С наибольшей легкостью исчезают звуки, соединяющие в себе качества, как сонорных, так и фрикативных: [й], [ј] и [в], [в']..." Как отметила Г.А.Баринова, в русском языке "выпадают в основном согласные, близкие к гласным (по артикуляции и звучанию): звонкие и сонорные – по звучности, фрикативные – по открытости"²⁹. Это положение Г.А.Бариновой вполне применимо к языку коми-пермяков, в диалектах которого большое место занимают случаи ослабления и выпадения звуков в и й.

С у д ъ а з в у к а й в д и а л е к т а х .

Звук й встречается во всех позициях: в начале, середине и на конце слова: йол 'молоко', йир 'омут', кай 'птица', вайны 'принести', тѳйны 'зимовать' и т.п. Наиболее уязвимым местом для й является позиция между гласными: он выпал во всех диалектах в интервокальном положении, ср. лев. мѳйсь мѳй (к.-з. мѳйсь) 'если что', вѳйсь (к.-з. вѳйсь) 'убили'; пукс. вайс (к.-з. вайи) 'принес'; б.-к. ѳтѳк вѳйс (к.-з. вѳйи) 'один утонул'; ис. пенсия (ср. русск. пенсия), вѳйс (к.-з. вѳйи 'он убил' и др.; в.-к. чѳри вайс (л. вайис) 'рыбу он принес', кѳин сѳйс (л. сѳйис) 'волк съел', а мѳйсь (л. мѳйсь) сѳа (л. сѳа) давѳенѳ доѳ? 'а от чего давление появляется?' кайм да кайм (л. кайм) 'поднимались мы да поднимались', пон сѳѳ (л. сѳѳ) вѳйс (л. вѳйис) 'собака его убила' и др.; онѳк. мѳйсь и мѳйсь? 'отчего?' кѳйс 'ловил он' и др.; аз. тѳн кѳйс 'вчера ловил он', сѳйс нѳ 'он съел уже', кѳйс 'он разбросал' и др.; тук. ме кайм-а 'мы пришли-а', тѳн вайс 'вчера принес он', сѳа 'он' и др.; тим. дѳѳгванѳсь (< доегванѳсь) 'с доеговской стороны', кѳйм роно 'как будто мы поймали', зѳткайсь (< зѳткайсь) 'из Зиткай', вѳйсь 'убили' и др.; доег. вѳйс 'утонул он', кѳйс 'он разбросал', сѳйс 'он съел', вайс 'он принес', вай 'я принес', кайс 'он поднялся', кѳйс 'он ловил', мѳѳ 'мы', тѳѳ 'вы', сѳа 'он' и др.; акс. сѳа сѳк тѳат 'он тогда твой', прѳмиаѳз 'премии', сѳтеч вайсь 'ситец привезли', порѳсьпѳаннѳсь верд 'поросят накорми', ме застѳйтѳи – кайс 'я заставил – он пошел' и др.; крох. мѳам (< мѳей-ам) чѳаййс 'мой чай-то', нѳнѳ сѳѳи (< сѳѳи) 'хлеба я поел', нѳа.

²⁸ Г.А. Баринова. Редукция и выпадение интервокальных согласных, стр.118.

²⁹ Там же, стр. 120.

(< нийя) оз веритѹ 'не верят', сія и виис (< вийис) да 'он и убил да', каи (< кайи) лѣнваас 'поехал я в Лѣнву' и др.; ср.-и. гортѹ кайс 'домой он пришел', быдѹс сѣис 'все он съел', таун ваис 'сегодня он принес' и др.; в.-ю. сія миан припшас 'он от нас уйдет', ваис кикѹ 'он принес двоих', виисѹ войнавун 'убили на войне', тиан койс 'вам нужно было' и др.; в.-и. пизѣк ваис 'муки немного он принес', кѹтъ кин сѹ шѹѹ 'все так говорят', ѣчѹ мѹѹ важнн ни салич-чам 'здесь мы много лет уже садим', тѹн чери кийс 'вчера он рыбу ловил' и др.; самк. куймѹ ваис 'троих она родила', кикѹн каймѹ 'мы вдвоем пришли', сѹѹн жѹ болънас 'той же болезнью', тиан 'ваш', операѳия, кыкисъ виис 'два раза выстрелил он' и др.; дѣм. лѹѹм-тоисъ (< тойисъ) кувисѹ 'умерли от энцефалита', ми сѣим 'мы ели', кенакѹ ваис 'жена моего брата принесла' и др.; куд. тѹн ваисѹ 'вчера принесли', бѹра кайс 'хорошо он поднялся', мѹѹ 'мы' и др.; от. и бел. войнанас виисѹ 'в войну убили', илжытѹ кийс 'крупного поймал' и др.; кув. сур ваис 'пиво он принес', паньмѹд сѣис 'несколько ложек он поел', ѹтпусас петанвийѹт (< петанвийѹт) 'до ухода в отпуск' и др.; егор. сѹт кайн 'по тому мѣсту ты поднялся', мийсѹ вартван? 'почему съешь?', гайнас кайс 'уехал он в Гайны' и др.; мелех. мѹѹ бѹнним 'мы росли', армиаѹ мѹнѹс 'в армию он ушел', сія берегистѹй 'она с крутыми берегами (букв. берегистая)', шер быдѹс виис 'все убило градом', революѳиасѹ 'революцию-то'; хайд. сѹишны < сѹиштны 'подсунуть', Савинаѹ кай 'в Савино я пошел' и др.

Й между гласными выпал как слабый звук (см. об этом стр. 48). В.И.Лыткин считает, что обычно й выпадает перед или после звука и³⁰.

Однако й как вставочный звук встречается в некоторых диалектах после согласных в ряде слов спорадически, например: юч. дзѹиѹѹ 'вглубь леса', гидйас 'в конюшне', зѣпѹнн 'в кармане'; пел. клинья шабѹр 'жакет с клиньями', жѹриа керкуис вѹлѹма 'дом был, оказывается, с комнатами', чѹмѹѹ пыртлас 'в нежилой дом он занесет'; лев. ва гѹпиѹ 'в лужу', кѹртлан гѣзѹѹн 'свяжешь вожжами', зѹриѹн усь-кѹтѹс 'свалил он рычагом'; чур. Пѹксиѹѹдзас 'до Пуксиба'. В пуксибском диалекте протетический й зафиксирован в словах йог тѹд (< ог тѹд) 'не знаю', йэм (< эм) мѹйкѹ 'что-то есть'.

Как видно из приведенных выше примеров, й в качестве вставочного звука употребляется очень редко. Эти слова в речи носителей диалектов встречаются и без й. Несомненно, на более ранних этапах развития коми-пермяцких диалектов й как вставочный звук употреблялся значительно шире, а позже позиция й после согласных (вслед за выпадением й между гласными) оказалась уязвимой, она постепенно стала сужаться. Вот что пишет о судьбе вставочных звуков

В.И.Лыткин: "В финно-угорском языке-основе была единая основа слова, оканчивающаяся на краткий гласный звук. После отпадения конечных гласных и некоторых согласных многие слова коми языка стали иметь две основы: краткую - в нулевой форме и перед согласными словоизменительного суффикса (син, син-тӧг, лок-лӧкны, мус-мус-тӧг) и полную - перед гласными звуками словоизменительного суффикса (синмис, локта, мускыс)"³¹. Далее он пишет, что в употреблении вставочных звуков в диалектах коми языка нет единства: в одних диалектах употребляется один вставочный звук, в других - другой, а в третьих - отсутствует, ср. к.-з. лит. понийӧн, луз. понмӧн, в.-сис. понӧн 'собакой'. "Такой разницей в употреблении вставочных звуков объясняется тем, что слова со вставочными звуками, представляющие собой остаток конца прежней основы, и слова без вставочных звуков все время влияли и влияют друг на друга. Кроме того, происходило взаимовлияние и между словами с разными вставочными звуками - м, к, т, й. Такое влияние одних слов на другие в одних диалектах происходило в одном направлении, в других - в другом, в одном диалекте верх брала форма со вставочными звуками и распространялась на ряд слов, где раньше не было этих звуков, в другом диалекте, наоборот, формы без вставочных звуков брали верх и вытесняли формы со вставочными звуками.

В современных коми-зырянских диалектах (за исключением верхнесысольского) вставочные звуки имеют широкое распространение. В верхнесысольском и в коми-пермяцких диалектах, наоборот формы со вставочными звуками почти совсем вытеснены формами без вставочных звуков..., в этих диалектах произошло выравнивание основы слова, краткая основа почти совсем вытеснила полную, полная и краткая основы сохранились лишь в отдельных словах, вроде кос 'поясница' и коскын 'в пояснице'³². В коми-пермяцких диалектах нет вставочного й в интервокальной позиции, сравните с коми-зырянскими:

к.-п.	к.-з.	перевод
киас	ки-й-ас	'в его руке'
киӧ	ки-й-ӧ	'в руку'
шум	шу-й-им	'мы сказали'
нуис	ну-й-ис ³³ и др.	'он(а) унес(ла)'

Приведем еще примеры из разных говоров: ис. нӧйтны 'бить', куйм 'три', киӧн изан 'вручную мелешь', иджтӧ нужда нуй 'большую нуж-

³¹ Лытк. Ист. грамм., 80-81.

³² Там же.

³³ Совр. к. яз., 55.

ду я перенес'; пел. кѡин 'волк'; чаз. пѡйм 'зола'; н.-к. кѹдриа 'кудрявый'; пукс. туйсѣэзѡн 'бурачками' и др.; в.-к. Порошинчиись 'из Порошино', лѣѡмпуись 'из черемухи', кѡбин 'волк', кузь тѣасѡ 'длиннорукого', кѣасѡн ѡлѡ 'руками он машет' и др.; тим. кѣас 'в его руке', куйм 'три', казѣис 'он заметил', касѣтыис 'он вспоминал' и др.; ср.-и. пѣас 'под мышкой', мычѣис 'он показал', сераис 'он смеялся', пуись 'из дерева' и др.; в.-ю. сет сѣѡ кѣас 'отдай ему в руки', кѣдз нѡ мѣѡ ѡймѡ? 'как же мы жили?' и др.; дем. тѣтисень бѣйтѡмась 'откуда говорили', пѣчкавин пуи 'на печке я сварил', пукавыштѣс кѣам 'немного посидел он на моих руках' и др. и т.д.

Кроме вставочных в и л, в некоторых диалектах изредка в речи пожилых людей встречаются и вставочные звуки к и м, например: пел. раскас (ср. ср.-и. и лит. расын) 'в роже-то'; чаз. мышкас (ср. н.-и. мыш 'спина, более употребительно слово спина) 'на спине, сзади'; лев. синма-ѡанма ѡн ѡлѣ дак мѣи (ср.-и. синѡн ѡанѡн ѡѹны 'быть зрячим, внимательным') 'если ѡыл ѡн зрячим', кѡс ул синмас инмас (ср.-и. синас) 'сухой сук попал в глаз', полькѡк (ср. ѡлись 'из пузыря') 'пузырек'; ср. далее: ѡѡрс гѡжумнас синма да пѣля 'в лесу летом хорошая слышимость (букв. лес летом с глазами и ушами)'; чур. синмат ѹсис 'ты заметил (букв. на твой глаз упало)' и др.

Ассимиляция й предшествующими согласными. Звук й во всех диалектах ассимилируется предшествующими мягкими согласными. Приведем примеры из некоторых говоров: б.-к. рыттѣлнас < рытѣлнас 'к вечеру', желѣлан < желѣлан 'занозишь', гудѣсьѡ < гудѣсьѡ 'копошится'; коч. жннѣн < жнѣн 'бубен', тѡн лѹнни < лѹнии 'вчера целый день я провел (там)' и др.; н.-к. желѣя < желѣя 'с занозами', гудѣнны < гудѣнны 'копошиться, копаться'; лев. панѣнѡн < панѣнѡн 'ложкой', катѣсьны < катѣсьны 'намотаться'; ис. тѡннѣ < тѡнѣя 'вчерашний', поннѣлѡ < понѣлѡ нѣлѡ 'всячески ругает свою дочь' и т.д.

Такого же типа ассимиляцию мы видим и при образовании множественного числа: во всех говорах й из суффикса множественного числа ассимилируются мягким согласным основы слова: н.-и. каннез < канѣз 'кошки'; ср.-и. пѡллез < пѡлѣз 'пузыри'; коч. пѡрссез < пѡрсѣз 'свиньи'; гаин. турѹн ѡтѣссез 'сборщики сена'; ис. виззез < визѣз 'линии' и т.д. Позже ассимиляция из суффикса множественного числа произошла и в основах слов с твердым согласным, сравните: ѡн > ѡннѣз < ѡнѣз 'брат - братья', сѡѡд > сѡѡдѣз < сѡѡдѣз 'черный - черные', лѡззез < лѡзѣз 'сигние' и др. Ассимиляция й в середине слова твердыми согласными - более позднее явление, появившееся под влиянием основ типа кан-

нез, виззес, пóллез и т.п. (см. стр. 124–128). Если ассимиляция й мягкими согласными в формах множественного числа имени произошла повсеместно, (кроме верх-лупьинского), т.е. данный фонетический процесс завершился, то ассимиляция твердыми согласными основы завершилась не во всех диалектах. Правда, на сохранение й в подобных позициях примеров не много, но все же встречаются, например. н.-к. нóрийэс матын 'болота близки', сукарийэто бось 'сухари-то бери'; лев. школаны горийэс тэчоны 'в школе печи кладут', вóрийэс 'леса', зэрийэс эз вóлб 'дождей не было', бóрийэс 'в корыта', баськось велдóрийэс 'сверху красивые', нóрийэс подмóгось сэтóны 'болота помогают (спасают)', вóрийэс уна 'лесов много', шóрийэс 'ручейки', кырнышйэс 'ястребы'; пукс. том отьнрийэс 'молодые люди', вóрийэс 'леса', нóрийэс 'болота', мóсийэс 'коровы', зóрийэс оз кóдз 'овес не сеет', гырисьбось пó нóйэс бóдбон да 'говорят, поля очень большие', шырийэс куталó 'мышей ловит', нóмерйэзэс кóдзались 'сеяли в огородах', эстшóмйэс эмось жó 'такие-то есть же'; чур. вóрийэс да нóрийэс и вóлись 'леса да болота и были' (но, ср. нóррез), тóрийэс кольччись 'части остались', вóллóмась выгорйэс 'были, оказывается, выгоры'; мыс. мóсийэс 'коровы', сáдийэс 'сады', кламйэс 'вещи', кóкийэс ва-мись 'ноги мои промокли', гагийэс 'черви', суставйэс висьбóны 'суставы болят', нóмйэс уна 'комаров много', синийэс 'глаза', покромйэзись 'из поясов', вóрийэс и вóррез 'леса', пéсийэс и пéссэс 'дрова'; в.-л. вóкийэс кóн? 'где твои братья', тóмйэс 'молодежь', туйсийэс 'бурачки-то', мóсийэс 'коровы', книгайэс 'книги', кийэс 'руки', вóрийэс 'леса-то', паньйэс 'ложки', нйлийэс 'твои дочери', кóлькийэс 'яйца' и др.

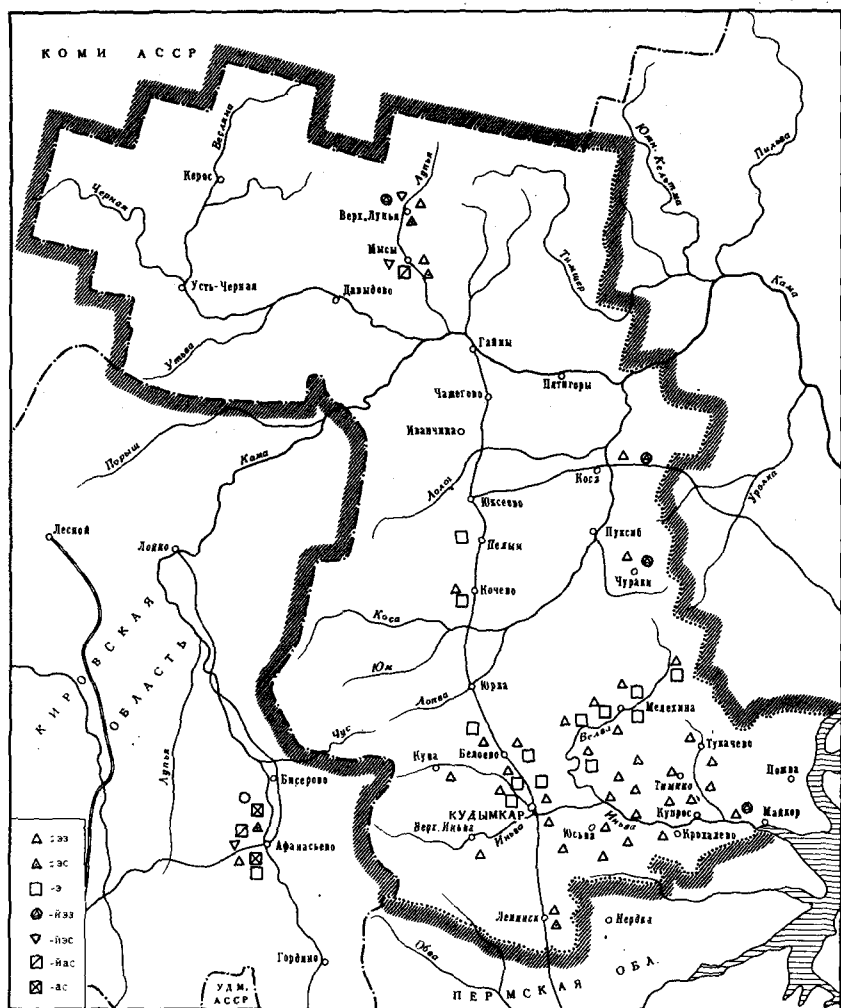
Как видно из приведенных выше примеров, й в составе суффикса множественного числа встречается лишь в ряде северных диалектов – в нижнекосинском, левичанском, пуксибском, чураковском, мысовском и верх-лупьинском говорах. Причем в нижнекосинском случае употребления суффикса -йэс единичны, не так часто встречаются и в левичанском и чураковском. Интересно отметить, что в этих трех говорах суффикс -йэс встречается только в некоторых словах с основой на р (примеры смотри выше) и лишь в одном слове кырнышйэс 'ястребы' в левичанском отмечено -йэс после ш. Чаще й встречается в суффиксе множественного числа в пуксибском, мысовском и верх-лупьинском диалектах, в которых сохраняется не только тогда, когда основа слова оканчивается на р, но и после таких согласных, как м, с, к, г, д, л, н, в (примеры см. выше).

Следует заметить, что чаще всего суфф. -йэс употребляется в верх-лупьинском диалекте. В нем -йэс иногда появляется в словах с основой на гласные звуки и на мягкий согласный. Нами зафиксированы следующие слова: книгайэс 'книги', кийэс 'руки', часийэс

'часы', күричайэз 'куры'; пáньйэз 'ложки' и висьталісьйэз 'рассказчики'. Следовательно, в этом диалекте процесс ассимиляции мягкими согласными й в середине слова еще не завершился, но процессы исчезновения его между гласными и после согласных близки к завершению. Приведем примеры на исчезновение й в этом диалекте: кагаэс 'дети', кіннэз 'кто', пóриссес кóльчисó 'остались старики', зыраннэз 'зыряне', сёя́ннэз 'виды пищи', часнэз 'часы', спáскаэз 'праздники спаса (религ.)', рóшвóэс 'рождества', дóбраэз кыйлім 'холсты ткали мы', сёрніэз 'разговоры', туру́ннэз 'травы' и т.д. (см. также стр. 57, 127, 128 и карту 3).

Далее й середины слова ассимиляции подвергается предшествующими твердыми согласными корня слов. В большинстве диалектов встречается ассимиляция й звуком ш, например: б.-к. чы́шпанóк < чы́шьпанóк 'платок', вешшы < вешйы 'подвинься', пы́шпис < пы́шйис 'он удрал', кóшпан < кóшьпан 'ищешь', вешпан < вешъпан 'брюки'; коч. ог вёрмó кóшпыны 'не можем искать', мый то и кóшшó 'чего и ищет', чуть эг пы́шшó 'чуть мы не удрали', ылóса óтир кóшшóны 'умных людей ищут'; ис. пы́шпис 'он удрал', кóшпыны 'искать', ошшасёó 'он хвастается'; в.-л. вешпан 'брюки', (но: кóшйыны 'искать'); аз. кóшпис (< кóшйис) 'он искал', пы́шшó (< пы́шйó) 'он уходит, удирает', вешшим (< вешйим) 'мы продвинулись' и др.; тук. опетъ кóшшóн 'снова ищут', кóшшóн, кытón са 'ищут, где он', эз пы́шпы 'он не удрал' и др.; мелюх. пы́шшáóмась 'они были в бегах', кóшписёó вóрись 'они искали в лесу', пы́шпыны оз позь 'удрать нельзя' и др.; в.-ю. кор пы́шшас? 'когда удерет?' дядьысдын пы́шшас 'к дяде убежит', сóйсó кóшшó 'он сестру свою ищет' и др.; в.-и. кóшпы да эг адзэы 'искал я, но не нашел', вешпис 'он отодвинулся', гу́шша (< гу́шйа) 'остатки кваса' и др.; сам. кóшпис дыр 'он искал долго', пы́шшымó 'мы убегали на время', вешшó 'он продвигается' и др.; дем. учóтсьянь пы́шшóтóм 'с малых лет он увел', кóшшóны 'ищут', вешан 'брюки' и др.; куд. пы́шпис гóртсис 'он удрал (ушел) из дому', чы́шпан 'платок', кóшписёó тай 'ищет вот' и др.; бел. пы́шшáóмась 'оказывается они удрали', кóшшó 'ищет'; косог., кув. кóшпынтó 'искать что-то', дóбравóй вешпанóн 'в колцевых брюках', мамыс ошшасёó 'мать хвастается' и др.; егор. эн нырыш 'не дави', чы́шпаннэтó 'твой-то платки', вешпантó 'твой-то брюки', кóшшóн (< кóшйóн) ва оз вай 'ковш воды не принесет' и др.; мелех. вешшы, ведз менó 'подвинься, пропусти меня', кóшпис тóн 'он искал вчера' и др.; хайд. кóшшóны жó 'ищут же', ме пы́шпы 'я удрал', вешшóны óдзвань 'двигаются вперед' и др.

В отевском говоре процесс ассимиляции й предшествующим ш не завершился, в них употребительны те и другие фонетические варианты ср.: от. пы́шшóм 'удрал он, оказывается', кóшпис и кóшйис 'он

Р и с. 3. Суфф. мн. числа -ээ (< йээ) и его варианты

искал', вешшис 'он отодвинулся', бддьбн эд ошьсьсь нывнас 'очень ведь хвастается своей дочкой-то'.

Следовательно й ассимилируется предшествующим ш в большинстве говоров кудымкарско-иньвенского диалекта и в азовском и тукачевском говорах нижнеиньвенского диалекта.

Но й после ш сохраняется в следующих северных диалектах: н.-к. чышьянтэ 'платок-то свой'; пукс. пыййом 'он удрал', васис коыйб-

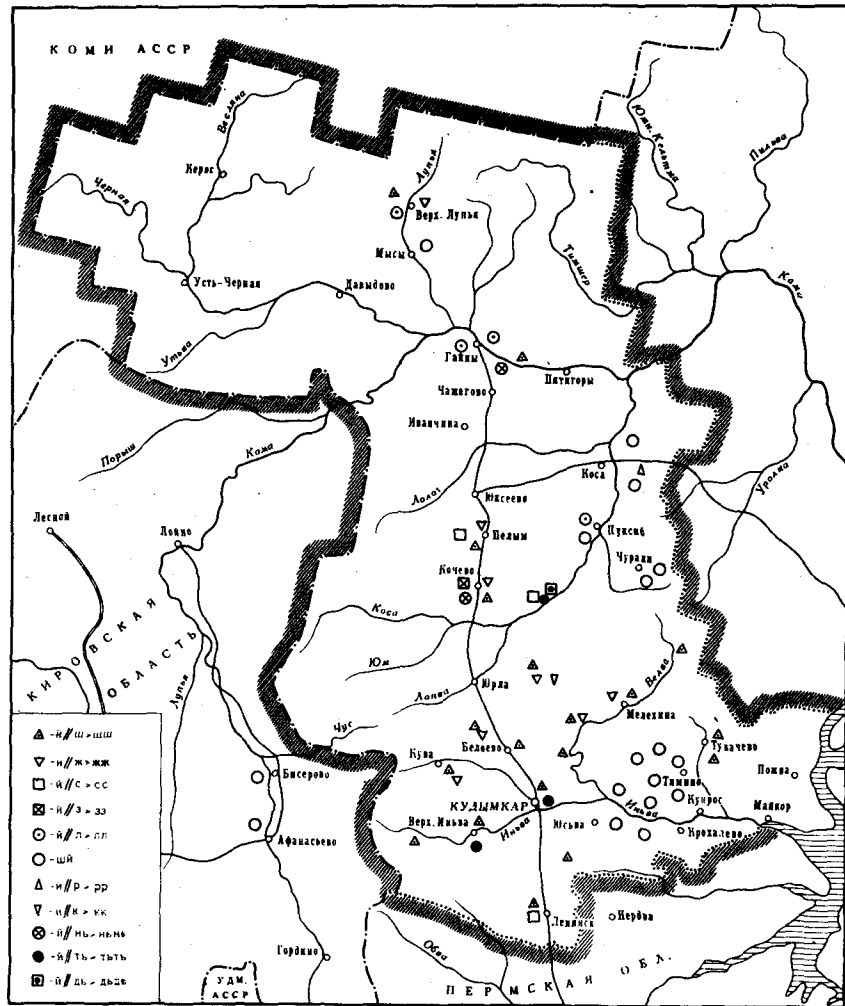
мось 'в воде искали', вай кошья 'дай поищу', кошын 'ищи', пышйомсь 'оказывается, удрали'; чур. дос пышйомсь 'все ушли (удрали)', колд кошынны 'надо искать' а книга тай кошй 'книгу вот ищет', пышйис саччынись 'он удрал оттуда'; лев. пышьялб 'скрывается', пышья да мед кошй 'уйду, пусть тогда ищет', пышйисб пб 'говорят, удрали', бабис пышйома 'бабушка сбегала'; мыс. кошынны 'искать', вешынны 'двигаться', пышынны 'удирать', кошй 'он ищет', вешын сэтись 'отодвинься оттуда'; в.-л. кошынны 'искать'; ошьясынны 'хвастаться', но: вешян 'брюки'. В верх-лупьинском диалекте процесс ассимиляции й звуком ш не завершен.

й не ассимилируется звуком ш в следующих южных говорах: тим. понис кошынны 'начал он искать', гушья нрбшис 'квас-то уже отбросы', пышйомась 'удрали' и др.; доег. пышйон пб сэтись 'говорят, удирают оттуда', горас жарыс оз бшш 'в печи жар не держится', мунис кошынны 'он пошел искать', боко вешйис 'в сторону он продвинулся' и др.; акс. вешын-вешын 'подвинься же', ншн пышйис дояркас 'у них ушла доярка', вешян 'брюки', кошйом пб дыр 'говорят, долго он искал' и др.; крох. пышйис 'он удрал'; кошйан, кошйан, он адзын 'ищешь, ищешь не находишь'; шонавб, пбжб удбсрянис 'нагревается, преет снизу' и др.; ср.-и. кошйам 'мы ищем', ошйасис 'он хвастался', чшйанасббм 'платок она завязала', чушйавны 'элиться на что-то, на кого-л.' и др.

В отдельных говорах й ассимилируется также предшествующим звуком ж, например: кос. и кув. чужжы (< чужын) 'пни (ногой)', чужжавны (< чужйавны) понис 'начал он пинать'; егор. чужжисян (< чужйисян) 'споткнешься'; коч. гжжялб (< гжжйялб) 'он чешет', эн гжжжял (< гжжйял) 'не чеши' (см. изоглоссы на карте 2).

В егоровском говоре отмечены случаи ассимиляции й и предшествующим к, например: руккб < рукйб 'трясет, идет - трясется'. В нем же получила более широкое распространение ассимиляция й предшествующими мягкими согласными, например: эта педльын 'в этом ухе', эн понняв 'не обзывай', ваттбн и петкбтисб 'на носилках и вынесли' и др. Это явление характерно и для жителей ряда населенных пунктов, близлежащих к г. Кудымкару. Ср., например, в.-и. эг и коттбт (ср.-и. готынны) 'не выбрал я семена из стручков'.

В некоторых северных диалектах имеет место ассимиляция й середины слова и другими твердыми согласными, сравните: б.-к. ассапон (< асйяпон) 'время рассвета'; коч. оз ббзын (< оз ббйын) 'не зажигается', готов лббзынны 'готов он навязаться', асб лббзб (лит. вббзынны) 'пусть насыщается', кббсынны (< кббйынны) 'обещать', ассапонас 'рано утром'; пел. снссала 'пеку'; н.-к. гаррыны 'копать'; пукс. нолббтис 'он таскал'. Это новое явление, не встречающееся в южных диалектах.

Р и с. 4. Ассимиляция й звуками ш, ж, с, з, л, р, к, нл, тл, дл. Сохранение сочетания шй

Языковой материал показывает, что позиции звука й в середине слова в коми-пермяцких диалектах ослабевают: й не встречается в интервокальном положении (за исключением единичных примеров верхлупьинского диалекта); й в позиции после согласных подвергается ассимиляции не только предшествующими мягкими согласными, но и некоторыми твердыми согласными (см. стр.54 и карту 4).

Ослаблены позиции й и в середине слова перед согласными и на конце слова: й с ослабленной артикуляцией мы обозначаем й'; имеются случаи выпадения й перед согласными. Ср.: сам. соўту́чыны 'советоваться', му́нам вороча́й'тны 'пойдем ворошить', поко́нник (< покойник) 'покойник' (в последнем случае й ассимилируется последующим нь - явление регрессивной ассимиляции) и др.; егор. руга́ччи (< ругайччи) 'я ругался', мака́й'ччо́ 'машет', он кнй 'не наловишь' и др.; ср.-и. горса́й 'место за печью', вы́йны 'стрелять', ко́б ко́йны 'надо добавить жару (в бане)', дума́йтны 'думать' и др.; акс. нем из кнй 'ничего не поймал', мо́й но́ 'конечно', ко́б убира́й'тны 'надо убрать' и др.; б.-к. ма́й'нас 'во время майских праздников', тор-гу́й'тис 'он торговал', про́й'дитас 'пройдет' и др. и т.п.

Качество звука й сохраняется в начале слова и в начале слога в середине слова, а также в позиции после твердых согласных, кроме звуков ш, ж, к, р, л, в некоторых диалектах (см. стр. 48, 53-56): йог 'мусор', йон 'осоть', йаг (л.яг) 'бор', йэм 'игла'; но́выны 'носить', га́рыны 'копать', го́дыны 'прожить год', лы́мйа 'снежный', йбры́м 'загороженный', пы́ркй 'трясет' и т.д.

Смягчение заднеязычных согласных

В некоторых диалектах встречаются случаи смягчения заднеязычных г и к в положении перед и и е и "перехода" их в мягкие дь и ть (чередование твердых и мягких заднеязычных согласных), например: б.-к. те́ркуэс вм. ке́ркуэс 'дома-то'; коч. те́рку вм. ке́рку 'дом' (и наоборот: ке́рпйтны вм. те́рпйтны 'терпеть'), ге́дыт вм. де́дыт 'твой дед'; пел. де́ктар вм. ге́ктар, тило́метр вм. дило́метр пять вм. кило́метров пять; лев. во́ррес те́рис (вм. керис) 'возделывали леса', мо́дилаэс вм. мо́гилаэс 'могила-то', те́тныка вм. те́кныка 'техника', а́чыт телмисин (вм. ке́лмисин) да 'сам навязался да', ву́ндам ти́он (вм. ки́он) 'жнем вручную', аг на те́рлы (вм. ке́рлы) 'еще ни раз я не брался'; чур. мы́йкөтерныт (вм. мы́йкөкерныт) 'вот что делать-то'; ис. ме́нам телья́л (вм. ке́лья́л) 'у жены брата моего мужа'; в.-л. пе́тны те́ркайс (вм. ке́ркайс) 'выйти из дому', де́быйт (вм. ге́быйт) 'мошки-то'; ср. в.-к. те́ркаб (вм. ке́ркаб) 'в дом', ти́те́р (вм. ки́те́р) 'хитер', ти́н (вм. ки́н) 'кто', не́тинл (вм. не́кинл) 'некому', ди́жны (вм. ги́жны) 'писать', мо́дила (вм. мо́гила). Наряду с этим употребляются также: ке́ркасинь 'от дому', ки́н 'кто', ги́жны 'писать' и т.д.

Тот же процесс происходит и в ряде южных говоров: доег. пы́рта те́ркв (вм. ке́ркв) 'заношу в дом'; кув. во́з только ти́эс (вм. ки́эс) 'руки в синяках', те́ркуэс пы́рис 'в дом зашел он', к'е́рку

(вм. терку) о́бр ра́зисо 'дом снова разобрали', дэ́от, чуж се́рдика (вм. сергика) 'смотри, чуж сергика', мо́дильнико́дзис (вм. моги́льнико́дзис) 'до могильника'; от. те́ро (вм. ке́ро) 'делает', ти́сь (вм. кись) 'вылей'; егор. ди́жшо́мась (вм. ти́жшо́мась) 'расписались'; ваг. во́йна те́жо (вм. ке́жо) 'к войне', у́мо́ля те́ро́ны (вм. ке́ро́ны) 'плохо делают', ке́рпитны (вм. терпи́тны) 'терпеть', те́ра-ва (вм. ке́рава) 'я рублю', те́вья (вм. ке́вья) 'жена брата мужа', кву́о те́рисо (вм. ке́рисо) 'клуб выстроили', те́ньсо (вм. ке́ньсо) 'пенку'; ср.-и. ге́реу́няны (вм. де́реву́няны) 'в деревне', си́кеч (вм. си́теч) 'битец', ка́ле́га (вм. теле́га), ге́д (вм. де́д), ди́жны (вм. ти́жны) 'писать', те́ймыны (вм. ке́ймыны) 'молиться', ти́сьны (вм. ки́сьны) 'пролить'; сам. трек оз к^тер 'и не шелохнется', те́рисо (вм. ке́рисо) 'сделали', два к^тио́метра 'два километра', эз о́нджа́к^тер 'ничего он не сделал', но: ке́рао́ны 'рубят', оз то́д, мы́и ке́рны́тсо 'не знает, что делать-то'. Единичные случаи перехода г и к в дъ и тъ, а также тъ в к встречаются и в некоторых других говорах. Однако процесс перехода г и к в дъ и тъ перед е и и не завершился и поэтому во всех перечисленных выше говорах употребительны и те и другие формы. Например: ки и ти 'рука', ге́д и де́д и т.п. Подобное явление имеет место в нижневичегодском диалекте и в некоторых верхневымских говорах коми-зырянского языка³⁴.

Явление деаффрикатизации

В некоторых диалектах встречаются случаи деаффрикатизации, ср. б.-к. кы́шомко́ (куд. кы́тшомко́ и к.-з. ку́тшом) 'какой-то'; лев. э́шшомсо́ (куд. э́тшшомсо́ и к.-з. э́татшом) 'такие', ра́зыны (н.-и. радзыны) 'разрушить', сэ́шомнас (к.-и. сэ́тшшомнас, к.-я. си́чем, к.-з. сэ́тшом) 'с таким', исы́монь (ср. к.-и. и к.-з. ичмонь) 'сноха, молодая невеста'; пукс. по́нпуша (ср.-и. по́нпу́тша) 'с веснушками'; чур. до́с ра́зсис 'все нарушилось', чи́сло́нс кы́шом? (ср. к.-я. ке́чем) 'какое число?', ой, сэ́ло́мко́ ра́зсис 'ой, с сердцем плохо'; ис. ро́жанс э́шшом (ср. к.-и. э́тшшом) 'лицо вот такое', сэ́шом (куд. сэ́тшшом) 'такой'; мыс. пы́шын (н.-и. пы́тшын) 'опышны (обл.)'; крох. во́ктасо́ чо́ш (ср. к.-з. тшо́тш) 'придут вместе', шу́збо́тан (в.-л. шудзо́тан) 'заквасишь'; лоп. э́шшом (ср. коч. э́тшом) 'такой', сэ́шшом 'такой', пешо́р (ср. н.-и. петшо́р) 'крапива', кы́шомко́ (в.-ю. кы́тшомко́) 'какой-то', э́тазь (ср. к.-з. этадзи) 'так', но: етша́жык 'меньше', о́йтшом 'хороший, подходящий', по́тшше́вас пука́во 'на жердях сидит'; мелех. сэ́шом (ср. лев. сэ́тшом)

³⁴ ССКЗД, 463.

'такой', эшабн (ср. к.-з. этша) уджабн 'немного работают', ср. также: сэшшомменс этша 'таких мало', но: румка етш 'примерно рюмку', этшшом вуннэнс 'такие дни-то', соа тшак 'соленые грибы', ыджыт 'большой', кыз 'береза'; кув. разисб 'разрушили'. Ср. также примеры из верхнекамского наречия: эзика вм. эдзика (ср. к.-з. эдзи, эдзи 'так, этак') 'так и так', ыжыт вм. ыджыт (ср. к.-я. еджет) 'большой', сизь (н.-и. сидз, к.-з. сидз) 'так', вурун горзышта (вм. гордзыны, к.-з. гордзавны) 'шерсть свяжу'; ср. далее: жагасьом (ср.-и. джагабм) 'удавился', блто кызь (куд. кыз) мыжык 'машет как мужик', этызь (н.-и. этадз) 'так', менб озаялн (нерд. одзэлн) 'меня ты опередил', горомозь (куд. горбмодз) динас 'вблизи перед печкой'. Все эти слова могут употребляться также и с аффрикатами.

Явление аффрикатизации

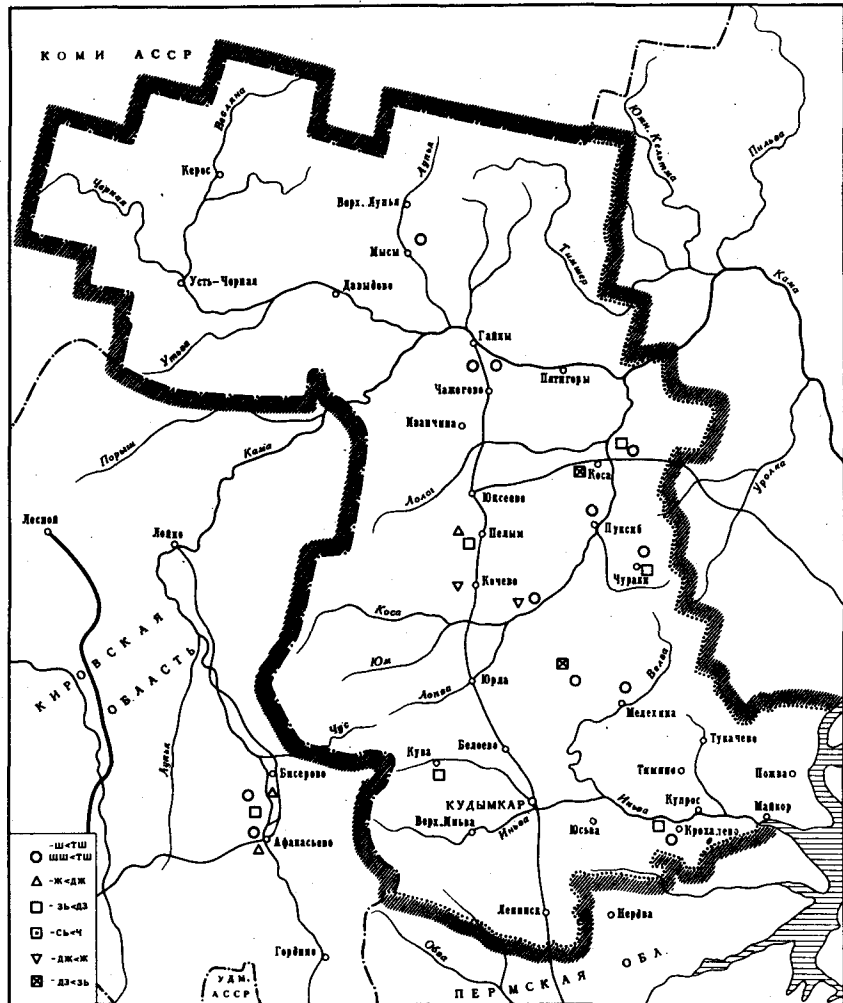
В то же время в диалектах встречаются явления противоположного характера: происходит аффрикатизация ж, ш, зь, ср.: б.-к. куим вудж (куд. вуж) 'три корня'; коч. моднэдж (куд. моднэж) 'иначе', коко подзалис (н.-и. позаис) 'ногу я отсидел'. Аналогичное явление имеет место в коми-зырянских диалектах³⁵.

Аффрикатизация происходит на стыке основы слов, оканчивающихся на т и дз, при присоединении суффикса сравнительной степени -жык к прилагательным и наречиям. Это явление имеет место в ряде говоров, например: б.-к. дудуджык < дудудыт + жык 'выше, более высокий'; коч. югытджык < югыт + жык 'светлее', топытджык < топыт + жык 'плотнее'; лев. одзджык < одз + жык 'раньше'; н.-к. учбджык < учбт + жык 'меньше'; пукс. куртджык < курт + жык 'горче', богадджыкбсь < богат + жык 'богаче', крепыджык 'крепче', но: буржык 'лучше', абужык 'меньше', дыржык 'дольше'; ис. учбтджык < учбт + жык 'меньше, моложе' и др. Происходит аффрикатизация и на стыке основы слова, оканчивающихся на д, и суфф. -жык, например: гордджык < горд + жык 'краснее', сббджык < сббд + жык 'чернее', но буржык 'лучше', доньжык 'тише' и т.д. (карта 3).

Явление ассимиляции согласных

Ассимиляция согласных чаще всего бывает регрессивного типа, когда предшествующий согласный под влиянием следующего согласного приглушается. Оглушение отдельных согласных бывает полное или

³⁵ Т.И.Ж и л и н а, Г.Г.Б а р а к с а н о в. Присыктивкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971, стр.34-37.

Р и с. 5. Явление аффрикатизации и деаффрикатизации

частичное. Ср. примеры по говорам: б.-к. быттис < быдтис (ср. быдмё, к.-з. быдмыны) 'он вырастил, воспитал', шэд^тыны (ср. к.-з. шедодны) 'вырвать'; н.-к. кычкё < кызкё (ср. к.-з. кызкё) 'как-то', ос < оз (к.-з. оз 'он не') кольттялё 'не несутся'; пукс. ытт^ти < ыдт^ти 'я вырастил', эс < эз (к.-з. эз) сет 'он не отдал', шэд^ттёны 'добывают'; ср. далее также: лэччот < лэдзчот 'спусти'; чур. ышё ытта < ыдта 'еще воспитаю', эс сiа < эз сiя 'он нет';

ис. шѣттѣ он (< шѣттѣ) 'достаёт он'; в.-л. ог лѣпты (< лѣбты) 'не подниму', ме эд^т то вѣжн ни муні 'я ведь давно уже уехал', круж^ш-ка мѣным чѣлт 'налей мне кружку' и др.

Как и в северных говорах, в южных имеют место случаи полного или частичного оглушения отдельных согласных: тим. сѣтасѣ < сѣд-тасѣ (ср. сѣдѣ) 'добавят', вѣптыны < вѣбтыны (ср. вѣбѣ) 'поднять'; доег. шы ос сѣт (ср. оз) 'молчит', вѣж^шсѣ (ср. вѣж) сѣтасѣ 'старое выдадут', вѣд^ттѣг 'непутем'; крох. ос тай кнвсы 'не слышно что-то', тау ос сѣт уджавны 'в этом году не даёт работать (о погоде)'; ср.-и. ок тѣд (< ог^т тѣд) 'не знаю', гид вѣптыны 'строить хлев', таз^ссѣ < тазсѣ 'таз-то', кнвѣн сѣа ѣттѣмнс 'а кто его воспитал', ѣстыны < ѣзтыны 'зажечь', вѣттѣны < вѣдѣтны 'уложить спать'; в.-ю. ок (< ог) тѣд мнѣсянь 'не знаю, почему'; в.-и. вѣжша (< вѣж-ся) пора 'в старину', сѣмсѣ ѣттѣ (< ѣттѣ) 'семерых-то я вырастил', асъ пѣжѣны (< пѣжсѣны) 'пусть уперѣют', сѣтѣс (< сѣдѣс) нѣвна 'он добавил немного'; сам. ѣттѣ ѣбрана 'вырастил я опять', вѣжша картошка 'старая картошка'; дѣм. ос (< оз) кольтѣв 'не несется', ме зѣнѣс сѣтви ѣттѣны 'я отдавал сына чужим', руж^штѣ 'стонет', ос сѣччы (< сѣтчы) 'не поддается', ос тѣд 'не знает', ок (< ог) тѣд 'не знаю'; ваг. шѣттѣны < шѣдѣны 'тащут, добывают', вѣпѣн < вѣбѣн 'подъемник', ѣттѣи < ѣдѣтны 'воспитывал я', гаж^ш-тѣмчѣма да 'соскучился он да'; бел. шѣттѣм (< шѣдѣм) гут 'несчастная муха', шѣттѣ < шѣдѣтѣ 'я вытянул', ѣттѣсѣоѣ < ѣдѣтѣсѣоѣ 'прие-мыш', ѣс (< ѣз) тырмы 'не хватило', ос (< оз) тай мнѣчасѣѣ 'что-то не показываются', ѣз^с шуѣ 'говорит, нет', ѣбѣс вѣптѣсѣ (< вѣбѣсѣ) 'обыск подняли', гаж^ш тѣм снѣ 'грустно ему'; кув. керку ѣз^стны 'поджечь дом', нѣштѣм < нѣжтѣм 'некрасивый', тѣттѣм < тѣдтѣм 'не-знакомый'; ош. ок (< ог) тѣд 'я не знаю', шѣттѣмѣсѣ < шѣдѣтѣмѣсѣ 'выдергали', вѣптѣ < вѣбтѣ 'я поднял', сѣттѣшны < сѣдѣтѣшны 'до-бавить немного', пока ос (< оз) кнвсы 'пока не слышно'; егор. ос коу 'не надо', ѣд^ткаас 'в будке', шѣттыко < шѣдтыко 'выдерни-ка', мѣтпыр < мѣдпыр 'на будущий год', ос (< оз) пѣтѣ 'не выходят', гаштѣм < гажтѣм 'грустно'.

Сюда же относится явление аффрикатизации, когда зубные взрыв-ные т и д уподобляются последующей глухой аффрикате ч или ц, на-пример: б.-к. вѣчѣччин < вѣдѣтчин (ср. вѣдѣтѣ) 'ты принарядился', жмѣччѣс < жмѣтѣчѣс (ср. жмѣтѣ) 'прижался он', ѣпѣчѣн < ѣдѣсѣн (ср. ѣдѣсѣ) 'все, полностью, совсем' и др.; коч. вѣлѣчѣм < вѣлѣтѣм (ср. вѣлѣтѣ) 'он выучился', ѣрчѣн < ѣрдѣн (ср. ѣрдын) 'рядом'; мукѣрчѣм мукѣртѣм (ср. мукѣртны) 'пасмурно стало'; лев. вѣѣччан < вѣѣтчан (ср. вѣѣтны) пѣд 'доска для процеживания пива', дѣѣт кнѣчѣнѣсѣ < кнѣчѣ (ср. кнѣн) 'смотри, где'; чур. ог чѣйччы < чѣйччы (ср. чѣйтны) 'не могу', нем оз мѣрччы < мѣрччы (ср. мѣрт-

'в отпуске', пóезõн 'поездом'; лев. гýлийш (вм. гýлийшт) 'пропослосни', вúндыш (вм. вúндышт) 'отрежь', шесь (вм. шесть), эз дёсвуйт (вм. дейсвуйт) 'не подействовало'; чур. оз ось (вм. осёт) 'не откроешь', мóда узýишны (вм. узýиштны) 'хочу поспать', лис (вм. лист); гаин. оз туй осьны (вм. осётны) 'нельзя открыть'; ис. сё (вм. всё), он лысь (вм. лысьт) 'не посмеешь', нук (вм. внук); мыс. мошориччан (вм. мошкориччан) 'возишься', шóнтыш (вм. шóнтышт) 'подогрей', от вёрмы изýишны (вм. изýиштны) 'не могу смолотить-то'; в.-л. топнитыш (вм. топнитышт) 'топни слегка', óбласис (вм. óбластись) 'из области' и др.

В исконных коми-пермяцких словах, как правило, выпадает согласный т глаголов инфинитивной формы и глаголов повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, например: кисъны < кисътны 'вылить', осъны < осътны 'открыть', койышны < койыштны 'выплеснуть', кисъ < кисът 'вылей', осъ < осът 'открой', койыш < койышт 'выплесни' и т.п. При этом звук т выпадает лишь при условии, если ему предшествуют глухие ффрикативные сь и ш, а после т следует суфф. инфинитива -ны или нуль звука (примеры см. выше).

В потоке речи могут выпадать и отдельные согласные в положении между гласными: аз. пóас (< понас) котóртны 'будет бежать', пóам (< понам) лечитны 'будем лечить', убирасьте 'убирайтесь отсюда'. Могут выпадать и целые слоги: пукс. гóрыс дзёт (< видзёт) берез-дасьó 'смотри, печка накренилась', вок дай (< давай) 'иди давай'; ср. также ср.-и. пóам (вм. понам или пóндам) 'будем', оз пон (< понды) вичисъны 'не будет ждать'; ваг. дзёт мый вóис (ср. видзёт) 'смотри, что случилось', дзё жó (< видзёт жó) 'смотри же', дзёт и ёт (< видзёт) 'смотри' и др.

В некоторых говорах южного наречия встречается специфическое явление — упрощение геминат. Например, в аксеновском говоре: видзёт, сёр'ес³⁶ (< сюррес) 'смотри, рога', мóс'эс < мóссэс 'коровы', этна кóин'эз (< кóиннэз) 'это волки', пианóк'енысь (< пианоккенысь) 'детенышей своих'. Это явление аналогичное (близкое) к упрощению стечений согласных. Стяжение двойных согласных в аксеновском говоре зафиксировано лишь в именах существительных мн. числа с основой на согласный звук и во внешнеместных падежах с основой на гласный: вётвы киновó (< киноввó) 'сходи в кино', вед-равас (< ведраввас) усис 'упал на ведро', йивын (< йиввын) 'на льду' и др. Данное фонетическое явление стало возможным еще и потому, что второй согласный, появившийся как результат ассимиляции й предшествующим согласным, не имеет фонематической роли. Ср.: вóррез (< вóрйез) > вóрез 'леса', бáннэз (< бáнйэз) > банэз 'бересты'.

³⁶ Запятой сверху справа от предшествующего звука обозначается наличие наибольшей паузы.

Упрощение геминат наиболее последовательно выступает в соседнем крохалевском говоре. В нем, как правило, перед суфф. мн. числа -эз в именах с основой на согласный произносится один согласный. Примеры: налимез < налиммез 'налимы', пелесё (< пеллесё) ошотис 'уши он развесил', годэс (< годдэс) унаёсь 'лет много', шпресё (< шпрресё) ваяё 'мышей таскает', нобес (< ноббес) кузя 'по полям' и др. В говоре процесс стяжения двойных согласных в один распространен довольно широко. Ср.: вечё (< веччё) ни 'спускается уже', мёся (< месся) унажик 'больше меня', подён мунь (< муннй) ог вермы 'пешком идти не могу', учёжик < учотжик 'меньше', эз мёд вовны (< воввыны) 'не хотел приходить', мычаис (< мыччаис) 'показал он', правлёнёас < правленнёас 'в правлении' и др. Но изредка встречаются случаи произношения отдельных слов с двойными согласными. Зарегистрированы следующие слова: ваставас (вм. ваставас) 'на низинном лугу', лис мыччаис (вм. ожидаемого мычаис) 'лист показал', усёбос (вм. усёбос) ёстён 'устье-то здесь'.

Заметим, что эти слова чаще произносятся с одним согласным, если употребление двойных согласных не имеет фонематической роли, ср.: вунданнас 'во время жатвы', и вунданас 'на месте жатвы'. В верх-юсьвинском говоре также наблюдается упрощение геминаты ве > в на стыке основы слова во внешнеместных падежах у имен с основой на гласный. Ср.: койкавас узьвьё (ср. ср.-и. койкавас) 'на койке спит', ветвис совешаннёво (ср.-и. совешаннёво) 'сходил он на совешание' и др. Это фонетическое явление находится в стадии развития: почти все двойные согласные имеют тенденцию к упрощению, т.е. к стяжению в один согласный. Например: вечны (< веччны) тиан койс 'вам надо было спуститься', кычё (< кыччё) сымданс 'куда столько-то', эчн (< эччн) увын 'там внизу', но: роввис неважн 'он приезжал недавно', ошмёссис 'он заснул', кыдз вебччан 'как учишься' и др.

Более краткое произношение двойных согласных наблюдается и в кудымкарском говоре. Приведем примеры из говора с. Большая Серва: рожавам (< рожаввам) ме кодь вёи 'лицом он был похож на меня', сё ветыва (< ветывва) 'все еще хожу', гунавын (< гунаввын) ёвинас 'на гумне в овине', сэччё 'туда', вин^но 'видимо', кысьсё 'длится, продолжается' и др. Следовательно, явление упрощения геминат зафиксировано нами в аксеновском, крохалевском, верх-юсьвинском и кудымкарском говорах.

О судьбе звука з в составе суффикса мн. числа

В интервокальном положении согласные обычно удерживают свои позиции во всех диалектах языка коми-пермяков, за исключением согласных в и й (см. об этом стр. 34, 38, 48, 49).

Кроме звуков в и й, слабой является позиция между гласными звуками и для ффрикативного звука з в составе суфф. мн.числа -эз(-ез), -йэз в ряде диалектов как южного, так и северного наречия. Звук з в суфф. мн.числа сохраняется в нижнекосинском, левичанском, мысовском и верх-лупыньском диалектах северного наречия. В остальных говорах данного наречия он часто выпадает, если за ним следуют лично-притяжательные суффиксы имени существительного или падежные окончания. Ср.: б.-к. челяддеён вм. челяддэзён 'с детьми', вёллэ-нэдын вм. вёллэзыдын 'у лошадей', ныллэз вм. ныллэзэ 'мои дочери', воннэзэ вм. воннэзыс 'братья его', зоннэзт вм. зоннэзыт 'твои сыновья', но: синваоккезэс 'слезки-то' и др.; коч. вёллэзён (вм. вёллэзён) вётлим 'на лошадях мы ездили', куканнэс вм. куканнэзыс 'телята-то', татиссэс вм. татиссэзыс 'здешние-то', зыряннэлэнь вм. зыряннэзлань 'к зырянам'; гаин. кроликкенэс вм. кроликкезыс 'их кролики-то', чунёккенэс вм. чунёккезыс 'их пальчики', туй, боккеэтис (вм. боккезэтис) 'по обочинам дороги', мёддэс вм. мёддэзыс 'другие-то', нэммент (вм. нэммэзыт) сэйёны 'комары съедают', доррэнс вм. доррэзыс 'края-то', воррэнс вм. воррэзыс 'леса-то', но: коччэзлэ 'зайцам', банказэсэ 'банки-то'; ис. соэнас вм. сойэ-нас 'со своими сестрами', зоннэз вм. зоннэзэ 'мои сыновья', кйэзэс (вм. кйэзэс) и кёккёзэс (вм. кёккёзэс) 'я свои руки и ноги', пельпённэз (вм. пельпённэзэ) 'мои плечи', воннэсянь (вм. воннэзсянь) 'от братьев'; пукс. машинаэнас (вм. машинаэзнас) 'машинами-то', мыйкёзэнт (вм. мыйкёзэнт) 'вот что у вас', чураккеисэ (вм. чураккезисэ) 'из Чураков', лесовёзнёбэнас (вм. лесовёзнёбэнас) 'лесовозными машинами', важ гёддэнас (вм. гёддэзнас) 'в старые годы', учителлэз (вм. учителлэзлэ) 'учителям', но: больничэзэнь 'в больницах', воррэзэтис 'по лесам-то', гёппэзэс 'в лужах' и т.д. Нужно отметить, что в пуксиском говоре з выпадает непоследовательно, а в чураковском случаи выпадения з из суфф. мн.числа единичны, например: союзпечаттэнь (вм. союзпечаттэзын) 'в союзпечати', кёккёзэс (вм. кёккёзэс) бүра жүгдэс 'мои ноги сильно раздробило', но: ачыс оло йёзэзэнь 'сам живет в людях', видзэзэс тёрмёсэ 'луга заросли', эмёсэ паннэзыт 'ложки-то есть'.

Выпадение звука з в интервокальном положении из суфф. мн.числа в некоторых диалектах (см. стр. 52 и карту 3), по-видимому, связано с дальнейшей трансформацией фонетического облика данного суфф. (из слова йёз 'люди' > йэз > эз > э или йэс > эс > э). Так, в пельмском говоре суфф. мн.числа является -э (-е). Звук з вовсе выпал, так как он, очевидно, не играл никакой смысловой роли. Например: керкуоккенэс (вм. керкуоккезэс) 'дома эти', эна гёддэз (вм. эна гёддэзэ) 'в эти годы', вёллэзён 'лошадьми', свэ (вм. свэз) кузяс 'по яровым', таррэнс 'тетерева', гёдол сороккэ эмёсэ

ни 'уже лет сорок прошло', зыряноввейсь 'со стороны зырян', лоссе съорын 'за лосями', кӧз улля вылас 'на ветках ели', рассэ ндытӧсь 'рощи большие', вӧрре эмӧсь 'леса есть', ральниккебн гӧрлӧм 'ральниками мы пахали', вужже гӧран 'корни спашешь', улья пиняэ вӧлісӧ 'сучковатые бороны были', улля ӧктан 'сучья соберешь', грываэ эмӧсь 'гривы имеются', валаэ керан 'вешала сделаешь' и т.д. Следовательно, процесс выпадения з из суффикса мн. числа в данном говоре завершился.

Суфф. мн.числа -эз (-ез) в форме -э (-е) не на конце слова встречается не только в северных говорах, но и в ряде южных, расположенных на территории современного Кудымкарского р-на. Ср., например, с данными отевского говора: вӧввент 'твои лошади', гӧрт-тӧнн 'в домах наших', мамкеӧт 'с мамой и ее родными' и др.

Аналогичные фонетические явления имеют место и в коми-язьвинском наречии, например: эжйент (вм. эжйезит) 'твои овцы', вунйеис (вм. вунйезис) 'его братья-то', вунйенткет (вм. вунйезиткет) 'с твоими братьями'³⁷.

Суфф. -э (-е), как показатель мн.числа, характерен для определенно-притяжательного склонения существительных мн.числа не только для южных диалектов, но и для литературного языка. Он входит в состав суфф. -эт и -эс, которые являются результатом процесса стяжения суфф. мн.числа -эз и лично-притяжательных суфф. 2- и 3-го лица ед.числа -ыт и -ис: -эт < -эз + -ыт и -эс < -эз + -ис. Процесс слияния и стяжения указанных выше суффиксов наблюдается не во всех падежах, а лишь в следующих десяти падежных формах. Приведем примеры из оньковского диалекта южного наречия:

Падежи	2-е л.ед.ч.	3-е л.ед.ч.
1. Им.	книга-э-т	книга-э-с
2. Род.	книга-э-т-лӧн	книга-э-с-лӧн
3. Притяж.	книга-э-т-лісь	книга-э-с-лісь
4. Дат.-направ.	книга-э-т-лӧ	книга-э-с-лӧ
5. Вин.	книга-э-т-ӧ	книга-э-с-ӧ
6. Соединит.	книга-э-т-кӧт	книга-э-с-кӧт
7. Лишит.	книга-э-т-тӧг	книга-э-с-тӧг
8. Сравн.	книга-э-т-ся	книга-э-с-ся
9. Отдалит.	книга-э-т-сянь	книга-э-с-сянь
10. Внешне-местн.-дост.	книга-э-т-лі	книга-э-с-лі

Вместо ожидаемых форм:

1. Им.	книга-эз-ыт	книга-эз-ис
2. Род.	книга-эз-ыт-лӧн	книга-эз-ис-лӧн

³⁷ Лытк. Коми-язьв., 47-48.

Вместо ожидаемых форм:

3. Притяж.	книга-эз-нт-лись	книга-эз-нс-лись
4. Дат.-направ.	книга-эз-нт-лѳ	книга-эз-нс-лѳ
5. Вин.	книга-эз-нт-ѳ	книга-эз-нс-ѳ
6. Соединит.	книга-эз-нт-кѳт	книга-эз-нс-кѳт
7. Лишит.	книга-эз-нт-тѳг	книга-эз-нс-тѳг
8. Сравн.	книга-эз-нт-ся	книга-эз-нс-ся
9. Отдалит.	книга-эз-нт-сянь	книга-эз-нс-сянь
10. Внешне-местн.-дост.	книга-эз-нт-ли	книга-эз-нс-ли

Суфф. -эт и -эс сочетают в себе значение суфф. мн. числа -эз и лично-притяжательных суфф. -нт и -нс. Данные языка показывают, что стяженные формы -эт и -эс возникли из промежуточных форм, образовавшихся в результате выпадения звука з из суфф. мн. числа в положении между гласными, что мы наблюдали на примерах ряда северных говоров, отевского говора кудымкарско-иньвенского диалекта и коми-изъвинского наречия. Таким образом, формы типа б.-к. зѳннѳнт 'сыновья твои', тѳтиссѳнс 'здешние-то'; лев. мѳддѳнс 'другие' и т.п., являются промежуточными.

Следующим этапом их дальнейшего развития должно быть стяжение гласных, как это и произошло уже в большинстве диалектов южного наречия: гласный н после выпадения з со временем также выпал: -эз + -нт (-эзнт) > -э + -нт > -эт и -эз + -нс (-эзнс) > -э + -нс > -эс. Звук э стал носителем значения мн. числа, а согласные т и с соответственно — носителями значения лично-притяжательных суфф. -нт и -нс.

В северных говорах — в большекочинском, кочевском, пуксибском, чураковском, гаинском и исаевском — во всех тех, где наблюдается выпадение з из суфф. мн. числа в позиции между гласными, встречаются стяженные формы, например, ср.: б.-к. ѳыннѳнс 'эти окна'; н.-к. курѳггѳс 'курицы'; лев. меѳэс турѳнаѳс 'межи богаты травой', мѳддѳс мѳнисѳ 'другие ушли', морѳэсѳ пѳшыллѳ 'я смотрел сети', налѳммѳсѳ кѳим 'налимов мы наловили', сѳдззѳсѳ кѳсьтан 'горсти-то высушишь'; пукс. сапѳггѳс сѳлѳнѳс 'сапоги его', сѳй тѳ басѳджжкѳсѳ 'ешь, что получше', ѳсявѳйѳс ѳбу вѳѳмѳс 'яровые не поспели', гѳрисѳсѳ ѳѳйѳс 'поля большие', ѳстѳмѳйѳс ѳмѳс ѳѳ 'такие есть же'; чур. вѳлѳмѳс вѳгорѳс 'были выгоры', барѳккет дѳнѳт 'около баракѳв', снѳмккет сѳѳртѳт 'по снимкам'; гаин. кѳккет ѳд тѳрмѳсѳѳнѳ 'ноги твои ведь спешат', дзѳдзѳггѳс ѳбу 'гусей нет', шутѳммѳс турѳнаѳс 'выпаши богаты травой'; ис. чѳчѳэс мѳнда 'сколько игрушек-то', учѳтѳжжккет 'меньшие-то', зѳннѳс ѳз вѳлѳ 'сыновей не было', мѳй и дѳсѳѳ мѳѳс 'что и случилось с землей' и др. Очевидно, в процессе трансформации суфф. мн. числа фо-

нечетическое явление выпадения звука з и стяжение (вернее выпадение н) в какой-то степени перекрещиваются. Это подтверждает наличие стяженных форм в тех диалектах, где процесс выпадения з из суфф. -эз (-ез) еще не завершился. Из северных диалектов несколько особо стоят мысовский, верх-лупьинский, нижнекосинский и леви-чанский говоры. В этих диалектах з не выпадает, а процессы стяжения уже налицо. Приведем примеры из мысовского и верх-лупьинского диалектов: ср. мыс. мо́сийэс 'коровы-то', ло́лзэс 'оводы-то', га́гийэс 'черви-то', но: ба́ляэз 'овцы', си́рийэз 'рога', киэс³⁸ не́здорово́йис 'руки нездоровые (болят)', ло́кто́ны нин кука́ннес 'телята уже идут домой', те́нат кусо́ккет 'твои куски-то', со́лсем ни кымбо́ррес ко́сь-мио́ 'туши вовсе уже "высохли"', зы́ряннэс ро́днэз эмо́сь 'зыряне родственники есть' и т.д.; в.-л. во́кийет ко́н 'где твои братья', то́мийэс 'молодежь', ны́лийэс те́нат эмо́сь 'у тебя дочери есть', по́рис-сес 'старики, старые', мо́дийэс 'другие', но́мийэс 'комары' и др. В этих диалектах, например, з между гласными в суфф. мн. числа сохраняется, ср. в.-л. ко́миэзыс у́на 'коми много'; лев. че́лядьккэзыс 'детушки-то их' и др.

В некоторых говорах в отдельных словах появляется конечный согласный н, ранее отсутствовавший в первоначальных формах этих слов, например, егор. вево́ччико́н вм. вево́ччико́ 'во время учебн.', кы́шомын вм. кы́шом (ср. также диал. кы́шомас) 'какой', то́жон или то́жон вм. то́жо 'тоже'. Звук н (эпитеза) возник в конце слова под влиянием определенных фонетических и морфологических условий. Ср. также тук. на́тьто́н (ср. на́тьто́) 'наверно', жо́н (ср. жо́) 'же, тоже'; ср.-и. во́н тайкан (ср. вон тайка) 'вон же', то́жен (ср. то́жо, то́жо) 'тоже' и др.

ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ

Фонетические явления в области гласных

Употребление звука ѳ. В северных диалектах в отличие от южных звук ѳ имеет более широкое распространение в русских заимствованиях, ср.: б.-к. ѳго́рпен (н. огро́пен) 'Аграфена', ѳлдя (н. о́вдя) 'Евдокия', го́ддэз (н. го́ддэз) 'годы', звѳнитны (н. звонитны) 'звонить', бу́р ви́днѳ (н. бу́р ви́дно) 'хорошо, видимо', ви́ѳто́мово́йис (н. ви́ѳто́мово́йисъ) 'процеженные'; коч. дивѳ (н. диво, дио) 'много (н. удивительно)', со́лсем (н. совсе́м), до́раѳво́й (н. до́рово́й) 'из холста'; лев. си́ро́та (н. сирота́), ко́чкаэз (н. ко́чкаэз) 'кочки',

³⁸ В некоторых северных диалектах лично-притяжательные суфф. 1-го л. -ѳ, 2-го л. -ыт, 3-го л. -ыс не различаются. Здесь суфф. -ыс употребляется в значении суфф. 2-го лица.

косьтёр (н. косьтёр) 'костер', только (н. только), голос (н. голос, гоос), сочон (н. сочон) 'сочни', кузблин (н. кузовин, кузонн) 'в кузове', мало-дело (н. мао-део, маво-дево); н.-к. токо (н. токо) 'только', стокан (н. стокан); пукс. погреб (н. погреб), торгуйтис (н. торгуйтис) 'он торговал', злодей (н. зводей) 'злодей', бродитоны (н. бродитоны) 'бродят', ограда (н. ограда); чур. каждый год 'каждый год', мун ни токо 'иди уж только'; гайн. розориччас (н. розориччас) 'разорится', мый толкыс (н. товкыс) 'что толку-то', завидно (н. завидно, зайлно); ис. мало помнита (н. мао) 'мало помню', натиранньо (н. натираннэ) 'натираание', роддэвлон (н. роддэвлон) 'челядь' 'дети родственников', скоро (н. скоро); мнс. поли товаришис (н. поли товаришис) 'может быть, товарищ-то', коромысла (н. коромысва) 'коромысло', сапог (н. сапог), готовита (н. готовита) 'готовлю, приготавливаю'; в.-л. ольксан (н. олёксан) 'Александр', скотыт абу 'скота нет', потолок (н. потоок, потовок) 'потолок', половинанс (н. посвинанс, половинанс) 'половина-то', нарошно (н. нарошно).

Ср. верхнекамские примеры: коток 'коток', догадайчи 'догадался я', только 'только', бокал 'бокал', остиночки, рассада 'рассада', письмо, моток 'моток', родник 'родник', сапог 'сапог', осложнение 'осложнение', год 'год', оконичас 'оконницы', хозяин 'хозяин', хоть 'хоть', колодец 'колодец', рассола 'с рассолом', косо 'косо', спасибо 'спасибо' и др. Отдельные случаи употребления звука о на месте о в русских заимствованиях встречаются в некоторых кудымкарско-иньвенских говорах, например: в.-и. дова 'вдова', деготь 'деготь', коза 'коза', хозяин 'хозяин', хоть 'хоть', но: товариш, токо 'только', тоже 'тоже'; кув. козавсвись 'у козы', тоже 'тоже' и др.; ош.оз откажит 'не откажет', коис догадайчыны 'надо было догадаться', пасёнок шедис 'попал он в пасынки', токо³⁹ 'только' и т.д.

Звук о несколько чаще встречается и в коми словах. Таких слов немного, например: коч. онмоссёма (к.-и. онмоссёма) 'он заснул'; н.-к. чочком (к.-и. чочком) 'белый', омон (куд. омон) муна 'прямо пойду'; пукс. таво (куд. таво) 'в этом году', кокова (н. кокова) 'комкастая шерсть'; чур. онмоссис 'он заснул'; гайн. такой чомор (н. чомор) 'такой есть', кудымкарлапюльс (н. кудымкарвапоис) 'со стороны Кудымкара, кудымкарский' и др.

В оньковском диалекте, относящемся к южному наречию, также встречаются случаи употребления о на месте о в коми словах, напри-

³⁹ О причинах замены русского о коми звуком о см.: Лытк. Отражение перехода е в о в русск. заимств.: В.И.Л и т к и н. Фонетика северно-великорусских говоров и заимствования из русского яз. в комийский. "Материалы и исследования по русской диалектологии", т. II. М., 1949.

мер: мой (ср.-и. мый) 'что', моля (ср.-и. мыля) 'почему', вурѡнѡ (куд. вурѡны) 'шют', узѡнѡ (куд. узѡны) 'спят' и т.п. Это характерно и для нижеиньвенских говоров, ср.: аз. мой коран 'что просишь', мой мынне 'что сколько', кытѡнѡ (ср.-и. кытѡн) 'где', ѡстѡнѡ (ср.-и. ѡстѡн) 'здесь', кыкѡнѡ (ср.-и. кыкѡн) 'у двоих', чѣгьявѡнѡ (куд. чегваѡны) 'ломают'; акс. мой нѣльѡѡ 'что не нравится', сѣтѡнѡ 'тут, на том месте', ѡстѡнѡ 'вот здесь', сидз мо-дѡмѡ (ср.-и. мѡдѡм) 'так хотел он', мой поан кѣрны 'что будешь делать', кытѡнѡ 'где'; крох. сьѡлѡк, кытѡнѡ тѣ? 'чернуха, где ты?'; кѡльвисѡ мѣнымѡ (ср.-и. мѣным) 'оставляли мне', ѡвис тѣтѡнѡ (куд. тѣтѡн) 'жил он здесь', но: кѡдя кытѡн 'кто где', ѡстѡн видззез вѡисѡ 'здесь луга были'; фед. мой 'что', ѡлѡлѣйтис (ср.-и. ополѣйтис) 'он надоел', кыскѡмѡсь (куд. кыскѡмѡсь) 'оттащили'.

Почти во всех южных говорах в окончаниях глаголов 3-го л. мн. числа настоящего времени на -ѡны наблюдается переход конечного ы в ѡ под влиянием предшествующего гласного ѡ. Например, на верхней Иньве говорят: узѡнѡ (ср. куд. узѡны) 'ночуют', майчѡнѡ (ср. коч. майчѡны) 'маются', пырѡнѡ (ср. в.-к. пырѡны) 'заходят', вѣтѡнѡ (ср. тук. вѣтѡны) 'ходят', кѡрѡнѡ (в.-к. кѡрѡны) 'просят' и др., но: сѣтаѡны 'дают, раздают', поучаѡтѡны 'получают' и др. Причем гласные ѡ и ы в этой позиции могут выпадать или редуцироваться. Ср.: байтѡн вм. байтѡны или байтѡнѡ 'говорят', дѣньга сѣтѡн (куд. сѣтѡны) 'деньги дают', упѣть кѡртѡн (куд. кѡртѡны) 'опять гребут' и др. (см. также стр. 186-187). Данное явление имеет более широкое распространение в нижеиньвенском и оньковском диалектах.

В верх-лупьинском диалекте очень часто вместо ѡ употребляется звук э: 1) мамэ (ср. мнс. мамѡ) 'моя мать', сѡйэ (мнс. сѡйѡ) 'моя сестра', вѡкэ (мнс. вѡкѡ) 'мой брат', ѡтѣэ (вм. ѡтѣѡ) 'мой отец'; 2) пѣэвѣй (вм. пѣѡвѣй) 'деревянный', кѡртѡвѣй (вм. кѡртѡвѣй) 'железный', нѣнѣэвѣй (вм. нѣнѣѡвѣй) 'хлебный, из хлеба'; 3) ѣна дѡймэ (вм. дѡймѡ) 'сильно болит', ѡрѣтэ (вм. ѡрѣтѡ) 'режет', вѣлтѣ дрѡжитэ (вм. дрѡжитѡ) 'сильно дрожит', ѣгэ и сѣйле 'и не ели мы', сѡччэ 'горит', мэ ѣг вѣсѣталэ 'мы не сказали', ѡтѣ, на работу кѡлэ 'папа, на работу нужно', пѣэ пѣ лѣк пѣ 'говорит, мол, злой', ѡз кэ вѣнѣтэ 'если не забудут', ѡура вѣндэ 'хорошо жнет'; 4) гѣжэма 'написал он', вѡлі нѡйтэм 'он избил было'; 5) тѣэ (ср. коч. тѣѡ) 'вы', мѣэ (ср. коч. мѣѡ) 'мы'; 6) ѣгэ (ср. ис. ѣгѡ) 'мы не', ѣзэ (ср. ис. ѣзѡ) 'они не', тѣ пѣ 'говорят, ты'; 7) налѡгтэ (ср. в.-к. налѡгтѡ) 'налог-то', кѣситэ (в.-к. кѣситѡ) 'волосы-то'; 8) старѣкэс (мнс. старѣкѡс) 'старика', кѣркаэ (ср. ис. кѣркуѡ) 'в дом', грамотнѡйтэг 'без грамотного', мамалэн пѡ 'мол, у моей матери', старѣкакэт 'со старухой', кытшѡмѡ лѣнэ 'в какой-то день' и т.д.

Итак, из примеров мы видим, что э встречается у определенно-притяжательных существительных 1- и 2-го л. ед.числа (см. п. 1 и 7). Подобное явление характерно и для коми-зырянских говоров и диалектов, например, для верхневычегодского и ижемского⁴⁰.

Э на месте ё встречается в суффиксах относительных прилагательных -эвэй (п.2), в окончаниях глаголов 1-го лица ед.числа настоящего времени (п.3) и 3-го лица ед.числа второго прошедшего времени (п.4), в личных отрицаниях отрицательных глаголов 1-го лица мн.числа настоящего времени (п.6), а также в местоимениях 1- и 2-го лица мн.числа (п.5). Однако в этих же формах имен существительных, прилагательных, местоимений и глаголов часто употребляется ё: мёдын оло 'у меня живет', ёльён по чарётайом 'говорят, сильно ударило молнией', кольчылыс батъс съорисъ 'оставался он после отца', оз нолло 'не носят', усьом да 'упал он да', налогто ме минта 'налог-то я уплачу', сиз и волом оло 'так было и он жил', мунисъ 'они ушли', гожумон 'летом', чочком 'белый', сиалон 'у него' и т.д. Примеры показывают, что одни и те же слова и формы могут употребляться со звуком э или ё. Следовательно, в употреблении звука э на месте ё других диалектов нет никакой закономерности. Звук э здесь является вариантом фонемы ё. Это фонетическое явление вибрации.

Встречаются также явления противоположного характера, когда на месте ё литературного в диалектах присутствует звук о. Приведем примеры, имеющиеся в нашем распоряжении: лев. кнчъ кор лоас 'куда-то иногда исчезает', коркё батшко сё висътасис (ср. кёр, коркё) 'когда-то свекор все рассказывал'; н.-к. кор 'когда', кёр-кё (ср. коркё) 'когда-то', котколнуса (ср. котковну) 'с той поры еще'; пукс. кор лоас 'когда будет', шомкор (ср. ю. шма 'кислый') 'кислица, щавель', чодзылыс (ср. дзёдзыв) 'ящерица'; в.-к. тонн (к.-и. тён) 'вчера', льомпуисъ (к.-и. льомпу) 'из черемухи', мойму (к.-и. мёйму) 'в прошлом году', косьсь (ср. к.-и. кёсьсь) 'сухие', омё (к.-и. омё) 'в рот', гором (н.-и. гором) 'отверстие в печке', шма (к.-и. шма) 'кислый', косуння (ср.-и. кёсвунся) 'постный', кор (к.-и. кёр) 'когда' и др.; аз. код (к.-и. кода) 'который, кто', некор (к.-и. нёкор) 'никогда', кор 'когда', коркё 'когда-то', кодър (ср.-и. кёр) 'когда' и др.

Употребление звуков и и э. По сравнению с литературным языком и иньвенскими диалектами, в оньковском диалекте значительно шире употребляется звук и. И встречается на месте литературного э < э (э закрытого), ср., например:

⁴⁰ ССКЗД, 459.

оньк.	к.-п.лит.	к.-я.	перевод
вим	вем	вим	'мозг'
виж	веж	виж	'желтый'
чир	чер	чир	'топор'
йим	ем	им	'игла'
гиз	гез	гиз	'вожжи'
кижны	кежны	кижне	'сворачивать'

Фонема и на месте э употребляется также и в отрицательных глаголах прошедшего времени.

оньк.	к.-п.лит.	к.-я.	перевод
иг	эг	иг	'я не'
ин	эн	ин	'ты не'
из	эз	из	'он не'
игѳ	эгѳ	иге	'мы не'
идѳ	эдѳ	иде	'вы не'
изѳ	эзѳ	из ⁴¹	'они не'

Данное явление характерно и для вымского, нижневичегодского, ижемского, удорского диалектов коми-зырянского языка⁴².

Как показывают примеры, по употреблению звука и на месте э оньковский диалект имеет сходство с говорами коми-язьвинского наречия. Однако следует заметить, что и на месте э у коми-язьвинцев встречается в большем количестве слов. Ср.:

оньк.	к.-я.	перевод
вежны	вижне	'сменить, заменить'
вежѳр	вижѳр	'ум'
вешыны	вишѳне	'сдвинуться'
лѳбны	либѳне	'подняться'

Исторически данный звук и на месте э восходит к закрытому э (< э̌), которое, по мнению В.И.Лыткина, по своему качеству стояло близко к дренерусскому ѣ (ять)⁴³. В результате исчезновения закрытого э̌ в одних коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах оно было заменено звуком э (открытым), в других диалектах, как и в коми-

⁴¹ Примеры здесь и далее по коми-язьвинскому наречию взяты из работы В.И.Лыткина: Лытк. Коми-язьв., 69.

⁴² Лытк. Ист. грамм., 63; ССКЗД, 481.

⁴³ В.И. Лытк и н. К вопросу о вокализме пермских языков. "Тр.Ин-та яз-ния", т. I, М., 1952, стр.32-36.

язьвинском наречии, в оньковском и ниже-иньвенском диалектах коми-пермяцкого языка и в ряде отрицательных глаголов ижемского, вымского, нижевычегодского и удорского диалектов коми-зырянского языка, закрытое э слилось с фонемой и. Следует заметить, что положение данной фонемы (и < э) в оньковском диалекте не устойчиво: оно может заменяться звуком э. Так, носители диалекта говорят: веж и виж 'желтый', кежны и кижны 'сворачивать', вежай и вижай 'крестный' и т.д. Случаи колебания показывают, что возможно, звук и на месте э когда-то употреблялся в большем количестве слов, чем сейчас, а впоследствии, в период самостоятельного развития диалекта (от коми-язьвинского), под влиянием соседних иньвенских диалектов в некоторых словах звук и был заменен фонемой э. Аналогичное явление имеет место и в соседнем, нижеиньвенском диалекте. Однако можно выдвинуть и другое предположение: в оньковском диалекте э могло быть заменено звуком и в меньшем количестве слов, чем в коми-язьвинском, т.е. данное фонетическое явление имело более широкое распространение в коми-язьвинском наречии.

Слова, имеющие и на месте э, удерживают ударение на и, тогда как в этом же диалекте корневые гласные и, и, у в неодносложных словах не имеют на себе ударения: виж 'желтого', ситшом 'такой', чиртот 'без топора', но: кисъя 'я лью', вира 'кровяной', сисъмо 'гниет' и т.д. (подробнее см. в разделе об ударении стр. 90).

Употребление звука и на месте э кудымкарско-иньвенских говоров характерно и для нижеиньвенского диалекта. Ср.: тук. виж (к.-и. веж) 'желтый', иг (к.-и. эг) 'я не', из (к.-и. эз) 'он не', изо (к.-и. эзо) 'они не', изо по вкото 'говорят, не приехали', из кер-выво 'не делали' и др.; тим. читом (к.-и. чегом) 'сломался', позвоночниксо читис 'он сломал позвоночник', вижось 'желтые', из вок 'он не пришел' и др.; акс. чир (к.-и. чер) 'топор', вижото 'желтеет', читомось (к.-и. чегомось) 'сломаны', из ось 'не открыл', ин гудин 'не копайся', им (к.-и. эм) 'есть'; крох. татон из (куд. эз) 'здесь нет', ин (куд. эн) верд 'ты не накормил', изо (куд. эзо) кастьво 'не вспоминали', чигваомось (куд. чегваомось) 'обломали'; доег. из пот 'не наелся', чигваа 'ломаю', изо (нерд. эзо) вермо 'не смогли', ин (куд. эн) застанит 'ты не застал', эм вижис 'есть желтое' (куд. вежис). В этих же говорах и на месте и произносится в слове кидз 'как' (ср. ср.-и. кидз). Звук и встречается на месте э в слове сык 'тогда', ср. куд. сэк в том же значении.

Выпадение гласных звуков

В некоторых говорах имеют место случаи выпадения гласных звуков в середине и отпадение гласных в конце слова, что, очевидно,

связано с редукцией как безударных, так и ударных гласных. Ср.: аз. са (ср.-и. сія) тодо 'он знает', на (ср.-и. нія) мунѡмась 'они ушли', мѡдѡн (куд. мѡдѡны) нѡѡтны 'хотят увести', вайѡн (куд. вайѡны) 'несут'; тук. кыѡн са 'где он?', опѣтъ кѡшѡн (ср.-и. кѡшѡны) 'ищут опять', верѡн (куд. верѡны) 'могут', но: ѡктаѡны 'поют', веѡчѡны 'учатся'; тим. грисѡсь (куд. грисѡсь) 'крупные', м'ля? (ср.-и. мыля) 'почему?', на 'они', са 'он', абу я ма (ср.-и. абу я мый я) 'нет что ли?' сывынаас (к.-и. сывынаас) 'так далеко', мѡй керѡн? (ср.-и. керѡны) 'что делают?'; доег. ѡктѡ са 'он идет', ѡнь 'июнь', ѡль 'июль', высьтинтѡ (ср.-и. вьсьтн-нытѡ) 'подоить-то', кѡльмѡн (ср.-и. кѡльмѡны) 'играют, резвятся', сыдз керѡн 'так делают'; акс. сыдз и кѡльѡн 'так и оставляют', мѡда ѡктын (куд. ѡктыны) 'хочу собрать', курччасѡн (ср.-и. курччасѡны) 'кусаются', но: кыѡкѡ мунѡнѡ 'куда-то идут', сык ыстѡнѡ 'тогда посылают', тшѡктѡ ѡктыны 'просит собрать'; крох. ня (тук. нія) высьѡны 'они болят', са (ср. сія) 'он', кѡльѡн (куд. кѡльѡны) 'оставляют'; от. понѡдильник 'понеделник' (диал. русск. понидильник), тышкасѡн (куд. тышкасѡны) 'дерутся', ѡквас пѡрѡн (куд. пѡрѡны) 'набок валятся'; ош. убрайѡсѡ (ср. убирайѡсѡ) 'убрали', ѡт (куд. ѡта) кѡста 'в это время'; лоп. кальѡава (ср.-и. каличѡава) ѡѡссѡ 'запру двери', са 'он', на (ср. нія) 'они' и др.; нерд. ѡжжык (куд. ѡжажык) 'быстрее', ѡтпырисѡн (ср. ѡтѡк пырисѡн) 'по разу', нѡлын (ср. нѡлын) 'близко', ѡтаына (ср. сев. ѡта ылына) 'так далеко' и др.; оньк. сѡн (к.-и. сѡйѡн) 'поэтому', ылысянѡ (ср. ылысянѡ) 'издалека', сюшны (к.-и. сюшны) 'сунуть, подложить', ѡштын (ср.-и. ѡштыны) 'успеть', рапкын (к.-и. рапкыны) 'ходить волоча ноги', но: шупкыны 'бросить', нетшкыны 'дергать', лѡктѡнѡ 'идут' и др.; ср. в.-к. зѡлтан (оньк. зѡлѡтан) 'нажмешь', ѡта ылына (сев. ылына) 'так далеко', гѡсся пыдѡ (ср. ис. пыдѡ) 'вместо госты', ѡшка (к.-и. ѡжжыка) 'быстрее', ѡас (куд. сей-ѡас), дѡѡт (ср. видѡѡт) 'смотри, взгляни', ѡат (к.-и. ѡасѡт) абу 'сейчас нет' и др. Как показывают примеры, в верхнекамском наречии могут выпадать и отдельные слоги, что в данном наречии встречается значительно чаще, чем в других диалектах. Нечто подобное имеет место и в коми-язвинском наречии⁴⁴, а также в летском диалекте коми-зырянского языка⁴⁵.

⁴⁴ Лытк. Коми-язв., 46-47.

⁴⁵ Материалы по летскому говору собраны нами в 1971 г.

По мнению В.И.Лыткина, по сравнению с русским литературным языком, звуки коми-пермяцкого языка (как и в коми-зырянском) более устойчивы: они менее подвержены влиянию соседних звуков, при этом гласные ни под влиянием соседних звуков, ни под влиянием ударения не меняются качественно, т.е. не переходят в другой звук (ср. русск. вада́, но во́ды)⁴⁶.

Необходимо отметить, что это положение приемлемо в какой-то степени лишь для литературного языка. В диалектах мы наблюдаем разнообразные языковые явления, отличные от литературного, как в области согласных, так и в области гласных звуков. Так, в системе гласных звуков наблюдается их уподобление по ряду и подъему, происходит как бы выравнивание по месту образования. Это новое явление встречается во всех коми-пермяцких диалектах: в одних говорах оно имеет более широкое распространение (например, в среднеиньвенском), в других встречается реже, так как находится только в начальной стадии развития. Следует отметить, что во всех диалектах параллельно употребляются те и другие фонетические варианты. Ср.: о́тер и о́тир 'люди', Кы́дымкар и Ку́дымкар и др. Очевидно, не все встречающиеся случаи можно объяснить ассимиляцией. Но на данном этапе развития этого явления трудно провести какую-либо строгую классификацию, поэтому мы все подобные случаи объединяем в разделе "ассимиляция гласных", считая важным зафиксировать это новое явление.

Из южных говоров довольно широкое распространение ассимиляция гласных, или выравнивание, имеет в среднеиньвенском говоре. Ср. примеры параллельного употребления слов с выравненным (см. первое слово) и невыравненным (см. второе слово) гласным: ынмб́ссис и о́н-мб́ссис (< онмб́ссис) 'он заснул', о́тер и о́тир 'люди', гын́яйт́мась и го́няйт́мась 'успивали', о́дэ́рвун и у́дэ́рвун 'позавчера', о́ксёноас и а́ксёноас 'в Аксеново', ту́уссяняс и ту́йсьяняс 'с весны', иби́райті и уби́райті 'я убрал', о́рбш и ы́рбш 'квас', гу́убой и го́убой 'голубой', о́солляй и у́солляй 'в Усолье', у́зйм и из́йм 'изюм', укт́ун и окт́ун (для рыбной ловли), мусу́литэ и мису́литэ 'усердно работает' и т.д.

Чаще всего под ассимиляцию попадают безударные гласные в заударной или в предударной позициях. Ср.: а) примеры на ассимиляцию гласных в предударных слогах: гын́яйт́ом вм. го́няйт́ом 'он успивал', мусу́литэ и мису́литэ 'усердно работает', о́рбш вм. ы́рбш 'квас', ы́шын вм. о́шын 'окно', иби́райт вм. уби́райт 'убери' и др.; б) примеры на ассимиляцию гласных в заударных слогах: та́ын вм. та́ун

⁴⁶ Совр. к. яз., 35; Коми-перм., 76.

'сегодня', кóроой вм. кóроой 'липовый', түүссаянэс вм. түүссаянэс 'с весны', óтер вм. óтир 'люди'. Есть случаи, когда ассимилируется гласная, стоящая под ударением: керэсэдын вм. керэсдын 'у горки', гүүббэй сина вм. гоуббэй сина 'голубоглазая' и др.

Ср. это явление в других говорах: доег. ымóль вм. умóль 'плохо', мóдвын вм. мóдвун 'послезавтра', óдзэс вм. ндзэс 'дверь', убидитэ вм. обидитэ 'обижает', прокороркаэс вм. прокуроркаэс 'прокурорку', месечэс из оу 'и месяца /он не прожил', жоудошнэй вм. жеудошнэй 'желудочный'; акс. мóдйм кийнэ вм. кыйнэ 'хотели ткать', таун вм. таун 'сегодня', тожы вм. тожэ 'тоже', высэтэс вм. высэтэс 'подойт', кыз вм. кыз 'как', йывын вм. йывын 'на льду', кытэон видзэонэ (вм. видзэоны) 'где держат', дерэктор вм. дирэктор, ижмита вм. ыжмита 'прижму', иньвалорэ вм. иньвалорэ 'к Иньве', эта бура (вм. бура) 'так сильно' и др.; крох. куртэонэ вм. куртэоны 'гребут', кэдзэсоой вм. кэдзысоэй 'семенной', йыввесэ вм. йыввесэ 'верхушки-то' и др.; фед. óтерыс вм. óтирыс 'люди-то', неучитик вм. неучётик 'не маленький', готэойсэ вм. готэойсэ 'готовое-то' и др.; мелх. ыдлэон вм. эдлэон 'очень', мыкэд вм. мукэд 'некоторый, некто', ымóль вм. умóль 'плохой', ышнэтыс вм. эшнэтыс 'через окно', кыскэмэсэ вм. кыскэмэсэ 'вытащили' и др.; в.-ю. этыдз вм. этадз 'так', бергэт попытэ (вм. попуте, ср. обл. русск. попутэ) 'поверни как следует', онмэссис вм. онмэссис 'он заснул', мында вм. мында 'сколько' и др.; в.-и. кэрэонэ вм. кэрэоны 'просят', пырэонэ вм. пырэоны 'заходят', кэонэ вм. кэоны 'нужны', угурцыэс вм. огурцыэс 'огурцы', сусэддэс вм. соседдэс и др. Впрочем, слова угурцыэс и сусэд могли быть заимствованы в таком виде из соседних русских говоров. Ср. далее: от. ышынэок вм. эшынэок 'окошечко', учитик вм. учётик 'маленький'; бел. ышынэс вм. эшынэс 'окно-то', óтер и óтир 'люди, народ'; косог. кудымкарэс вм. кудымкарэс 'в Кудымкаре', белэттэс вм. билэттэс 'билеты', онмэсси вм. онмэсси 'я заснул', бытэсоой вм. бытэсоэй 'из приемшей' и др.; кув. ышын вм. эшын увтын 'под окном', бырвысинэс вм. бурвысинэс 'от хорошего-то', а ведзэонэ пэ ведзэонэ 'а говорят, отпускают'; ваг. матэрэой вм. матэрэй 'из хлопчатобумажного диагоналя', джоджысянэс вм. джоджусянэс 'с голобца', штукотуритис вм. штукотуритис 'штука-турил он', йезай вм. йэзай 'свекор'; ош. этывэ вм. этавэ 'этому', чанэвэй вм. чанэвэй 'из жеребятины', эты быра вм. эта бура 'так сильно'; егор. ошуэас вм. эшэас 'в Ошбе', унжман вм. ыжман 'жизнь', вудук вм. вудук 'клоп', абуэумóль вм. умóль 'не плохо', мында вм. мында 'сколько', быди вм. буди 'может быть'; лоп. óтэр вм. óтир 'люди', óтэр (вм. óтир) сбэрнэй 'народ приезжий, всякий', са быди (вм. буди) 'может быть, он', этывэ вм. этавэ шэдис 'этому попало', пышаль вм. пишаль 'пищаль', тырын вм. турын

(< турун) 'трава' (ср. Ывисянь роде тырын тыдаб, а абу. 'Издате-ка вроде трава, виднеется, а нету'). В южных говорах ассимиляции подвержены все гласные, кроме звука э (примеры: см. выше). Явление ассимиляции гласных не отмечено в азовском, тукачевском и тиминском говорах нижеиньвенского диалекта.

Во всех северных диалектах также имеются случаи ассимиляции гласных: б.-к. мында вм. мунда 'сколько', кутшом вм. кытшом 'какой', таун вм. таун 'сегодня', оде́рлун вм. уде́рлун 'позавчера', пуламо́ ужу́н (вм. ужн) 'варим ужин', ошб вм. ншб 'еще'; коч. тракту́рисканн (вм. трактори́стканн) о́лис 'трактористкой была (она)', сибырб вм. сибырб 'в Сибирь', кыдымкарас вм. кудымкарас 'в Кудымкаре', этыдз вм. этадз 'так', талын вм. талун 'сегодня', лёмпу вм. льбмпу 'черемуха', нстаткисб вм. остаткисб 'остатки-то', пожымья (вм. пожумья) мэста 'сосновые места', турын вм. турун 'трава', оде́рлун вм. уде́рлун 'позавчера', учитик вм. учотик 'маленький', абы вм. абу 'нет, не имеется', абы жорыч (вм. жоруч) 'не обжора', ышын вм. ошын 'окно', валянкиэз вм. валенкиэз 'валенки', каляк 'калека', эг о́нмоссы 'я не заснул', рокомейка вм. рукомойка, сыбырна вм. сыбурна 'так сильно'; лев. енвалидскый вм. инвалидскый, куккусиньон вм. кыккусиньон 'вдвое сложив', мырыл вм. мырбл 'пень', оде́рлун вм. уде́рлун 'позавчера', ондроновись 'из Андронovo', борондук < бурундук (лестницы в сенях), кизерик вм. кизьбрик 'жиденский', нббны вм. небны 'покупать'; н.-к. мунисб быди (вм. буди) 'может быть, ушли', шнырок вм. шнурок, омон вм. омон 'прямо'; пукс. не бтыр вм. отир 'не люди', важбн вм. важын 'давно', ымблик вм. умблик 'худенький', сы кузи вм. сы кузя 'поэтому', шотём вм. шутём 'выпаш', кизер вм. кизьб 'жидкий', мырыл вм. мырбл 'пень', сэччынись вм. сэччынись 'оттуда', кыт-ненабудь (ср. кытбн-нинабудь) 'где-нибудь', кутшом вм. кытшом 'какой'; чур. ышыннэс вм. ошыннэс 'окна', кар сја о́нмоссис вм. онмоссис 'защипел'; гаин. калячатасб вм. калечитасб 'искалечат', каляк лоан (вм. калека) 'калека будешь', мо́кбдыс вм. му́кбдыс 'некоторые', одззуну вм. одззыну 'в позапрошлом году', учетик вм. учотик 'маленький', мундакбсь вм. мындакбсь 'сколько-то'; ис. бырым вм. бырбм 'изношенный', турын вм. турун 'трава', мында вм. мында 'сколько', оде́рлун вм. уде́рлун 'позавчера', корэссез вм. корэссез 'веники', кодзыт талын (вм. талун) 'холодно сегодня', быди вм. буди 'может быть', чугын вм. чугун, пыш турын (вм. турун) 'конопля'; мыс. епеть вм. опеть 'опять', воллылбнб вм. воллылбны 'приходят' и др. Сравните также примеры из верхнекамского наречия: орбшок вм. нрбшок 'квасок', мудзисб вм. мыдзисб 'устали', кыным вм. кыном 'живот', унмбссис вм. онмбссис 'он заснул', учетика вм. учитика 'помаленьку', гожымбт вм. гожумбт 'все лето', абы вм. абу 'нет',

старышкаэзыс вм. старушкаэзыс 'старушки-то', чумоданын вм. чомоданын или чемоданын 'в чемодане', ööös вм. ноös 'дверь', һстöнö вм. һстöнн 'посылают', автöбөс вм. автöбүс, үмүтнöяс вм. омүтнöяс 'в Омутном', шүпöвник вм. шыпöвник (ср. шыпча ягöд), эпетит вм. аппетит, мужүк вм. мужик, пазан вм. пызан 'стол', эзе-эзе вм. эзи-эзи 'так и так' и др.

Во всех северных говорах ассимиляции могут подвергаться все гласные, кроме а (см. примеры выше). Но необходимо заметить, что звуки н на месте у (ср. пöжым вм. пöжум), е на месте ö (ср. кйзер вм. кйзёр), ö на месте о (ср. öмөн вм. омөн 'прямо'), о на месте у (ср. шотём вм. шутём), н на месте ö (ср. ншын вм. öшын 'окно'), н на месте и (ср. отыр вм. отир 'люди') и т.п. — появляются как правило, при более быстром темпе речи; при медленном произношении обычно выступают основные фонемы у, ö, о, э, и. Их варианты н, э, ö, о (примеры см. выше) появляются не так часто. Указанная ассимиляция гласных представляет собою новое явление в коми-пермяцких диалектах, требующее дальнейшего дополнительного изучения. Сейчас можно уверенно сказать лишь одно, что это результат действия каких-то внутренних закономерностей, языковых процессов, заложенных, вероятно, еще в глубокой древности.

СИСТЕМА УДАРЕНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Коми-пермязский язык в отличие от других финно-угорских языков характеризуется особой, присущей только ему, системой ударения. Причем разные диалекты и диалектные группы имеют своеобразные системы ударения, но для большинства диалектов и говоров свойствен **разноместный тип ударения**.

Впервые о роли и месте ударения в коми-пермязском языке довольно детально (по частям речи) писал И.И.Майшев¹. Значительное внимание данной проблеме в ряде своих работ уделил В.И.Лыткин². Вот что он пишет об ударении в коми-пермязском языке: "Для ударения коми-пермязского языка характерно то, что оно в значительной мере морфологизировано, т.е. его местоположение зависит от морфемы: одни морфемы всегда безударны, другие ударяемы, третьи перетягивают ударение на себя или на предшествующий слог. В результате получается весьма оригинальная картина разноместного ударения. Поскольку место ударения обычно определяется морфемным составом слова, постольку оно может в одних словах падать на первый слог, в других — на второй, на третий и т.д.; но в каждом отдельном слове ударение занимает вполне определенное место (слов с неустойчивым ударением очень немного), причем ударение покоится всегда на каком-нибудь слоге основы слова, а словоизменительные суффиксы всегда являются безударными. Поэтому коми-пермязское ударение мы называем **осново-разноместным**"³.

Ударные гласные коми-пермязского языка в значительной степени отличаются от безударных по своей силе и долготе: ударный гласный произносится с большей силой и долготой, чем безударный. Об этом

¹ Майшев. Грамм. коми-перм. яз., 10-11, 26, 57-58, 72-73.

² Лытк. Об ударении..., 107-119; Коми-перм., 30-32, 90-95; Лытк. Вопр. акцентуации..., 257-265; Лытк. Ист. грамм., 105-108; Лытк. Коми-язьв., 33-34; Лытк. ДХПЯ, 24-28.

³ Лыт. Об ударении...

свидетельствуют и случаи редукции и выпадения отдельных заударных или предударных гласных. Качество ударяемого гласного не во всех диалектах одинаковое: в одних они произносятся с большей силой, в других — с меньшей.

УДАРЕНИЕ В КУДЫМКАРСКО-ИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ

Сначала рассмотрим характер ударения кудымкарского говора⁴, легшего в основу литературного языка коми-пермяков.

В названном говоре ударными являются следующие суффиксы:

- 1) уменьшительно-ласкательные суфф. -ок (-ёк), -тор: вёрок 'лесок', панёк 'ложечка', көнёсок 'кадушечка', сунисок 'ниточка', обжок 'хвостик', врёк 'головка'; няньтор 'хлебушка, кусочек хлеба', йбвтор 'молочко', изтор 'камешок', донатор 'нечто дорогое, близкое, ценное', ёгтор 'сориночка', жельтор 'соринка', дивуйтантор 'нечто удивительное' и др.; 2) суфф. -жуг со значением пренебрежительности: песжуг 'дровишки', вёвжуг 'лошаденка', мортжуг 'человечишко', пасьжуг 'шубенка', пальтожуг 'пальтишко', керкужуг 'домишко', турунжуг 'травка' и т.п. и т.д.; 3) отыменные словообразовательные суфф. -ёс, -ёр, -а: шомёс 'мел', көнёс 'кадушечка', пуртёс 'стручок', сьёвмёс 'сердцевина', шядёс 'крупя', керёс 'гора, возвышенность, холм'; чукёр 'куча', кымёр 'туча, облако', басёк мыгёр 'красивое телосложение'; кузя 'длина', пасьта 'ширина', дэра 'холст' и другие, все три суффикса малопродуктивны; 4) продуктивные отглагольные словообразовательные суфф. существительных -ан, -ём, -ёт, -ись, -ас: пыран 'вход', петан 'выход', кёдзан 'сев', ытшкисян 'сенокос', олан 'жизнь'; корём 'просьба, милостина', олём 'жизнь', кёдзём 'посевная, сев', куртём 'сгребание сена' и др.; отпёт 'помощь', гижёт 'письмо, бумажка', конкнёт 'облегчение, помощь', сынёт 'изморозь'; обрийсь 'избиратель, разборчивый', отцаись 'помощник', баитись 'собеседник', веёччись 'ученик' и др.; дёмас 'заплата', кыдас 'сеть', быдтас 'воспитанник', быдмас 'растение', кырас 'овраг' и т.п.

Ударение в некоторых приведенных выше словах может переместиться на другой слог (обычно, на предыдущий), если отглагольное существительное употребляется в речи в роли определения, ср.: кёдзан кад 'посевная, сев', пыран мёстын 'на месте входа'; в выражении поём пётё 'боязно' ударение на 1-м слог, а не на суфф. -ём. Очевидно, здесь это результат влияния логического ударения. В от-

⁴ Примеры взяты из говора села Большая Серва.

глагольных существительных на -ись (-ись) ударение всегда падает на данный суффикс, даже при наличии в слове других суффиксов, которые могут быть ударными, например: кыскайсь 'возщик', уджайсь 'рабочий, работник', вевзччись 'ученик, учащийся' и др.

Далее ударными являются: 5) уменьшительный суфф. прилагательного -нник: кѡснник 'худенький', рамнник 'смирнёнький', вабнник 'слабо крученный' и др.; 6) словообразовательный суфф. -ин со значением места нахождения: шоннтинас 'в теплом-то месте', пыранинас 'у входа', гажайн 'веселое место, место для веселья', пемытин 'темное место', но: кѡзьянн 'ельник', пожумьянн 'сосновый бор' и др. (ударение на суффикс -я-); 7) суфф. прилагательных и наречий -ѡв со значением избытка качества: кузьѡв 'длинноват', бурѡв 'слишком хорош'; шоннѡв 'слишком тепло, очень тепло', кѡдзыѡв 'слишком холодно' и др.; 8) словообразовательный суфф. числительных -нан со значением собирательности: куимнан ѡннис 'все три брата', нелнанныс ѡнисѡ войнаввас 'они (все) четверо были на войне', витнанныт вѣтватѡ? 'вы (все) пятеро сходите?'; 9) суфф. порядковых числительных -ѡт и -ѡдз: кватѡт 'шестой', витѡт 'пятый'; сизимѡдз ни 'уже седьмой' и др.; 10) суфф. глаголов -а (ав, -авѡ -ау, -авѡ (-авв)⁵, -ы (-ыѡ, -ыв), -ыѡ (-ывв) -ѡут (-ѡвт), -ѡт, -асѡ, -ам, -исѡ, -ит, -уйт, -аѡт -ѡрт, -ѡсьт, -нрт, -ыш(т): но мый висѡтаа 'ну, что скажу', паужунис чуаас 'обед пройдет', додля-ис ѡѡ 'запрягал он лошадь', пукаам дырѡдз 'сидим долго', уджаис, отцаис вартныѡ 'работал, помог молотить-то', шупкавны 'бросать', дыр пукавѡ ас 'долго сидит', нѡбсис игнавѡ ѡм 'дверь не заперта', баржаис пасѡкаѡма 'баржа развалилась', баѡѡ геряввис 'бабушка моя причитала (иногда)' и др.; ѡз ведзвын 'не допускал он', ѡз тырмыв 'не хватало', ме пыктны 'я был опухший', куѡ ны пѡндын 'ты чуть не умер'; ѡднѡн горзыѡ ѡ ис 'сильно плакал (порой)', кѡсьѡв-тис-вачкис 'он сильно ударил', кырѡвтис и кырѡутис 'он зачеркнул'; шагнѡѡ тны и шагнѡѡтны 'перешагнуть, сделать шаг вперед' и др.; менѡ ѡѡѡтван 'меня обманываешь', чернянѡ каѡѡѡм тѣткаѡ 'моя тетя принесла рыбный пирог', ѡдз вашѡтас ѡ каѡѡтныѡ 'рано заставит воду заносить-то' и др.; ѡдзасѡны 'соревноваться', нем висѡтасѡны 'не о чем рассказывать', кѡис ѡтѡсѡны 'надо было помогать'; весамены 'очиститься', ѡѡѡрис мичамис 'погода прояснилась'; пѣтим ѡскисѡны 'вышли (мы) распрягать лошадь', кѡѡ сис ѡѡѡ-дисѡны 'надо было заботиться'; шѡѡѡт куччисис 'болезнь началась'; кокнитны ѡг ѡѡрмы 'сено собирать вилкой я не мог', кѡрѡитны ѡѡ-мис 'укорять он мог', мыѡѡ гымнѡтис 'что-то стукнуло'; ѡѡрмисѡ

⁵ Суфф. -а- наиболее употребителен; его варианты -ав², -ав- встречаются реже.

штрафуйтны 'могли оштрафовать', празьникон пируйтоны 'в праздники пируют'⁶; мигайтны 'мигать', кватайтё сё 'все мало ему (букв. сгребает)' и др.; ме котёрти сэччэ 'я побежала туда', сэк сё кымёртис 'тогда он загрустил', крутом гёгёртис 'вокруг он обошел' и др.; тёно ме онмёсьти 'тебя я усыпил', вирёсьтин 'кровью испачкал ты'; кабёртны 'схватить, взять горстью', пидэртис 'он выжал'; вундышны 'разрезать', кёдзыштис 'немного он посеял'; корыш 'попроси немного'; нёвна сетыштис 'немного он выделил (отдал)'.

11) Под ударением находится и приставка мед- со значением превосходной степени: медыджыт 'самый большой', медгырись 'самый крупный', медматын 'ближе всех' и т.п.

Остальные суффиксы являются безударными. К ним относятся следующие: 1) суфф. мн. числа существительных -эз(-ез): мўэз 'земли', сўэз 'яровые', сўрэз 'рога', нббэз 'поля' и др.; 2) суфф. мн. числа постпозитивных прилагательных -ёсь: вуннэс кўзёсь 'дни длинные', цўэс выннёсь 'деревья высокие' и др.; 3) лично-притяжательные суфф.: дэдэйт 'твой дедушка', сойис 'его (ее) сестра', айё 'мой отец', мамным 'наша мать', бабныс 'их бабушка', кенакныт 'ваша сноха'; 4) уменьшительные и уменьшительно-ласкательные суфф. существительных: -инёй, -у(-ю), -ка: вонинёй 'братец мой', кёзинёй 'елочка', маминёй 'мамочка', Катю 'Катенька', Маню 'Манечка', дэду 'дедушка', кысу 'кysonька', нывка 'девушка', зонка 'мальчик' и др.; 5) словообразовательные суфф. прилагательных: -а(-я), -ся, -ыт, -оёй (-оёй, -оой), например: гырка 'с дуплом', скура 'с рогами', мырья 'с пнями, пнистый', цурта 'с ножом' и т.п.; ойся 'ночной', вунся 'дневной', гожся 'летний'; пёмыт 'темный', кёдыт 'холодный', шоньт 'теплый', чорыт 'твердый' и др.; мўов'ой 'из земли, земной', цўов'ой 'деревянный', нянёй 'хлебный, из хлеба', сёвой 'глинистый' и другие; 6) сравнительные суфф. -жык, который употребляется как с прилагательными и наречиями, так и с глаголами: ёнжык 'прочнее', вынжык 'выше', уынжык 'ниже', умольжык 'хуже', вётжык 'более сердитый', дыржык 'дольше', чожажык 'быстрее', уджажык 'лучше работает', сёйёжык 'ест больше (чем раньше)'; следует отметить, что при наличии суфф. -жык ударение всегда падает на слог, предшествующий ему; 7) словообразовательные суфф. причастий -ом, -ись (-ись), -ан(-ян) -тём: вундём му 'сжатое поле', вурём йёрнёс 'сшитая рубашка'; гыжись морт 'пишущий', сёыись нывка 'поющая девушка' и др.⁷; чеччан кад 'время подъема', ўзян кад 'время сна', вундан машина 'жатка', ытшкисян

⁶ Суфф. -уйт, -айт встречаются лишь в заимствованных глаголах.

⁷ В причастиях на -ись (-ись) ударение колеблется. Во многих словах суфф. -ись стоит под ударением.

кад 'время покоса, сенокос' и др.; йотом 'недопитый', игнавтом 'незапертый', вуртом 'не ошитый', вештытом 'не уплаченный' и т.п.; 8) словообразовательные суффиксы деепричастий -икк (-икк), -тотг, -тотдз, -омон, -тон: гижикк 'во время письма', сеикк 'в процессе еды', вундикк 'во время жатвы' и т.п.; кортотг 'без спроса', узь-тотг 'без сна, не спавши', орбтотг 'непрерывно' и т.д.; мыдзтотдз 'до устали', кув тотдз 'до смерти', горзтотдз 'до слез', сейтотдз 'до еды' и др.; горзэмон и мунис 'ушел он в слезах', сейэмон сеис 'поедом ел(а)', гоняйтэмон мунис 'уехал он вскачь' и т.п.; кортон быдмис 'рос нишм', узьтон колис 'оставил(а) спящими', корасьтон пыраис 'заходил он во время сватовства'; 9) глагольные окончания или словоизменительные суфф.: кора 'я прошу', короте или коро 'просите', сэтам 'отдадим', вайн 'ты принес', озо пето 'не выхоят' и т.д.; 10) падежные суфф.: сойкот 'с сестрой', ворын 'в лесу', моэво 'корове', нинись 'из хлеба' и т.п. Правда, здесь мы имеем исключения: в местоименных с основами кин- и мий- все падежные суффиксы стоят под ударением: кинвон? 'чей?', кинвись? 'у кого?', кинкот? 'с кем?'; кинон воан? 'кем (ты) будешь?'; мийон гиган? 'чем (ты) пишешь?'; мийсь керан? 'из чего делаешь?'; мийын? 'в чем?' и т.п.; в некоторых говорах встречаются случаи, когда под ударением находится падежный суффикс или глагольное окончание, а также суффиксы мн.числа имен существительных и прилагательных (см. об этом на стр. 89); 11) послелogi и частицы: пу сайн 'за деревом', ва утын 'под водой', нор дорын 'у болота', тотдан ко 'если знаешь', сеин бы 'поел бы ты', гигин тай 'написал же ты', мий но адззин? 'Что же нашел ты?' и др.

Во многих диалектах послелogi имеют побочное ударение, если следуют не за односложными именами: вороккес обкын 'у лесочков', город дынас 'у города', кербссэз сайн 'за горами', гожум кежо 'к лету' и т.п.

Имеется немало случаев, когда ударение в слове колеблется. Так, например, суфф. причастий -ан(-ян) и -ись(-ись) в контексте могут быть ударными или безударными. От перемены места ударения смысл слова не меняется (примеры см. стр. 81-82).

Наблюдается колебание в постановке ударения в наречиях образа действия с суфф. -а: эна - эна 'крепко' - 'крепко-накрепко или очень крепко'; чожа - чожа (ветвы) 'быстро' - 'очень быстро (сходи)'; бура - бура 'хорошо' - 'очень хорошо, сильно' и т.д. Здесь мы видим, что ударение играет смысловозначительную роль.

Есть немало случаев, когда колебание в месте ударения не приводит к изменению смысла слова: джендос 'полугрубое полотно домашнего производства', дора 'домотканное полотно', режень 'тянущееся вещество', ворга 'желоб', асыв 'утро', берся 'всякое, вся-

кая всячина', ййки 'мякина' и т.д. Но чаще перенос ударения с одного слога на другой связан с изменением значения слова, т.е. ударение в таких словах имеет фонематическую роль: у́мбля 'плохо' - умбля (керин) 'очень плохо (сделал ты)', сьо́кыта - сьо́кыта 'трудно' - 'очень трудно', крепы́та - крепы́та 'крепко' - 'очень крепко', чу́жом 'родился' - чу́жом 'лицо' и др. (см. об этом стр. 115-120).

Перенос ударения может иметь место и в зависимости от логического или смыслового ударения в слове или в словосочетании: шо́нді ю́гѳр золото́й 'золотой солнечный луч' и кымѳр сайса́нь видзо́ччѳ шо́нді ю́гѳр 'из-за облака выглядывает солнечный луч'; о́бра оз то́д 'опять не знает' - о́бра абу 'снова отсутствует'; куры́т ты́шн 'едкий (букв. горький) дым' - куры́т то́лько го́ршы́н 'горько во рту' и т.п. Здесь также из примеров видим еще заметные смысловые различия в зависимости от места ударения.

Итак, из изложенного выше мы видим, что в кудымкарском говоре, занимающем как бы центральное положение среди других воевых говоров южного наречия, ударение морфологизированно, т.е. одни словообразовательные суффиксы ударные, а другие - безударные. Исключения редки и большинство из них связаны с логическим или фразовым ударением в словосочетании, в предложении или во фразе. И логическое, и фразовое ударение - это особые типы ударения, не связанные постоянным местом в контексте. Следует отметить наиболее отличительную особенность в системе ударения этого говора - случаи переноса ударения на а, главным образом в двусложных словах: да́рга 'вид рыбы', зі по́зья 'осиное гнездо', во́ра 'вымя', до́ра 'холст', во́рга 'желоб', а́йка 'муж, жених', ба́лича 'женская коса', ба́ля 'овца', бе́рся 'всякая всячина', бы́дырся 'всегда', ви́рву́жя 'марьин корень' и т.д. Ср. со ср.-и. и н.-и. диалектами: да́рга(юр), зі по́зья, во́ра, до́ра, во́рга (шор), а́йка, ба́лича, ба́ля, бе́рся, бы́дырся, ви́рву́жя и т.п.

Кудымкарский тип ударения характерен для ряда соседних с кудымкарским говоров: пешнигортского, егвинского, вагановского, егоровского, ошибского, белоевского и косогорского. (Это явление в той или иной мере характерно для большинства говоров, расположенных на территории современного Кудымкарского р-на). Звук а как наиболее звучный среди других гласных перетягивает на себя ударение.

Перенос ударения на -а- (главным образом в двусложных словах) не характерен для говоров Верх-иньвенского, Верх-юсьвинского, Деминского, Самковского и Ленского с/советов того же Кудымкарского р-на. Оно вообще не встречается в диалектах, расположенных на территории Юсьвинского р-на. Следовательно, это явление распространено на небольшой территории (см. схематич. карту 1).

Кроме приведенных выше черт, для ряда вэовых говоров характерны и некоторые свои, специфические особенности. Здесь же мы приводим и отдельные отклонения, встречающиеся в постановке ударения в отдельных говорах ("кустах").

Егоровский говор. 1) Ударными являются суффиксы: -ика, -иш(т): Пилика 'Филиха', Иваника 'Иваниха', Косетьяка 'Костиха', Васькайка 'Васиха' и т.д.; новйётиштё 'поводите, погуляйте (с ним)', новйётиш 'поводи'; котрасьыштё 'побегайте'. 2) Изредка встречаются случаи, когда ударение на 1-м слоге при наличии в словах ударных суффиксов: эн ко́мав 'не обувай', таун кучи́тин 'ты сегодня окучивал', па́ззэсё кра́ситин 'пазы покрасил ты', ягё́д дынас у́джавё 'он(а) в саду (букв. у ягод) работает', ма́шина-э́нас ча́рвабын вётво́ны 'на машинах быстро ездят', бы́двайт по́ ко́с 'говорят, везде сухо', шо́гавны по́нас 'заболеет', вы́сьётны 'чувствовать слабость'. 3) Ударение на втором слоге вместо третьего (неки́нёс ог печи́кты 'никого и пальцем не трону', шога́йтё 'плохо чувствуется', горшкoiк 'горшковик') и вместо первого (пожум 'сосна', оз сисёмы 'не сгниет', оропшез 'рукоятки', кыным оро́п? 'сколько рукояток?').

Ошибский говор. 1) Ударение на первом слоге вместо второго: мамыс по́ чижьяё 'мать, говорят, на чем свет ругается', Иванытвё на́пав 'на Ивана-то напал', сунгисис да ва́ньтис 'он упал и заснул', го́тов па́нныс па́ньыштны 'готов в ее ложку зачерпнуть', ачым усько́ччи 'сама я бросилась', му́рётис 'зашипел он', пе́сёкён со́рвайс 'с песком помешал он', жо́ныкыс 'муж-то ее', че́-по́ль пи́зь оз ко́льё 'ни щепотки муки не оставляют', ме э́г адзы́в 'я не видел(а)', ю́асис, кы́дз о́вво́мась 'спрашивал он, как жили раньше', на́родыс 'народ-то', о́граё бы́нс 'полюхает огонь', ку́втё́дз ба́йтис 'до самой смерти он говорил', по́жавё 'печет', че́по́сси 'кинулась я', со́ттышны ко́ас 'надо будет добавить'. 2) На втором слоге вместо предполагаемого первого ударного слога: пасько́мсо 'одежду-то', ме не́мо э́г по́р 'я ни кем не стал', ко́дэрын? 'в какой стороне?', пожум 'сосна', пи́пу 'пыха', мельни́ча и мельни́чка, пась-кы́т се́рабёс 'с крупным рисунком', ва́ж керку́ да ви́ль керку́ 'старый дом да новый дом', ольпа́ньныс 'постель их', го́жумнас 'летом', во́рыс паськы́т 'лес обширный', я́шииккены́со 'ящички-то они', помё́чь 'помочь', о́тёро́ во́дас 'в о́нях (букв. на воздух) ляжет'. 3) на третьем и четвертом слогах: сенокоси́тны вм. сенокоси́тны 'сено косить', си́нне́со тумани́тасё 'глаза затуманят'.

Отевский говор. Отклонения замечены в следующих словах: ойо́нт ги́жис 'всю ночь он писал', шо́ччис 'отдохни', што́-бы э́з штра́пуйтё 'чтобы не оштрафовали', мы́рья се́тём 'неудобное место он выделил (букв. пнистое отдал)'.

Вагановский говор. 1) Ударение на первом слоге вместо предполагаемого второго ударного слога: свьѣтитны 'цвести', оз мѣшайччы 'не мешается', эз вѣрмѣ сѣавны 'не смогли поставить ловушку', вѣсьѣччыш да пѣтав 'соберись да сходи', ме ог и пѣраввы 'я и не захожу', эп пѣрѣт 'не свали', кѣраи бы 'я срубил бы'. 2) На втором слоге вместо предполагаемого первого: иджит 'большой', сякѣй сѣѣкѣтсѣ 'перенесла', 'какие только трудности я не перенесла', том отѣрысѣ пѣрись оз глениччы 'молодым старики не нравятся', керкѣ вѣи 'дом был', зѣннѣс бурѣсь 'сыновья хорошие', ѣтѣк бѣсьтѣ и мѣдѣк бѣсьтѣ 'один берет и другой берет', огѣ ни 'мы уже не', кѣис керкусис пѣтѣшны 'надо было выйти ненадолго из дому', яблонячѣс портѣччѣс 'яблоня испортилась', киннѣзѣвѣн пѣ тѣ? 'чей, говорят, ты?', чѣри пѣ кѣѣ 'рыба, говорят, нужна', гѣтѣ-ра 'женат' и т.д.

Говор деревни Косогор. 1) Ударение на первом слоге вместо второго: пон оз вѣрѣт 'собака не тронет', эп пѣвзѣѣт 'не пугни', ѣтнѣс пѣр вѣтѣѣтѣ 'всегда один ходит', гажаинныш шкѣаѣс вѣас 'на веселом месте школа будет', пѣндам бѣитны 'будем говорить', чѣлькѣтѣ 'доит' и др. 2) На втором слоге вместо первого: иджит 'большой', питѣрикѣнаѣс 'с питерихой'. 3) Ударение на падежном или глагольном личном окончании: мѣйѣ нѣ мѣськаван? 'зачем же моешь?', бѣттѣс бѣсьѣѣм 'воспитанника брал он', пензиявѣн 'на пенсии'. 4) Ударение на послелого: амбар дѣнѣтѣс 'около амбара'.

Мелехинский говор. 1) Ударение на первом слоге: унажѣк 'больше', дѣймѣлѣв 'убери' и др. 2) Ударение на втором слоге: вирѣсь 'запачканный кровью', видзѣс иджит 'луг большой', пѣсѣсь зѣ-ит 'туго из-за дров', Юсьѣѣ 'Юсьѣѣ', батшкѣ эм 'свекровь есть'.

Отметим отклонения от литературной нормы, зафиксированные в других диалектах и говорах⁸.

Лопанский говор. Ударение на первом слоге зафиксировано в следующих словах: кѣбѣѣт ѣ 'выпей залпом', бѣтшѣм ни, кѣдз тѣльпыш 'ничего уже, полненький', мѣндаѣн сѣтавѣн? 'по сколько он раздавал?', сѣѣѣѣтѣма уж 'он почернел уже', мѣсѣсь 'свеча'. Перенос ударения со второго слога на первый чаще всего наблюдается при более быстром темпе речи.

Верх-иньвенский говор. 1) Ударение на первом слоге вместо ожидаемого второго ударного слога: ѣшны утѣс 'под окном', ѣдѣѣн бѣитѣн 'много говорят', чѣсто бѣргѣтѣсѣ 'все перевернут', эп и кѣтѣѣтѣ 'не почистил я', мѣиччѣсѣ, мѣиччѣсѣ и чѣп-кѣсѣсѣ 'помучаются, помучаются и откажутся', сѣѣ кѣдз мѣсѣсь 'он

⁸ Сначала были рассмотрены диалекты (и говоры), где имеют место случаи перетягивания ударения на -а- (см. об этом стр. 85).

словно свечка', куим сорт 'три сорта'. 2) Ударение на втором слоге вместо предполагаемого первого: дьогдъ керисъ 'тот, кто делает деготь'. 3) Ударение на падежном суффиксе: шогаи да сыйиъ и тшыки 'болела я, потому и занемогла', ме сыйиъ и босьтi 'я потому и взял(а)'; кинвъ висътаас? 'кому расскажет?'. 4) Случай колебания в месте ударения: оддъон и оддъон 'очень, слишком', пърисымис и пърисымис 'состарился он', отмодорън 'и там и сям' - отмодоръ мунам 'расходимся'.

С а м к о в с к и й г о в о р. 1) Ударение на первом слоге вместо ожидаемого второго: сапас гуляйтъ 'по саду гуляет', рочон баитъ 'говорит по-русски', восьота куръг видзансô 'делаю насест для кур'. 2) Ударение на втором слоге вместо первого ударного: учотыс боек 'младший-то боевой', көдзыс вôi 'семена были', гôтыра вôi 'был он женат'. 3) Ударение на лично-притяжательном суфф. 3-го лица ед. числа: вөдзыс и гутыс сейô 'овод и мухи кусаются'. 4) Под ударением личные окончания глагола: мунам ворочайтны 'пойдем ворошить', тôн пыраис ôтыкыс да пышшис 'вчера заходил один-то, но удрал', кыдзкô сiа мунома 'как-то он(а) ушел(-ла)'; вок скоря мунам 'иди, пойдем быстрее'. 5) Под ударением падежные суффиксы: быщон сетис 'все отдал он', Симакот пô кыкôн мунам 'с Симой, мол, вдвоем пойдем', кыкисъ вьисô да эз инмô 'два раза стреляли, но не попали'. 6) Ударение на суфф. мн. числа прилагательных -ôсь: налим-мез вьисô грисъбôсь 'налимы были большие'.

В говоре зафиксированы колебания в постановке ударения на а, поэтому мы его не включаем в число а-ударенных говоров (см. стр.

85). Примеры: кага 'дитя, ребенок', сисъ дука ни 'уже гнилым пахнет', но: куймô вьис кагазô 'родила троих', пода сьяс 'скот съест', иньказ серавôны 'женщины смеются', нжмаôны челядыс 'дети балуются', във мяян вôi 'у нас была лошадь'.

С р е д н е и н ъ в е н с к и й г о в о р. Ударение на первом слоге вместо второго ударного отмечено в следующих словосочетаниях: ог уджау 'не работаю', оддъон такой 'очень добрый', кôудаам-юам 'много пьем'. Случаи переноса ударения со второго слога на первый и наоборот, вероятнее всего, связаны с логическим ударением, т.е. отремлением говорящего подчеркнуть тот или иной оттенок значения слова.

Ударение нердвинского диалекта в основном совпадает с системой ударения кудымкарско-иньвенского диалекта. Отклонения от обычной нормы отмечены в следующих случаях: этадôн вот кыка вон 'вот у этого, вон двое'; мисеч ветлôта да кôr кыкô 'месяц кожу, а иногда два'; капуста кыкисъ садитлi 'капусту два раза я сажала'.

УДАРЕНИЕ В ОНЬКОВСКОМ И НИЖНЕИНЬВЕНСКОМ ДИАЛЕКТАХ ЮЖНОГО НАРЕЧИЯ

В отличие от рассмотренных выше диалектов, оньковский и нижнеиньвенский диалекты характеризуются специфической системой ударения, когда место ударения в слове зависит от качества корневого гласного звука. Эта система ударения близка к коми-язьвинской. Такой тип ударения В.И.Лыткин в своих работах называет качественно-вокальным⁹.

Оньковский диалект

В названном диалекте корневые гласные верхнего подъема и, ы, у в неодносложных словах обычно не имеют на себе ударения: кыйо́ 'ловит', пыра́н 'зайдешь', лы́йлон 'стреляют', пырта́ 'занесу', бы́дмас 'вырастет' и др.; гисы́ось 'крупные', вильо́сь 'новые', инман 'попадешь', киэзо́н 'руками', пиксо́ 'пищит' и др.; кули́с 'он умер', вурис 'сшил он' и др. Если же корневые гласные и, ы, у в дном и том же слове встречаются в первом и втором слогах, то ударение ставится обычно на гласный (и, ы, у) второго слога: мисси́с 'он умылся', бы́дми 'я вырос', мунны́ 'идти', муними́о 'мы ушли', вийны́ 'убить', узы́ны 'спать', гигны́ 'писать', пуртыслон 'у ножа'. Эта закономерность нарушается лишь в результате влияния аналогичных слов с корневыми гласными неверхнего подъема а, о, э, ö (см. еще стр. 91): вы́лынось вм. вы́лынось 'высокие', кули́с вм. кули́с 'он умер', шумитон вм. шуми́тон 'шумят', бийон оз нымало́ 'с огнем не шутят' и другие.

Звук и может быть ударным в том случае, если он исторически восходит к закрытому э̑ (в других коми диалектах соответствует ему э): чигны́ 'сломать', ситшо́м 'такой', чирон 'топором', вими́н 'в мозгу', йимто́г 'без иглы', иго́, ино́, изо́ байто́ 'мы, вы, они не говорили'. Интересно отметить, что в этих словах ударение не всегда удерживается на и (< э̑), а по аналогии с другими словами, где корневые и, ы, у не удерживают на себе ударения, ударение падает на последующий слог, т.е. на словообразовательный или словоизменительный суффиксы. Ср.: чиги́с 'сломался, он сломал', ситшо́мсо́ 'такого', йимон 'иглой', чиро́с 'свой топор (вижу)', йиммэ́з 'иглы', вижо́сь 'желтые', чиго́ 'ломается, ломает'.

В оньковском диалекте встречается небольшое количество слов, где ударным является гласный у. В этих словах у восходит к ö̑ (закрытому о). Например: у́моль 'плохой, плохо', ути́р 'люди', унми́ссис

⁹ См. указанные работы В.И.Лыткина о коми-пермяцком ударении.

'заснул', удзсис 'перед ним', кудир 'когда', курэсь 'веник'. В диалекте ударение в подобных словах также колеблется. Ср. с предыдущими примерами: умоль 'плохо', унмбсис 'уснул он', удзсис 'перед ним'. По-видимому, у (< ъ) потеряло свое прежнее свойство удерживать на себе ударение и по аналогии с другими словами (в силу качественно-вокальной системы ударения) ударение переходит на последующий слог.

В этом диалекте, как правило, ударение падает на гласные нижнего и среднего подъема а, о, э, ѳ корня слова: начкѳтас 'зарезет', пасьтѳтѳн 'одевают', шарѳтан 'трещь' и др.; ѳралис 'он выполосил', пѳтас 'расколется, лопнет', ѳтсалас 'поможет' и др.; вѳтлѳтисѳ 'ходили', пѳсласьны 'стирать', т'ѳписсез 'рукавицы', пѳткѳтны 'вынести, вывести' и т.п.; нѳбѳтас 'отнесет', гѳтрасис 'женился он', лѳсьѳтисѳ 'сделали, поправили', кынѳ 'морозит' и т.д. Из приведенных примеров видно, что ударение обычно падает на первый слог при наличии там корневых гласных а, о, э, ѳ. Но ударение может падать на эти же гласные (а, о, э, ѳ) и последующих слогов, ср.: босьтан ѳмѳ 'возьмешь в рот', сѳйѳн 'кушают', вартлѳм 'он избил', чечѳѳлтѳ 'прыгает', он и пантась 'и не встретишься', веськѳт 'распряжи', нарман 'грабли'. Ударение в этих словах совпадает с ударением нижеиньвенского и кудымкарско-иньвенского диалектов.

Носители оньковского диалекта двуязычны, поэтому в их речи употребляется большое количество русских слов, значительная часть которых населением осознается как исконные коми слова. Большинство русских заимствований сохраняют ударение оригинала, ср.: брызгайтѳнѳ 'брызгают', бродитѳнѳ 'бродят', заваритѳн 'заваривают', красѳткас 'красавица-то', погѳдас 'погода-то', садитѳн 'садят', торгуйтѳн 'торгуют', рѳдина, корѳлник 'коровник' и т.п. В незначительном количестве слов ударение колеблется, по-видимому, под влиянием местного ударения: брызгайтѳнѳ 'брызгают', бѳлитны 'белить', ужинайтны 'ужинать', бѳлтайчѳѳ 'болтается' и др.

Поскольку корневые гласные верхнего подъема и, ы, у в неодносложных словах не имеют на себе ударения, то ударными часто оказываются одни и те же словоизменительные или словообразовательные суффиксы. Частое употребление под ударением одних и тех же суффиксов – и плюс к этому логическое (смысловое) ударение – может привести к закреплению ударения на этих суффиксах, что мы и имеем в иньвенских говорах. Приведем некоторые примеры из оньковского диалекта, когда под ударением оказывается ряд суффиксов: 1) суфф. -ыш(т): юышны 'попить', нырышны 'придавить', ныылышны 'проглотить'; 2) суфф. -ѳлт: пиньѳлты 'искривить', вунѳлты 'забыть'; 3) суфф. -ал: вындаыны 'резать', тыдаыны 'виднеться', сералыны

'смеяться', кыскалны 'таскать'; 4) суфф. -от: в глаголах (пыркотны 'трясти', миссьотны 'вымыть, мыть', кыркотны 'снимать' и др.) и в порядковых числительных: куимот 'третий', нэльот 'четвертый', витот 'пятый' и т.д.

Примеры на переход ударения на словоизменительные суффиксы:

1) окончание глагола -а: шуа 'скажу', кула 'умру', кыла 'слышу', сигта 'открою', пыра 'зайду' и др.; 2) -и: мыни 'я ушел', пыри 'я зашел', быдми 'я вырос', пуи 'я сварил(а)', пукси 'я сел(а)' и др.; 3) -ин: мынтін 'ты уплатил(а)', пышйін 'ты сбегал', пырин 'ты зашел' и др.; 4) -ис: пырис 'зашел он', висис 'болел он', кылис 'услышал он', кыис 'ловил он', пизис 'скипел'; 5) -о: висьо 'болеет', подо 'кашляет', кыйо 'ловит', муно 'идет', докто 'идет' и др. Это обстоятельство приводит к морфологизации ударения, т.е. ударение по аналогии с другими словами переходит на словоизменительные и словообразовательные суффиксы в тех словах, где оно должно было бы находиться на корневых гласных а, о, э, ё. Например: сея (вм. се́я) 'я ем, кушаю', понис 'начал он' (вм. по́нис), поткоти (вм. по́ткоти) 'я расколол', петкотло 'выносит' (вм. ожидаемого пе́ткотло), кототлам 'мочим' (вм. ко́тотлам), кералны 'рубить' (вм. ке́ралны), ваалны 'приносить' (вм. ва́алны), босьталі 'я брал' (вм. бо́сьталі) и т.п.

Однако и в этих словах иногда наблюдаются колебания в постановке ударения, но на основе приведенных примеров мы видим отдельные случаи морфологизации ударения. Об этом прежде всего говорят примеры с корневыми гласными неверхнего подъема, обычно удерживающие на себе ударение, например: босьталны 'братъ', орботны 'разорвать', керасыны 'рубить', петкото 'выносит', горбчом 'высказал' и др.

О развитии процесса морфологизации ударения¹⁰ в данном диалекте свидетельствуют факты переноса ударения при наличии суфф. прилагательных сравнительной степени -жык (-джык) и -чок с уменьшительно-ласкательным значением на предшествующий им слог: кодзыт - кодзыджык 'холодно - холоднее', матын - матынжык 'близко - ближе', ро́ма - ро́мажык 'яркий - ярче' и т.п.; жагон - жагончок 'медленно - помедленней', небыт - небыччок 'мягкий - мягонький', недыр - недырчок 'не долго - не долго', шоньт - шоньччок 'тепло - тепленький' и др. Первый слог суфф. -нчок - с уменьшительно-ласкательным значением, употребляющегося так же с прилагательными и наречиями (как и предыдущие два суффикса), является всегда ударным: шочыньчок 'реденький', рамыньчок 'ласковый, добренький', ко́сыньчок 'худенький' и т.д.

¹⁰ Под морфологизацией ударения мы понимаем процесс закрепления ударения на суффиксальных морфемах.

Явление морфологизации ударения в оньковском диалекте — это новый процесс, не имеющий пока широкого распространения, но находящийся в стадии развития. Он обусловлен причинами внутреннего и внешнего характера. Из внешних причин можно предполагать, что какое-то влияние оказывает и система ударения соседних нижеиньвенских говоров, где морфологизация ударения занимает более прочные позиции.

Нижеиньвенский диалект

В составе нижеиньвенского диалекта по характеру ударения выделяются ряд говоров: аксеновский, тиминский, доеговский и крохоловский.

Все говоры, за исключением крохалевского, по ударению имеют много общего с оньковским диалектом, т.е. в них в основном сохранилась качественно-вокальная система ударения.

1. Аксеновский говор: мóдiм мунны да 'хотели уйти да', муннiн ко́о 'надо идти', висьны понiс 'он заболел', то́жы мынiс 'тоже ушел', кинóс кидз видiсó да 'кого как и критиковали да', сы дор чiсто сунто́мась 'все за нее', мияндын из узь 'у нас он не спал', ашын ми-я́ндó вок узьныт 'завтра к нам приходи ночевать', висьтас 'подоит', видя 'считаю', кызóте 'слушайте', эд ку́ан 'ведь умрешь', кор ви-дi? 'когда я ругал?', ме бытти́ 'я вырастил', бытти́с 'он вырастил', ме бынми́мó 'мы выросли', пырис 'он зашел', быдóннысó трéситó 'всех трясет, т.е. у всех просит', ин гуди́н, ин гуди́н 'не копай, не копай' и др.

Встречаются случаи отклонения от качественно-вокальной системы ударения: дирéкторыс видó 'директор ругает', но и уджайсь 'ну и работающий', ны́он пы́ийис доя́ркас 'у них доярка ушла', им ко́дир 'есть иногда', на месте ки́ 'на месте выпил я', ко́инэз 'волки', ми́ан 'наш', чу́ньó висьó 'палец мой болит', сы́мда ба́бат коси́тiс 'столько твоя бабушка выкосила', кайвис и́безвас 'он сходил на поля' и др.

2. Ср. в тиминском говоре: ку́о 'умирает', пы́рас 'зайдет', мун-ни́с 'он ушел', бере́гитан 'бережешь', са́дити 'посадил я', сой ку-вис 'сестра умерла', трéситы́тiс 'он потряс', мунóма 'он ушел, оказывается', о́шóн шу́а 'медведем называю', сукты́-сукты́ 'меси-меси', посóбитны 'помогать', кызьбóрьс 'жидкие', кү́вис 'выпил он', торó-пиччи 'я торопился', норóвит 'понорови' и т.д.

В данном говоре имеют место случаи морфологизации ударения. Под ударением находятся суфф.: а) -ок — курóжок 'курочка', сёя́нок 'немного пици', письмо́ок 'письмецо'; б) -ан- ю́ан 'питье', сёя́н 'еда', ве́йчанас 'там, где учатся'; в) -óт- куимóт 'третий', кватýóт 'шестой', нёлýóт 'четвертый', ве́бтны 'учить', пóрóтны 'свалить', сёлóтны 'почернеть'; г) -а(в), -а́у — сета́о 'раздаёт',

керауны 'рубить', сетауны 'раздавать', пѳжауны 'испечь'; д) —ѳдз — куимѳдз 'третий', мѳдѳдз 'второй'; е) —ись — уджайсь 'рабочий, работающий', гѳрись 'пахарь', сѳйсь 'едок' и др.

В односложных корнях ударение стоит на гласных верхнего подъема и, ы, у: кинас 'он своей рукой', юрсѳ 'свою голову', виѳн 'маслом', иѳсѳ 'поле-то'. В говоре встречаются отклонения, не связанные с наличием гласных и, ы, у: ѳдѳѳн 'очень, сильно', сѳтѳррез сѳйны 'есть смородину', дыш петѳ 'лень', ѳврвань 'назад', сѳччань 'там', ѳдзвань 'вперед'; сравните со среднеиньвенским говором: ѳдѳѳн, сѳтѳррез сѳйны, дыш петѳ, ѳврвань, сѳтчин, ѳдзвань и др.

3. Ударение тукачевского куста сходно с ударением тиминского говора: мунам кайвамѳ 'пойдем сходим наверх', лавкас пѳдана 'лавка закрыта', ниртѳны-кыскѳны 'тянут с трудом', гортваняс кыссыѳ 'потащились к дому', садитисѳ 'посадили', заводитѳ 'заводит', посѳбитисѳ 'помогли' и др.

4. Ср. данные доеговского говора: чигѳма 'сломался', бура 'хорошо', тиян 'ваш', куртим 'мы гребли', ымѳль 'плохо', кывѳ 'слышит', нвын 'далеко', нильзис 'стал близким', висьтынтѳ 'подоить', кисьтис 'пролил он', ѳг висьты 'не дою', мунам 'пойдем', ме муна 'я пойду', пыран 'зайдешь', сиѳдѳ 'я застрял', ѳтыѳм 'хороший', ѳз пуксѳ 'не садятся', кыйнытѳ 'ловить-то', кульмѳн 'мечут икру', учѳтнат 'ты в детстве', гигис 'написал он', дугдасѳ 'перестанут', ытшкасѳ 'выкосят', пыртѳ 'я занес', курта 'сгребу', чышкан-чышкан, сѳ ва 'вытираешь, вытираешь, все сыро', нем ѳз кывзѳ 'ничего не слушают', куртѳмась 'сгребли' и т.д.

Отклонения (колебания) от качественно-вокальной системы ударения: шѳѳны 'говорят', мѳнны 'идти', сѳччин кѳ 'там слышно', ѳтѳкѳтѳны 'стучат ногами', сѳн и мѳним 'на том и уехали мы', ѳз жѳ ни ѳджав 'уже не работает', мыдзтѳдз 'доустали', миян 'наш', кѳсѳитисѳ 'косили', мыйвѳ и мѳнан 'зачем и уходишь', видзи ѳы дѳнам 'держал ѳы я при себе' и др. По сравнению с аксеновским и тиминским говорами в доеговском говоре черты морфологизации более существенны: часто ударение падает на определенный суффикс, например: касьтыуны 'вспоминать', козьнауны 'дарить', ѳѳтышны 'приударить', кѳритны 'укорять', кѳртышны 'завязать слегка' и др.

В крохалевском говоре морфологизация ударения занимает довольно значительное место. Приведем случаи, где сохранились следы качественно-вокального ударения: ѳта кувис ни 'этот уже умер', кыви, мында и кыви 'пил я, много и пил', куван ѳд 'умрешь ведь', ни висьѳны 'они болят', ыдзѳс 'дверь', шонтытн куйви 'лежи в тепле', и кѳз висисѳ 'и руки болели', каян сѳчанѳ 'поедешь туда', мунис 'он ушел', кывѳ зѳныс 'сын-то пьет', ѳдзжык ѳд кувисѳ 'раньше ведь умирали', ѳг тѳд, кыѳ пырнытѳ 'не знаю, куда пойти-то', кы-

'давай оденься', семя 'семья', табатёрка кодь 'словно табакерка', правлѣнѣас 'в правлении' и т.д.

Следы качественно-вокального типа ударения обнаруживаются и в соседнем (с крохоловским) федоровском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта. Нами зафиксированы следующие случаи: пѳнѳс вуднѳ 'зачесалось', муннѳ (мунѳн) на старѳе мѳсто 'идти на старое место', мѳнѳ и гѳжѳ сѳа 'он меня и записывает', пѳнѳ кувнѳ 'я начала умирать', мѳнѳм сѳа гѳжѳс 'мне она напишет', тѳ кѳвзѳ 'ты слушай'.

Приведенный выше материал позволяет делать следующие выводы: 1) качественно-вокальный тип ударения в наиболее чистом его виде сохранился в оньковском, тиминском (у большинства глаголов) и аксеновском говорах нижеиньвенского диалекта; 2) в крохоловском и доеговском говорах данного диалекта процессы морфологизации ударения (переноса его на определенный суффикс) занимают значительное место; 3) следы качественно-вокального типа ударения обнаруживаются и в федоровском говоре.

Следовательно, в коми-пермяцком языке присутствуют два типа ударения – качественно-вокальный и разноместный (типа иньвенского). По мнению В.И.Лыткина, качественно-вокальный тип ударения является первичным, на его основе развились процессы морфологизации ударения¹¹. Пути постепенного развития морфологизации ударения можно проследить на материале нижеиньвенских говоров. Они дают хорошие иллюстрации этого явления.

Ак.Э.Итконен считает, что "самый распространенный тип ударения в финно-угорских языках – расположение ударения на первом слоге – представляет собой наследие из финно-угорского языка-основы". Он утверждает, что "остальные способы ударения легко можно вывести от простого механического способа ударения"¹².

УДАРЕНИЕ В КОЧЕВСКОМ ДИАЛЕКТЕ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

Кочевский диалект относится к северному наречию коми-пермяцкого языка. Он территориально отделен от диалектов южного наречия полосой около 60 км, заселенной русскими и обрусевшими пермяками – это территория Юринского р-на. Но, несмотря на территориальную разобщенность, кочевский диалект представляет собой как бы переходную ступень между северным и южным наречиями. Это, ве-

¹¹ См. указ. работы В.И.Лыткина.

¹² E. I t k o n e n. Über die Betonung Verhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. – ALH, Bd. V. Budapest, 1955, 23.

роятно, вызвано еще и тем, что жители Кочевского района с давних пор имеют более тесные связи в силу сложившихся экономических, а также и политических условий, с представителями южного наречия, чем население других диалектов северного наречия. В силу этого в кочевском диалекте немало черт, сходных с южными диалектами.

Следует заметить, что кочевский диалект в своей основе неоднороден. Эта неоднородность сказывается и на системе ударения диалекта.

Рассмотрим основные черты в системе ударения данного диалекта¹³. На первый взгляд, его отличительной чертой является по сравнению с южными тенденция ставить ударение на первый слог. Однако эта черта не является определяющей. Процессы морфологизации ударения в диалекте занимают преобладающее место. Как и в южных диалектах, многие суффиксы являются в большинстве случаев ударными¹⁴. К ним относятся следующие суфф.:

1) -эт- коч.: уджэ́тны 'заставляют работать', видзэ́тисэ 'рассмотрели, осмотрели', пуксьэ́тисэ 'посадили', глацэ́тисэ 'выгладили', нлэ́ти 'я обманул', кайэ́тис 'принес он, букв. поднял', велэ́ччэм (лит. велэ́тэмөн, велэ́тчэм) 'учился он когда-то' и др., но: трамвайэ́н велэ́ти 'ездил я на трамвае', мэ́дэ́тин письмэ́сэ 'письмо отправил ты?', мэ́с чилэ́кэ́тис 'корову она подоила', во́чччэ́мыт тай 'приделась ты что-то' и др.; б.-к. нэ́бэ́т 'отнеси ты', велэ́тэ́ 'ходит', сьэ́дэ́тэм 'он почернел', но́лэ́тны 'носить, водить', во́рзэ́тис 'он трогал (с места)' и др., но: ва́шэ́т 'выгони', вэ́сэ́тэ́ 'чистит', нэ́бэ́т 'отнеси', ну́э́тисэ 'унесли, увезли', мэ́здэ́тэ́ 'освобождает'; пет. блэ́дэ́тэмэ́сэ 'побледнели вы', ну́э́тлэм 'отвозили мы', шэ́дэ́ти 'я отнял, взял', го́рэ́ччи 'я замолвила' и др., но: ме гла́дэ́та 'я глажу', блэ́дэ́н блэ́дэ́тэмэ́сэ 'вы сильно побледнели'; пел. ве́жэ́тэ́ 'желтеет', лэ́ччэ́тны 'спустить, отнести', бэ́бэ́тлэ́ 'обманывает', вэ́сэ́тан 'почистишь', видзэ́т 'смотри' и т.д., но: пэ́ткэ́ти 'я вынесла', пэ́ткэ́тим 'мы вынесли', велэ́тэ́ 'ходит'; юк. вунэ́ти 'я забыл', мэ́дэ́тны 'послать, отослать', кайэ́тны 'принести снизу', велэ́тны 'учить', кы́зэ́тэ́ 'кашель душит' и др., но: оз нэ́мэ́т 'не кормит грудью', мэ́д велэ́тэ́ 'пусть ходит', э́штэ́ччи 'уделила время', лэ́сьэ́та 'приготовлю', судзэ́тисэ́ 'достали', у́зэ́тэ́тан 'даешь возможность спать';

2) -ал- коч. уджалэ́ 'он работает', тэ́ отпэ́лан 'ты поможешь', висэ́талны 'рассказать, сказать', мэ́сыс лэ́калэ́м 'корова забодала',

¹³ Примеры приводятся из ряда опорных пунктов.

¹⁴ Случаи колебания в постановке ударения в говорах показывают, что на данном этапе развития системы ударения существует тенденция ставить (переносить) ударение на тот или иной суффикс, поэтому ни о какой закономерности пока говорить нет возможности.

мыччаліс 'показал он', шураліс ни 'уже подсохло', гыхжалё 'чешет', сулалё 'стоит', игналас 'закроет' и т.д.; б.-к. конюхалё 'работает конюхом', ме пёлсалі 'я почистил от кожуры', усялны 'падать', косялли 'я разорвал', шогалё 'болеет', мурьялё 'ходит яловой' и др.; пет. пасьталны 'надеть', басёка петалём 'хорошие всходы', кынылы 'простудилась я', сұпыс сайкалас 'суп остынет', ог кёмал 'не обую', сыссалны 'процедить', кольтяліс 'снесла яйцо', нерадсялі 'надоело мне', колё миськалны 'надо вымыть' и др., но: пукалё 'он сидит', дёмал 'завяжи', лолалі 'дышал я'; пел. вёра-ліс 'лесовал он', мыччалё 'показывает', лолалё 'дышит', пёдналас 'закроет', гыхжалё 'скребет', вайлліс 'он приносил', куталёны 'ловят', босьталім 'мы брали', тупкалё 'закупоривает' и др., но: вү-залё 'продает', дёмалім 'мы связали', сімалё 'есть хочется', уджалё 'он работает', корталан 'завяжешь', нырьялё 'роет рылом'; юкс. шогалё 'болеет', пёлсалё 'чистит от кожуры', пёднала 'закрою', оз уджал ышё 'еще не работает' и др., но: нокё пёднал 'ну-ка, закрой', гүсяліс 'он украл', пёндіс сұалны 'стал стоять', пё-жаласё да небыт 'испекут да мягкий', миськалны колё 'вымыть надо';

3) -ыл(л)- коч. вүрсьыллісё 'занимались шитьем', дзүтлүллісё 'мешали, портили', вийлүллёны 'порой убивают', кодззылі 'я был на-веселе', пуктылли 'положил я на время (давно)' и др.; пел. вештыл-ліс 'он платил когда-то', вештыллін 'ты платил когда-то', пышыл-лім 'мы убежали' и др.;

4) -ыш(т)- б.-к. пуксьыш бокам 'сались со мной рядом', курышта 'сгребу быстро', но: ветлётышты 'много ходил я', кёртыштас 'в миг завяжет', шоччисьышта 'немного отдохну'; пет. а нёлна пё косясьыш-тім 'а немного, мол, подрались мы', ванс шоныштас 'вода немного согреется';

5) -ёлт- коч. панёлтны 'вернуть обратно (животного), заставить вернуться'; б.-к. пиньёлта 'сверну(шею, например)', шагньёлта 'перешагну', но: пиньёлта 'сверну что-либо', шагньёлтё 'перешагивает';

6) -ёст- коч. ыкёстны 'крикнуть', ылёстём тэ 'ненормальный ты'. В остальных говорах ударение на суфф. -ёст- не отмечено;

7) -ём коч. вүрүн вартёмён да тёпись гёрдзёмён 'битьем шерсти и вязаньем рукавиц', песласьёмё таян эз пет 'со стиркой у меня сегодня ничего не получилось', гымалём 'гром', горзём 'плачь', висьтасьём пора 'во время рассказа', уджалём понда 'о работе', и др.; б.-к. куритём понда 'для курения', шоччисьёмис понда 'для отдыха', босьтасьём коста 'во время покупки', козьналём понда 'для подарка', пукалём коста 'во время сидения', шоччисьём дырни 'во время отдыха' и др.; пет. ползьёмё улья 'из-за испуга', мирон мысын ветлёмась 'на мионовскую горку сходили', сэтшём сильной 'такой сильный' и др.; пел. корём 'просьба', кайтёмис дёна 'до-

рого (трудно) поднять', некытшом 'никакой' и др.; юкс. паськымсѳ нуисѳ 'одежду унесли', кык покром 'два покрома', кытшом бачи ма-
шинас 'какая красивая машина' и др. В кочевском и больше-кочинском
говорах суффикс отглагольных существительных -ом, как и в литера-
турном языке, всегда находится под ударением;

8) -ан: коч. куран 'грабли', пызан 'стол', олан 'жизнь', сѳян
'еда', сѳоктан 'кочедык', доттян 'качели', чышшан 'платок' и др.;
б.-к. вундан 'жатва', вешшан 'брюки', таган 'треножник' и др.;
пел. сѳян 'еда', пан 'питье', пызан 'стол', чѳлпан 'каравай', куш-
ман 'редька', пиличчан козла 'козлы для пиления'; юкс. пан вайсѳ
'попить принесут', сѳян абу 'есть нечего'; пет. капкан, печкан
'прялка', пызан 'стол', куртан 'сгребание', олан 'жизнь' и др. Ни
в одном из пяти говоров отсутствие ударения на суффикс. -ан не за-
фиксировано, следовательно, морфологизация ударения на данном суф-
фиксе установилась;

9) -ит-, в кочевском говоре ударение на -ит- не замечено, а
в русских заимствованиях обычно сохраняется ударение оригинала,
например: трелѳжитны 'тревожить', сѳледитны 'следить', согласиччи-
сѳ 'согласились', крепитны 'крепить', но: стрѳйтисѳ 'строили'.
В больше-кочинском говоре ударение на -ит- колеблется: шумитлѳ
'порой шумит', но: шумитѳ 'шумит', звѳнитны и звонитны 'звонить';
ср.: пет. быдѳс он пласънитис 'все бы он срезал', рыбачитны 'ры-
бачить', тяпитны 'окучивать', тѳшшанс застанитѳм 'теща застала';
пел. паритан 'оставляешь подпор', тѳритис 'натерил он' и др. Ко-
леблется оно и в юсеевском говоре: куритны 'курить', сенокѳситны
'сенокѳсить', рыбачитны 'рыбачить', кодя мѳртыскѳт баитан да и
сѳѳѳѳмыт мѳсѳтитчас да и 'с добрым человеком поговоришь, и сердце
успокоится';

10) -исѳ- коч. дзѳбиссез 'участники похорон', куртиссез 'сгре-
бальщики', уджалиссез 'рабочие', но: тѳписѳ гѳрдзѳѳм 'рукавицу
она связала', некычѳ он воштисѳ 'никуда не денешься'. Следова-
тельно, в данном говоре ударение на -исѳ падает только в прича-
стиях. Ср.: б.-к. шѳччисѳышта 'я немного отдохну', гарйисѳѳ 'ко-
пает, копается', кытисѳ? 'откуда?', но: вѳччисѳ 'жду'; пет. вѳ-
лисѳ 'опять, снова', кытисѳ? 'откуда?', кытисѳѳѳ 'откуда-то'; пел.
пиянѳккес абу гѳрисѳѳѳсѳ 'детеныши небольшие', куймисѳ гѳран 'три
раза вспашешь'; юкс. олиссѳнс видзлисѳѳ 'зажиточные имели'.

11) -асѳ- коч. дусасѳѳмасѳ 'запачканы дустом', дикарасѳян тѳ
'ты шалишь', но: гѳѳѳѳл кѳсѳсѳны 'готов драться', тѳрмасисѳѳ ѳна
'очень спешили'; б.-к. нѳдѳжасѳны 'присматриваться', данасисѳ 'он
стукнулся', ѳз зѳрмасѳ 'дождя не будет', но: пѳсласѳны 'стирать',
тѳрмаси 'спешил(а) я', нѳрасѳс 'пожалуется', кѳтрасѳѳны 'бегает',
ляшмасѳѳ 'еле ходит', шѳгасѳѳ 'побаливает'; пет. кручѳкасѳѳмасѳ

до 'говорят, закрылись на крючок', висьтась 'рассказывает', ля-
касяс 'прилипнет', кымрасис 'было пасмурно', сыссяс 'цежу', ось-
тасьны 'совершать покупки', но: сэк оз лйася 'тогда не прилип-
нет'; пел. ог висьтась 'не расскажу', отлаасьом 'примкнул', но:
кйтцась 'кличет', нездоролсялі 'я приболел(а)';

12) -ос- коч. верос 'можевательник', пидос 'дно', гад полос ті
'ах, вы негодные', шидос 'крупа'; пет. быдос 'все', ибос 'дверь';
пел. быдос 'все', охотыник полос 'охотники'; юкс. кымос шарк ту-
рас линейкаон 'раз по лбу ударит линейкой', быдос 'все, всё'.
В приведенные примеры во всех пяти говорах диалекта -ос- всегда
ударный. Случаев отсутствия или колебания ударения нами не замечено.

13) -ок(-эк)- коч. чагок 'щепка', нянэкс вай 'принеси хлебуш-
ка', бедэкезэн 'палочками', лабичок 'лавочка', пияноккез 'де-
тишки' и др.; б.-к. преничок 'пряничек', ольпасэк 'постелька',
деньгаокныс 'их денежки'; пет. вутырокон 'удочкой', затэкон 'зя-
тем', чуманок 'берестянка', квасок, яэк 'кусочек мяса' и другие;
пел. видзок 'лужок', порсэке 'поросята', пияноккекс 'его (ее)
детиски', керкуоккекс 'его домики', винок абу 'кровинки нет', кар-
тошкаок 'картошечка', пияноккенат локтас 'придет с детьми' и др.;
юкс. эта лыокыс 'вот эта косточка', кутооккес дзот кыкаос 'смо-
три две курочки', мосокс видзимэ жэ 'корову держали (имели) же-
мы'. В кочевском диалекте суфф. -ок(-эк) всегда ударный.

14) При наличии суфф. -ик и -жык(-джык) ударение в слове па-
дает на предыдущий слог, ср.: коч. гажык 'веселее', жыджык -
'светлее', небыджык 'мягче', топытджык 'плотнее', донажык 'доро-
же', залытджык 'крепче' и учитик 'маленький', жагбоник 'помед-
ленней', небытикос 'мяконькие', учитик 'маленький' и др.; б.-к.
унажык 'больше', ыджыджык 'старше', кокнижык 'легче', умбллик 'ху-
денский', жагбоник 'очень медленно'; пет. буражык 'лучше', пыдын-
жык 'глубже', жыджык 'светлее', поснитик 'мелкий'; пел. модик-
жык 'не такой, отличается', моднэджык 'немного иначе', учотджи-
кос '(они) меньше', ыджыджыкос 'по крупнее', етшажык 'меньше',
ылынжык 'дальше'; юкс. ыджыджык 'больше', чоужык 'быстрее', мод-
нэджык 'немного иначе', донтобжык 'подешевле', умбллик 'худень-
кий'. Однако это правило не выдерживается, если суфф. -жык употреб-
ляется с отрицательной и утвердительной глагольными частицами:
эмжык 'больше тут, больше находится(имеется)'; эжык 'ты меньше';

15) суфф. -нан-, образующий собирательные числительные всегда
ударный: коч. кыкнан кинас 'обеими руками', куимнанос 'всех тро-
их', витнанныс 'все пятеро'; б.-коч. кыкнанныто 'вас обоих',
нэьнанос 'всех четверых'; пет. кыкнанныс ползис 'оба (обе) ис-
пугались'; пятьнанос сетис 'все пять отдали'; пел. куимнаннас
'всеми тремя', шесьнанныс 'все шестеро'; юкс. кыкнанныс сэин
'обе съел(а) ты', куимнанас эм 'во всех трех имеется';

16) -ин(-ін)- пет. кѳдзытінас 'в холодном месте', но: сѳтѳрѳя-ин 'место, где растет смородина'. В последнем случае звук а перетягивает на себя ударение. То же мы наблюдаем в кочевском говоре (сѳтѳрѳяин) и в пельмском (пожумѳяин 'сосновый бор', кыдзѳаин 'березовая роща'); юкс. морѳшкайнис абу ылын 'до моршкы недалеко', ніа богатінныѳсѳ 'они в богатых местах'. Заметим, что суфф. -ин- ударный, если предыдущий слог корня или основа слова не оканчивается на а (примеры смотри выше).

Для всех говоров кочевского диалекта характерно перетягивание ударения на а конечного звука основы или корня: коч. баля 'овца', ѳбра 'опять', берся 'всякое', Ваня, Коля, Катя, перна 'кресток', рукля 'рухлядь'; б.-к. Люба, Петя, зонка 'мальчик', деньгалѳ сет 'отдай деньги'; пет. Тася, Маня, Коля, баня, перна 'кресток'; пел. пара, осѳта 'дыра', гываѳ эмѳсѳ 'есть возвышенности', плака 'плаха', берсянс эм 'всякая всячина есть', каша, Ваня, Коля, нѳлас 'на поле', куимѳайсѳ 'из трех мест'; юкс. айка сайѳ 'замуж', берся вѳлі 'всякое было', Митѳнас ѳлѳны 'живут у Мити', нѳль келья 'четыре снохи', ѳльгалѳн 'у ѳльги', койка эм 'кровать есть', инѳканас мунис 'с женой он уехал';

17) -ѳдз, -ѳт - суффиксы порядковых числительных: коч. куимѳдз 'третий', нѳльѳдз 'четвертый', мѳѳѳтчид 'в другой раз', витѳт 'пятый'; юкс. куимѳдзѳсѳ 'третий-то', кватѳѳдз 'шестой', витѳт 'пятый' и др. и т.д.

Выше мы рассмотрели те суффиксы, которые в кочевском диалекте встречаются под ударением. Однако нужно отметить, что не все из перечисленных суффиксов с одинаковой частотой являются ударными. Всегда ударные во всех говорах диалекта: уменьшительно-ласкательный суфф. -ѳк(-ѳк), словообразовательный суфф. числительных -нан-, суфф. действительных причастий -ан, именной суфф. -ѳс (примеры см. на стр. 100). Кроме этих суффиксов, в кочевском говоре всегда ударны суфф. порядковых числительных -ѳдз, суфф. причастий -исѳ, -ѳм, суфф. -ѳм - и в больше-кочинском говоре, а -ѳдз - в юксеевском (примеры см. на стр. 99).

В большинстве случаев под ударением во всех пяти говорах находятся суфф. глаголов -ѳт и -ал (см. стр. 97). Из других суффиксов в петуховском чаще, чем в других говорах, ударными бывают -ит- и -асѳ-, а в кочевском -ѳст- и -ыл(-д-); изредка под ударением бывает суфф. -ѳлт в кочевском и больше-кочинском говорах.

Как видно из изложенного выше, в кочевском диалекте действуют процессы морфологизации ударения (закрепления его на определенном суффиксе), причем они занимают ведущее место в перестройке системы ударения данного диалекта. Об этом свидетельствует и тот факт, что во всех говорах диалекта (кроме больше-кочинско-

то)¹⁵, ударение на втором слоге слова встречается примерно в 30% слов из общего числа (подсчеты приблизительные), в остальных случаях оно покоится на суффиксах основы слова. Однако в говорах диалекта встречаются случаи постановки ударения и на падежных, и глагольных окончаниях: б.-к. кытись? 'откуда?', донён ли сётис? 'дорого ли отдал(а)?', бёра доймис 'опять ушибся', пуксы бокам 'садись со мной рядом', гортё мунам 'домой пойдём', мый кера́н 'что делаешь', пёрмаас пуа 'на ферме сварю'; пет. кыкись лёдди ни 'два раза уже сосчитал я', кыкись 'дважды', кытиськё 'откуда-то'; пел. нолас вётлынтё от пон вёрмыны 'на поле не смогу ходить тогда', кёсё кыт вуджамё 'реки где перейдем'; юкс. сысянь шогалё 'из-за этого болеет'. Перенос ударения вызван изменением смыслового оттенка тех или иных слов в речи говорящего.

Своеобразная постановка ударения наблюдается в сложных словах: коч. кёмкётыс абу 'обуви нет', пипу 'осина', мёскыл 'курчавый щавель', нинкёммес 'лапти', черняннез 'рыбные пироги', яйтор 'кусок мяса', но: ассапонсянь 'с раннего утра', удерлун (одёрлун) 'позавчера', анькытш 'горох'; б.-к. күрөгкар 'название места, букв. куриный город', асыяпонся 'утренний', ниндүллеис 'волнушки-то', кёкчүнълас кётёртас 'с радостью побежит, букв.: на цыпочках побежит', вичкү 'церковь', но: анькытш 'горох'; пет. вилё керкү 'новый дом', нимлун 'именины', кёлзятінас 'в холодном-то месте', но: сатёръяин 'место, где растёт смородина', толын ёсьтас 'завтра откроет'; пел. петёрлун 'Петров день', вили́н 'новое место', кёч-пияннез 'зайчишки', мёднёджык 'иначе', но: кушымпод 'земля, освободившаяся от снега'; юкс. керкү 'дом', посёдзас 'в сенях', ёпы-мёс 'проруб', пульятёд 'брусника', вежёр 'мать-и-мачеха', но: ойтёлтис 'подул северный ветер', чунькытшшез 'кольца', пёлькытшшез 'серьги', түрпаршор (топоним, название ручья). Из приведенных примеров видно, что в большинстве случаев ударение падает на второй компонент сложного слова¹⁶. Имеются случаи колебания в постановке ударения почти во всех говорах, но чаще всего это наблюдается в больше-кочинском (окраинном) говоре.

¹⁵ В больше-кочинском говоре ударение на первом слоге встречается чаще, чем в других говорах. Очевидно, здесь сказывается его периферийное расположение.

¹⁶ Речь идет о живом, действующем процессе изменения характера ударения, поэтому на данном этапе невозможно установить какую-либо закономерность, но можно выяснить отдельные тенденции. В этом случае мы наблюдаем тенденцию — ставить ударение на втором компоненте сложного слова.

В русских заимствованиях обычно сохраняется ударение оригинала: коч. кури́ча, уча́сто́кн 'на участке', учи́тельни́ца, тра́ктори́ска́нн 'трактористкой', Сиби́рь му́ном 'в Сибирь он уехал', пи́сьмо, о́пасной 'опасная болезнь', коше́нина, зе́мля́нка 'земляника', оста́ткис 'остатки', ко́неча́с 'в конце', таба́шник, то́вариш 'товарищ', али́на 'алифа', ба́тог, сле́дитнн 'следить', певра́ль 'февраль', но: о́блсем 'совсем', би́тон, го́тл ко́сясьнн 'готов драться', о́дбле́йтис 'на-доел'; б.-к. купа́йчы́нн 'купаться', прени́чок 'пряничек', то́вар, бу́тылка, печни́к, лисо́пёт 'велосипед', капу́сьник 'капустник', шу́митл 'иногда шумит', но: чи́ганон ви́чч 'обзывает цыганом', кума́о миська́лл п 'говорят, моя кума моет иногда', деньга́л сет 'отдай деньги', ули́ча 'улица', ма́шина, ска́мья, валя́нкиэз 'валенки' и др.; пет. ме такси́руйчча 'я таксирую', кусо́к 'кусок', вина́нс вре́дн 'вино вредное', сельсо́ветсис 'из сельсовета', черно́викат 'в черновике твоём', пи́джама́он 'в пижаме', ка́пканнэ́с 'капканы-то', рыба́к, охо́тник, сморо́дина, го́тл 'готов' и др., но: рыба́читнн 'рыбачить', на́грек 'на грех'; пел. охо́тник, жо́ник, кру́гом, ме́жа, пека́рня, опте́ка 'аптека', пу́шнина 'пушнина', коло́да, полёни́ча, наро́д, чу́гуннэз 'чугуны', наказа́нн, зоро́д, зооте́чник, но: ра́ль-никкез 'ральники', ко́зла, гри́ва, ка́ша, сьмета́на, па́ра, око́тничайтнн 'охотничать'; юкс. ку́ритнн 'курить', ка́раси́н, ма́шинаэз 'машины', позо́рити́н 'ты опозорил', про́шивайт 'прошивает', хо́зья́-ка, диву́йта 'удивляю', ма́сьля́нка, при́служни́чайт 'прислужничает', варе́нн, но: рыба́читнн 'рыбачить', ста́рукаэ́с 'старух', сьле́пбе-с ве́рдл 'я слепых кормил', ски́тайчи 'я скитался', о́г ра́дейт 'не люблю', койка́ 'кровать', чу́райчч 'чурается'.

Из приведенного языкового материала видно, что в кочевском, петуховском и пельмском говорах случаи переноса ударения в русских заимствованиях незначительны. Чаще всего переносится ударение на другой слог в заимствованиях под влиянием местной системы ударения в больше-кочинском говоре. Нередки случаи переноса также и в юкеевском говоре. Следует заметить, что эти два говора кочевского диалекта являются по отношению к другим говорам окраинными.

УДАРЕНИЕ В КОСИНСКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

Характерной чертой ударения всех косинских говоров, как и для кочевского диалекта, является развитие процессов морфологизации ударения, но морфологизация ударения в них идет неравномерно. Чем севернее расположен диалект, тем менее выражен этот процесс.

Отметим "общие" черты в постановке ударения в косинских говорах по сравнению с кочевским диалектом.

I. Во всех исследованных пунктах встречается перенос ударения на корневой гласный а (чаще во втором открытом слоге), как на наиболее сильный звук¹⁷, например: чаз. дѳра ольсалины 'постлатъ холст', ноша сія шусѳ 'она называется ношей', сьѳд пятна 'черное пятно', берсянс бы вѳлі 'все бы было', но: шѳйна 'кладбище', кѳка 'двое'; н.-к. баля 'овца', Васька, Надя, ѳнджа 'вот что'; лев. берся 'всякий', пернаѳз 'крестики', вѳранс 'вымя-то', няня 'грудь', баляѳз 'овцы', айка 'муж', баня, буква, Витя, Галя, Лина, Саня, Нюра, мында 'сколько', кага 'ребенок', сьѳла 'рябчик', Петра, Косьтя и др.; пукс. баля 'овца', челядь 'дети', тѳтка, Нида, Маня нима 'по имени Маня', кага 'ребенок', картина, машина, пензаѳз 'пенсии'. В чураковском говоре, имеющем большое сходство с пуксибским, перенос ударения на а не наблюдается.

II. Чаще всего под ударением оказываются такие суффиксы, как:

1) -ал, ср. чадз. солалины 'солить', висьталіс сѳ 'все высказывал', ольсалим ѳн 'постелили мы полѳг', ольсалины 'постелить', сю босьталім 'зерно мы брали', босьталісѳ 'брали', уджалѳны 'работают', аслыныс турналісѳ 'себе заготавливали сено', чеччалышѳ 'подпрыгивает', карасиналін 'ты смазал керосином' и др., но: вѳзалам 'продадим', кѳськалыны кѳлѳ 'поливать надо', чѳть шураліс 'немного подсохло', уджалыш 'поработай', шѳмалѳм ѳѳлыс 'молоко-то скисло' и др.; н.-к. вайлѳны 'приносят', ѳс кѳльттѳлѳ 'не несутся', кѳлѳ дзиміліны 'нужно убрать', ѳѳбалны 'баловаться', пѳрччалныѳ 'снять обувь-то', но: вѳсьтад 'скажи', шѳгаліс 'болел он', пѳрьялан 'обманываешь', важн ни уджалѳ 'давно уже работает', ашын кѳрала 'завтра срублю' и т.д.; лев. сеталісѳ 'раздавали', курччала 'искусая', пѳжалны 'испечь', чапкалыны 'разбросать', уджалны 'работать', но: гѳмалікас 'во время грома', мыччаліс 'показал он', сайкаліс 'остыл', вѳзалѳ 'продает', кѳнмаллі 'замерзал я', ѳагсялѳма 'заплеснело' и т.д.; пукс. яѳѳдалны 'собирать ягоды', кѳралны 'рубить', ѳтсѳл 'помоги', мыськалыны 'вымыть', кѳськалыны 'поливать', вѳзалны 'продавать', зѳрышаліс 'шли дожди' и др., но: ѳытшкалыны 'втыкать', уджалѳны 'работают', пѳралісѳ 'заходили', вѳсьталі 'я сказал(а)', ѳѳргалѳ 'крутится', пѳралѳма ѳы 'заходил ѳы' и др.; чур. пѳралѳмась 'заходили', кѳлѳ жѳ уджалны 'надо же работать', вѳсьталіс мыялѳ 'сказал нам', пѳзьѳн босьталісѳ 'мукой брали', бригадиралѳ 'работает бригадиром', кѳрталін 'связал ты', пѳніс ѳсьтышалыны сіннѳсѳ 'начал открывать глаза' и т.д., но: вайлѳны 'приносят', сѳлаліс 'он стоял', сѳра-

¹⁷ Данное явление не относится к морфологизации ударения.

лам 'смеется', шомалис 'скисло', пони́с гымалны 'начало греметь',
сайкаласо 'остынут', таччо во́лышалло 'сюда приходит иногда' и др.;

[illegible]

III. Реже под ударением бывают суффиксы:

1) -ыш(т), ср., чаз. кутыш 'подхватить', пыркётышны 'чуть-чуть встряхнуть', миссётышны 'чуть вымыть', мыктаышліс 'он заикался немного', но: чеччалыштё 'подпрыгивает', уджалыш 'поработай', коруштан отсышны 'попросишь немного помочь'; н.-к. кисытыш 'подлей', сюыш 'подсунь', но: сёрдышны стенасё 'подрубить стену'; лев. домышлас 'завяжет чуть-чуть', гылыыш 'сполосни', шорыш 'срежь', нянь пёжышны 'хлеба испечь'; пукс. зэрыштас 'дождь пройдет', сюышны 'подсунуть'; чур. мёда узьышны 'хочу поспать', но: кызёктыштё 'покашливает', нырыштышліс 'слегка раздавил', нобётышны йёл 'отнести немного молока';

2) -ись-, ср. чаз. абу адззісьлѣмась 'не виделись', оз чапкіс-сьы 'не отстаёт', нем ни виччійсьны 'уже нечего ждать', но: казь-тісьны 'справлять поминки'; н.-к. виччійсьны 'ждать', вѣтлісьны 'гоняться' и др., но: щѣчиси 'я отдохнул(а)'; лев. орсісьныс абу 'игрока-то нет', куртісьсез 'грабельщики', вундісь 'жнец', ытшки-

сиссез 'косари', сёйс 'не страдающий отсутствием аппетита', то-лись 'луна', виллсь 'снова', но: шоччис 'отдохни', шонтис 'грехсь', шоччисын 'отдохнуть', шоччисё 'отдыхает' и др. В левичанском говоре в причастиях на -ись ударение падает на суфф. -ись. Ср. в пуксибском: ытшкисьлыис 'косил он иногда', от вештись 'не выплачиваю', нянь босьтиссез 'те, кто убирают хлеба', но: тшакья-лись 'собиратель грибов'; чур. татиссез 'здешние', кода чапкисё 'кто отстаёт', сиа вёли ва кайётись 'тот, кто таскает воду', медальны оз адззись 'нанять некого', но: лэётисё 'поднимается';

3) -ась, ср. чаз. керасьны ни кужо 'уже умеет рубить', эз ни гётрасьны туй 'жениться уже нельзя было', но: пёрнясё 'врет'; н.-к. лякаси 'я прилип(ла)', во модик лякасис 'вот другой прилип', но: тэрмасис 'торопился', косясьоны 'борются'; лев. вись-тасьны нем 'говорить не о чем', шогасьны 'побаливать', сьосясьны 'цедить', корасьны 'свататься', тэрмасьны 'спешить', но: оыгласьё 'катается', пантасьома 'встретился', исласё 'катается', гётрасис 'женился', юкасьлиё 'разделились', отсасё 'помогает' и др. В чураковском на -ась ударение не встречено, ср.: ошьясьоны 'хвастаются', пёрнясьоны 'обманывают'; 4) -ит, ср. чаз. весь байёма 'напрасно сказал он', ваёйт вёдиччыны 'заставь нянчиться', но: маиччыны 'маяться', строитны татён 'строить здесь'. В нижнекосинском на -ит ударение не отмечено: байёмась (лит. байтёмась) по 'говорят, переговорили', токо оунчитё (лит. только оунчитё) 'только что-то шумит', звонит (лит. звонит) 'звони', строиччис (лит. стройтчис) 'застроился'; лев. кватитом 'схватил', гужнитас 'раз заталит', петиччис 'попытался', доо травита 'все stravлю'. Следовательно, и в левичанском суфф. -ит безударный. То же самое наблюдается и в пуксибском говоре. Ср. в чураковском: оэо веритё 'не верят', ме ачым коптита 'я сама копчу', оз байтыны 'не говорит', но: весь байёны 'зря говорят', сё гоётитиё 'все гостили';

5) -ыл(-л), ср. чаз. вундылём 'жала она иногда', эг на адзё-лэ да 'еще не видели', адзёломась и созналась 'увидели и созналась', но: казытылоны 'вспоминают' и др.; н.-к. начкылыны 'зарезать', но: начкыламё 'зарежем'; пукс. кольчылыис 'он оставался порой', инмылыис 'он попадал', шогмыло 'иногда получается', но: ветлылыис 'похаживал', казытылыны 'помянуть'; чур. унайсь понды-лис 'много раз пытался', сэччынись адзёылём 'там он увидел', но: казытылан тай 'вспоминаешь же', нолылиё Косаё 'увозили в Косу';

6) -айт-, -ейт, ср. чаз. проверяйтё 'проверяет', радейтё 'любит', но: сиё ышё думайтлим 'и об этом подумали', уджалыш, стайрайччы 'поработай, постарайся'; н.-к. нюкайтис 'нюхал он', но: отвечайтис 'отвечал он', качайтё 'качает', сьнимайтё 'снимает'. В левичанском данный суффикс под ударением не отмечен: вёнчайтё

'венчает', трéпайчбó 'треплется' и др. То же самое наблюдается и в пуксибском говоре: дúмайтан берсябó 'обо всем передумаешь', бóсийтны 'осилить', ср. чур. пырбó ужнайтны 'заходите ужинать', перéживайта 'переживаю'.

IV. Всегда ударные следующие суффиксы:

1) уменьшительно-ласкательный суфф. -ок(-ёк): чаз. винабóк 'немного вина', йбóрнбóсокыс кузь 'рубашонка длинная', вешьябóк 'брючки', порсёк видзылím 'поросенка мы держали', зон жбóничбóк 'сын женишок', масисёккес эмбóсь 'свечки есть'; н.-к. баранбóк 'барашек', позобóкбó жаль 'жалко гнездышка'; лев. чепбóк 'цепочка', полъбóк 'пузырик', понулбóк 'вересочек', кагабóк 'ребеночек', колесобóк 'колесико', волысбóк 'ремешок'; пукс. шбóмбóсок 'кисленькое', нбóббóсок 'маленькая дверь'; чур. порсышьянбóккес эмбóсь 'поросята-то есть', туёк 'дороженька, тропинка' и др.;

2) уменьшительный суфф. -тор: керкутбóр аслам эм 'домик свой имеется', коланбóр 'необходимое'; он встречается и в чазевском диалекте;

3) уменьшительно-ласкательный суфф. -ник(а), например: пукс. томанíк 'молоденький', сбóдб́ник 'черненький'; чур. матýниккесас мýна 'в ближайшие пойду', рамýник 'смирненький';

4) словообразовательный суфф. -бóс: н.-к. пидзбóслын ѓйжан 'на коленях пишешь', йб́д пб́лб́бóсб́ 'что-нибудь из молочного'; лев. шн-дб́с 'крупа', кб́ньб́с 'калушка', пуртб́с 'стручок'; пукс. нб́бб́с 'дверь', б́дб́с 'все';

5) словообразовательный суфф. отглагольных существительных -ись(-исъ): чаз. с́а л́пльб́тисъл́н 'это у читателя', картб́шка гарйисъ 'тот, кто копает картошку'; лев. орс́исъсыс абу 'игрока-то нет', куртисъсез 'сгребальщики', вунд́исъ 'жнец', с́ейсъ 'едок', ытшкисыссысез 'косари'; пукс. нянь б́осътисъсез 'те, кто убирают хлеб'; чур. татисъсез 'здешние', ва кайб́тисъ 'тот, кто носит воду';

6) суфф. -ан(-ян), -нан-: чаз. миянлб́ 'нам', пызан дынб́ 'к столу', куранныз керны 'делать грабли'; н.-к. т́янлб́ 'вам', куран 'грабли', чышьян 'платок', ме эд сярган 'я ведь болтушка'; лев. чышьян 'платок', панан 'основа', куран 'грабли', пикан 'хвост', висян 'болезнь', иган 'запор', кан 'питье', с́ейан 'еда', кос мидзан 'то, что вызывает усталость в пояснице'; пукс. из гарьян 'добыча камня', вб́р керанныз 'рубка леса, лесосека', куран 'грабли', олан 'жизнь', ветлб́танисъ уна 'много ходьбы', кыкнанныс-лб́ 'обоим (обеим)', кулб́омасъ куитнанныс 'умерли все трое'; чур. волл́ис м́янлб́ 'приходил он к нам', нуб́тб́ пырб́ччан 'несет лом', кыкнанным б́ткдльб́сь 'оба мы одинаковые', с́а пб́ юр л́ткманисъ 'это, говорят, от головной боли', лб́с в́йт л́чичч́анисъ 'все, смотри, от болезни' и др.;

7) словообразовательный суфф. отглагольных существительных эм - в чураковском говоре: сади́то́мсо́ оз ве́рмы 'уже посаженное сможет', чи́лькоччо́мыслё ли мы́ ли 'из-за доения что ли'. Суфф. -эм - ударный также и в некоторых других именах: кыно́м 'живот', кыто́м 'какой' и куто́м 'то же', но: сбо́лом 'сердце', се́тши́ом 'такой'.

8) при наличии суфф. сравнительной степени -жык в чазёвском, нижнекосинском и левичанском говорах ударение ставится на слог, предшествующий данному суффиксу: чаз. по́ри́сьжыккес 'те, что постарше', ко́дзи́джык 'холоднее'; н.-к. учо́джык 'меньше, моложе', гажа́джык 'веселее'; лев. умо́лжык 'хуже', уна́жык 'больше', босьто́жык 'больше берет'. В чураковском и пуксибском говорах эта закономерность в постановке ударения при наличии суфф. -жык - соблюдается непоследовательно: пукс. ту́йбо́джык 'больше годится', та-ланьы́нжык 'ближе к нам', крепы́тджык 'крепче', уна́джык 'больше', басо́бджык 'красивее', абу́джык 'меньше', отбо́нжык 'шире', иджа́джык 'больше, старше', но: по́ри́сьджык 'постарше', се́йбо́джык 'больше ест', иджа́джык 'выше, старше', ку́рытджык 'горше', ы́ло́бджык 'дальше'; чур. та-ланьбо́жык 'сюда ближе', о́дльбо́нжык ко́лис у́зыны 'надо было больше спать', но: ма́то́бджык 'поближе'.

Аналогичное явление (перенос ударения на предшествующий слог) наблюдается в некоторых словах при присоединении суфф. -ик: н.-к. небо́тик 'мягкий', учи́ти́ккесо́н 'с младшими'; пукс. лапы́тик 'ни-зенький', ымо́блик 'худенький'; чур. ма́ты́никкесас му́на 'в ближайшие (леса) пойду'.

Ударными являются приставки не- и мед-. Приведем примеры из чазёвского говора: не́важы́н уджа́лы по́ндис 'недавно он стал работать', не́ылы́н 'близко', не́киндо́ 'некому', ме́дпо́ри́сьсо́сь 'самые старшие', ме́доура́ 'лучше всех'; н.-к. ме́дье́н 'самый крепкий', медма́тын 'самый близкий'; пукс. медто́м 'самый молодой'.

Ударение в сложных словах чаще всего находится на одном из слогов второго компонента, например: чаз. маси́сь 'свеча', по́рьпы́оз перен. 'постель', размо́дись 'несколько раз', но: во́рья́н 'перелесок, лесистое место', та-лапо́ли́сь 'с нашей стороны'; н.-к. о́та-мо́ды́со́ 'друг друга', оди́зы́но́ 'в позапрошлом году', ку́дриа прэ́sia 'кудрявый', вотьва́ 'дождевая вода', но: йбо́кень 'пенка'; лев. ю́мо́с 'прорубь', ельдо́г 'груздь', уртша́к 'сыроежка', ойо́нт 'всю ночь', ры́тыло́нт 'весь вечер', ая́ны́ 'зюльга', ве́жы́то́д 'морозка', но: во́тьва́ 'дождевая вода'; пукс. ойо́нт 'всю ночь', ку́кань 'теленек', ро́чкоми́асьо́ 'говорит то по-русски, то по-коми', йо́дло́з 'кринка (посуда) для молока', но́ос 'дверь', ло́лым (топоним), но: И́льба́дун 'Ильин день'; чур. сусу́ 'кедр', по́рьпы́ян 'поросенок', мы́ры́ вы́лас 'на пне', но: мы́йкоте́рныто́ 'вот что делать-то...'.

В чазевском говоре, территориально примыкающем к кочевскому диалекту, большинство русских заимствований сохраняет ударение оригинала: агроно́м, раде́йтö 'любит', проверя́йтны 'проверять', капуста́, семья́, ста́руха по́лос 'старухи', оши́бка, назём 'навоз', золотóй и т.д., но: ста́райчы 'старайся', но́шá и др. В остальных говорах – в нижнекосинском, левичанском, пуксибском и чураковском – многие заимствования меняют место ударения под влиянием системы ударения диалекта: ударение обычно переносится на первый слог или на а второго или третьего слогов: н.-к. телефо́нон 'по телефону', самолёт, досъвидание, жо́ник, билёт, зала́вкаас 'в залавке', но: бу́нчитö 'бубнит', о́твечайтис 'отвечал', ябло́ккес 'яблочки', ко́брег о́брас 'за погребом', сы́нмайтисö 'снимали; фотографировали', яши́кын 'в ящике' и др.; лев. чи́ганка 'цыганка', дурма́нка, подпо́лича, семна́цетъ, ревизия́, дуко́лкаас абу 'духовки нет', сикёч 'ситец', робя́та, гу́мажно́й 'бумажный', дежу́рно́й, ко́рмылеч 'кормилец' и др., но: рожа́ 'лицо', ча́сэливо 'счастливо', те́нято 'тенето', чве́титö 'цветет', о́чкиаз 'очки', ду́ритö 'дурит', койка́, Анна́, Ли́на, ба́ня, гли́на и др.; пукс. бара́к, колко́зсянь 'от колхоза', посё́лок, ко́зьян 'хозяин', растра́та, обвока́тыс 'адвокат', де́релня́, опте́ка 'аптека', до́суг 'досуг', капуста́, засу́ка и др., но: машина́аз 'машины', де́релня́аз 'деревни', теле́га, по́греб 'погреб', пенза́аз 'пенсии', до́яркаан о́дö 'работает дояркой' и др.; чур. па́ром, буксу́йтö 'буксует', бара́к дыно́т 'около (мимо) барака', заво́д, зато́нын 'в затоне', река́, пальни́к, бито́н, но: ма́шина, Мо́скваас 'в Москве', го́сьтитисö 'гостили' и др. Данные рассмотренных выше говоров показывают, что по своей системе ударения чазевский говор ближе примыкает к говорам кочевского диалекта. В остальных говорах степень морфологизации ударения находится на более низкой ступени развития, чем в кочевском диалекте.

УДАРЕНИЕ В ГАИНСКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ

В диалектах, расположенных на территории Гаинского р-на, ударение в большинстве случаев ставится на первом слоге. Процессы морфологизации ударения в диалектах имеют место, но они выражены гораздо слабее, чем в кочевских и косинских диалектах. Укажем здесь суффиксы, находящиеся под ударением:

1) -ок(-ёк) – дан. кыча́но́к 'собачка', бито́но́к 'битончик', пия́но́к 'ребенок, детеныш', зонка́ок 'мальчишка' и др.; васьк. зоно́к, 'сыно́к', о́мо́к 'ротик', кага́о́к 'ребеночек', кйо́к 'рученька', чу́нёккес 'пальчики', дымо́к 'снежок' и др.; ис. челя́де́к 'детушки',

пуок 'деревцо'; мис. вѳрок 'лесок', кѳзѳк 'елочка', ѳшнѳк 'окошко', иѳлѳк 'молочко', молѳтѳк 'молоточек'; в.-л. каѳаѳк 'ребеночек', румѳаѳк 'рюмочка';

2) -ан - дан. вѳшьѳн 'штаны', пѳкан 'хвощ', сѳѳн 'еда, пища'; васьк. пѳѳн 'детеныш', пѳзан 'стол', мѳѳн 'наш', кѳчѳн 'собачка'; ис. мѳѳннѳн 'у нас', тѳѳннѳн 'у вас', пѳзаннѳлѳс 'на столе', кѳсѳка-сѳѳн сѳѳѳѳ 'время полива', кѳрѳн кѳсѳѳкѳн ѳѳѳѳѳ 'рос на нищенских кусках', пѳканнѳз ѳѳтѳ 'я хвощ собирал'; мис. зѳрѳн 'зыряннин', пѳзан 'стол', мѳѳнлѳсѳ 'у нас', тѳшѳглѳт кулѳн 'с голоду помремь', но: тѳѳн 'ваш', мѳѳн 'наш'; в.-л. пѳѳн 'детеныш, ребенок', сѳѳн 'пища', ѳлѳн 'питье', сѳччѳнѳсѳ 'оттуда', лѳѳѳѳѳ пѳѳн 'любимое дитя', зѳрѳнѳс мѳнѳ 'я к зырянам пошла', бур ѳѳннѳз 'хорошие напитки', но: вѳшьѳн 'брюки', пѳзан 'стол'. Отклонения в постановке ударения на суффиксе -ан встречаются в самых северных диалектах - мысовском и верх-лупьинском;

3) -нан - дан. кѳкѳннѳннѳс 'все двое', куѳѳмнѳннѳс 'все трое', нѳѳннѳннѳс 'они все четверо'; васьк. кѳкѳннѳннѳѳ 'вас обоих', нѳѳннѳннѳт 'вы все четверо', шѳсѳннѳннѳс 'они все шестеро'; ис. кѳкѳннѳннѳѳс 'нас обоих', куѳѳмнѳннѳс 'они все трое'. По мысовскому и верх-лупьинскому диалектам примеров на собирательные числительные в наших материалах не оказалось;

4) суфф. -исѳ (-ѳсѳ) находятся под ударением в даниловском и в исаевском говорах, например: дан. лѳѳсѳѳтѳсѳ 'наладчик', турун ѳѳтѳсѳсѳз 'сборщики сена', удѳѳлѳѳсѳсѳз 'рабочие', куртѳсѳсѳсѳз 'сгребальщики', тепѳсѳсѳсѳз 'рукавицы (кожаные)', кучѳѳѳѳн 'взялся, схватился (ты)'; ис. и ѳѳртѳѳѳѳѳ 'и последнего', касѳѳѳѳѳннѳѳѳ 'поминать-то', ѳпѳѳѳѳѳѳннѳс неѳѳн ѳѳ ѳѳѳ 'помощника-то никого же нет', кучѳѳѳѳѳѳѳѳ тѳ ѳѳѳѳн 'окучивателя-то ты нашла'. Причастие на -исѳ (-ѳсѳ) от соответствующих отглагольных существительных отличаются тем, что последние имеют ударный суффикс (примеры см. выше);

5) суфф. -ѳш(т) находится под ударением в даниловском кусте: вунѳшѳтѳс 'подзабыл', ѳѳѳѳѳшнѳ 'поговорить', удѳѳѳѳшнѳ 'поработать';

6) суфф. -ѳк (-ѳѳ) находится под ударением в васькинском говоре в действительных деепричастиях на -ѳѳ (-ѳѳ): мѳсѳѳѳѳѳѳѳ 'во время мытья', турун кѳрѳѳѳѳ 'во время заготовки сена', турун вѳѳѳѳ 'во время доставки сена';

7) суфф. порядковых числительных -ѳѳз и -ѳт находятся под ударением в дан.: куѳѳѳѳѳѳз 'в третьем', мукѳѳѳѳѳѳ 'в другой раз', нѳѳѳѳѳѳз 'четвертый', куѳѳѳѳѳѳѳѳ 'третий раз'; мис. куѳѳѳѳѳ 'третий', нѳѳѳѳѳ 'четвертый', вѳѳѳѳѳ 'пятый' и др.;

8) -ö́л - в мысовском диалекте: у́чöтö́л 'маловат', жа́рö́л 'жарковато', кузё́л 'длинноват', паськытö́л 'широковат' и др.

Изредка ударение падает на суффиксы. -эт, -ал, -ась, -ыл(л) -эст -эс, -ас -өн, -ит. Приводим примеры, имеющиеся в нашем распоряжении по говорам: дан. быццон 'совсем, в целом', кытцонкэ 'где-то', быдцонлцн 'у всех', учцотик 'маленький', котрасыны 'бегать', оббалны 'баловаться', велцочныны 'учиться', госцтитны 'быть в гостях', ныкцстны 'крикнуть, окликнуть'; васьк. гордцотом тшбканс 'покраснела щека', касытылліс 'вспоминал он', быдцонныс 'все они', нелзя косясыны 'нельзя драться', уджавтцгьяс 'без работы', тшынас 'дымовая завеса'; ис. оз кучиччы 'не окучивает', горбцчынытэ ог вермы 'высказать не могу', касытисынытэ 'поминать-то', кыскыллцмась 'увозили', быццон и быццон сэта 'и полностью, все отдам'; давай сералны 'давай смеяться', сэчинны кцдзыл(ы)лісэ 'там когда-то сеяли', эн ни шогот 'перен. не надоедай уже'; мыс. эн маніччы 'не задерживайся', кортала 'завяжу', уджалігэ 'во время работы', отццот 'помощь', ысласыны 'кататься', отцалны 'помогать', тышкасыны 'драться', мцдцочныны 'отправиться', лыдцбцтны 'читать', ветлцбта 'хожу'; в.-л. алдэытыллі ме 'я видела', вунцбччи этэ 'это я забыла', отланн кэ ветлцтінэ, бытэ деліт 'если вместе ездили, то нужно поделиться', оні быдцон женскэй уджалэ 'теперь все женщины работают', колэ нартитны 'нужно заставить', неред 'железа', мүна уджалны 'иду работать', оз пасытасысыны 'никак не наденешь', учцотик 'маленький' и др.

Необходимо отметить, что отглагольные суф. -ѳт, -ал, -ась, -ыл(л), -йт — чаще всего под ударением находятся тогда, когда за ними следуют суф. инфинитива -ны, -ныи, например: дан. котра́сьны 'бегать', о́ббалны 'баловаться', велѳчыны 'учиться', гѳститны 'быть в гостях', ыкѳсты 'отозваться, крикнуть'; вась. косьтисъны 'сушиться', уджалны 'работать', гѳрдѳтны 'краснеть', гѳститны 'быть в гостях', гладѳтны 'гладить', ыкѳсны 'крикнуть', ытшкисъны 'косить', пуксьѳтны 'посадить', гудралны 'перемешать' и др.; ис. горѳччынытѳ 'замолвить-то', касьтисъны 'справлять поминки', сералны 'смеяться', пыльсьѳтышны 'попарить', неѳзьѳтышны 'немного смягчить'; мыс. изышны 'помолоть', вундышны 'порезать', ысласьны 'кататься', отѳалны 'помогать', висьтѳлны 'сказать', тышкасьны 'померяться силами', мѳдѳчыны 'отправиться', лыдѳтны 'читать' и др.; в.-л. уджалны 'работать', катѳйтны 'катать', нѳревитны 'поноровить, подождать', нартитны 'заставить', колькѳлны 'нес- тись (о курицах)'.

При наличии суфф. сравнительной степени **-жык** ударение переносится на слог, предшествующий ему, ср.: бёрынжык 'позже', буражык 'лучше' и др.; васьк. пёрисьжыкось 'старше нас', матіжык 'побли-

же', оланажыккес 'более состоятельные-то', учётжык 'меньше', унажык 'больше', абужык 'меньше', олдбонжык 'сильнее, быстрее' и др.; ис. матіжык 'посближе', пёрисъжык 'постарше', учётжык 'моложе', пёрисъжыкыс 'тот, который постарше', ылбжык 'подольше'; мыс. вынажык 'посильнее', пемітджык 'потемнее', ме пёрисъжык 'я постарше', абужык 'поменьше'; в.-л. унаджык 'побольше', но: плжылжык '(по)-больше', '(по)старше', скóроджык 'скорее', зэражык 'дождливее'. Отклонения от этого правила имеют место в мысовском и верх-лупьинском диалектах, в которых процессы морфологизации ударения находятся в стадии начального развития.

В сложных словах ударение чаще всего ставится на один из слогов второго компонента: дан. вóрлаполас 'на стороне леса', зыранлаполісь 'на стороне зырян', гожумбѣт кеж 'на все лето', но: тало 'в этом году'; васьк. одизуну 'в позапрошлом году', мый бурсиан? 'чего желаешь?', но: асіомсяліс 'скисло без дрожжей', ойкблѣн мунам 'идем с ночевкой' и др.; ис. шмбѣс 'прорубь', пельбѣннѣб 'мои плечи', кѣнтусь 'конопляное семя', шѣмйблѣн вѣрда 'кормлю простоквашей', нянъыр 'лопата для выемки хлеба из печи', нинкѣм 'лапоть', но: одѣрлун 'позавчера' и др.; мыс. анькѣтш 'горох', карчйѣр 'огород', батькѣр 'вид рыб', кульбѣк 'поганка', пельпѣмѣ висѣб 'мое плечо болит', удѣрлун 'позавчера', вѣтѣва 'дождевая вода' и др.; в.-л. гѣбѣрвоам 'понимаем', тѣпйисѣб-бѣтисѣб 'быстро собирает', гѣзйѣн-гѣзйѣн 'парами-парами', сѣкѣйног 'всяко', изки 'жернов' и др.; в верх-лупьинском диалекте ударение обычно падает на первый слог первого компонента сложного слова, а на втором компоненте ударение побочное.

В русских заимствованиях, у большинства из них, сохраняется ударение оригинала, например, дан. здорѣѣе, колкѣз, посѣлоккѣб 'в поселки', ничѣво, грозѣ, картѣшка, писѣтѣк, кисѣльѣз 'кисели', старука, оз торѣпит 'не торопит', капѣста, капѣсьник, паракѣблѣн 'на пароходе' и др.; васьк. запѣн, корѣка, капѣсьникын 'в капустнике', машина, курича, навѣрно, чѣтырнацѣтѣб, телѣга, дерѣвняын 'в деревне', плѣменича, печникѣс 'печник-то', синѣвичѣзѣз 'синевицы', рострата, но: эн крѣшит 'не кроши', кольчаѣз 'кольца', ме квѣтитѣ 'я схватил', бѣбитѣтѣн 'ты обидел' и др.; ис. пользѣтѣльнѣй пѣ 'говорят, полезно', самолѣт, малинала 'за малиной', чѣгыннѣзѣблѣн 'чутунами', религиѣзнѣбѣсѣс 'религиозные', нарѣдѣт абѣу 'народу мало', джын сукарикѣблѣн 'по полсухарику', рыбак, телѣгаблѣн 'телегой', кружѣк, кык посѣл 'два помощника', стыдлѣйѣб, кузѣнѣч, прибаутѣкаѣз 'прибаутки', батѣг 'батог', седѣй ни 'уже седой', кумач, но: машинатѣг колян 'без машины оставишь', ме дѣмѣвѣй жѣ вѣблѣ 'я тоже брала в дом (мужа)', сѣа стыдѣчѣб 'он стыдится'; мыс. раскулачѣннѣй, тѣвариш, картѣшка, сустѣвѣяс 'суставы', от-

крыткаэз 'открытки', дерёвня, пекарня, запанялын 'на западне', налим, каляка 'калека', но: он понимайт 'ты не понимаешь', гёт-вита 'готовлю', трёситас 'стрясет', усацьбаот 'твою усадьбу (огород)', кёрмысла 'кормысло', кансерваэз 'консервы', күсёкыс 'кусок-то', рацейта сіёс 'люблю его (ее)'; в.-л. зьевайччис 'он издевался', курича, старукакот бы 'со старухой бы', куражичё 'куражится', мыжык 'мужик', нэрэвиччыны 'подождать, поноровать', старикёс вайётісё 'привели старика', беспутнай, кредітёс ко́лмас вештыны 'кредит-то надо выплатить', катайтны 'катать', колостёй ныё 'еще холост', рыбачитны во́ллісё 'приезжали рыбачить', невёска, но: западэня 'западня', пройдітис 'прошло', Вера, дівуйчамё 'удивляемся', курича ро́ззёритис 'разорили курицы', стариклён во́лліс 'брат старика приходил', наро́шнё 'нарочно' и др. Больше всего отклонений в постановке ударения в заимствованных словах наблюдается в мысовском и верх-лупьинском диалектах.

УДАРЕНИЕ В ВЕРХНЕКАМСКОМ НАРЕЧИИ

Ударение верхнекамского наречия имеет некоторое сходство с ударением говоров, расположенных на территории Гаинского района округа; оно ближе всего к системе ударения мысовского и верх-лупьинского диалектов. В большинстве случаев ударение ставится на первый слог: вунёді 'я забыл', кыскала 'таская', ёшёдіс 'он повесил', су́лтёді го́рылё 'я поставила на печку', оз ко́л ёбё́дысё 'не стоит обманывать', дэоналіс 'он сбежал', ёсин 'окно', ёноліс 'он оставил в забвенье', сёмёд 'береста', чёрёс 'носок', майтёг 'мыло', го́рдёд 'красный' и др.

Под ударением могут быть суффиксы: 1) -ёт: пуксьё́дыны 'посадить', гольё́тны 'бренчать', резьё́тны 'распороть', кё́дзё́дыны 'сморозить, охладить', кышё́т 'одежда', но: пуксьё́діс 'он посадил', ёшё́діс 'он повесил', ё́нзё́дас 'измочалит', ёбё́дысё 'обмануть-то', су́лтёді го́рылё 'поставил я на печку', во́йтё́ча 'утоплюсь'; 2) -ал: пес кералны 'дрова рубить', шо́ралныё 'кроить-то', пес пырталны 'дрова заносить', олсалны 'постелить', пожыалны 'мыть пол', ко́дзалны 'остыть', но: во́р во́лін кыскала 'лес я тогда возил я', йо́з во́лалісё 'люди приходили', ме баитала 'я говорю', оз пуксьё́ 'не садятся', дэоналіс 'он сбежал', ко́драліс 'вспоминал он', ёбё́дсялё́м 'чуть согрелось', ё́урдаліс 'поправился он', пы́салё́ма 'обулся он', майтё́гала 'намылю', но́бала 'несу', о́дзсали 'взял(а) я взаймы' и др.; 3) -ась: тажы́сьны 'мучаться', клека́сьны 'избивать', ко́льтя́сьны 'нестись', кы́пасьны 'одеваться', но́жла́сьны 'вытягиваться', но: ко́сясис 'он дрался', то́пасис 'он сжал-

—ся', жагасьом 'он удавился'; 4) -ись: чапкисьны 'отказаться', гарйисьны 'копаться'; 5) -ит(д): чуть брезиччны 'появление рас-
света', заваритны 'заварить', фатитны 'хватать', но: жолтидны
'желтеть', ме баитала 'я говорю'; 6) -уйт: моргуитны 'брезговать',
горюитны 'горевать', торгуитны 'торговать' и др.

Всегда ударными являются следующие суффиксы: 1) -ок: березьни-
чоко́т 'по березовой роще', мыро́кэсылё 'на пеньки', бро́шок 'ква-
сок', шонито́к 'тепленькое', ви́рочкикы (< ви́рок) 'кровь-то', пизё́к
'немного муки', няте́к 'немного грязи', порсе́к 'поросенок', поно́к
'собачка', дро́мок 'рубашечка' (суфф. -ок безударный, если перед
ним имеются суфф. -ик или -ыник: томы́ничок 'молоденький', кызы́ни-
чок 'толстенный', шоны́чиде́кё 'немного теплого'); 2) -ан: пья́н
абысь 'ребенка нет', пыза́н или пёза́н 'стол', кыча́н 'собака', бо́сь-
та пыза́нысь 'беру из стола', мыа́нысь 'у нас', ола́н 'жизнь', жа́н
'питье', курта́н 'сгребание' и т.д.

Сравнительный суфф. прилагательных и наречий -джык перетяги-
вает ударение на предшествующий слог: дона > дона́джык 'дороже',
ы́джыд > ы́джыджык 'больше, старше', чо́жка > чо́жкаджык 'быстро -
быстрее', у́на > у́наджык 'много - больше', ми́ча > ми́чаджык 'краси-
вый - красивее', пы́рысь > пы́рысьджык 'старый - старше', но: шо́-
ны́джык 'потеплее'.

Подобное явление наблюдается и в глаголах инфинитивной формы,
как правило, ударение падает на слог, предшествующий суфф. -ны и
-ыны: сула́лны 'стоять', но су́лала 'стою', вело́дны 'учить', но
вело́до 'он учит', мурта́сьны 'насытаться', та́жысьны 'мучаться',
клека́сьны 'избавить', пуксы́дны 'посадить', резво́тны 'распороть',
пес пы́рталны 'заносить дрова', ужа́лыны от ве́рмы 'работать-то я не
могу', охо́та ады́зылны 'охота увидеть', ко́дзо́дны 'охладить', ко́льт-
тя́сьны 'нестись (о курах)' и другие, но: жолти́дны 'желтеть'.

Во многих двусложных словах ударение падает на последний слог:
быко́б или дыко́б 'все, всё', кыто́н? 'где?', кышо́т 'одежда', бо́бс 'дверь',
кы́ным 'живот', ачы́с 'он сам', у́на 'много', мина́м 'мой', ти́над 'твой',
мы́йся 'какой', мы́ля 'почему', мы́йтось 'вот что', чы́гин 'пустырь',
ачы́м-то 'я сам-то', мы́лятось 'почему-то', кы́ным 'живот' и др.

Имеются случаи переноса ударения на падежный суффикс: урва́ров-
чила́нь 'в сторону урварово', го́ртла́нь 'к дому', кыты́сь? 'от-
куда?', о́брыла́нь-ту вашо́д 'выгони обратно', ры́тын 'вечером', тин-
ло́н? 'чей?', си́чан 'там', кычо́ ле? 'куда ли?' мы́йся 'какой' и
др. Обычно звуки а и о перетягивают на себя ударение, если в сло-
ве остальные звуки гласные верхнего подъема и, у.

В сложных словах ударение падает на один из слогов второго
компонента: урка́й 'клест', го́ром 'шесток', а́й-ма́м 'родители',
ня́нь-сол 'хлеб-соль', пельня́нь 'пельмени' и др.

Во всех заимствованных словах сохраняется ударение оригинала, ср.: ко́синочка 'косыночка', стро́гота 'строгота', ко́нюшна, ка́тит, таба́кло 'бежит за табаком', рабо́таюсь 'от работы', подру́жалы 'подружке', мага́зиньесті вѣтліо 'ходили по магазинам', ряді́во́й, карто́шка, ухажива́йтан 'ухаживаешь', деревня́сьыс 'из деревни', бо́лезяс 'болезни', карма́нысь 'из кармана', уфа́т 'ухват', удво́рича (обл.) 'огород', завари́тны 'заварить', коле́нко и т.д. Последнее объясняется наличием двуязычной среды.

К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЗАЦИИ УДАРЕНИЯ

До последнего времени в лингвистической литературе существовало мнение, что в финно-угорских языках место ударения не имеет фонематического значения. Э.Итконен пишет, что "среди финно-угорских языков нет таких, которые были бы подобны русскому, где ударение, благодаря соответствующему динамическому оттенку, сильно охарактеризовано..."¹⁸. Хайду Петер утверждает, что "Место ударения в родственных (венгерскому) языках не имеет фонематического значения и не имело в языке-основе"¹⁹.

Как известно, смысловозначителями слов и словосочетаний могут быть не только фонемы, но и интонация и словесное ударение, ударение фразовое, логическое и паузы. Так, повествовательная и вопросительная интонации могут выступать таким же фонологическим средством, как и отдельные фонемы. Ср.: 1. Го́ртё ло́ктіс 'Домой приехал', 2. Го́ртё ло́ктіс? 'Домой приехал?'. Точно так же усиление голоса то на первом, то на втором слове служит средством различения двух, разных по значению выражений, например: 1. Эн пы́р 'Не заходи', 2. Эн пы́р 'Ты не заходил'. Следовательно, фразовое ударение тоже относится к числу фонологических средств.

Мы остановимся на рассмотрении словесного ударения, вернее на фонематической роли места словесного ударения.

Коми-пермяцкое словесное ударение, как и в русском языке, не связано с каким-то слогом слова и может быть в слове на любом по порядку слоге (на 1-м, 2-м, 3-м и т.д.). Эта особенность (не связанность ударения с определенным слогом) в языке используется для различения слов или форм, состоящих из одинаковых фонем, ср.: вевтёс 'покрышка, покрывало' и вѣвтёс 'моего покрывала, моей покрывки' — форма виң.п.; ре́ктас 'очищенное, вырубленное место' и ре́ктас 'он освободит, опростает что-то (например, ведро)' и т.д.

¹⁸ E. I t k o n e n. Über die Betonungs..., стр.23.

¹⁹ H a j d ú P é t e r. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest. 1966, sz. 52.

Как видно из приведенных примеров, достаточно одного различия в месте ударения для противопоставления подобных пар слов и форм. Поэтому коми-пермяцкое ударение в силу своей разноместности оказывается фонологическим средством²⁰.

Грамматические категории, значения слов и их оттенки различаются в коми-пермяцком языке (в литературном и его диалектах) местом ударения.

1. Так, у качественных прилагательных местом ударения различаются степени качества и степени сравнения: бо́ёк 'боевой, шустрый, храбрый' – боёк 'смелый, очень шустрый, отчаянный'; ыджыт 'большой' – ыджыт 'значительно больше'; курыт 'горький' – курыт 'горче, слишком горький'; кокнит 'легкий' – кокнит 'слишком легкий'; учёт 'маленький' – учёт 'маловат, молод' и т.д.

2. Местом ударения различаются значения некоторых относительных прилагательных: важнся 'давнишний' – важнся 'старый, давний'; бо́ковой 'из бока (сделанный, отрезанный)' – боковёй 'посторонний' и др.

3. Различаются по значению и некоторые местоимения: бы́дос 'каждого (в отдельности)' и бы́дос 'все, всё'; мы́сянь? 'отчего?' и мы́сянь? 'почему? из-за чего?'.

4. Различаются также порядковые числительные на -ёт и -ёдз и числительные, стоящие в переходном и предельном падежах: вы́тёдз 'пятый (по счету)' – вы́тёдз 'до пяти', дасё́дз 'десятый' – дасё́дз 'до десяти'; кватё́дз 'шестой' – кватё́дз 'до шести'²¹; нёльбёдз 'четвертый' – нёльбёдз 'до четырех', сизимёт 'седьмой' – сизимёт 'через семь', куимёт 'третий' – куимёт 'через три' и т.д.

5. Имена существительные от глаголов: тури 'журавль' – тури 'много я ходил, беспокоился', тыёт 'по (через) озеру' – тыёт 'мочи, замачивай', бы́дмас 'растение' – бы́дмас 'вырастет', бы́дтас 'воспитанник' – бы́дтас 'вырастит, воспитает', вердас 'корм, фураж' – вердас 'накормит' и т.п.

6. Существительные от наречий: кыза 'толщина' – кыза 'толсто, грубо', кузя 'длина' – кузя 'длинно'; паськыта 'ширина' – паськыта 'широко' и т.д.

7. Прилагательные от существительных: гёгрёс (пызан) 'круглый' – гёгрёс 'круг, окружность' и др.

²⁰ Такое понимание фонологических средств с включением в них ударения и интонации см.: А.Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка. М.-Л., 1949, стр. 98-168.

²¹ Большинство примеров взято из литературного языка (см. "Коми-пермяцкий орфографический словарь". Кудымкар, 1966).

8. Степени качества и степени сравнения наречий. Ср.: гы́рися 'крупно' – гы́рися 'крупнее, более крупно', у́на 'много', – у́на 'больше', ы́джыта 'крупно' – ы́джыта 'крупнее', ы́лын 'далеко' – ы́лын 'очень далеко', о́ддьо́н 'сильно' – о́ддьо́н 'сильнее', пе́рыта 'быстро' – пе́рыта 'очень быстро', о́бра 'опять' – о́бра 'снова, опять' и т.д.

9. Имена существительные в форме им.п. на -о́с от имен существительных притяжательного склонения в форме вин.п. 1 л. ед.числа: пу́рто́с 'стрючок' – пу́рто́с 'моего ножа', у́вто́с 'нижняя наволочка' – у́вто́с 'низ моей постели', шы́до́с 'крупя' – шы́до́с 'моих щей'.

10. Имя существительное на -ас от формы глагола 3 л. ед.числа будущего времени: кы́рас 'овраг' – кы́рас 'пронесет потоком'.

11. Местом ударения различаются и разные глагольные формы:

а) глаголы 3 л. ед.числа второго прошедшего времени от отглагольных имен существительных на -о́м: ады́сьо́м 'он увиделся, встретился' – ады́сьио́м 'свидание, встреча', а́ркмо́м 'родился, получился, образовался' – а́ркмо́м 'рождение, образование', ко́кмо́м 'куковала' – ко́кмо́м 'кукование', се́то́м 'передал, отдал' – се́то́м 'передача, отдача' и др.;

б) формы 2 л. ед.числа настоящего-будущего времени от причастий на -ан: биа́сян 'ты зажигаешь огонь' – биа́сян (кад) 'время зажигания света', бо́льган 'болтаешь зря' – бо́льган (шор) 'журчащий (ручей)', гы́жан 'пишешь' – гы́жан 'урок письма', мы́ссиян 'умываешься' – мы́ссиян 'умывальник, умывание', се́ян 'кушаешь' – се́ян 'пища' и др.;

в) причастия на -о́м и отглагольные существительные на -о́м: ады́зо́м (деньга) 'найденные (деньги)' – ады́зо́м 'зрение, видение', о́брюо́м (тшак) 'очищенные грибы' – о́брюо́м 'выборы', э́рдо́м 'проклятый' – э́рдо́м 'проклятие', о́кто́м 'собранный' – о́кто́м 'сбор, сборы' и т.д. Однако следует отметить, что формы 3 л. ед.числа второго прошедшего времени и причастия на -о́м по звуковому составу и по месту ударения совпадают, т.е. являются омонимичными формами и они различаются лишь в контексте. Ср.: 1. Ся́ го́жийо́м 'Он(а) провел(а) лето'. – Го́жийо́м по́да 'Летний скот'. 2. Пуэ́з берго́тло́м 'Он катал бревна'. – Берго́тло́м пуэ́з 'Перевернутые бревна'. И т.д.

г) причастия на -ись от соответствующих отглагольных существительных: у́зись (морт) 'спящий (человек)' – у́зись 'ночующий, спящий; тот, кто спит', ы́зйотісь (морт) 'подстрекающий (человек)' – ы́зйотісь 'подстрекатель, зачинщик'.

Местом ударения различаются также некоторые оттенки видовых значений глагола, хотя и коми-пермяцкий язык довольно богат суффикса-

ми, выражающими различные видовые значения²². Так, если суфф. -ышт находится под ударением, то он обозначает законченное действие: койыштны 'выплеснуть', шорыштны 'отрезать', вотыыштны 'капнуть', кулыыштны 'снять, содрать' и др. Если же ударение в приведенных выше словах падает на слоги, предшествующие суфф. -ышт, то эти глаголы означают однократное действие с оттенком мгновенности (койыштны 'выплеснуть', шорыштны 'отрезать разом, быстро ударить'; вотыыштны 'капнуть, промчаться мигом'; кулыыштны 'быстро снять; мигом содрать; нечаянно ударить' и др.) или же значение начала действия с оттенком неполноты, незавершенности действия, ср.: ро́сыыштны 'чуть замести', во́лыыштны 'чуть содрать кору', бана́лыыштны 'немного собирать бересту', чибро́тыыштны 'чуть-чуть подстричь', шмо́ткыыштны 'чуть нечаянно ударить', швыргы́штны 'недалеко, чуть отбросить' и др.

Глаголы с производной основой с ударением на первом слоге чаще всего означают действие мгновенное или кратковременное. Ср.: бе́ргавны 'быстро крутиться, вертеться', но берга́вны 'вертеться, крутиться'; ча́книтны 'быстро сохнуть, худеть на глазах', но чакни́тны 'долго болеть'; ре́пöтны 'мигом выгнать', но: репö́тны 'гнать'; ли́чöтны 'быстро ослабить', но личö́тны 'ослабить, расслабить'; ко́тра́сны 'бегать быстро, туда-сюда', но котра́сны 'бегать (долго), гулять' и др. Следовательно, когда ударение стоит на последнем слоге основы, то глаголы означают длительное завершённое или незавершённое действие (примеры см. выше).

12. Местом ударения различаются не только видовые оттенки, но и основные значения отдельных глаголов, например: ку́рöтны 'зашелестеть, шуршать' и курö́тны 'горчить'. Почти любое перемещение места ударения приводит к изменению смысловых оттенков слова, например: бе́ргалыштны 'немного покрутиться, повертеться', берга́лыштны 'покрутиться, вертеться', бергалы́штны 'чуть покрутиться, повертеться'; вайöтыыштны 'быстро привести, подвезти', вайö́тыыштны 'чуть подвезти', вайöтыы́штны 'немного подвезти, довести'; о́ббалöм 'побаловался, оказывается', обба́лöм 'баловался, оказывается', оббалö́м 'баловство, игра' и др.

Из рассмотренного выше материала видно, какую большую роль играет разноместное ударение в коми-пермяцком языке в развитии семантики слов, в обогащении лексики в целом. Значение его состоит еще и в том, что оно способствует сокращению числа лексических и грамматических омонимов. Однако возможности разноместного ударения не безграничны, и поэтому встречаются как лексические, так и грамматические омонимы, например: а) лексические омонимы: вöтьöт -

²² Коми-перм., 256-261.

1) углуби, 2) сеть; кызá - 1) толщина, 2) очень толсто, грубо; вóра - 1) лесистый²³, 2) вымя; б) грамматические омонимы: эдóм 'запеклась, свернулась (о крови); превратилась в студень'; эдóм (вир) 'запекаясь (кровь); застывший, студенистый'; òктóм 'собрал, собирал' и òктóм сý 'собранное зерно'; ýскýсьóм 'распрягал' и ýскýсьóм вóв 'распряженная лошадь' и др. (см. примеры также на стр. 116-117). Таким образом, здесь совпадают по звуковому составу формы 3 л. ед. числа прошедшего времени и страдательные причастия на -óм. Конкретные значения лексических и грамматических омонимов выясняются лишь в контексте.

Фонологическая роль ударения не во всех диалектах коми-пермяцкого языка одинакова. Это зависит от степени морфологизации ударения, т.е. закрепления его на том или ином суффиксе. Поскольку в диалектах северного и верхнекамского наречий процесс морфологизации ударения находится на разных ступенях развития (чем дальше к северу, тем слабее), то и фонематическая роль ударения в диалектах этих наречий менее выражена по сравнению с южными диалектами и литературным языком. Приведем примеры из окраинных диалектов. Так, в мысовском, верх-лупьинском диалектах северного наречия и в говорах верхнекамского наречия местом ударения различаются отглагольные имена существительные на -ан и глагольные формы 2-го лица ед. числа настоящего - будущего времени (в́ан 'питье' - ю́ан 'ты пьешь', о́лан 'жизнь' и о́лан 'живешь', кúртан 'гребешь' и курт́ан 'гребешь' и куртан 'сгребание' и др.; порядковые числительные на -óт от соответствующих количественных числительных в переходном падеже: куймóт 'третий' - куймóт 'через три', нёльбóт 'четвертый' - нёльбóт 'через четыре', вйтóт 'пятый' - вйтóт 'через пять' и т.д.

Заметим, что процессы морфологизации ударения имеют место и в диалектах с качественно-вокальной системой ударения (91-92, 94-95). Качественно-вокальный тип ударения в наиболее чистом виде сохранился в оньковском диалекте, а также в тиминском и аксеновском говорах нижнеиньвенского диалекта. В крохалевском и доеговском говорах нижнеиньвенского диалекта процессы морфологизации ударения занимают также значительное место, так как на эти говоры, несомненно, оказывает влияние среднеиньвенский диалект, где процессы морфологизации ударения имеют наиболее глубокие позиции. Во всех нижнеиньвенских говорах местом ударения различаются: 1) отглагольные имена существительные на -ан от глагольных форм 2-го л. ед. числа настоящего-будущего времени: сэ́ян 'еда' - сэ́ян 'кушаешь',

²³ В некоторых южных и северных говорах, где конечное -а в открытом слоге перетягивает на себя ударение, омонимичности в этом случае нет: вóра 'лесистый' и вóра 'вымя'.

ве́йчан 'учеба, учение' – ве́йчан 'учи́шься' и др. (если в основе слова нет гласных верхнего подъема); 2) порядковые числительные на –от и –одз от числительных в переходном и проделном падежах: кватё́дз 'шестой' – кватё́дз 'до шести', кватё́от 'шестой' – кватё́от 'через шесть'; мо́додз 'второй' – мо́додз 'до второго', не́льодз 'четвертый' – не́льодз 'до четырех', не́льот 'четвертый' и не́льот 'через четыре' и т.п.

Интересно отметить, что и в оньковском диалекте происходит морфологизация ударения, но это новое явление, не имеющее пока широкого распространения и находящееся в стадии развития (см. стр. 92).

В близкородственном коми-зырянском языке словесное ударение обычно падает на первый слог слова. Большинство коми лингвистов считают, что в коми-зырянском языке "свободное (не строго фиксированное) ударение с тенденцией ставить на первый слог"²⁴. Такого же мнения придерживается В.А.Сорвачева. Она пишет: "В большинстве говоров коми языка ударение в значительной мере свободное, т.е. оно может стоять на любом слогѣ слова и не несет на себе ни фонематической, ни морфологической функции"²⁵.

Среди коми-зырянских диалектов особое место занимает говор летских "пермяков", который в отношении ударения имеет большое сходство с говорами верхнекамского наречия и с современными диалектами коми-пермяцкого языка – мысовским, верх-лупьинским. В летском говоре ударяемыми являются глагольные суфф.: –ал, –од, –уйт, –ит, –ась, –экт. Имеют тенденцию удерживать на себе ударение: а) суфф. причастий –ись (к.-п. –ись) – чериальсь 'рыбак', вердись 'кормилец' и др.; б) суфф. отглагольных существительных –ом (уджалом 'работа', косясьом 'драка'); в) –ан (висян 'болезнь', кокан 'клюв'). В последнем случае местом ударения различается грамматическое значение (косьтысян 'зерно, предназначенное для сушки', косьтысян 'занимаешься сушкой' и др.)²⁶.

Имеются случаи удерживания ударения на отдельных суффиксах также в верхневычегодском диалекте (суфф. –ов или –оо, –о) – варов, вароо, варо 'разговорчивый'; пуков, пукоо, пуко 'сиди' и др.), в ижемском и некоторых других²⁷.

Таким образом, в коми-зырянском языке единичные процессы морфологизации ударения имеют место лишь в отдельных диалек-

²⁴ Лытк. Ист. грамм. к. яз., 105–108.

²⁵ Сорвачева. Кр. грамм. справ., 464.

²⁶ Там же; см. также: Т.И. Ж и л и н а. О говоре с.Слудка.

"Историко-филологический сборник", вып.3. Сыктывкар, 1956.

²⁷ Сорвачева и др. Верхневыч.диал., 71.

тах и занимают незначительное место (за исключением летского говора)²⁸.

Значительно шире наблюдаются процессы морфологизации ударения в другом близкородственном языке – в удмуртском, в котором ударение фиксированное (не свободное) и покоится преимущественно на последнем слоге слова: бертынн 'возвращаться', Иванлэн книгаэз 'книги Ивана' и т.д. Но в ряде случаев (у некоторых категорий слов) ударение в удмуртском языке стоит не на последнем слоге слова. Так, ударение падает на первый слог: а) у смыслового компонента в отрицательных формах изъявительного наклонения (уд минйське 'не идете', уз үчке 'не посмотрят'), б) в сложных прилагательных и наречиях (юг-юг 'светлым-светло'), в) в глагольных формах 2 л. повелительного наклонения (пукты 'поставь', дышетски 'учись'), г) в отрицательных формах повелительного наклонения ударение падает или на отрицательное слово, или на первый слог смыслового глагола (эн жалялэ – эн жалялэ 'не жалейте').

Во многих двусложных словах (местоимениях и наречиях) ударение колеблется: падает то на первый, то на последний слог. Но чаще они произносятся с ударением на первом слоге, например: ваньдн 'все вы', номыр 'ничего', огналь 'одинаково', котькин 'всякий'; арбыт 'в течение года, весь год'; котрак 'кругом'; пумтэм 'бесконечно'.

Есть случаи, когда ударение падает на второй слог: а) в наречиях и местоимениях с приставкой оло- 'или' и в производных словах с основой быд(эс) 'целый' (олокин 'кто-то', быдэнак 'каждый') и б) в многосложных словах с аффиксом -быт: гужембыт 'целое лето', нуналбыт 'в течение дня',²⁹

В глагольных формах у северных удмуртов ударение стоит обычно на предпоследнем слоге, например: бертиллямзы 'пришли, приехали (они)', эктоме 'спяшемте-ка' и др.³⁰

В глазовском диалекте суфф. порядковых числительных -эти(-эти) всегда ударный: витэтиез 'пятый', дасэтиезлы 'десятому' и др.³¹. Аналогичное явление имеет место во всех диалектах коми-пермяцкого языка.

²⁸ По ударению коми-зырянских диалектов пока специальных работ нет.

²⁹ Данные по ударению в удмуртском языке взяты из кн.: Грамм. совр. удм. яз., 47-49.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. См. также: И. В. Т а р а к а н о в. Об ударении в удмуртском языке. "Изв. АН ЭССР", т. VIII. Серия общественных наук, № 2, 1959, стр. 170-177.

Интересные явления в области ударения наблюдаются в кукморском диалекте удмуртского языка³².

В этом диалекте, по сравнению с литературным языком, ударение на первом слоге находится также 1) в отрицательных наречиях и местоимениях с приставкой (нинокин 'никто', ниномер 'ничто, ничего' и др.); 2) в вопросительных и относительных наречиях и местоимениях (кётен 'где', кин'н'осле 'кому' и др.); 3) у собирательно-личных числительных на -на кин'наме 'мы втроем', н'йл'наде 'вы вчетвером' и др.), за исключением: о'нам 'я один', о'нат 'ты один', о'наз 'он один', в которых ударение стоит на последнем слоге; 4) в наречиях, образованных от форм порядковых числительных: вит'эти 'в пяти местах', с'йэти 'в ста местах' и др.

Некоторые категории слов этого диалекта имеют ударение на предпоследнем слоге слова: а) глагольные и деепричастные формы мн.числа на -ме, -де, -зе: ужакэме 'когда мы работали', бедэстэтос'аде 'до вашего выполнения', лектэмтэзе 'они, оказывается, не пришли'; б) имена существительных в некоторых косвенных падежах притяжательного склонения (гуртис'кэме 'из нашего села'); в) имена прилагательные с суфф. неполноты качества -пер (чэскётпер 'сладковатый').

Отклонения от фиксированного ударения, которых немало в кукморском диалекте, создают определенные условия для грамматикализации и лексикализации ударения. "В словоразличительной функции ударение выступает в диалекте в следующих случаях: а) различаются ударением формы глагола повелительного наклонения (на первом слоге) и формы глаголов изъявительного наклонения 3-го лица ед.числа настоящего времени (на последнем слоге) гоштэ 'пишите' – гоштэ 'пишет'; цукэ 'сидите' – цукэ 'сидит'. Этот случай известен во всех удмуртских диалектах; б) порядковые числительные (ударение на последнем слоге) и отнумеральные наречия (ударение на первом слоге): вит'эти 'пятый' – вит'эти 'в пяти местах', кэкэти 'второй' – кэкэти 'в двух местах'. Этот случай зафиксирован пока лишь в данном диалекте.

Встречаются частные случаи лексикализации: а) казэр 'сейчас' – казэр 'ладно, сейчас, в эту минуту'; б) коркаме 'в нашем доме' – коркаме 'наш дом'; в) гурта 'гостит у соседей' – гурта 'деревня' и т.п.

Таким образом, на примере кукморского диалекта мы видим появление в удмуртском языке новой функции ударения – фонологической,

³² В. К е л ь м а к о в. Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр.111-116.

когда местом ударения начинают различаться отдельные лексемы и грамматические значения³³.

Отдельные случаи фонологизации ударения в удмуртских и коми-зырянских диалектах, несомненно, результат самостоятельного, параллельного развития. Очевидно, во всех пермских языках в самой системе общепермского ударения были заложены условия для последующего развития разноместного (смыслового) ударения. В коми-пермяцком языке они получили дальнейшее развитие; в коми-зырянском в развитии системы ударения существенных изменений не произошло, а в удмуртском под влиянием тюркских языков ударение в большинстве случаев закрепилось на последнем слоге.

Морфологизация, а затем и фонологизация коми-пермяцкого ударения – результат позднейшего и самостоятельного развития в языке коми-пермяков.

³³ В.К. К е л ь м а к о в. Кузморский диалект..., стр.110-116.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Число

Суфф. мн.числа $-эз < * -йэз$ в разных говорах имеет различные варианты. Как уже отмечалось выше (стр. 51-53), ослабление позиции й и выпадение его в интервокальном положении явилось одной из важных причин трансформации суфф. мн.числа $-*йэз/-йас/ > -эз > -э$ (см. карту 3).

В южном наречии и в кочевском диалекте северного наречия показателем мн.числа является суфф. $-эз (-эз)$. В косинских и гаинских говорах изредка выступают варианты суфф. мн.числа $-йэз, -йас$: кос. нурйэс матын 'болота близки'; пукс. мóсйэз 'коровы', нумерйэзас кóдзлісö 'сеяли в огороды'; мыс. нóмйэс уна 'комаров много', пéс-йэз 'дрова'; в.-л. вóкйэт кóн? 'где твои братья?', пáньйэз 'ложки', часнйэз 'часы' и т.д. Более часто й встречается в суфф. мн.числа в пуксибском, мысовском и верх-лупьинском диалектах. В последнем изредка $-йэз$ появляется и в словах с основой на гласные звуки и на мягкий согласный, например: кнйгайэз 'книги', кййэз 'руки', пáньйэз 'ложки', висьтáлйсьйэз 'рассказчики'. Они свидетельствуют о незавершенности ассимиляции й мягкими согласными, но вместе с тем дают основание утверждать, что процессы исчезновения й между гласными и после согласных близки в составе суфф. мн.числа к завершению.

В верхнекамском наречии показателем мн.числа является суфф. $-йэз(-йэс)$ с вариантами $-эз(-эс), -эз(-эс), -йас(-ас)$, например: гйййэс 'ногти', мырйэсылö 'на пни', но: гагóккэз 'червячки', шáл-дэз 'шали'; чуньйэс 'пальцы', пермякьяс 'пермяки', но: пáнньас 'ложки', чáссьас 'части'. После гласной основы употребляется суфф. $-эз/-эс$: бáлйэз 'овцы', бусурмáнэз 'бесермяне', типкáэзöс 'пылят' и т.п.

Ср. также коми-зырянский лет. суфф. мн.числа, который имеет варианты: $-яэ(-яэ), -ээ(-ээ)$: лудькьяс 'клопы', синкудьяс 'брови',

зэрьяснд эмось 'дожди есть', абыось стёканиэзс 'нет стаканов', мурашинскöйэз 'мурашинские'; имеются случаи ассимиляции й предшествующим мягким согласным: ооо күүлэзс 'шалуны-то', ме вйэдзл-ли поросят-тö 'я держала свиней'; после гласной основы й из суфф. мн.числа чаще всего выпадает: дйтязэз эмось 'дети есть', кёркуэзс тыдалёнö 'дома виднеются', но: мэстяснс 'места-то', кйтөн гóрая-снс 'где горы-то' и т.д. Проследим эти данные по разным диалектам и наречиям.

В нердвинском диалекте суфф. мн.числа выступает в двух вариантах -эз и -эс, например: чуманнэс кёрöны 'делают берестянки', кажнöй рыт вёчеррес 'каждый вечер - вечеринки', мóссэс вайóтöны 'коров приводят', óдэжык эд куклаэс вóран 'раньше ведь куклы (бывало) шьешь'. Ср.: Налиммез мешöккэзöн вайсö. 'Налимов приносили мешками'. Татын колхóззэз. 'Здесь колхозы'. Лечкánнэзöн миánöс эд нiа шүöны да. 'Они ведь нас лóкающими называют да'.

Суффикс -эс < -эз + -нс (суфф. мн.числа и -нс - притяжат.суфф. 3-го л. ед.числа) в большинстве диалектов утрачивает прежнее значение притяжательности и указательности на 3-е л. ед.числа и начинает выступать в роли суфф. мн.числа в конце слова. В середине слова всюду употребляется суфф. -эз, ср.: 1) Пёссия козázэзнам 'Мучаюсь со своими козами'; 2) Вóллэзöн вётлím дó станци 'На лошадях ездили до станции'; 3) Учítеллэзлö здáм огорóдсö 'Учителям сдам свой огород'. Следовательно, перед падежными окончаниями и лично-притяжательными суффиксами выступает -эз. Вариант суфф. мн.числа -эс, несомненно, более позднего происхождения, чем -эз.

Можно предположить и другие два пути (гипотезы) образования данного суфф. -эс: 1) могло произойти оглушение з в конечной позиции в диалекте, тем более, что отдельные случаи оглушения на конце слова имеют место, а позже произошло выравнивание в пользу с в данном суффиксе; 2) з > с в конце слова под влиянием местного русского говора. Но последнее также мало вероятно, так как оглушение в ауслауте в этом русском говоре носит спорадический характер.

Первое предположение (-эс < -эз + -нс), нам кажется, более вероятным и реальным.

В оньковском диалекте изредка встречаются примеры, свидетельствующие о наличии звука й в составе суффикса мн.числа -эз < -йэз. Примеры: номйэс 'комары-то', кымбóйэс 'облака', шырйэз 'мыши' и др.

По-видимому, процесс исчезновения й из -йэз > -эз еще полностью не завершился, так как выпадение й из суффикса мн.ч. после гласной основы и ассимиляции й конечным согласным основы в оньковском диалекте начались, вероятно, значительно позже, чем в иньвенских

диалектах¹, лишь в период обособленного развития диалекта от коми-зырянского наречия.

В оньковском диалекте наблюдается весьма интересное явление — удвоение суфф. мн. числа, например: нбэзэзас 'на полях', синэзэзэ́н ог а́дзэ 'глазами не вижу', кинэзэзлэсь? 'у кого?' Удвоение суфф. -эз встречается в редких случаях, в односложных словах. По-видимому, это происходит в целях удлинения коротких слов, что имеет место и в некоторых других финно-угорских языках.

В отличие от соседних нижеиньвенских говоров, оньковского диалекта и литературного языка, в аксеновском говоре согласный основы перед суфф. мн. числа -эз (-эз) < *-йэз не удваивается (см. об этом на стр. 63): нбэзвас 'на полях', сусликез э́на 'суслики эти', э́тна кин'эз? 'эти кто?', видэ́т мбсэсвон сэ́рас 'смотри, рога у коровы', э́тна ко́йнэз 'это волки'. Случаи на удвоение согласного основы единичны: я́гдэдэз мо́да б́ктын 'ягоды хочу собирать', ко́ккез висьо́н 'ноги болят'. Но эти же слова могут употребляться и с одним согласным основы: я́гдэдэз, ко́ккез. Интересно отметить, что упрощение геминат основы перед суффиксом мн. числа не прошло бесследно: чувствуется наличие небольшой паузы перед этим суффиксом. Эту паузу мы обозначаем знаком (') (примеры см. выше). Подобное явление имеет место в крохалевском говоре, где при присоединении суфф. мн. числа к именам с основой на согласную, последний не удваивается; ср.: ка́нес (лит. каннес) сэ́ясс 'кошки съедят', ко́ккез (лит. ко́ккез) висьо́с 'ноги болели', та́гес (лит. та́тгес) у́на 'хмеля много', анба́рес (лит. анба́ррес) вадо́р мунис 'ушел в сторону анбаров', ми саба́нэзэ́н (лит. саба́ннэзэ́н) ко́рим 'мы пахали сабанами', увэ́знас (лит. уввэ́знас) совсе́м сто́жаресс (лит. сто́жарресс) мо́ртаас 'со всеми сучьями стожары наставит' и т.д. Исключения единичны: ни́а кы́дэ сука́ррез ни 'они как сухари уже', йиввэ́с орва́мась 'верхушки срезали' — это следы ассимиляции предшествующим согласным основы звука й из суфф. мн. числа -йэз (> -эз). В остальных говорах нижеиньвенского диалекта, как и в кудымкарско-иньвенском, оньковском и нердвинском диалектах, согласный основы перед суффиксом мн. числа удваивается: ко́ч > ко́ччез 'зайцы'; ко́йн > ко́йиннэз 'волки', ош > ошшез 'медведи', шор > шоррез 'ручьи' и др. и т.п.

В говорах кудымкарско-иньвенского диалекта, расположенных на территории бывшего Белоевского района (ныне он входит в состав Кудымкарского р-на) имеет место выпадение звука з из суфф. мн. числа -эз (-эз) в середине слова, перед падежными и лично-притяжатель-

¹ Иньвенскими называются нижеиньвенский и кудымкарско-иньвенский диалекты южного наречия.

ными окончаниями. В косогорском говоре этот суффикс появляется в сокращенной форме $-з(-е) < *эз(-ез)$, например: картошк^оой ш^аньга-эз 'картофельные шанги', к^окк^ез п^об^оны 'ноги бояться', реб^инп^у ш^ат-тез 'рябиновые ветки' и др. Но: уч^астоке^нн уд^жаим^о 'работали мы на участках', во^ггеас 'в логах', вид^зе^нс 'луга-те', теп^иссе^ас к^ок-кеам с^ии 'рукавицы на ноги свои я обул' и др. Ср. в кувинском: б^отик в^оннэз в^ово^мась 'братьями были', пов^овикк^ез в^овис^о 'половики были', вот эд к^ытш^ом^ось пельп^оннэ^о ($< \text{пельп^оннэз^о$) 'вот ведь какие мои плечи', веш^ииэнат ($< \text{веш^иезнат}$) б^ол^ьб^он у^на во^ас 'с вещами твоими очень много будет' и т.д.; в вагановском: стар^икк^енас ($< \text{стар^икк^езнас}$) 'со стариками', н^янне^ас ($< \text{н^яннез^ас}$) к^ыска^и 'хлеба (свои) я вытащи (из печки)', в^удж^енас ($< \text{в^удж^езнас}$) 'с корнями' и др. Но: к^иннэз^ос к^об к^утны? 'Кого нужно поймать?' К^евь^яэз^о н^ел^ьб^он^ось 'Мы четыре снохи'; и^бзэзэв^он а^оу 'у людей нет', в^ор-резас и н^орреас 'в лесах и болотах', з^онкаэз^ос тш^окт^ис^о с^етны 'мальчиков велели отдать' и др.; в мелехинском: п^инне^нс а^оу 'зубов-то нет', с^эшш^омен^с а^оу 'таких-то нет', и^нд^ис^о зав^оддэз^о 'отправили на заводы', ка^гаэз^нас б^овны 'жить с детьми', н^оррезын 'в болотах', б^оллезын 'в сырых местах'. Это явление характерно также для ошибского и ёгвинского говоров.

Аналогичные случаи замечены в мелехинском говоре на территории Юсьвинского р-на. Примеры: б^окк^еас $< \text{б^окк^езас}$ 'по бокам', у^на г^оддэ^о ($< \text{г^оддэз^о$) 'в течение многих лет', с^акк^еб^он $< \text{с^акк^ез^он}$ 'сачками'. В хайдукском говоре, граничащем с доеговским говором нижнеиньвенского диалекта, мн.число имен существительных образуется так же, как, например, в тиминском или тукачевском говорах: Ба^би-коввез 'Бабиковы', Ту^качэввез 'Тукачевы', Лес^ник^оввез 'Лесниковы', р^ан^ен^ой^ез^о вай^бтв^ис^о 'раненных привозили', в^оннэз к^ыка 'два брата' и др. Выпадение з из суфф. $-эз$ отмечено лишь в одном случае: м^уж^ик-ке^о в^ой^ос^ь 'мужики (у меня в доме) были'. Это, очевидно, результат влияния соседнего мелехинского говора.

Употребление сокращенной формы суфф. мн.числа $-е(-ез)$ в середине слова характерно и для диалектов северного наречия. Она встречается в больше-кочинском, кочевском, пельмском, гайнском, исаевском, пуксибском и чураковском.

Заметим, что в пельмском говоре кочевского диалекта суфф. мн.числа является $-э(-е)$. Ср.: э^на г^оддэ^о 'в эти годы', в^ол^ьдэ^он м^у-н^он^и 'едут на лошадях', в^орре э^мос^ь 'леса есть', л^оссе с^ьб^орын 'за лосями' и др.

Показателем мн.числа в верхнекамском наречии является суфф. $-йез$ с вариантами $-эз$, $-ез$, $-йас$.

Вариант $-эз(-эс)$ выступает в словах с основой на гласную. Примеры: пес^олкаэз 'дровишки', т^ипкаэз^ос 'цыплят', к^оскаэз^ис 'кости-

то', бусурманаэз 'бесермяне', гүнэз 'пальто, гуни (обл.)', ба-
ляэзс 'овец', лапаэзт 'ты свои лапки', дитяэзс 'дети-то' и др.
Суфф. -эз имеет еще и глухой вариант -эс. Ср.: кинэс 'кинокарти-
ны', старухаэс 'старухи', куричаэс 'куры', оконичаэс 'оконницы',
оконные рамы', газэтыэс 'газеты', машинаэс 'машины', рыбчкаэс
'рыбки', самокаткаэс 'самокатки (валенки)', старухаэс 'слышь кыллам'
'от старух слышим' и др.

С именами на согласную основу употребляются суфф. -йез (-йес),
-эз (-эс) < -йэз и -йяс (-яс): гыйяс 'когти', нэкторйес 'ни-
чего, ничего хорошего, годного', мосьеэс 'коров', зэрийес 'овес',
мырийес 'на пни', кыйяс 'ноги' и др.; гагоккэз (< гагокийэз)
'червячки', шаллэз (< шальйэз) 'шали', татиссэз (< татисыйэз)
'здешние', эсиннэз (< эсинийэз) 'окна', тэммэз (< томийэз) 'моло-
дые', воннэз (< вонийэз) 'братья' и др.; чуньяс 'пальцы', гачьяс
'брюки', бровьяс 'брови', грибьяс 'грибы', урьяс 'белки', асыль-
сэ 'по утрам', пермякьяс 'пермяки', шаньжыкьяс 'более лучших',
кыкьяс 'ноги' и др.; саякой чэссяс 'всякие части', паньяс 'ложки',
угольяс 'угли', родителляс 'мертвецы' и др.

Из приведенных выше примеров видно, что суфф. -йез, -эз также
имеют глухие варианты -йес, -эс (ср. суфф. -эз (-эс) выше). Глухие
варианты, вероятно, появились под влиянием (по аналогии) суфф.
-яс (-йяс), имеющего на конце глухой фриктивный с.

Следует отметить, что в говорах не происходит слияния суфф.
мн.числа -эз, -йез, -эс (-эс) и -яс с лично-притяжательными суфф.
2- и 3-го лица ед.числа -нт (-тэ), -нд (-дэ) и -нс (-сэ), что имеет
место в других диалектах. Ср.: дитяэзс (инв. дитяэс) 'дети',
сушкаэзс (лит. сушкаэс) 'сушки-те', жылаэзс (инв. жылаэс) 'жи-
лы', яблокьяс (лит. яблоккэс) 'яблоки-то', чуннес (лит. чун-
нес) 'пальцы его (ее)', лапаэзт (лит. лапаэт) 'лапки свои (ты)',
синнэз (лит. синнэт) 'твои глаза', роднэс (лит. роднэс)
'его (ее) родные', этшэмьяс (лит. этшэммес) 'такие', роэзэс
(лит. оэстаэс) 'дырки-то', туруннэз (лит. туруннэс) 'травы-те'
и др. Все это дает нам основание говорить о наличии звонких и глу-
хих вариантов суфф. мн.числа в данном наречии. Приведенные вариан-
ты бытуют в говорах одновременно. Однако нужно отметить, что ва-
риант -эз (-эс) наиболее употребителен, т.е. имеет более широкие
позиции. Суфф. -йез и -яс (-яс) мало употребительны.

Звук й в составе суфф. -йез и -яс (-йяс) имеет слабые позиции,
о чем свидетельствует явление ассимиляции й согласными основы сло-
ва, предшествующими суфф. мн.числа, например: гагоккэз < гагокийэз
'червячки', тэммэз < томийэз 'молодые', воннэз < вонийэз 'братья',
шаллэз < шальйэз 'шали', чэссяс < чэсыйяс 'части', угольяс <
угольяс 'угли' и др. Заметим, что й из -яс ассимилируется лишь

мягкими согласными ль и сь, в остальных случаях он сохраняется (примеры см. выше).

На примерах верхнекамского наречия наглядно можно проследить, каким образом произошла трансформация суфф. -йез > -эз(-ез). Следы сохранения суфф. -яс(-йас) в других диалектах не обнаружены. Но он характерен для юми (-зырянского) литературного языка и для большинства его диалектов³.

Падежи

Предварительные сведения

В коми-пермяцком литературном языке насчитывается 17 падежей⁴. В диалектах наблюдается значительно большее количество падежных форм. Это связано с развитием системы внешнеместных и приблизительно-местных падежей. Наряду с этим имеют место и явления синкретизма. Встречаются также случаи несовпадения некоторых значений отдельных падежей в тех или иных диалектах. В южных диалектах серийные послелого с основой на въл- трансформировались в падежные окончания внешнеместных падежей: аз. пызанвѣ пуктіс 'положил на стол', оз пукѣт кѣрквас (вм. керкуас) 'не сидится в доме, букв. не сидится на доме', тѣдвись некодър оз усъ 'никогда не забуду' и др.; тук. грабливын вунтыр 'целый день на граблях', крышавас кай 'на крышу я полез', эта Иснвын 'на этом Исыле' и др. Заметим, что в именах с основой на гласную во внешнеместных падежах не всегда удваивается начальное в падежных окончаний -вын, -вѣ, -вись, -вѣть, -вѣдз (ср. примеры стр. 63-64). В тиминском (в окраинном) говоре внешнеместная система падежей только оформляется. Послелого с основой на въл- встречаются в следующих формах: нѣ вы-ись (вывысь) 'с поля', нѣ высянь (вывысянь) 'с поля', нѣ выѣть (вывѣть) 'по полю', но: турниквын бергаѣны 'вертятся на турнике', шейсят девятѣйвѣ муні 'мне шестьдесят девятый (букв. я на 69-й пошла)'. Таким образом, в данном говоре встречаются два оформившихся внешнеместных падежа: внешнеместный и внешнеместный вступительный соответственно с окончаниями -вын и -вѣ у имен с основой на согласный и -ввын(-вын) и -ввѣ (-вѣ) у имен с основой на гласный.

В доеговском случаи на употребление послелогов с основой на въл- не зафиксированы: вѣрвын 'над лесом', пѣсвѣ 'на мост', кѣз-вись 'с ели', туйвѣть 'по дороге' и др.; ср. акс. ог и ветвы кино-

³ Совр. к. чз., 135.

⁴ Коми-перм., 182-193.

вѡ 'в кино и не хожу', ѡѡ ййвын 'живет на льду', туйвам кер пукті-сѡ 'на мою дорогу бревно положили'; крох. мѡдіквын жѡ 'на другом же', ѡѡквысь ѡѡквѡ 'с боку на бок', керквас шѡѡ ведз 'в дом, говорит, впусти' и др.; ср. туйвын 'на дороге', туйвѡ 'на дорогу', туйвысь 'с дороги', туйвѡть 'по дороге', туйвѡдз 'до поверхности дороги', крышавын 'на крыше', вѡктісѡ ѡѡвысь 'пришли с поля' и др.; в.-ю. туйвас уджаим 'на дороге мы работали', ѡи ѡклетѣнвын 'я был на оклетне', пятьсѡтвѡ лѡ вузаѡм 'говорят, за пятьсот продала' и др.; в.-и. ваймѣтик кочказвын 'на низких кочках', гижсы пызанвас 'пиши на столе', вайс видзвысь 'принес с лугов' и др.

В этих падежных формах в именах с основой на гласную наблюдается стяжение вв > в: труѡкавын (ср.-и. труѡкавын) суаис 'стоял на трубке', пукаи межавас 'я сидел на меже' и др.; сам. 1) ме горвын горза 'Я на печке плачу'; 2) тѡдѡ, кытшѡм ѡѡвѡ, мый кѡдзын 'Знает, куда что сеять'; 3) сѡужавас вѣтвис 'На службу в армию ходил'. Но: Чечѡвтис ме выѡ 'Бросился на меня'; дѣм. ме горвын горза 'я на печке плачу', а сывѡ нацияс ѡбу 'а на нее (него) надежды нет', пѣчкавын пѣи 'на печке я сварила', но: 1) вымсѡ дзимляис яма выв-сис 'Снег убрал с ямы'; 2) усис конбаин вывис 'Упал с комбайна'; 3) туйвысянъ шѣдис 'Попало с дороги'; ваг. 1) кайны нѡрвас (вм. нѡрѡ, нѡрас) 'Идти в болото'; 2) играэс вѡвисѡ январвын (вм. январѡн или январын) 'Игры были в январе'. В словах нѡрвас и январвын окончания -вас (< ывас) и -вын (< ывын) являются падежными суффиксами внешнеместного вступительного и внешнеместного падежей.

Как и во всех южных (веовых) диалектах, в нердвинском (аловом) диалекте серийные послелого с основой на выл- (вылын, вылѡ, вылісь, вылѡдз, вылѡт) трансформировались в падежные окончания -лын, -лѡ, -лісь, -лѡдз и -лѡт, в результате чего образовалась новая группа местных падежей – внешнеместные. Примеры: 1) ѡтік яйлын да черилын ѡлѡн 'На (одном) мясе и рыбе живут'; 2) полянкалѡ ѡрсны муна-мѡ 'На полянку играть идем'; 3) тѡ кѡть мѣллѡ ѡн видзѡт 'Ты хоть на меня не смотри'; 4. пызанлын видза 'На столе держу'; 5) пидз-ѡслас пѡлзайтѡ 'На коленях ползает'.

В диалекте изредка встречаются полные формы послелога вылын. Возможно, здесь употребляется в значении поверхности слово выл 'поверхность' в местном падеже. Ср.: 1) йѡвылын уджалісѡ 'На поле работали'; 2) ѡбу нѡ вылын 'На поле нет'; 3) мыс вылас кайѡті-сѡ 'На пригорок отвезли'.

В оньковском диалекте, как и в нердвинском, также образовалась система внешнеместных падежей, но, в отличие от других, в рассматриваемом диалекте наблюдается тенденция к унификации окончаний внешнеместных падежей у существительных с гласной основой по ана-

логии с существительными с согласной основой⁵. Оньковцы про-
износят:

1. Внешнеместн.	валын и валын	'на воде'
2. Внешнем.-вступ.	валю и валю	'на воду'
3. Внешнем.-исх.	валісь и валісь	'с поверхности воды'
4. Внешнем.-перех.	валють и валють	'по воде'
5. Внешнем.-пред.	валюдз и валюдз	'до поверхности воды'
6. Внешнем.-достиг.	валі и валі	'до воды'

Происходит совпадение падежных окончаний существительных с гласной и согласной основой в дательном-направительном и внешнеместно-вступительном, в притяжательном и внешнеместно-исходном падежах

1. Притяжат.	юр-лісь	'у головы'	голя-лісь	'у шеи'
2. Внешнем.-исх.	юр-лісь	'с головы'	голя-лісь	'с шеи'
			(< голял- лісь)	
3. Дат.-направ.	юр-лѳ	'голове, за головой'	голя-лѳ	'шее, за шеей'
4. Внешнем.-вступ.	юр-лѳ	'на голову'	голя-лѳ	'на шею'
			(< голяллѳ)	

Следовательно, одновременно с процессом увеличения числа падежей в диалекте есть тенденция к уменьшению количества падежных форм под действием стяжения двойных согласных в один согласный.

Рассмотренный выше языковой материал показывает, что в диалектах южного наречия (за исключением тиминского — периферийного говора) образовалась система внешнеместных падежей⁶, состоящая из пяти новых падежных форм: внешнеместный (на чем? на ком?), внешнеместный вступительный (на что? на кого?), внешнеместный исходный (с чего? с кого?), внешнеместный переходный (по чему? по кому?), внешнеместный предельный (до поверхности чего — кого?) (примеры см. выше).

Переход послелогов с основой на вуд- в падежеобразные (а потом и в падежные) суффиксы в северных диалектах протекает неравномерно: в одних он близок к завершению, в других — только начинается,

⁵ Различение гласной и согласной основ существительного характерно лишь для внешнеместных падежей. У существительных с основой на гласный начальный согласный падежного суффикса обычно удваивается (валын < ва вылын 'на воде', ср. вѳрылын < вѳр вылын 'над лесом').

⁶ Гантман. О некот. особен. иньв. диал.-

тогда как в южных диалектах данный процесс в основном завершен (см. стр.46-47).

Приведем имеющийся в нашем распоряжении языковой материал по всем исследованным (опорным северным) пунктам: б.-к. трактыас пётма < тракт вылас пётма 'вышел на тракт', кюклас сулалё < кок вылас сулалё 'стоит на ногах', сентяблын ли мый ли < сентябрь вылын ли мый ли 'в сентябре что ли', мёд годлас < мёд год вылас 'на втором году', сыйлысянь тонгысис < он вылысянь тонгысис 'с него упал', туйлас пелитчё < туй вылас пелитчё 'лезет на дорогу', шойналас тэчоны < шойна вылас тэчоны 'кладут на могилу', кыдз оинлын соччё < кыдз би вылын соччё 'словно на огне горит', нуотисё айлё < нуотисё яй вылё 'отвезли на мясо' и др., но: назём вылас 'на навозе', только сапоггез вылё да валянкиз вылё 'только на сапоги и на валенки', туй вылын уджалі ни 'уже на дороге я работа-ла'; коч. камалісь (< кама вылісь) оз ю 'с Камы не пьют', йөрлө (< йөр вылө) ошбчач да он ор 'свесисься на изгороди, но не надорвешься', ноблас мунтөн 'идя в поле', водом запаняллас (< запад-ня вылас) 'лег на западню', пукты пидзёслам (< пидзёс вылам) 'по-ложи на мои колени', работалсянь (< работа вылысянь) локтас 'при-дет с работы', платёл да колталё (< платье вылө да ковта вылө) вайём 'на платье и на кофту принес', ноблө (< но вылө) вётла 'схожу на поле', шумыс видзлас (< видз вылас) 'шум на лугу' и т.д., но: стёканьс вылө пуктылли 'я положил на стакан', март вылас 'в мар-те', лабичок вылын 'на скамейке', шебрас вылө 'на покрывало', улич вылын оидмис 'на улице, у чужих рос', град вылісь чег 'с грядки выбирай (ломай)', горб вылат и кыскө 'на своем горбу и та-щит' и еще: кокке вылам тыр нятъс 'на моих ногах полно грязи', вопрөссэ вылө гижлатё? 'пишите на вопросы?'. Последние два приме-ра показывают, что, по-видимому, изредка встречающиеся полные фор-мы послелогов (см. примеры выше) уже не являются послелогоми в полном смысле слова, это подтверждается выпадением звука з из со-става суфф. мн.числа -эз(-ез) в словах кокке вылам и вопрөссэ вы-лө, так как случаи выпадения з из этого суффикса в данном диалек-те имеют место лишь в середине слова, но не встречаются в конеч-ной позиции, ср.: туруннэз октыны 'собирать травы', коккез 'ноги', Вавилиннэз 'Вавилины' и т.д. Ср. пел. сё тёдлын (< төд вылын) 'все на уме', сьөд ошынлас (< ошын вылас) 'на грязном окне', рублө (< руб вылө) кык буханка сётасё 'на рубль две буханки дадут', көс-валас (< көсва вылас) тожө мөднөж 'на Косе иначе', ноблас (< но вылас) 'на поле', пуксьотам вылас (< выз вылас) 'посадим на не-го', кулас туйлас (< туй вылас) 'умер в пути', но: көз үллэ вылас 'на ветках ели', пызан вылын нянь 'хлеб на столе', горт но вылө 'на близлежащее поле'; юкс. горлө (< гор вылө) 'на печку', юрлас

(< юр вылас) пу октõмась 'деревом на голову попали (букв. на голову дерево свалили, т.е. срубили)', ме õшнõлысис (< õшн вылисис) 'снял я с окна', машинат (< машина вылат) эг шед 'на машину я не попал', но: мый вылõ раскулачили? 'почему (букв. на что) раскулачили?', õстальнõес вылõ мый шедас 'на остальное что попадет', кин гор вылын? 'на чьей печке?', ме эг мун уколõс вылõ 'я не пошел на укол', а мый вылõ сiа корис? 'а зачем он звал?'; чаз. рабõтанлõ (< работа вылõ) 'на работу', пидзõслат гижат (< пидзõс вылат гижат) 'пишете на коленях', пидзõслын (< пидзõс вылын) хужее 'на коленях хуже', нõббезлас (< нõббез вылас) эз на кайлы 'на поля еще не сходил', но: долд вылõ 'на сани', туй вылõ поперег 'поперек дороги', пос вылын 'в сенях', делянкаас вылись 'с дялянок', лõг пõ миан вылõ да 'говорят, сердит на нас'.

Необходимо отметить, что в кксеевском и чазёвском говорах случаи сохранения полных форм послелогов с основой на выл- встречаются значительно чаще, чем в предыдущих. Ср. далее: н.-к. туй вылись 'с дороги', кõз вылись 'с ели', вай ящик вылисис 'принеси с ящика', самолётис вылõ 'на самолет-то', кõзылын 'на ели', вõрлõ усис 'упал на лес' и др.; лев. кайнõtõ нõбеслõ (< нõбес вылõ) глина дак, умõль 'идти на поле плохо, так как место глинистое', вай дõмассэзлõ (< дõмассэз вылõ), сiа вурис вешьян 'принес я на заплатки, он сшил брюки', войнаылас (< война вылас) врачõм уджа-лõма 'на войне врачом работал', койкаылын (< койка вылын) куйлõ 'лежит на кровати', вõллõ (< вõл вылõ) пуксынын 'сесть на коня', но: доттян вылын 'на качелях', ныр вылас чепõк 'на его носу цепочка', пос вылын 'на мосту', койка вылас 'на кровати', Кама вылõ 'на Каму', абу дõмассэз вылõ дõра 'холста нет и на заплатки'; пукс. межаллись (< межа вылись) да вая жõ 'с межи да принесу же (сено)', чойылõтис (< чой вылõтис) каям 'поднимаемся на пригорок', шондiлас (< шондi вылас) эз пукты 'на солнце не положил', нõрлас (< нõр вылас) 'на изгороди', пенсиалын (< пенсия вылын) тõжõ да 'тоже на пенсии', õшмõслас (< õшмõс вылас) пуктi 'положил я на колодец', но: ме вылõ и лзар эз кер 'на меня и не взглянул'; сõччõм вылын уõtõ 'гудит над пепелищем', рубõ вылõ 'на рубль', олд вылас 'на сыром месте', туй вылõ 'на дорогу', стройка вылсаян 'с постройки'; чур. ме Москвaас сýлалi прõнтлас (< пронт вылас) 'я стоял на московском фронте', эз сьлõ (< сь вылõ) и вилзõt 'на нее и не посмотрел', большõйислын (< большõйис вылын) тõлько нкõ 'кричит только на больного', но: туй вылас 'на дороге', сõ ме вылын фамиллeнс 'фамилия все еще на мне', почта вылын уджалis 'работал он на почте', мырыл вылõ 'на пень'; гаин. шутёмылат 'на целине-то', три рублõнылõ (< 3 рубля вылõ) сiа туйылын (< туй вылын) 'на той дороге', вёлõччõ конбайнылõ (< конбайн вылõ) 'учится

комбайнера', нрѡшылѡ (< нрѡш вылѡ) и няньылѡ (< нянь вылѡ) излісѡ 'моложи на хлеб и для кваса'; васьк. лѡктан страданлѡ и 'к предстоящей страде', аслат (< ас вылат) обижайся 'на себя обижайся', сылын (< он вылын) унажы 'на нем больше', машиналын (< машина вылын) 'на машине', скороданлсис (< скорода вылсис) 'со сковороды', но: трактор вылас 'на тракторе-то'; ис. керку сыллѡ (< он вылѡ) ѡсѡтит 'на это дом купил он', ѡнмѡссяс гармонилас (< вылас) 'уснет на гармонии', менлѡ (< вылѡ) видѡстѡ 'осмотрит на меня', пизанлын (< вылын) гж 'пиши на столе', корисѡ кѡрссѡзылѡ (< вылѡ) 'пригласили на курсы' и др., но: токо пизь вылѡ 'только на муку'; мис. гѡлбечылсис (< вылсис) 'с голоца', вон запанялтын (< вытын) 'вон на западне', горытын (< вытын) 'на печке', койканлын (< вытын) 'на койке', лупьялас (< вылас) 'на Лупье-то', но: пырисѡ йѡз карта вылѡ 'зашли в чужой двор', пизан вылын 'на столе', пѡлать вылын 'на полатах', вѡл вылісѡ ѡсис 'упал с лошади'; в.-л. пизанлын (< вылын) 'на столе', горытын (< гор вытын) 'на печке', но: заслонка вылас 'на заслонке', гор вылсянѡ пѡ ѡсѡм 'говорят, с печки упал', вай ѡны туй вылѡ 'дай попить на дорожку', гѡра вылын 'на горе', западнѡ вылѡ 'на западню', война вытын ѡсис 'погиб на войне'.

Следовательно, интенсивно развивается процесс перехода послелогов с основой на выл- в кочевском, большекочинском и пельмском говорах. В них полные формы послелогов встречаются сравнительно редко. В юсеевском и чазевском говорах⁷ они встречаются значительно чаще (ср. примеры выше). Далее, к северу, — в нижнекосинском, левичанском, пуксиском и чураковском говорах полные формы послелогов встречаются примерно в 50% случаев. Приблизительно такая же картина наблюдается и в мысовском диалекте. Но в гайнском, васькинском и исаевском кустах (на территории Гайнского р-на) процесс перехода послелогов с основой на выл- в падежные формы близок к завершению: случаи появления полных форм послелогов с основой на выл- в этих диалектах очень редки, скорее всего они являются уже исключениями. Однако нужно отметить, что унификация суффиксов продолжается. Сравните, в каком виде встречаются падежеобразные формы из послелогов с основой на выл-, т.е. усеченные формы послелогов:

гайн.

васьк.

-ылат < вылат

-лнат < вылат

-ылѡ < вылѡ

-лын < вылын

⁷ Эти два говора являются переходными между кочевским и косинско-камским диалектами.

-ылын < вылын

-ылын < вылын

-ылсис < вылсис

ис.

мис.

-(н)лам < вылам

-лысис < вылсис

-ылѳ < вылѳ

-лынн < вылынн

-лынн < вылынн

-ылынн < вылынн

-лѳ < вылѳ

-ылас < вылас

-лас < вылас

В верх-лупьинском диалекте, в самом северном и пограничном с коми-зырянским языком, переход серийных послелогов с основой на выл- лишь начинается (пизанылын < пизан вылын, горылын < гор вылын).

В верхнекамских говорах, как и в остальных диалектах коми-пермяцкого языка, послелог с основой на выл- (вылын, вылѳ, вылсис) также переходят в падежные формы, но в отличие от южных диалектов, в данном наречии это явление находится в стадии развития.

Так, послелог вылын выступает в следующих вариантах: -ылын, -лын, (-лас) -ылас, -ылат: Менам иживённёнлын олс 'На моем ижидвении жил'; Леманылын олм 'Мы на Лемане жили'; Видзъянылас 30 километров 'До Виззя 30 километров'; Заборканылын ошалѳ 'Висит на заборке'; Ковёрылас усис 'Упал на ковер'; Кирпичылын сўлалѳ сўпыс 'На печи стоит суп-то'; Мун киноылат 'Сходи в кино-то'; Кок шонтышны горлын 'Ногу погреть на печке'; Ме аслам коккезылын надёйчча 'Я на свои ноги надеюсь'; Куфайка горлын олссалѳ 'Фуфайку на печке стелит'; Горлын ўзи 'Я на печке спал'; Оз вольн могылкалас 'Не придет на могилку'; Кўйлѳ станоклын 'Лежит на станке' и т.д.

Послелог вылѳ выступает в формах -ылѳ и -лѳ: Эта книганылѳ 'На эту книгу'; Горлѳ кая 'На печку поднимаюсь'; Ме киноылѳ от мун 'Я в кино не пойду'; Вансылѳ олссал 'На мокрое постели'; Горылѳ вод 'Ложись на печку'; Чужбонезылѳ надёйччѳ 'Надеется на чужих'; Кинлат эд эм 'На твоей руке ведь есть (о часах)' и т.д.

Заметим, что более употребительна форма -ылѳ (< вылѳ).

Послелог вылсис > ылсис > -лсис, например: Диванылсис усис 'Упал с дивана'; Горлыс оз лёччи 'С печки не спускается'; Милича тўылсис подобрал 'Милиционер с дороги подобрал'. Послелог вылѳдз > ылѳдз > лѳдз: Леманылѳдз тасянь ылынкодъ 'До Лемана отсюда далеко-вато'; Камалѳдз абу ылын 'До Камы недалеко'. Изредка встречается еще полная форма послелого вылын. Ср.: 1) Ќтік бок вылын кўйла 'Лежу на одном боку'; 2) Морос вылас дыр кўйлі 'На груди долго я лежал'; Ќсин вылын пукалѳ 'На окне сидит'.

Приведенные выше примеры показывают, что процесс трансформации послелогов с основой на выл- в падежные окончания развивается неравномерно. В отличие от южных коми-пермяцких диалектов, здесь имеет место выпадение начального звука в, а затем уже сокращение количества слогов, ср.: вылын > ылын > лын; вылѳ > ылѳ > лѳ; вы-лись > ылись > лись (или: вылись > ылись > лись); вылѳдз > ылѳдз > лѳдз, а, например, в иньвенских: вывын > вын > вын; вывѳ > выѳ > вѳ, вывысь > высь > вьсь; вывѳдз > выѳдз > вѳдз и т.д. В диалектах северного наречия процесс перехода послелогов с основой на выл- во многом напоминает верхнекамский тип (см. стр.135). Ср.: б.-к. траклас пѳтѳмѳ 'на тракт вышел', кѳклас сѳлалѳ 'на ноге стоит', сѳнтѳбѳлын ли мый ли 'в сентябре что ли', но: валѳнкизз вылѳ 'на валенки', туй вылын ѳджалѳ 'на дороге я работала' и др.; коч. нѳлѳ вѳтла 'на поле схожу', дѳттѳнлѳсянѳ уськѳтѳм 'с качелей уронил', но: горѳ вылат и кыскѳ 'на горбу своем и тащит', шебрѳс вылѳ 'на покрывало' и др.; чаз. рабѳтавлѳ 'на работу', пидзѳслын хужѳе 'на коленях хуже', но: пѳс вылын 'в сѳнях', туй вылѳ 'на дороге' и т.д.; лев. ваѳ дѳмассѳзлѳ 'принес я на заплатки', кѳйкан-лын куйлѳ 'лежит на кровати' и др., но: дѳттѳн вылын 'на качелях', мый вылѳ 'на что' и т.п.; гаин. шутѳмылат 'на целине-то', нрѳшылѳ и нѳнѳылѳ излѳсѳ 'на квас и на хлеб мололи' и др.; ис. пѳксѳѳтѳма машѳнавлѳ 'посадил на машину', сѳ тракторлѳ пѳксѳѳ 'все на трактор садится', пѳзѳнлын гѳж 'пиши на столе' и др., но: толькѳ пѳзѳ вылѳ 'только на муку'; мыс. гѳлбѳчлѳсѳс 'с голоѳа', гѳрылын 'на печке', кѳйканлын 'на кровати' и др., но: пѳзѳн вылын 'на столе', пѳлатъ вылын 'на полатях' и др.; в.-л. пѳзѳнлын 'на столе', гѳрылын 'на печке', но: туй вылѳ 'на дорогу', гѳра вылын 'на горе' и др.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее употребительными падежеобразными формами являются -ылын(-лын), -ылѳ(-лѳ) и варианты с лично-притяжательными суффиксами (-ылас, -лыас, -лас, -ылат) от послелога вылын (ср.: вылам, вылат, вылас и т.д.).

О формировании системы внешнеместных падежей

Процесс разрушения системы серийных послелогов с основой на выл- действует на том или ином уровне развития во всех диалектах коми-пермяцкого языка. Каковы причины разрушения этой серии послелогов?

Образование серии внешнеместных падежей в диалектах южного наречия до настоящего времени объясняли просто, что в послелогах типа вылын, вылѳ, вылись, вылѳт, вылѳдз после перехода л в в, последний (звук в) между гласными легко выпал (вылын > вывын > вы-

ын > вын, вылісь > вывись > выись > вись и т.п.). А усеченные формы послелогов (-вын, -вись и др.) затем превратились в падежные окончания⁸. В.И.Лыткин об этом писал так: "В северных говорах, как и в других говорах языка коми, послелог выл- употребляется в первичном виде, в южных же (иньвенских) говорах он превратился в падежный суффикс"⁹. Появление внешнеместных падежей в соседних с ними (оньковском и нердвинском) л-овых диалектах объясняли влиянием взовых диалектов. Но исследование северного наречия показало, что и в диалектах этого наречия, где нет названных выше причин, имеют место аналогичные процессы, находящиеся, правда, на более поздних (и разных) ступенях развития по сравнению с южными диалектами. По-видимому, здесь их не следует объяснять только фонетическими причинами (это прежде всего касается северных диалектов), так как, вероятно, это явление связано с перестройкой системы локативных (местных) падежей — с общей тенденцией к увеличению числа внешнеместных падежей. Появление внешнеместных падежей позволяет языку более "экономно" выразить направление действия по поверхности предмета, например:

внешнеместн.	туйлын	'на дороге'
внешнеместн.-вступ.	туйлӧ	'на дорогу'
внешнеместн.-исх.	туйлісь	'с дороги'
внешнеместн.-перех.	туйлӧт	'по дороге'
внешнеместн.-пред.	туйлӧдз	'до дороги'

Ср. с литературным языком:

местн.	туйын	'в дороге'	керкуын	'в доме'
вступ.	туйӧ	'в дорогу'	керкуӧ	'в дом'
исходн.	туись	'из(с) дороги'	керкуись	'из дома'
перех.	туйӧт	'по дороге, по самой дороге'	керкуӧт	'по дому (внутри)'
пред.	туйӧдз	'по дороги'	керкуӧдз	'до дома (внутри дома)'

Примеры показывают разницу в лексическом значении этих слов, склоняемых по разным группам падежей.

Нечто подобное наблюдается в венгерском языке. А.С.Кривошекова-Гантман, ссылаясь на работу К.Е.Майтинской, еопоставила новые падежные формы кудымкарско-иньвенского диалекта с верхнеместными

⁸ Гантман. О некот. особен. иньв. диал. и Сереб. Ист.перм., 82-83.

⁹ Коми-перм., 27.

падежами венгерского языка — супрессивом, сублативом и делативом¹⁰. Как показывают диалектные данные, из серии внешнеместных падежей коми-пермяцкого языка только внешнеместный и внешнеместно-исходный падежи совпадают по основным значениям с венгерским супрессивом (верхненаходящимся падежом) и делативом (верхнеотдальным падежом)¹¹, например: горвын 'на печке', горвись 'с печки' и т.д.

Вне серии внешнеместных падежей находится "внешнеместный" предельный со значением предела в пространстве. Он образовался путем перехода ви в падежную форму. Например: горшви 'по горло, до горла', косви 'по пояс, до пояса', пидз'овси 'по колено, до колена' и др. Присоединяясь к личным местоимениям падежный суфф. -ви придает значение сравнительности: Мёным тэви не овны 'Мне не жить так, как ты (умеешь)'; Сыви не кёрыны 'Не сумеет сделать так, как он'. Данный падеж напоминает венгерский терминатив (предельный падеж), стоящий также вне серии пространственных падежей. Он выражает не только предел в пространстве, но и во времени¹².

О формировании системы приблизительно-местных падежей

Аналогична судьба серийных послелогов с основой на дын- (дынн > дын, дынё > дё, дынёдз > дёдз, дынётъ > дётъ, дынись > дись) и орд- (ордын > дын, ордё > дё, ордись > дись, ордётъ > дётъ, ордёдз > дёдз) в оньковском и в некоторых нижеиньвенских говорах. Соответствующие падежные форманты широко употребляются с личными местоимениями. Это падежные формы приблизительно-местных падежей. Приведем примеры из оньковского диалекта: миандись мунис 'от нас ушел', тиандын кёжис 'к вам зашел', вёрдёдз кётёртисё 'до леса бежали' и др.

Вот парадигма склонения этих новых "падежных" форм:

1. Прибл.-местн. миандын < миан дынын 'у нас, около нас'
2. Прибл.-вступ. миандё < миан дынё 'к нам'
3. Прибл.-исх. миандись < миан дынись 'от нас'
4. Прибл.-перех. миандётъ < миан дынётъ 'около нас'
5. Прибл.-пред. миандёдз < миан дынёдз 'до нас, к нам'

¹⁰ Гантман. О переходе д в в и чередовании в с нулем звука... 216-217.

¹¹ К.Е. Майтинская. Венгерский язык, т. I. М., 1955, стр. 133.

¹² К.Е. Майтинская. Венгерский язык, стр. 133-140.

Ср. также примеры из аксеновского говора: миандын из узь 'у нас он не спал', миандё вок узьныт 'к нам приходи спать-то', миандёлз петав жё 'к нам приходи же' и др. Новые падежные форманты, употребляющиеся пока что при личных местоимениях, имеют тенденцию присоединяться к существительным (вёрдын 'около леса', вёрдё 'к лесу' и т.д.).

Подобное явление отмечено В.И.Лыткиным и Т.И.Тепляшиной в глазовском диалекте удмуртского языка, где употребляется особая падежная форма с элементом -нь- вместо послеложной конструкции литературного языка: адямине (л. адями дине) 'к человеку', моньям (л. мон доры, мон диням) 'ко мне' и т.д.¹³ Приблизительно такая же серия падежей, состоящая из трех падежных формантов (но разного происхождения) имеется, например, в венгерском языке. К.Е.Майтинская их называет "боковыми" падежами¹⁴. Из них адессив ("околонаходящийся" падеж), имеющий "значение места, при котором или у которого что-либо находится, совершается", совпадает с приблизительно-местным (вёрдын 'около леса, у леса'), а аллатив ("приблизительный" падеж), указывающий на место, куда направлено движение - с приблизительно-вступительным (вёрдё 'по направлению к лесу').

Новые падежные суффиксы образовались в результате сокращения послелогов с основой на дын- (дынн > дын, дынё > дё, дынись > дись, дынётъ > доть, дынёдз > дёдз) и орд- (ордын > дын, ордё > дё, ордись > дись, ордотъ > доть, ордёдз > дёдз) из-за редукции гласных и выпадения слогов. При этом они совпали по значению.

Сокращению слогов в послелогах благоприятствует и то обстоятельство, что послелогичи, занимая постпозитивное положение, обычно бывают безударными или имеют ослабленное ударение. Об этом фонетико-формологическом явлении проф. К.Е.Майтинская пишет следующее: "Переход послелогов в падежное окончание облегчается еще и тем, что послелогичи являются уже словами с ослабленным ударением и поэтому им не трудно присоединиться к предыдущему слову в качестве падежного суффикса"¹⁵. Б.А.Серебренников считает, что существует тенденция к укорочению слов, выражающих отношения¹⁶.

В остальных говорах нижеиньвенского диалекта послелогичи с основой на дын- и орд- употребляются как и в литературном языке.

¹³ В.И. Лыткин и Т.И. Тепляшина. Некоторые особенности глазовского диалекта. "Зап. УДНИ", вып.20. Ижевск, 1959.

¹⁴ К.Е. Майтинская. Венгерский язык, стр.139.

¹⁵ К.Е. Майтинская. Развитие системы падежей в венгерском языке. Докт.дисс. М., 1950.

¹⁶ См. "Общее языкознание", т.1. М., 1970, стр.305-306.

Лишь послелог дынн 'при, у' сократился в дын и превратился в окончание приблизительно-местного падежа (со значением приближенности места прохождения действия, например: тук. Вакинасдын 'у Вакиной', мэдын сја 'у меня он', рульдын оз ков 'у руля не надо'. Это так называемый приблизительно-местный падеж. В доеговском: гортдын уджао 'около дома работает', миандын абу 'у нас нет'; крох. мэдын абубсь 'около меня (у меня) нет (не имеется)', миандын оис 'жила у нас', керкудын 'у дома', йордын 'у изгороди', стендн 'к стене', фермаэсдн 'к фермам', куканнесн 'к телятам', мэднись 'от меня', деревнядноть 'мимо деревни', тэдндз 'до тебя' и др.

Суфф. -дын встречается во всех южных диалектах. Ср., например: в.-ю. ияньсдын бергава 'работаю у хлеба', бөр мунис иньсдын 'вернулся он к жене', дядьсдын пышпис 'к дяде он ушел'; самк. Параньсдын сја. 'Она у Прасковьи'; бел. магазиндын пукэо 'сидит у магазина' и др.; ср.-и. черьяоны тэдын 'кружатся около тебя', суетятся вокруг тебя, мешёккесдын суётоті 'я поставил к мешкам', пияннэсдын рам 'к детенышам (к детям) ласков', керездын 'у горки, на пригорке', гортдын уджаисо 'работали недалеко от дому' и др. Ср. их с литературной формой: тэ дынн, мешёккес дынн, пияннэс дынн, керёс дынн, горт дынн.

Как и в других диалектах, в верхнекамских говорах употребляется послелог дін (-дын) < дынн как падежный суффикс: Эстён эд гортдін 'Здесь ведь близко к дому'; Тэдын бергаліс 'Около тебя ходил'. Дін (-дын) мы относим к числу падежных суффиксов на том основании, что между ним и предшествующим ему словом нет той паузы, которая обычна между именем и послелогом.

По этой же самой причине мы пишем слитно сокращенные формы послелогов с основой на внд-, находящихся на той или иной ступени перехода их в падежные суффиксы (примеры см. выше).

Из названных падежных суффиксов -дын, -дө, -дись, -доть, -дөдз наиболее широкое распространение получил падежный суфф. -дын. Он встречается во всех южных диалектах, а также в некоторых диалектах северного наречия. Приведем примеры из северных диалектов: б.-к. вёлэсдын конкокало пө 'говорят, работает конюхом (букв. у лошадей)', курьясдын ни 'уже у залива'; коч. бригадирьсдын 'у (около) бригадира (у его дома)', Камадын 'у Камы', куканнесдын 'у (при) телят'; пукс. складдын олс да 'работал на (у) складе', но: брин дынн 'у Ирины'; чур. кагадын эз кольччи 'с (у) ребенком не осталась'; в.-л. мэдын оло 'у (при) меня живет'. В левичанском, гаинском, исаевском и мысовском формант -дын < дынн нами не зафиксирован, но его коми-пермяцкие поэты и писатели ввели уже в свои литературные произведения. Например: 1) Чэпан мыс дын (по-

весть И.Минина) 'У пригорка Човпанмыс'; 2) Но вот оз иньды некин ме дын сваттээн (В.Климов. Оз адззись жёникё) 'Ну вот никто не присылает ко мне сватов' (В.Климов. 'Не находится жених мой'); 3) Оз лок ме дын, оз лок эта калё он... (А.Отинова. Нывлён песня) 'Не идет ко мне, не приходит сон в эту пору...' (А.Отинова. Песня девушки); 4) Только лоис ёкмыс час, челядь дын иньдотчи (Ал.Боталова. Ме велотчи кёркё эстон) 'Ровно в 9 часов я отправилась в школу к детям' (Ал.Боталова. Когда я училась здесь). Правда, авторы употребляют (вернее, пишут) его как послелог, но это уже оформившийся суффикс, утративший свою былую связь со словом дынн 'при себе' и соответствующим послелогом.

Интересно отметить, что этот формант -дын зафиксирован в новом орфографическом словаре в качестве послелога.¹⁷

В настоящее время в нижнеиньвенском и оньковском диалектах южного наречия функционируют 28 падежных форм, в кудымкарско-иньвенском и нердвинском — 24, в говорах северного наречия — 19 (см. и сравни схему склонения имен существительных. Примеры взяты из крохалевского и верх-иньвенского говоров южного наречия и кочевского диалекта северного наречия).

Особенности в употреблении некоторых падежей

1. В и н и т е л ь н ы й падеж почти во всех северных диалектах, кроме мысовского и верх-лупьинского, наряду с нулевым окончанием и -ёс (-сё) имеет суфф. -лё, аналогичный падежному суффиксу дательного падежа. Примеры: б.-к. воньтлё (дат.п.) эн жё дёнгалё сет? 'обрату своему ты ведь деньги не отдал же?', вот горшлё (вм. -ёс) игналис 'вот горло заболело (букв. горло закрыло)', кыччё и мездотё килё (вм. кисё) 'и зачем отнимает руку'; коч. мианкодьёс кыз шырлё (вм. шырёс) он дяпкотис 'нас бы как мышей задавило', печальёслё сётчан так, только ёрлё пергайтё 'будешь печалиться так, только голова задергается (признаки эпилепсии)', колё пельлё чиститны 'нужно ухо почистить'; лев. зонкалё чаротис турун вылас 'мальчика убило молнией на траве', Косаись нылкалё чаротис жё 'из Косы девочку тоже убило молнией', да кок-кезлё эн таль 'да ноги мои не топчи'; пукс. жылаэзлё кбстё 'судорога тянет', няньлё моз паритасё 'словно хлеб выпарят', ме мися вйасё мианлё 'я думал, убьют нас', кидз рыбной пироглё керан 'делалешь как рыбный пирог'; чур. картошкаэзлё ышё пуам 'еще картошку

¹⁷ Коми-пермяцкий орфографический словарь. Кудымкар, 1966, стр. 80.

Падеж	Крохалевский говор нижеинь- венск. диалекта		Верх-иньвен- вор кудымкар- венского диа-
1. Им.	вѳр	ва*	вѳр
2. Род.	вѳр-вѳн	ваѳн-вѳн	вѳр-вѳн
3. Притяж.	вѳр-вись	ва(в)-ись	вѳр-вись
4. Дат.	вѳр-вѳ	ва-ѳ, ва-вѳ	вѳр-вѳ
5. Вин.	вѳр	ва	вѳр
6. Твор.	вѳр-ѳн	ва-ѳн	вѳр-ѳн
7. Соединит.	вѳр-кѳт	ва-кѳт	вѳр-кѳт
8. Лишит.	вѳр-тѳг	ва-тѳг	вѳр-тѳг
9. Сравн.	вѳр-ся	ва-ся	вѳр-ся
10. Дост.	вѳр-вѳ	ва-ѳ, ва-вѳ	вѳр-вѳ
11. Местн.	вѳр-ын	ва-ын	вѳр-ын
12. Иск.	вѳр-ись	ва-ись	вѳр-ись
13. Вступ.	вѳр-ѳ	ва-ѳ	вѳр-ѳ
14. Прибл.	вѳр-вань	ва-(в)ань	вѳр-вань
15. Отдал.	вѳр-сянь	ва-сянь	вѳр-синь
16. Перех.	вѳр-ѳть	ва-ѳть	вѳр-ѳт
17. Пред.	вѳр-ѳдз	ва-ѳдз	вѳр-ѳдз
18. Внешне-местн. (вн.-м.)	вѳр-вын	ва-вын	вѳр-вын
19. Вн.-м. вступ.	вѳр-вѳ	ва-вѳ	вѳр-вѳ
20. Вн.-м. иск.	вѳр-вись	ва-вись	вѳр-вись
21. Вн.-м. перех.	вѳр-вѳть	ва-вѳдз	вѳр-вѳт
22. Вн.-м. пред.	вѳр-вѳдз	ва-вѳдз	вѳр-вѳдз
23. Вн.-м. дост.	вѳр-ви	ва-ви	вѳр-ви
24. Прибл.-местн.	вѳр-дын	ва-дын	вѳр-дын
25. Прибл. вступ.	вѳр-дѳ	ва-дѳ,	
26. Прибл.-иск.	вѳр-дись	ва-дись,	
27. Прибл.-перех.	вѳр-дѳть	ва-дѳть,	
28. Прибл.-пред.	вѳр-дѳдз	ва-дѳдз,	

* П р и м е ч а н и е. Примеры даны на гласную и согласную основы.

сварим', кагалѳ киас ваис 'ребенка на руках принес', желѳдоклѳ
прополоскалѳ 'желудок промыл', нолѳѳта кагалѳ 'ношу ребенка',
кутѳ варнаклѳ 'я поймал тебя, варнака', колѳ уналѳ корни 'нужно
многих пригласить', ышѳ нянькалѳ видзисѳ 'еще няньку держали', па-
пис ѳбра кѳчезлѳ адззылѳм 'папа-то опять зайцев увидел'; ис. чутѳ
ѳз чѳгѳ коклы 'чуть ногу не сломали', мы ѳтирлѳ вѳйны 'зачем лю-

ских го-ско-инь-лекта	Кочевский диалект северного наречия	Перевод значения
ва	вӱр	ва лес вода
ва-ӱн	вӱр-лӱн	ва-лӱн у леса у воды
ва-ись	вӱр-лись	ва-лись у леса у воды (братъ)
ва-в°в°ӱ	вӱр-лӱ	ва-лӱ лесу воде
ва	вӱр	ва лес вода
ва-ӱн	вӱр-ӱн	ва-ӱн лесом водой
ва-кӱт	вӱр-кӱт	ва-кӱт с лесом с водой
ва-тӱг	вӱр-тӱг	ва-тӱг без леса без воды
ва-ся	вӱр-ся	ва-ся кроме леса кроме воды
ва-в°в°ӱ	вӱр-ла	ва-ла за лесом(цель) за водой(цель)
ва-ын	вӱр-ын	ва-ын в лесу в воде
ва-ись	вӱр-ись	ва-ись из леса из воды
ва-ӱ	вӱр-ӱ	ва-ӱ в лес в воду
ва-(в)ань	вӱр-лань	ва-лань к лесу к воде
ва-синь	вӱр-сянь-(синь)	ва-сянь-(синь) от леса от воды
ва-ӱт	вӱр-ӱт	ва-ӱт через лес через воду
ва-ӱдз	вӱр-ӱдз	ва-ӱдз до леса до воды
ва-в°в°ын		ва-в°в°ын на лесе на воде
ва-в°в°ӱ		ва-в°в°ӱ на лес на воду
ва-вись		ва-вись с леса с воды
ва-в°в°ӱт		ва-в°в°ӱт по лесу по воде
ва-в°в°ӱдз		ва-в°в°ӱдз до поверхности леса, воды
ва-в°в°и	вӱр-ви(ли)	ва-ли до (края) леса, воды
ва-дын	вӱр-дын	ва-дын около леса, около воды
		к лесу к воде
		от(края) леса, воды
		мимо леса мимо воды
		до леса до воды

дей убивать', он эд чапки ӱта-мӱлӱ 'ведь друг друга не оставишь в беде', ме Рӱдиналӱ захишал 'я Родину защищал', а подалӱ вӱдзӱн 'а скот имеют', пылӱ изны 'лень молоть', тешалӱ вӱлзӱ 'тещу держит' и др.

Условия, когда вместо суфф. -ӱс (-сӱ) и нулевой флексии выступает падежное окончание -лӱ, нам установить не удалось.

Аналогичное явление имеет место и в некоторых коми-зырянских диалектах: в вымском и лузско-летском в винительном падеже встречается падежное окончание -лы, -лѳ, встречается он и у обских коми¹⁸. Приведем примеры из лузско-летского говора, близлежащего к северным коми-пермяцким диалектам: 1) Ассѳым нѳмлѳ олі нин 'Я свой век уже прожил'; 2) Килѳ дойді доедз 'Руку я ушиб до раны'; но: Тавой вѳтѳн мамѳмѳс адззылі 'Сегодня во сне я мать свою видел' и т.д.

Большинство исследователей считают, что -лы (-лѳ) является окончанием дательного падежа. Б.А.Серебренников высказывает мысль, что падеж на -лы представляет своеобразный *susus emphaticus* (эмфатическую частицу), употребляемый в тех случаях, когда говорящий хочет особо выделить субъект и объект действия¹⁹.

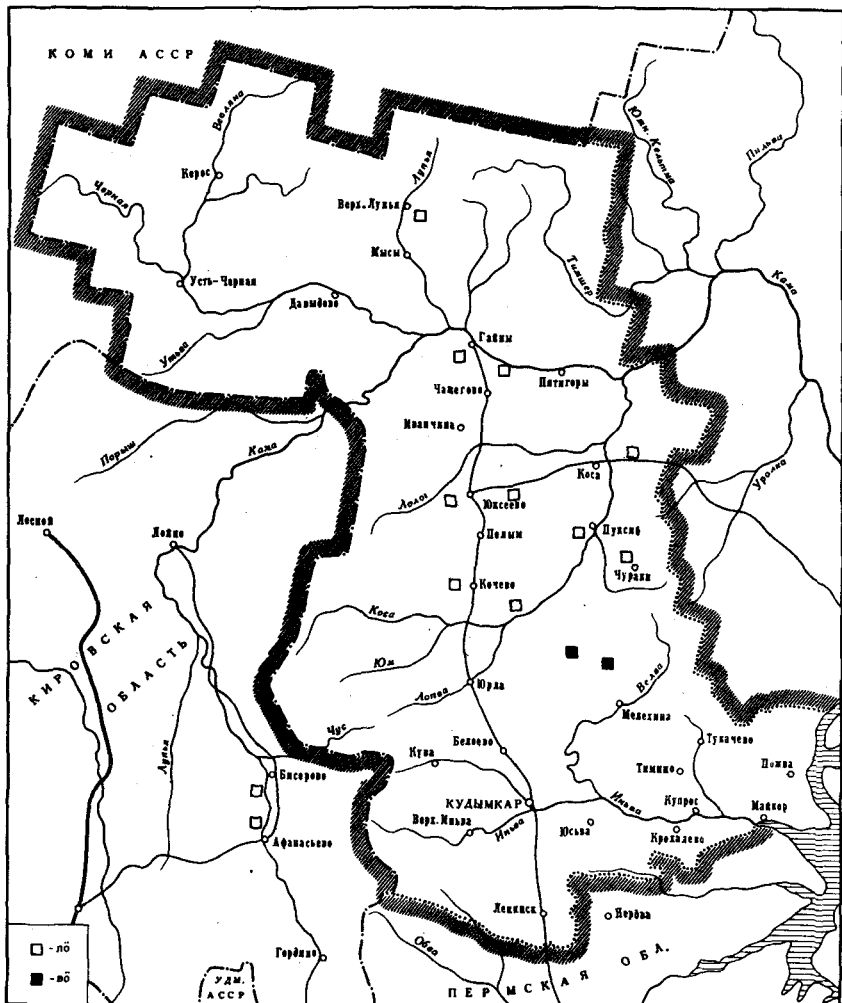
В.И.Лыткин считает, что употребление -лѳ (-лы) в функции винительного падежа — это результат сохранения функции былого объектного падежа на -лы (-лѳ), который некогда выполнял функции современного дательного и винительного падежей²⁰. После выделения и оформления винительного падежа как самостоятельного (нулевое окончание в неопределенной форме и -ѳс (-тѳ, -сѳ) в определенной форме) старые формы на -лы (-лѳ) сохранились на некоторой территории и продолжают употребляться наряду с формами винительного (нового) падежа, например: б.-к. пѳсѳдзсѳ мѳссѳт 'вымой сени', ѳгѳдсѳ тыр вѳѳлѳнн 'много ѳгод приносят'; пукс. оз сет куканьсѳ, мѳссѳ лѳччѳта 'не даст теленка, корову отберу'; гаин. тѳ ульѳ мианѳс пѳзоритѳнн 'из-за тебя нас позорят'; ис. дикѳй хмельсѳ ю 'пей дикий хмель' и т.д. Но форма -лѳ в значении винительного падежа (прямого объекта) во всех указанных говорах занимает небольшое место, поскольку она является пережиточной формой бывшего объектного падежа на -лѳ (см. карту 6), а, как известно, пережиточные падежи всегда имеют более узкую сферу применения, чем установившиеся падежные формы. В верхнекамском наречии винительный падеж, кроме обычных окончаний — нулевой флексии и -ѳс (-сѳ и -тѳ) имеет окончание -лѳ: ѳтаті не должнѳ быть кѳклѳ вѳсѳнн 'Здесь (в этом месте) нога не должна бы болеть'; Ме сералі Натальѳслѳ 'Я высмеяла Наталью'. Падежный суфф. -лѳ встречается сравнительно редко и является реликтовой формой.

В южном наречии только в егоровском и лопанском говорах в винительном падеже встречается суфф. -вѳ (-лѳ), совпадающий с формой дательного падежа: егор. Мѳнѳчим кѳсѳтъмѳвѳ пѳчкайтѳс 'Мой

¹⁸ Фролова. Именные категории верхне-вым.говоров..., 7.

¹⁹ Серебр. Ист. перм., 43-45.

²⁰ Лытк. Совр.ж.яз., 141.

Р и с. 6. Употребление суф. вин.падежа -лӧ(-вӧ)

костюм испачкал'; лоп. Ме тӧн зӧнвӧ (вм. зӧнтӧ, зӧнӧс) мӧдӧ тӧп-нӧтны 'Я вчера хотел твоего сына избить'.

В нердвинском диалекте в винительном падеже некоторые личные местоимения имеют окончание -ӧс вместо -ӧ. Это, по-видимому, следы бывшего разграничения винительного выделительного на -ӧс от винительного невыделительного.²¹ Примеры: Бӧсьтӧс менӧс да 'Взял ме-

²¹ Д.В.Б у б р и х. Грамматика коми языка, Л., 1949, стр.29-30.

ня да'; А ме нїос любитлі бддбн 'Я их очень любил'; Мїо нїос ог вѳрзбѳтѳ 'Мы их не тронем'.

В верхнекамских говорах формант -ѳс выступает значительно чаще, чем в других диалектах. При этом он часто появляется на месте -сѳ и -ѳ: Кыкѳс (куд. кыкѳ) токо бѳсьтїс 'Двух только взял'; Мѳжет талун ѳтнасѳс (куд. ѳтнасѳ) ѳзѳ жѳ кѳльѳ 'Может быть, сегодня одного не оставят же'; Вѳлчѳй свадѳбасѳс (куд. свадѳба) лѳдзаласѳс 'Участников свадьбы в волков превращают'; Мѳсѳс (вм. мѳс) лѳдзи 'Корову я выпустил'; Лѳдза на уличу нїос (вм. нїѳ) ме 'Выпущу на улицу их'; Мѳдї вѳлѳс (вм. вѳл) ѳалны 'Хотел я попросить лошадь'; Ме учїтельнїчазѳс (вм. учїтельнїчазѳ) уваѳала 'Я учительниц уважала'; Вїдѳны шѳферьясѳс (вм. шѳферьясѳс) 'Ругают шоферов'; Кука-нѳкѳс (вм. куканѳк) вот кытшѳмнїкѳс (вм. кытшѳмнїкѳ) бѳсьтї 'Теленочка вот такого я взял'; Мѳным кѳлѳ мѳсѳс (вм. мѳс), пѳрсѳсѳс (вм. пѳрсѳ), сїни, конїшна 'Мне нужно корову, свинью, сени, конюшню'; Бїджытѳс (вм. їджытѳс) де бї тѳчан 'Большой, мол, огонь разводись'; Сўшка сѳи нї ѳтїкѳс (вм. ѳтїкѳ) 'Одну сушку я съел уже' и т.д.

Приведенный языковой материал показывает, что -ѳс имеет выделительную функцию. В этом значении часто выступает -сѳ: Нїнкѳммезсѳ ачїс кыялїс 'Лапти сам плел'; Заплѳтасѳ ылынгѳм пўктї 'Заплату далековато положила я'; Яблѳкьясѳс (вм. яблѳкьяс) вѳясѳ 'Яблоки привезут'; Зѳрїзсѳс ѳтша кѳдзалѳны 'Овса мало сеют'; Жѳнїкѳс (вм. жѳнїк) адззи и вѳрѳс сайѳ мўнї 'Жениха нашла я и замуж вышла'; Няньсѳс эз бѳсѳ, няньсѳс (вм. нянь) адззас сѳчченьын 'Хлеба он не взял, хлеба там найдет' и т.п. Следует подчеркнуть, что форма определенного винительного падежа -ѳс в литературном языке употребляется довольно редко.

Наши примеры как будто подтверждают правильность вывода Б.А.Серебренникова о том, что форма винительного падежа определенного притяжательного склонения ряда 3-го лица вообще превратилась в форму определенного винительного падежа всех имен существительных совершенно независимо от того, относятся они к определенно-притяжательному склонению или не относятся²². В подтверждение своего вывода он приводит такой пример из ст. Г.А.Нечаева: Заводїтѳм уджсѳ кѳлѳ нубѳдны помѳ 'Начатую работу нужно довести до конца'²³.

Из сказанного выше ясно, что формант -ѳс обозначает как определенные, так и неопределенные предметы. Он чаще всего употребляется с одушевленными предметами (ср.: Мѳным кѳлѳ мѳсѳс, пѳрсѳсѳс, сїни, конїшна 'Мне нужна корова, свинья, сени, конюшня'). По сравнению с другими диалектами, становление категории одушевленности в этих

²² Серебр. Ист. перм., 35-46.

²³ Нечаев. К вопросу о грамм. катег. одушевл. в к.яз., 77.

говорах протекает более быстрыми темпами. И показателем этой категории является окончание винительного падежа -дэ, употребляемое главным образом с именами существительными, обозначающими одушевленные предметы.

Соединительный падеж в верхнекамском наречии оканчивается на -көт, -көд, последний является вариантом -көт: суддяскөт 'с судьей', ниакөт 'с ними', пашенятакөд 'с пашенятами', тэкөд рядон 'рядом с тобой', пасонөгыскөт 'с пасынком', мекөт вэ-село 'со мной весело' и др.

Дательный падеж. В употреблении дательного падежа нет больших отклонений, почти во всех северных диалектах имеет окончание -дө: коч. Вэралө нөбөта 'Вере отнесу'; лев. кинлө колө 'кому нужно', сийө висьталөмась 'ему сказали'; пукс. ошнс оз мортислө пантась 'медведь человеку не встретится'; гаин. мианлө вот оз вештн 'нам вот не платит'; ис. подалө коля 'скоту оставлю', Ванялө сет 'отдай Ване'; в.-л. висьтал моньтлө 'скажи своей снохе', Сандралө коли 'Александре я оставил', но: налы сэтны 'им отдать'. Лишь в верх-лупьинском диалекте наряду с -дө изредка встречается падежный суфф. -лы. Очевидно, -лы является архаичной формой.

В некоторых северных говорах дательный (вернее здесь дательно-направительный) падеж может употребляться вместо отдалительного, ср.: б.-к. мийлө аз примит? (куд. мийсянь) 'отчего не принял?'; лев. сидз пессомислө (куд. вартвөмсянь) и кулис 'так из-за побоев и умер'; пукс. дукислө (куд. дуксяняс) ошлылө 'из-за запаха исчезает иногда', сиа жарислө (куд. жарсяняс) гагнс сөйө 'из-за жары червь съедает'; чур. ветлөтөмислө (куд. ветвөтөмсянь) и котрасьбөмыс 'из-за гулянки и беготня', киэз нөммасө сөлсем чилькөччөмислө (лит. висьтисьбөмсянь) ли мый ли 'руки немеют вовсе, из-за дойки что ли', тшыглө (куд. тшыгсянь) виам 'с голоду заморим'; в.-л. джын народ тшыглө (куд. тшыгсянь) кулис 'половина людей от голода умерли', не өтик пиан тшыглө аз кул 'ни один ребенок от голода не умер', сэк тэ тшыглө кулан 'ты тогда с голоду умрешь'.

Следовательно, дательно-направительный падеж в значении отдалительного употребляется в большекочинском, левичанском, пуксибском, чураковском, мысовском и верх-лупьинском. Дательно-направительный вместо отдалительного появляется в них для выражения причинности действия (тогда как в южных диалектах и в некоторых северных причинность действия выражается формой отдалительного падежа, ср.: н.-и. тшыгсянь куис 'с голоду умер'; нерд. жарсянь кынтө 'от температуры знобит' и т.д.). Это случаи сохранения более древней падежной формы "внешне-местного" направительного падежа, о чем прежде всего свидетельствуют данные из удмуртского языка", в котором значение дательного и достигательного падежа

выражается одним суфф. -лы (воны сётны 'отдать брату' и вулы мыныны 'идти за водой'). Ср. также к.-п. иньв. бригадирвö мунны 'идти за бригадиром (чтобы позвать его)'. Суфф. -лö содержит показатель вступительного падежа -ö. Он сообщил падежу свое направление²⁴.

В верхнекамском наречии, как и в верх-лупьинском диалекте, в дательном падеже также употребляются два варианта окончания -лö и -лы, ср.: сёронö эталы бэргöччис 'все равно этому попало', кóкыс-лö öдльöн жарко 'моей ноге очень жарко', мый нiалö вöчны 'что им делать', нётинлö лöис уджалны 'некому стало работать', кiнлы гiжан? 'кому пишешь?' Вариант -лы менее употребителен.

Вероятно, наличие фонетической закономерности выпадения звука в в интервокальном положении в южных диалектах привело к совпадению падежных окончаний притяжательного и исходного падежей, а также родительного и творительного, если основа слова оканчивается на гласную. Ср.: н.-и. Аннаись (< Аннавись) öсöтi 'у Анны я взял'; Кагаись мый коран? 'Что у ребенка просишь?'; Зонис Маняöн 'Сын Мани'; Катяöн шүöмась 'Катей назвали'. Ср. примеры на имена с основой на согласную: Сöйвись вaис 'У сестры он принес'; Кинвись сётin? 'Чье ты отдал?'; Мöнвöн айнс 'Отец снохи'; Дёлвöн чирнс 'Топор дедушки'.

Совпадают также окончания дательного и вступительного падежей: Нинаö сётis 'Нине он отдал'; Катяö вaисö 'Кате привезли'; Деревняö вöктin 'Ты приехал в деревню'; Вaö уськöччис 'В воду бросился'. Ср. с именами с основой на согласный: Бaбвö козьнаис 'Бабушке он подарил'; Сöйвö вaис 'Сестре привез'; Вöрö мунis 'В лес он ушел'; Гöртö бэртisö 'Домой возвратились'. Таким образом, для взовых диалектов, как и для эловых (см. стр. 131) необходимо различать у имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений две основы — гласную и согласную, причем разные основы слова выступают лишь в родительном, дательном, творительном, исходном и вступительном падежах. Гласная и согласная основы слова последовательно различаются в системе внешнеместных падежей: доег. вн.-местн. шöрвас пырaн 'в ручей упадешь (букв. на ручей упадешь)', картав-вас пыртi 'во двор (букв. на двор) я занес'; вн. местн.-вступ. унaсö нёмвö 'много-то незачем', винаввö да мый да пётö 'на вино да что да уходит'; вн.местн.-исх. ёввись розöккесö 'с поля колосья', гунaввись сiсö 'зерно с гумна' и т.п. Ср., например: акс. нiйöн дояркас 'их доярка', машинаöн кайö 'на машине едет', краскаö (или краскавö дост.п.) кайö 'за краской едет', ась и гöллямö ме сiö (< сiвö) 'пусть наговорим мы ей'; ср.-и. мамöөн (ср. сев. мамö-лöн) чышьяныс 'платок моей матери', ведраöн вaис 'ведром принес',

²⁴ Коми-перм., 196-197.

сойвись кóри 'у сестры я попросил', гóрвись чáпкис 'с печки он бросил'; ош. кинвись кóрин? 'у кого ты попросил?', мысвись йтшкис 'с возвышенности он накосил' и т.д.

В большинстве ижных говоров дательный и достигательный падежи формально не различаются: имеют окончание -вö (-вö, -ö). Примеры: акс. няньвö муніс 'он ушел за хлебом', каньвö чáпки 'брось кошке'; доег. мöсвö сета 'корове я отдам', турунысвö прос мунны 'за сеном свободен ехать'; крох. ваö (< вавö) веччис 'за водой он пошел', турунвö мунісö 'за сеном уехали'; ср.-и. ветвы мöссэтвö (лит. мөс-сэтла) 'сходи за коровами', йстөм упётъ мамысвö 'послал он опять своей матери'; в.-и. мунісö ягöдысвö 'пошли за ягодами', коросьвö кыкисъ ветви 'за вениками два раза я ходил', вöнысвö сётис 'своему брату он отдал'; бел. вансвö чеччас 'за водой пойдет'; косог. мыйвö нö миськаван? 'зачем же моешь?'; кув. няньвö веччис 'за хлебом он пошел'; егор. зöнысвö сётис 'его сыну он отдал', ня сёйвö вöктöны (лит. сэйла) 'они за белой глиной едут'; лоп. турунвö муніс 'за сеном он уехал', мамвö сётис 'матери своей он отдал' и т.д.

Аналогичные явления имеют место в нердвинском и оньковском диалектах. В нердвинском диалекте в отличие от литературного языка достигательный падеж имеет окончание -лö: ельдöглö мунім вöлөн 'За груздями поехали на лошади мы'; ветлім йöллö Рыбаковö 'Сходили мы за молоком к Рыбаковым'; мыйлö пеляннэз стряпайтнытö? 'Зачем пельмени стряпать-то?'. Здесь произошло совпадение суфф. -ла и -лö.

В оньковском диалекте дательный и достигательный падежи также совпали в дательно-направительном с окончанием -лö (ср. и. -вö). Ср.:

	оньк.	лит.	перевод
Дат.	мортлö	мортлö	'человеку'
Дост.	мортлö	мортла	'за человеком'

Д о с т и г а т е л ь н ы й п а д е ж во всех говорах северного наречия имеет формант -ла (-la): б.-к. лöктис дёньгала 'он пришел за деньгами'; коч. мунны пёсла 'идти за дровами'; н.-к. мися бн льöмла мұна 'говорю, хочу сходить за черемухой'; лев. ветліс чöдла 'сходил он за черникой', мыйла пёта? 'зачем я выйду?'; пукс. няньла мунісö 'за хлебом уехали'; роботшöйысла кайöны 'за рабочими едут'; гаин. лұкла пётис 'вышел он за луком', ветлөм ягöд-ла 'сходил он за ягодами'; ис. малинала ветлі 'за малиной я сходил'; мс. мұна кагала 'иду за ребенком'; в.-л. мұна вала 'иду за водой', мунісö пиканла 'пошли они за хвощом'.

Следовательно, вариант суфф. -ла (-la) употребляется только в верх-лупьинском диалекте, в котором встречается звук л-вариант фонемы л.

Творительный и местный падежи. В древности местный и творительный падежи не были разграничены друг от друга ни по своей функции, ни по своему суф. (-өн, -ын). Следы этой не дифференцированности мы видим в дренепермском языке, например: др.-п. кылон 'словом', но нималанын 'слагоу...'; ср. тж. удм. ымын 'ртом', кылын 'словом', которые по значению являются формами творительного падежа, а оформлены суффиксом местного падежа (ср. окончание удм. твор.п. -эн); в языке коми-язьвинцев эти два падежа оформлены одним суф. -өн: кокөн 'в ноге, ногой',²⁵.

В современном коми-пермяцком языке эти два падежа являются вполне самостоятельными и имеют по нескольку значений²⁶. Сохранение застывших формантов древнего местного падежа (когда творительный падеж еще не выделился из местного) чаще всего встречается в наречиях, как: татён 'здесь', кытён 'где', сэтён 'там, на том месте', важён 'давно', торйён 'в отдельности, раздельно' и т.д.; суф. -өн в них соответствует суффиксу современного творительного падежа (ср. бийён 'огнем', ваён 'водой' и т.д.). Приведем примеры из разных говоров: коч. челядь татён 'дети здесь', сэтён лоас 'там будет', орччён раскас 'рядом в роше', кытён вёлі? 'где был?', эстён 'здесь', асылён 'утром'; в.-л. гожумён ветлім 'мы ездили летом', рытён шоныт 'вечером тепло', мамис торйён пё оло 'говорят, его мать отдельно живет'; ис. этакён 'вот здесь', эстён 'тут', ойён 'ночью', толён 'зимой', арён 'осенью', торйён 'раздельно' и др.; онк. и н.-и. гожумён 'летом', орччён 'рядом', сэтён 'там' и др. Это реликты более древнего языкового состояния: "...предполагают существование общепермского падежа с суф. -н, который в зависимости от контекста мог выражать значение места (где?) времени (когда?), орудия (чем?), состояния..."²⁷. По этому вопросу имеются различные мнения у разных ученых. Б.А.Серебренников считает, что гипотеза о происхождении пермских местного и творительного падежей из одного источника, т.е. от древнего локатива с окончанием -на, в настоящее время является наиболее распространенной²⁸.

Во всех диалектах имеют место отдельные случаи употребления форм местного падежа в значении творительного, например: коч. трак-турисканн уджалё 'трактористкой работает', доярканн олі 'я дояркой была'; лев. лесничёйлё писарын оліс 'у лесничего писарем он был', прокурёрын уджаліс 'работал он прокурором'; фед. сіа опи́чэ-рын эд 'он ведь офицером', зёно́ уджаввис тракторисын 'мой сын ра-

²⁵ Совр.к.яз., I43-I44.

²⁶ Коми-перм., 187-190, 194-195.

²⁷ Коми-перм., 193.

²⁸ Серебр.Ист.перм., 12.

ботал трактористом', комбайнёрын уджао 'комбайнером он работает'; от дояркаын оа 'работаю дояркой'; ош. бригадирын по 'говорят, бригадиром он'; нерд. техничкаын оли 'была я техничкой'; оньк. уджаліс курёнышыкын 'работал он лесорубом' и др. и т.д.

Как показывают примеры, форма местного падежа вместо творительного употребляется лишь для выражения профессии (это проявление древнего "общеместного падежа с суфф. -н").

Употребление формы местного падежа в значении творительного отмечено в верхневашском, верхневымском и кольском говорах коми-зырянского языка. В указанных говорах местный падеж, кроме основных значений, употребляется также для названия профессии (в отличие от коми литературного языка, в котором в данной функции выступает творительный падеж), например: в.-ваш. вокыс рёбитё утшительын 'брат (его) работает учителем'; в.-вым. воко рёбитё велёдысын 'брат мой работает учителем'; кольск. дёвалунын ола 'вдовой живу' и др.²⁹

В отдельных говорах у наречий на -ён (имеющих застывшие формы местного падежа) наблюдается наращение суффикса современного местного падежа, например, в чураковском: татён и татёнын 'здесь, вот здесь', сэччнын (ср. сэччин) 'там'; пукс. этатёнын (ср. этатён) 'вот здесь', эстёнын (ср. эстён) 'здесь', татынын (ср. татын) 'здесь'; лев. сэччнын 'там'; ис. тёнын (ср. тён) 'вчера'. Наслоение вторичных падежных окончаний на наречия места, вероятно, связано с необходимостью усиления значения места у ряда наречий, поскольку в застывших формах это значение стерлось в связи с переразложением основы слова (наречий).

В кочевском диалекте изредка встречаются случаи употребления творительного падежа вместо отдалительного, например: токо́н ку́ліс (ср.-и. то́ксянь ку́ліс) 'током умер (букв.), т.е. убило током'.

О т д е л и т е л ь н ы й и и с х о д н ы й п а д е ж и. Вместо отдалительного падежа в диалектах иногда употребляются формы исходного падежа. Это явление встречается лишь в крайних северных говорах - в гаинском, исаевском, мысовском и верх-лупьинском, например: гаин. сія аймáмсис (лит. айма́мсянь) по́нас го́рзыны 'он из-за родителей будет плакать', де́д-ба́бсис (лит. де́д-ба́бся́няс) и, ме́ным шу́о, оти́рсис (лит. оти́рсянь) сты́дно 'он говорит, что стыдно ему перед дедом и бабушкой и перед людьми'; ис. ме́д оз и о́ызгы карто́лсис (южн. карто́шкасянь) 'и пусть не ворчит из-за картошки'; во́лі гре́к чы́ья́ннэ́сис (лит. чы́ья́ннэ́сянь) 'шуму было из-за плат-

²⁹ Сорвачева. Морфол. особен. верхневаш. гов., 6; Фролова. Именные категории верхне-вым. говоров..., 13; М.Н. Сахарова, Н.Н. Сельков. Некоторые особенности говора кольских коми. "Историко-филологический сборник", вып. 6. Сыктывкар, 1960, стр. 140.

ков'; мис. пóлòмись (лит. полòмсянь) кòйнись пòла 'из-за страха (боязни) боюсь волков'; в.-л. пóлòмись эг мун 'из-за боязни я не ушел', докта пéдòрòвись (лит. фèдòровасянь) 'иду из Федорово'; ср. в.-к. Ме думайта сьись (ср.-и. ссьянь) оз вèськал 'Я думаю из-за этого не поправляется' и др.

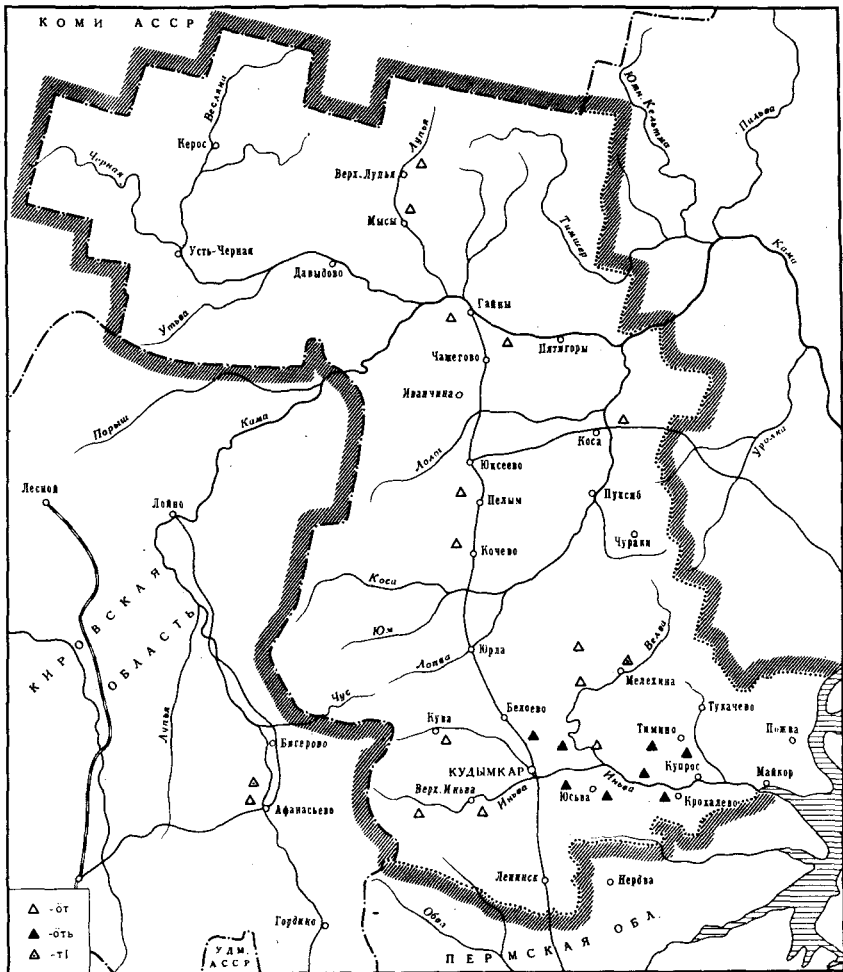
Следует отметить, что в отдельных говорах вместо обычного для коми-пермяцкого языка окончания отдалительного падежа -ись изредка встречается и -ись, например: коч. мун жò сэтись (лит. сэтісь) 'уйди же оттуда'; в.-л. эз Москвансь 'не из Москвы'.

В мисовском диалекте в сравнительном значении употребляются формы как исходного, так и сравнительного падежей. Например: мис. пòрисьжык тэись и пòрисьжык тэсса 'старше тебя', вынажык кòйнись и вынажык кòйнися 'сильнее волка'; в.-л. тэ тóмжык мамòись (лит. мамòся) 'ты моложе моей матери' и др.

В северных диалектах отдалительный падеж имеет окончание -сянь, как и в литературном языке, его вариант -синь встречается лишь изредка в больше-кочинском, петуховском, в юсеевском и чураковском говорах, например: б.-к. сылсьянь и тòнгисис 'с него он и упал', но: а кòрсинь денгасò сэталасò 'а с какого времени деньги дадут'; коч. юсьянь локтас 'с поля придет'; лев. пу высьянь усьлòм 'с дерева когда-то падал он'; чур. Косасяняс обрè пыйис 'С Косы снова удрал он', òн кысянь лòсис 'а теперь откуда стало (получилось)', но: эссинь 'с этого места', эсьчинь 'вот там' (в некоторых наречных формах); гаин. вот ссьянь тóлько 'вот из-за этого только'; ис. тасянь муникò 'уезжая отсюда', эз вòннэсянь бось чéсьò 'не заработала уважения от братьев'; мис. тòвсьянь 'от ветра', деревнясьянь гòродòз ылын 'от деревни до города далеко'; в.-л. тасянь 'отсюда', кысянь 'откуда', ссьянь и ссьян 'поэтому'; Лупсьянис 'из Лупы, от Лупы', гòртсьянис 'от (из) дому', òбрсьянис 'сзади, после', армиясьянис 'из армии' (карта 7).

В верх-лупыинском диалекте наряду с суфф. -сянь употребляется и его вариант -сянис. Элемент -ис (притяжательно-указательный суфф.) является коаффиксом. В южных диалектах мы встречаем аналогичный сложный падежный суфф. -сяняс, например: гòртсьяняс 'из(от) своего дома', òйсьяняс 'с самой ночи' и т.п. В большинстве примеров такого типа коаффикс -ас(-яс) имеет и указательное значение, но оно может и не ощущаться, а в верх-лупыинском диалекте это значение у суфф. -сянис, по-видимому, уже стерлось.

В верхнекамском наречии употребляются три варианта окончания отдалительного падежа -сянь, -сень, -синь, которые одинаково употребительны: пéрвòй мыжксьянь 'от первого мужа', ме от тòд, мысень шуйòны 'я не знаю, отчего (почему) говорят'; кычкò зорòдсьянь уси 'как-то с зарода я упал', кытсьянь 'откуда', кèркасинь пèтан.

Р и с. 7. Употребление суфф. отдалительного падежа
-сянь, - сень, -сен, -синь

'из дому выйдешь', кинсинь письмо-тё получили? 'от кого письмо получили?', мёсянь не шаньжыка 'не лучше меня', кодсень да и? 'от кого же?', банясень шоньджык 'после бани теплей', эссень 'откуда', тё борсинь 'после тебя', ылласинь пыран 'с улицы войдешь' и т.п.

В нердвинском диалекте в отдалительном падеже употребляется суфф. -синь (и редко -сень): 1) Сыборсинь от и думайт 'Потом и не думаю'; 2) Этасинь, ны дынсинь (ср. лит. этасянь, ны дынсянь), четыре километра 'Откуда, от них, четыре километра'; 3) Ме шүү

тэсінь только лэчча 'Я, говорит, только из-за тебя приду'; 4) Юр вісьо брагасінь 'Голова болит от браги'; 5) Кысэнь тэ? 'Откуда ты?' Ср. примеры из оньковского диалекта: вёрсінь лёттём 'из лесу пришел', васінь пётис 'из воды вышел', гортсінь ваіс 'из дому пришел' и др.

В говорах кудымкарско-иньвенского диалекта у отдалительного падежа выявляются окончания -сінь, -сэнь и -сянь (ср. лит. -сянь): в.-и. гортсінь эд 'из дому ведь', вётіс армиясінис 'приехал из армии', траквисінь эстён 'с тракта здесь', грипсінь вісьо 'гриппом болеет', пёрёны ётмёдёрсінь 'заходят с обеих сторон', сінсінь и босьті 'потому и я взял' и др.; дём. сьбёрсінь вётіс 'потом пришел', кобы татісінь муніс дак 'если бы отсюда ушел так', оптэ-касінь и нуётіс 'из аптеки и увел', по телепону татісэнь байтё-мась 'по телефону отсюда переговорили'; бел. сінсінь вётіт 'потому мы приехали'; сія аймамсінь 'это из-за родителей', пéремсінь вёттёно 'из Перми едут' и др.

В косогорском отдалительный падеж имеет окончания -сінь, -сэнь и -сянь: Юринасінь 'от Юрино', эччінсінь 'оттуда', грипсінь 'от гриппа', Юрвасінис 'от Юры-то', Пéремсінь 'от Перми'; армиясэнь 'из армии'; тасянь 'отсюда', горвысянь 'с печки' и др. (окончание -сінь более употребительно). В кувинском отдалительный падеж также имеет окончания -сэнь, -сінь, -сянь: Кысэнь вёттан? Тасэнь? 'Откуда идешь? Откуда?' Вот эссэнь, тасэнь. 'Вот с этого места, отсюда'. Вежайкасінис сідз. 'От Вежайки так'. Жарсінис воіс. 'От жары появилось'. Бевёвсінис пёрвёй кёркуз. 'От Белоево первое дома'. Котёртём сэткінсянь 'Бежал с того места'. Сія вампасянь. 'Это от лампы' (все три варианта окончаний одинаково употребительны).

Интересно отметить явление, свойственное не только этому говору (ср. в верхлупыньском, стр. 152). Совместно с суфф. -сінь часто употребляется второй суфф. (коаффикс) -ис, напоминающий своим значением суфф. исходного падежа -ись. Сложный суфф. -сінис указывает на то, что действие исходит не только от какого-то предмета, но и одновременно изнутри его (примеры см. выше). Ср. также в отевском: кысінь тэ? 'откуда ты?', тёнсінь уджаё 'со вчерашнего дня работает', пытсінис пёднаём 'изнутри закрыто', тасінь ёрс трицэт 'отсюда верст тридцать', мартсінис ничоо 'с марта-то ничего', Пéремсянь вёввісьо 'из Перми приезжали'. (В речи отевцев очень редко, но встречается окончание -сянь, свойственное литературному языку); в хайдукском: 1) Вётісё Ёгвасінь 'Пришли из Ёгвы'; 2) Кайдуксінис переход эм 'От Хайдука переход есть'. В самковском говоре отдалительный падеж имеет окончания -сэнь (изредка -сінь): 1) Сьсінь и мунім Осінскёй райёно 'Из-за этого и уехали мы в Осинский

район'; 2) Снѣбросинь гортн поні ѡвнн 'Потом дома я стал жить'; 3) Нывкаокис мѣнам нучокѡсень 'Девочка моего внука'; 4) А снѣбросень сѣа эд днр оз веськав 'А потом ведь он долго не поправится'.

В верх-юсывинском говоре окончанием отдалительного падежа, как и в литературном языке, является -сянь: совхозсяняс ни 'уже от совхоза', ок тѡд мнйсянь 'не знаю, почему', но: вапкѡт ѡдльѡн вн-висинь моз 'придави сильнее сверху'. Вариант данного падежного окончания -синь употребляется редко. Ср. также в нердвинском: снѣбросинь 'потом, позже', этасинь 'из-за этого, поэтому'. Кысень тѣ? 'Откуда ты?' (см. стр. 230); в оньковском: вѡрсинь 'из лесу', васинь 'от воды' и др. (см. стр. 226). В остальных говорах, как и в литературном языке, отдалительный падеж оканчивается на -сянь. Например: акс. крѣсьниксянь поучѣтѡм 'от кресника получил', мам-касянь сыдз 'из-за матери так' и др.; крох. Майкарясьн вѡрѡнн 'из Майнора приезжают'; ср.-и. татісянь мунісѡ 'отсюда уехали', вартансянь вѡввис 'с молотѡм приходил', тѡусянь шогаѡ 'с зимы болеет' и др.

Весьма возможно, что вариант -сень в говорах является переходной ступенью между -сянь и -синь.

В верхнесысольском, летском и нижневичегодском (в говоре с.Гам) в говорах коми-зырянского языка вместо -сянь отдалительного падежа выступает его вариант -сень³⁰ (ср. в удмуртском литературном языке суфф. -исен, -сен, напр.: бусысен 'с поля', гуртысен 'от деревни' и др.³¹).

Переходный падеж. В отличие от южных - среднеиньвенских и нижнеиньвенских говоров - во всех северных диалектах, как и в литературном языке, переходный падеж имеет окончание -ѡт (ср. южн. -ѡть (-ѡт)). Примеры: коч. тѣнат ѡмѡль мѣ сѡртѡт 'у тебя хуже моего'; лев. шондіс сѡртѡт 'по солнцу', цѣтѡма вѡрьеѡт 'вышел, оказывается, через лес'; пукс. эта гѡгѡртѡт 'вокруг этого', ѡндлаѡт вѣтлѡтисѡ 'везде побывали' и др.; чур. сьнимоккес сѡртѡт 'по снимкам', барақкес дннѡт 'мимо баракѡв'; мис. мунны вѡрѡт 'идти по лесу'; в.-л. вѡрѡт вѣтлѡ 'ходит через лес'; гаин. ваѡт вуджи 'перешел я речку', кытшѡм вѡрѡт 'по какому лесу'; ис. ва котѡртѡ капусьникѡт 'ручей течет в огороде (по огороду)'.

В одних южных говорах переходный падеж оканчивается на -ѡть, в других - на -ѡт. Ср.: н.-и. Яриньчиѡть туйис 'дорога через Ярино', ѡтѡрѡть котрасис 'на улице бегал'; ср.-и. нѡрѡть зѣрис 'над болотом шел дождь', дерѣвняѡть муніс 'проехал он через деревню';

³⁰ ССКЗД, 467.

³¹ Грамм совр. удм.яз., 109-110.

от. Кийо́ть го́няйтис 'через Км он усекал'; косог. Гайнао́ть зэ́рис 'в Гайнах был дождь', но́о́ть ня́ть 'по полю грязно'; мелех. ко́з ув-вес пы́тшкóть 'сквозь еловые ветки', пря́мо во́ро́ть 'прямо через лес'; но: в.-к. чува́ис ми́ан вы́втóт 'отразилось на нас', бо́кóт му́но 'стороной проходит'; в.-и. о́то́ро пéти о́шынóт 'на улицу я вышел через окно', шелви́н кáйтóн Иньва́до́ро́т 'ты попался в дороге у Иньвы'; дём. о́ндва́от зéро 'всюду идет дождь', во́ро́т туёк 'тропинка через лес' и др.; кув. сéи да го́го́ро́т ветво́ти 'я полз да повсюду ходил'; ёгв. пыр ко́о во́ро́ккео́т кáйны 'все по перелескам нужно идти', сёо́т му́нисо́ 'по яровому полю шли'; ваг. выселáйччóмáсь во́р-рео́т 'расселились по лесам', йо́го́т вéтвам 'ходим через Ёгву'; ош. огра́до́т 'по ограде', небо́от 'по небу', о́тпусáс петáнвио́т 'до ухода в отпуск', о́градо́т во́вио́сь 'были в ограде (букв. по ограде)'; егор. о́ндрáо́т 'везде, всюду', во́ро́т 'по лесу', о́то́ро́т вет-во́там 'по улице ходим', Дёвинóт дёсéть кивомéтров 'через Девино десять километров' и др. (карта 8).

В верх-кюшвинском, верх-иньвенском, дёминском, кувинском, ёгвинском, ошибском и егоровском говорах окончание переходного падежа -óт совпадает с нормой литературного языка.

В верхнекамских говорах переходный падеж оканчивается на -ти, например: сэ́чáнинти 'по той стороне', ту́й до́рти 'едешь так', а́о́ио́сь пó 'по краю дороги едешь, так нет (их)', во́т сé́тика 'вот по тому месту', Ка́ма до́рти 'по берегам Камы', ко́ртáлио́ ки́клáти 'перевязали в двух местах', Ка́мáти вéтлó мéлкóй рýбоá 'по Каме ходит мелкая рыба', ко́кля бе́рдти 'у сустава', у́личáти му́нас да 'по улице пройдет да' и др. Только в одном единственном случае зафиксировано окончание -óт, ср.: пу́те́мьсóт му́но 'по целине идет'.

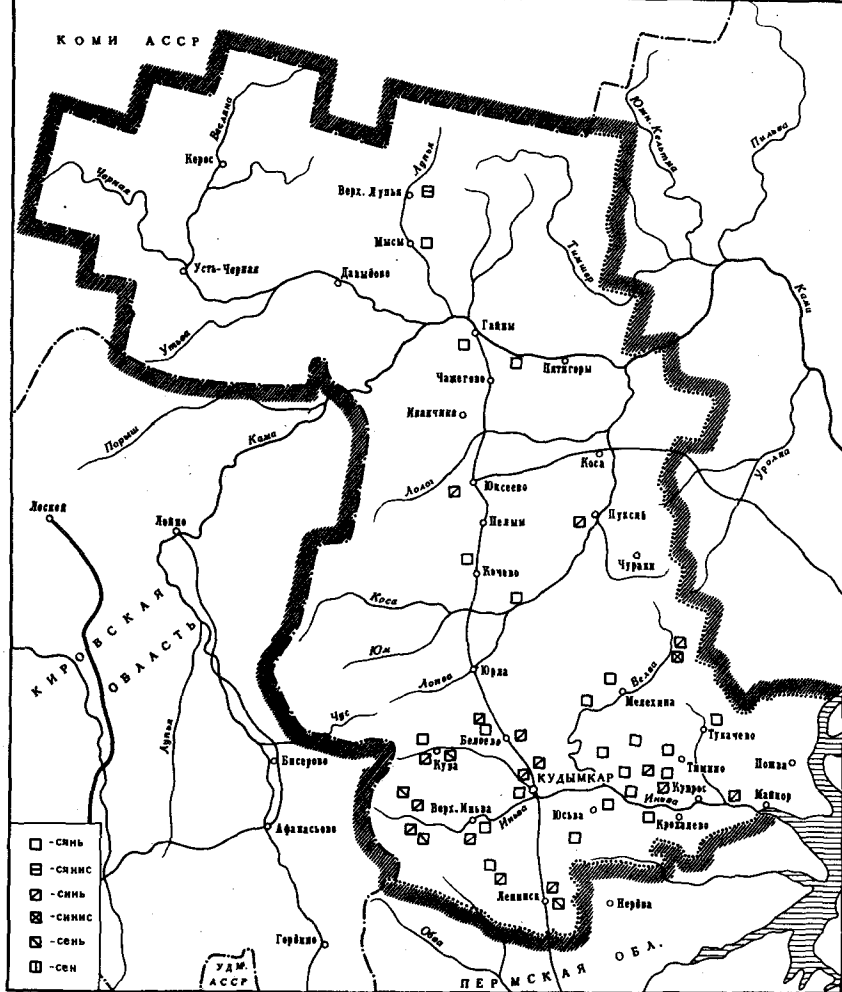
В остальных диалектах формант -ти встречается как реликтовое явление лишь в некоторых наречиях и послеложных формах: сý сё́рто́и 'по нему', э́сти 'по этому месту', та́ти 'здесь, около нас (проехали)', лу́н о́рто́и 'через день', у́вти 'понизу' и т.п.

Падежный суффикс -ти встречается в ряде коми-зырянских диалектов наряду с суффиксом -óд (в сиктивкарском, верхневьчегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском диалектах)³² и в удмуртском языке³³.

Лишительный падеж. В некоторых диалектах к окончанию лишительного падежа могут присоединяться лично-притяжательные суфф. -ям, -ят, -яс (в ед. числе) и -яным, -яныт, -яныс (во мн. числе), например: чур. сё́о́ныт йóлтóгýис о́лны 'трудно без молока'; коч. сýнтóгýит у́мóль 'плохо без глаз', ниá ай́то́гýяныс

³² ССКЗД, 87.

³³ Грамм.совр.удм.яз., 87.

Р и с. 8. Употребление падежного суф. переходного падежа **-ѣт** (**-ѣть**) или **-ті**

строитѣсѣ 'они отстроились без помощи своего отца' и др. Чаще всего из этих осложненных падежных окончаний встречаются форманты **-тѣгѣят** (**-тѣгѣйт**), **-тѣгѣяс** (**-тѣгѣйс**); остальные употребляются реже, поскольку их значения обычно передаются описательно. Нужно заметить, что звук **а** (**ја**) [их варианты **-тѣгѣйс** (**-тѣгѣйт**), по-видимому, результат более поздних фонетических изменений] встречается и в некоторых коми-зырянских диалектах - в верхнесольском,

ижемском и удорском — как вариант падежного окончания -тӧг(-тӧгья). Лишительный падеж с лично-притяжательными суффиксами встречается не так часто, литературному языку эти суффиксы не свойственны.

Притяжательный падеж в верхнекамских говорах оканчивается на -лысь и -лысь (это варианты одного и того же суффикса). Например: ме ниялысь сѣи 'я у них поел', мамидлысь мырдды тэ 'отбери ты у своей матери', моньлысь пуктӧ 'у снохи надевает', пуктынн сьлысь чумуданас 'положить у него в чемодан', кӧнкӧ угӧлысь 'где-то из угла', бӧсьтис Валькаслысь 'взял он у Вальки', ӧдзсалі Любачлысь 'занял я у Любы' и др. Вариант -лысь более употребителен.

В некоторых говорах — в большекочинском, кочевском, пуксибском и чураковском — отдельные имена употребляются в падежных формах, тогда как эти существительные в литературном языке и в южных диалектах употребляются только с послелогоми, ср.: б.-к. нӧас абу 'в (на) поле нет', нӧб мунис 'в поле он пошел' (лит. нӧ вылас абу и нӧ выдӧ мунис); коч. мокин мысӧ (лит. мыс выдӧ) мунӧнн 'идут на мокинскую возвышенность', мирон мысин вѣтлӧмась (лит. мыс выдӧ, мыс вылын) 'на мироновскую горку сходили'; пукс. нӧас (лит. нӧ вылас) и солалӧ 'на поле он и солит'; чур. нӧб (лит. нӧ выдӧ) мунисӧ 'на поле пошли', кор сіа войнасяняс (лит. война вылісяняс) лӧктис 'когда он с войны вернулся', нӧб ну 'отнеси в поле'. Примеры показывают, что без серийных послелогов с основой на выд- употребляются в основном слова нӧ 'поле', межа и мыс 'пригорок, возвышенность'. По-видимому, в древности эти слова употреблялись без послелогов, потому что очень редко в таком виде они встречаются в речи представителей старшего поколения из числа говорящих на некоторых южных диалектах. К.Е.Майтинская считает, что подобные слова употребляются без послелога, потому что они превратились из-за частого употребления в своего рода наречия, ср. русск. дома, домой³⁵. Однако по аналогии с другими словами, обозначающими "пространство, поверхность" слова типа нӧ 'поле', мыс 'возвышенность' и другие также начинают употребляться с послелогоми. Так, например, в северных говорах — кочевском, левичанском, исевском, гаинском и мысовском — примеры на беспослеложное употребление этих слов не зафиксированы, ср.: коч. нӧлас (< нӧ вылас) мунтӧн прѣтӧ тӧн 'занесла я вчера, когда шла на поле', нӧлӧ (< нӧ выдӧ) вѣтла 'схожу на поле'; лев. кайнытӧ нӧбеслӧ (< нӧбес выдӧ) глина да умӧль 'трудно понасть на поле из-за глины (т.е. сыро)' и др.

³⁵ Из устного сообщения К.Е.Майтинской.

Очевидно, в этих говорах на более ранних этапах их развития слова типа но́, мыс, межа, война употреблялись тоже без указанных послелогов с основой на выл-, а позже стало возможным сочетание их с этими послелогам. По-видимому, и в большекочинском, петуховском, пельмском, чазевском, пуксибском и чураковском говорах развитие идет по тому же пути, а именно: но́б > но́ выло́ > но́ло 'на поле'. Так в чазевском наряду с беспослеложными примерами употребления слово но́ встречается и с послелогам: но́без выли́сь 'с полей' и горт но́безлас (ср. но́без вылас) 'на полях, близлежащих к деревне'.

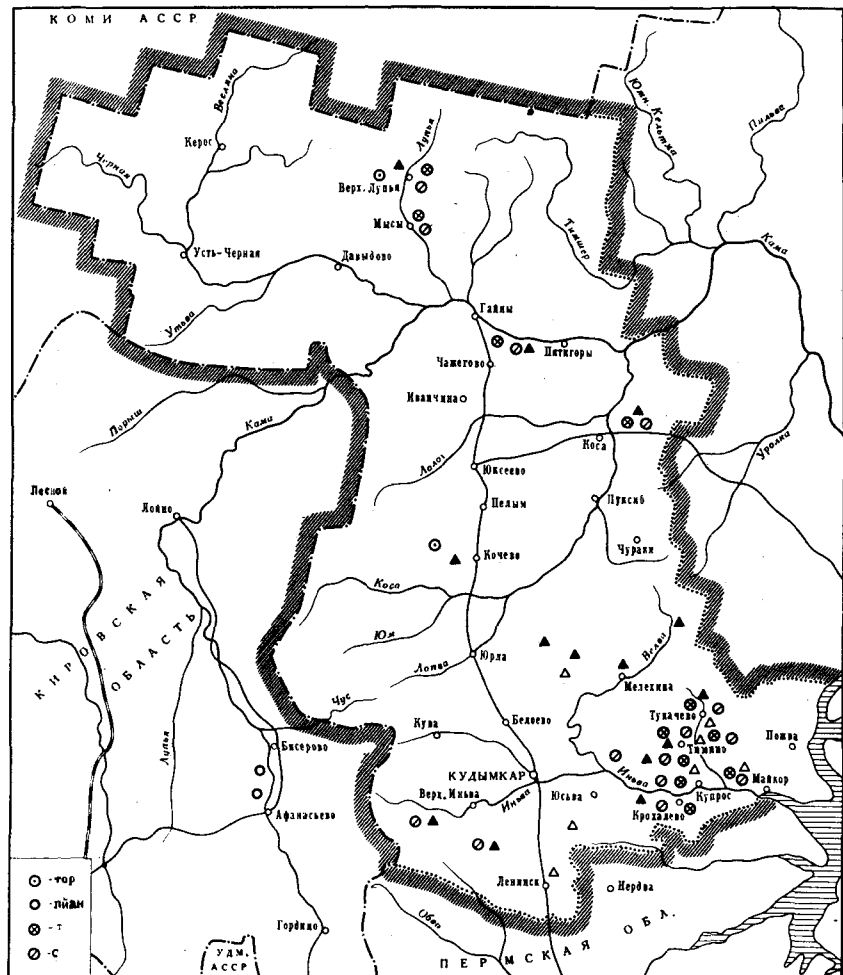
Вместе с тем встречаются явления обратного порядка, так в пуксибском и чураковском диалектах употребляются послеложные конструкции в тех случаях, когда в литературном языке и в южных диалектах эти значения передаются падежными окончаниями, например: пукс. Кочаланяс татись киня (лит. tatisseszys) богатджыкось во́лли-сь 'кочинские жили богаче здешних', мыйкё выло́ (лит. мыла кё) тачкё жё лэчкём 'зачем-то, (для чего-то) сюда же она пришла'; чур. тшыгыялём понда (лит. тшыгыялёмись, тшыгыялёмсянь) 'из-за голода', видно жарыс выло́ (лит. жарсян(яс) ме ўси 'видимо из-за температуры я упала в обморок', почта вылын (южн. почтаны) уджалё 'на почте работает'.

В верхнекамском наречии также встречаются случаи употребления падежных форм вместо послеложных и наоборот: ср.: 1) Кычкё зород-сянь (лит. зород вылісянь) ўси 'Как-то с зарода упал я'; 2) Тасянс будика деревнялас (< деревня вылас; лит. деревняяс) жё пэ-тис 'Тася, возможно, в деревне где-то (букв.: на деревню вышла)'; 3) Хрёсныло́ (< крёсна выло́; лит. вежанён, крёснаён) султоті 'В кресны я пригласил (букв.: на кресну поставил)'.

Определенно-притяжательное склонение существительных

Лично-притяжательные формы существительных в коми-пермяцком языке образуются с помощью суфф. -ё, -ыт, -но (для ед. числа) и -ным, -ныт, -ныс (для мн. числа).

Существительные определенно-притяжательного склонения в северных диалектах склоняются в основном так же, как и в коми-пермяцком литературном языке; отличие состоит в том, что в некоторых диалектах показателями лично-притяжательности во 2- и 3-м лицах ед. числа у имен с основой на гласный звук являются -т и -с вместо литературных -ыт и -но (карта 9). Заметим, что подобное явление встречается и в нижеиньвенском и в оньковском диалектах

Р и с. 9. 1. Употребление уменьшительных суф. -тор и -пйан. 2. Употреблений лично-притяжательных суф. 2- и 3-го лица ед. числа -т и -с

южного наречия. Приведем диалектный материал: лев. тöскаслö дö кúлис 'умер, мол, из-за тоски', Ванят эд черсö бöра коляс 'Ваня-то ведь опять топор (свой) оставит'; ис. картас ылына ошис 'медведь (был) на таком расстоянии, как вот отсюда до двора (хлева)', шöндис сьöртöт 'по солнцу' и др.; мис. талосяс (вм. тавосяс) 'этого года', Надыт (вм. Надянт) кытöн? 'Где Надя-то?', Варикас-

дѡн (вм. Вариканслѡн) 'у Илларионики', Марикаслѡн (вм. Марийканслѡн) 'у Марийки', врѣмѣс (вм. врѣмѣнс) уна я? 'сколько времени?', но: пѡранс прѡйдитѡ 'время проходит'; в.-л. нѣкод сумкас (вм. сумканс) абу 'ни той, ни другой сумки нет', старукаслѡн сой 'сестра у моей старухи', то чачат 'вот твоя игрушка-то', кагас 'ребенок-то', Анна 'Анна-то', Пеклас 'Фекла-то', кѣркат 'дом-то твой' и др., но: деревнянс 'деревня-то (эта)'. Подобное явление изредка встречается и в исаевском говоре, например: бѣтшкос (вм. бѣтшконс) гѡрд вѡлѡм 'свекор был с рыжими волосами', Стѣпкас са мыля лѡк-тас... 'Степка-то, он зачем придет...', но: чачанс 'игрушка-то', ревуннянс 'ревунья-то', кѣльянт 'жена-то брата твоего мужа', шѡн-пинс вѣськыта вѡлі 'солнце-то в зените было' и др. Следовательно, лично-притяжательные суфф. -т и -с у имен существительных с основой на гласную встречаются в левичанском, мысовском, верх-лупшинском и исаевском говорах. Причем надо отметить, что в левичанском и мысовском наряду с суфф. -т и -с после гласной основы употребляются иногда и их варианты -нт и -нс (примеры см. выше). Если же основа слова оканчивается на согласную, то притяжательные суфф. употребляются в форме -нт, -нс во всех диалектах (без исключения), ср.: ис. сойнс 'сестра-то (его)'; в.-л. вѡкынт 'брат твой, брат-то', тѡлыс 'зима-то' и т.д.

Следует отметить, что из лично-притяжательных суффиксов 2- и 3-го лица ед. числа у имен с основой на гласную отсутствует лишь в двух и более сложных словах, а в односложных словах н имеется налицо: мунт 'земля-то, твоя земля', сынс 'зерно-то', кынт мидзас 'твоя рука устанет', ванс абу 'воды нет, воды-то нет' и т.д.

Более ранними показателями лично-притяжательности имен существительных 2- и 3-го лица ед. числа были согласные -т и -с, которые следовали за конечным гласным основы слова (в пермских языках и в венгерском он в большинстве случаев отпал). Следует предполагать, что лично-притяжательные суфф. -нт, -нс (получившие такую форму в результате переразложения основы слова³⁶) сначала употреблялись только с существительными с основой на согласную фонему, а именно: бурнт 'твоя голова', бурнс 'его (ее) голова' и т.д. Существительные с гласной основой имели лично-притяжательные суффиксы 2- и 3-го лица ед. числа -т и -с, например: кѣрка-т 'твой дом', кѣрка-с 'его (ее) дом' и др. Лишь впоследствии в большинстве диалектов коми-пермяцкого и коми-зырянского языков произошло выравнивание в пользу суфф. -нт и -нс, которые приняты за норму в обоих литературных языках (коми-зырянского и коми-пермяцкого). Ср. например:

³⁶ Лытк. Ист.грамм., 67.

к.-п.	к.-з.	перевод
книгaнт	книгaнд	'твоя книга'
книгaнс	книгaнс	'его (ее) книга'
вõлнт	вõлнд	'твоя лошадь'
вõлнс	вõлнс	'его (ее) лошадь'

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что левичанский, мысовский, исаевский и верх-лупьинский говоры сохранили более ранние формы лично-притяжательных суфф. 2- и 3-го лица ед. числа. То же самое мы наблюдаем в оньковском и нижнеиньвенских диалектах южного наречия и в верхневичегодском диалекте коми-зырянского языка³⁷.

Посмотрим данные из оньковского и нижнеиньвенского диалектов: оньк. нылкат (л. нывкaнт) 'твоя дочь', чачат (л. чачaнт) 'твоя игрушка', нылкас (л. нывкaнс) 'его дочь', чачас (л. чачaнс) 'его игрушка'; аз. няньыт абу? 'у тебя нет хлеба?', вõрыс тыр 'лесу много', но: мамат кытõнõ? 'где твоя мать?', ольõшкaсвõнõ вõви 'у Алешки было', Риткат оз кай? 'Ритка-то не придет?', мычaв Аннаcвõ 'покажи Анне-то'; тим. а вёрмас шондiссaнь 'а может от солнца быть', Нинаcвõн кaртõшкaс 'картошка Нины', шкõвaс пõлнaссис 'школа закрылась', Катят из вок? 'твоя Катя не пришла?', вõрсит дзвõрмõ 'твои волосы седеют', воннт абу 'у тебя нет брата', кынт дõймõ 'рука твоя болит', нõрыс эм 'лес есть' и др.; доег. мый жõ сэт-шõмaс? 'что же это такое?', дзыньян шыс кывõ 'слышен звук колокольца', вок, кaгaс, вок 'иди, дите, иди сюда', семьяc нлжыт 'семья-то большая', Ванюc абу 'Вани-то нет', этa тятятвõн 'это у твоего отца'; акс. краскaс оз тырмы 'краски не хватает', вечõт пõдaсвõ 'отнеси скоту', сымдa бaбaт кocйтiс 'столько твоя бабушка накосила', но: вõрыс кын 'бревна сырые', гортыт ивын 'дом твой далеко'; крох. нятшaс эм 'сорняки (низкая трава) есть', Витaлисвõн иньнс 'жена Виталия', бaбa Лисaтвõн вõныс 'брат твоей бабушки Лизы', няньыт пызaнвaс 'твой хлеб на столе' и др.

В среднеиньвенском, дёминском, верх-хсьвинском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта лично-притяжательный суфф. 3-го лица ед. числа встречается в форме -нс и -с. Ср.: ср.-и. дзүүлõс жалей-тiс 'дзуюлю пожалела', свадьбaс сенокõсcõ вõи 'свадьба состоялась (была) во время сенокоса', кaгaнс дa Мaнянс õтыжлaсь 'ребенок наш и Маня-то одинакового роста', абу нaтьтõ шыõ бõльшес 'наверно, не больше еще', бaлянс вõктiс 'овечка прибежала', õтiкнс тa 'один-то (из них) ты' и т.п.; в.-ю.: 1) шõндiс цетõ ни 'Солнце всходит уже'; 2) Абу вичкyс вõõм 'Церкви, оказывается, не было'; 3) Воввõ-

³⁷ ССКЗД, 460; Верхневич. диал., 76-79.

ны сё туй кузяс 'Приходят все по дороге (шоссе)', но: 1) Этанскот эз вёсэв 'С этой не поладил'; 2) Кычö сымданс тóрас 'Куда столько войдет'; дем. огурчис абу 'огурцов нет'.

Для верхнекамского характерно употребление суфф. 3-го лица ед. числа -нс (-с) и вместо лично-притяжательных суфф. 1-го лица ед. и мн. числа: Мёнам кынс (вм. кыö) пыркамö, мóжжитö кынс 'У меня рука трясется, рука ноет'; Вот и мёнам сьёлöмнс (вм. сьёлöмö) висьö 'Вот и сердце мое болит'; Мёнам кылылас (вм. кылылам) бергалö 'У меня на языке вертится'; Мóрос вылас (вм. вылам) дыр күйли 'Я долго лежала на груди'; Кыдз лóкыштi кинас (вм. кинам) 'Как я стукнулась рукой'; Мый мёнам кóкнс (вм. кóкö) висьö дыр 'Что и болит моя нога так долго'; Чуннеснс (чуннезö) мудзöны 'Пальцы мои устают'; Айезнс (вм. айезным) мйян воннэз 'Наши отцы - братья'; Мйян сё-корыслөн (вм. сёкорнымлөн) сой вóлн 'У нашего свекора сестра была'. Вместо -ным выступает также суфф. 3-го л. мн. числа -ннс. Ср.: Кыкнанныс полímö ехать-то. 'Мы оба боялись ехать-то'. Изредка вместо лично-притяжательного суфф. 1-го л. ед. числа может появиться и суфф. 2-го л. ед. числа -нт. Ср.: Мёнам пийд (вм. пиö) сдас, нет, ме от тóд 'Мой сын сдаст или нет, я не знаю'; Моньтö (вм. моньöс) эзе-эзе баитöны 'О твоей снохе так и так говорят'.

По-видимому, суфф. -нс (-с) вытеснил лично-притяжательные суфф. 1-го лица ед. и мн. числа -ö и -ным; примеры на употребление данных суффиксов нами не зафиксированы. Аналогичное явление - отсутствие притяжательных суффиксов первого лица индивидуального обладателя - имеет место в верхнесельском, среднесельском и лузском говорах коми-зырянского языка³⁸.

Необходимо заметить, что случаи смешения в употреблении суфф. 1- и 3-го, 2- и 1-го, 2- и 3-го лица ед. или мн. числа имеют место в нижнеиньвенском диалекте и в некоторых говорах кудымкарско-иньвенского диалекта. Ср.: аз. кычав мамсö (вм. мамтö) 'зови свою маму', кывсö (вм. кывтö) мыччав 'покажи свой язык', а Риткат (вм. Риткас) мыля нö оз кай? 'а Ритка-то почему же не идет?', но: мамыт кытöнö? эстөн? 'мама твоя где? здесь?'; крох. кысаэтö вайё (вм. кысаэсö) 'крас приносит', меам чайнс (вм. чайö) сё пукаö 'мой чай все еще стоит', гóдэс (вм. гóддэзö) ýнась, вóсемсятэз ни 'лет много, уже восьмой десяток', канет (вм. канес) сёясö 'кошки съедят'; акс. кóктö (вм. кóкóсö) Галька дóйдöм 'ногу свою Галька поранила', сиа мёнам иньысся (вм. иньöся) тómжык 'он моложе моей жены', меам кресьникнс (вм. кресьникö) пóвзём 'мой крестник испугался' (здесь мы видим употребление суфф. 2. лица вместо 3 и суфф. 3 лица вместо 1); ср.-и. гóртö (вм. горсö) абу вóнтöмась

³⁸ Сорвачева. Кр. грамм. справ., 468.

'печку-то не затопили', исёмонька, вётвё мо́ссэвё 'невестка, сходите за коровами-то', празьник поньдильника (вм. поньдильникас) 'в понедельник праздник', пёрисъжыкось по́ учениккет мёнам 'старше, мол, ученики-то мои', а сја кистант кызамис 'а она, киста-то увеличилась'. В верх-иньвенском говоре суфф. 3-го лица ед.числа -нс употребляется вместо суфф. 1-, 2- и 3-го лица: асвам семьянс (вм. семьян) 'моя семья', мёнам кёртотыс (вм. кёртот) 'моя повязка'; не асвам кыз юрыс (вм. юр) 'голова, словно, не своя', тёнат зонныс (вм. зонит) 'твой сын'. Суфф. 2-го лица -нт в свою очередь может употребляться в роли суфф. 3-го лица ед.числа -нс: туйнт (вм. туынс) сет да 'дорога-то там да'. В косогорском говоре имеют место случаи смешения роли лично-притяжательных суфф. -нт и -(н)с, -ным и -ныт: дирёкторынт (вм. директорыс) бур 'директор хороший', пётан да отамодвас (вм. отамодваным) рад 'выидеешь да друг другу рады (мы)', рудзотынт (вм. рудзотыс) мёсься выше 'рожь выше меня', киэнт (вм. киэным) пыктас чисто 'руки (наши) окоченеют даже'. По мнению Б.А.Серебrenникова, возможно, это особый стиль речи. Ср., например, к.-з. А кочыд пышйис. 'А заяц сбежал'³⁹. К.Е.Майтинская считает, что смешение лично-притяжательных суффиксов началось с использования их в указательном значении⁴⁰.

Словообразование

Здесь мы останавливаемся на суффиксальном словообразовании, как на наиболее продуктивном типе. Из имеющихся словообразовательных суффиксов рассматриваются более продуктивные⁴¹ и специфические суффиксы, характерные для того или иного диалекта либо наречия.

В диалектах широко употребляются суффиксы субъективной оценки. К данной группе суффиксов относятся суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением и со значением пренебрежительности, уничижительности⁴².

В большинстве северных диалектов, как и в литературном языке, и южных диалектах, для выражения значения уменьшительности широко употребляется суфф. -ок(-ёк). Вот примеры из некоторых говоров:

³⁹ Из устного сообщения.

⁴⁰ Из устного сообщения..

⁴¹ К.Е. М а й т и н с к а я. Венгерский язык. т. II. М., 1959, стр. 1-39.

⁴² Об употреблении данных суффиксов см.: Ботева. Суфф. субъективной оценки..., 229-235; Баталова. К вопросу о развитии уменьшит., 195-201.

б.-к. деньгао́кыс 'немного денег', гы́го́ксõ 'рученьку-то', синва-о́ккэзыс 'слезки-то' и др.; коч. туруно́ксõ ва́дас 'сенцо намочит', черио́к 'рыбка', пияно́ккэз эмõсь 'детшки есть'; лев. чепо́к 'цепочек', полько́к 'пузырек', пону́лэк 'можевелничек', колесо́ок 'колесико' и др.; пукс. то́л кежас шомо́со́к эм 'на зиму соленые грибы есть'; чур. порсыпияно́ккэс эмõсь 'поросята есть'; гаин. лымó-кыс вóли 'снежок был', омо́кыс мы́дзõ жõ 'ротик-то устает же', зоно́к 'сыншшка', кио́к 'рученька' и др.; ис. челяд́еккет ятõд ваясо́ 'детшки-то ягоды принесут'; мыс. во́рок 'лесок', кõзо́к 'елочка', õшыно́к 'окошечко'; в.-л. кагао́к 'ребеночек', торо́к 'частичка' и др. Реже (сравнительно с другими говорами) встречается суфф. -ок (-эк) в чураковском, исаевском и верх-лупыньском диалектах.

Кроме суфф. -ок (-эк), со значением уменьшительности и ласкательности в северных диалектах встречаются другие к-аовые суфф., такие, как: -ка, -ук (-юк), -ушко (-юшко), -очка (-ечка), а также суфф. -тор с именами существительными и суфф. -ик, -ыник с прилагательными. Суфф. -ук (-юк) отмечен нами в больше-кочинском и гаинском говорах: б.-к. Катю́к 'Катенька', Ваню́к 'Ванечка'; гаин. Васю́к, тэ Тонькало́ оби́дити́н? 'Васенька, ты Тонечку обидел?' Заметим, что данный суффикс чаще всего употребляется в собственных именах.

Чаще, чем в литературном, встречается суфф. -ка. Он имеет место во всех говорах, но все же он мало продуктивен: б.-к. ны́лка 'девочка, девушка', дзю́лка 'голеностопный сустав', зонка́ 'мальчик'; пукс. õни вольвы́лка то́ргуйтõ 'сейчас торгует вольвыльская', и́нька 'женщина, жена'; гаин. Мёнам зонка́ жõ да луттше ны́лкасы 'У меня тоже сын, но лучше девочки'; ис. зонка́кс õддõн ни дик 'мальчик-то очень уж непослушный', и́ньс ро́чка 'жена-то русская'; в.-л. буркато́р 'нечто хорошее, доброе'. Употребление исконного суфф. -ка поддерживается широко встречающимся русским суфф. -ка, ср.: Сашка, Кю́лка, Ко́лька и др.

Уменьшительный суфф. -тор зафиксирован нами в кочевском и верх-лупыньском диалектах: коч. няньто́р эз бось 'ни крошки хлеба не взял', шytóр абу́ 'нет ни звука (тишина)'; в.-л. буркато́р висьтал 'скажи что-то хорошее, приятное' и др. (см. карту 9 на стр. 160).

Весьма редко встречаются суфф. -очка (-ечка) и -ушко (-юшко), -ушко́ (-юшко́), заимствованные из русского языка: гаин. кагочка́, тэ мёнам 'дитятко ты мое'; мыс. õшечка́ 'бычок (кастрированный)'; ис. ны́лушко́ оз и отнал 'доченька и не помогает', миан зятюшко́ным 'наш зятюшка', зонушко́ 'сыночек'. Эти же суффиксы широко употребительны в верхнекамском наречии (см. об этом ниже).

Со значением пренебрежительности встречается суфф. -шõн. Он зафиксирован нами в петуховском говоре, ср.: зонкашõн шогалõ (лит. зонкажу́т шогалõ) 'мальчишка болеет'. Во всех остальных северных

говорах значение пренебрежительного отношения передается описательно, например: гайн. мóртис умóлик 'плохой человек' (лит. морт-жуг). Суфф. -жуг со значением пренебрежительности в северных диалектах отсутствует. Нет его и в оньковском (л-овом) диалекте южного наречия. В нем вместо керкужуг (лит.) 'домишко' говорят: кис-сьом кёрка, умóль кёрка 'избенка, развалившийся дом'; вместо морт-жуг 'человечишко' умóль морт букв. 'плохой человек' и т.д., таким образом, значение суффикса -жуг передается также описательно. В остальных южных диалектах и в литературном языке он является продуктивным и широко употребительным суффиксом.

В верхнекамском наречии широко употребляются суффиксы -очка, -очик, -анка, -онок, -ок, -ка, -ко; менее употребительны -инка (-ынко). Примеры: комнато́чкаф пы́ртис 'завел в комнатку', чышья́н-кай́н 'платочком', челядэ́чикос 'ребеночка', нрощо́чик 'квасок', ис-пото́чка 'рукавичка', выйо́к 'кусочек масла', яё́кис 'мясо', ку́им бригадо́чка 'три бригадки', типо́ночки 'типки (обл.)', пы́лята, па-нё́чик 'ложечка', пы́нко 'сыночек', емо́чик 'игло́чка', вири́нка оз ло 'кровинки не будет', о́лі бы рнто́к 'побыл бы вечерок', челя-дэ́нки 'детушки', Ва́ня Рома́нонок, Ва́ся Фёдо́ронок, зы́рым чышка́нкаэз 'носовые платки'.

Частое употребление заимствованных суффиксов -очка(-ечка), -очик(-ечик), -анка(-янка), -онок, -ко и др. объясняется двуязычной средой: русский язык является основным средством общения, а родной — обиходным языком.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Множественное число

Множественное число прилагательных во всех наречиях образуется с помощью суфф. -ось. Например в верхнекамском наречии: 1) О́тпыр га́рийшті и еджы́тикось да ё́ны́дикось пё́тисо́ 'Раз копнул и беленькие да крупненькие вышли (о картошке)'; 2) Чу́ть ко́дзыдджы́кось да́к, кашля́йта 'Если чуть холоднее, то кашляю'; 3) Ви́дззес шы́льнлось жо́ да 'Луга-то ровные же да'; 4) Э́синнэ́зис и мы́ невесё́лдойо́сь 'Окна и, то невеселые' и т.д. Заметим, что суфф. -ось прилагательные принимают тогда, когда занимают постпозитивную позицию или же употребляются в роли имен существительных (субстантивируются).

Сравнительная степень. Характерным суффиксом формы сравнительной степени прилагательных является -жык. Приведем примеры из разных говоров: б.-к. ыджыджыкыс 'старший-то', кокнижык 'полегче', вылынжык 'выше', ыджылжык (< ыджытжык) 'больше, выше, старше', джуджылжык (< джуджыт + жык) 'выше (ростом)'; коч. гажажык 'веселее, более веселый', буржык 'лучше', ыгыджык (< ыгыт + жык) 'светлее'; н.-к. учоджык 'меньше'; лев. чистоджык 'чище, более чистый', ятнойджык 'яснее, отчетливее', онджаджык 'более таковой'; пуко. басоджык 'красивее', томжык 'моложе', курятджык 'горячее', богатджыкось 'богаче', ыркытджык 'прохладнее' и др.; гаин. оланажыккес 'более состоятельные', порисыжык 'старше'; ис. кыжык 'толще', учотджык 'меньше, моложе', томжык 'моложе'; мыс. кожык 'суше', пемитджык 'темнее', кузьжык 'длиннее' вынажык 'сильнее', ме порисыжык тесся 'я старше тебя'; в.-л. кузьжык 'длиннее', буржык 'лучше', ыджытджык 'старше', тэ томжык мамойсь 'ты моложе моей матери'.

Суфф. -жык (-джык) употребляется не только с прилагательными, но может сочетаться также и с наречиями, с глаголами и послелогоми: б.-к. паськом бердожык 'ближе (больше) к одежде', унажык 'больше', эмжык 'имеется (есть) больше', абужык 'меньше, чем что-то у кого-то или чего-то'; пел. моднэджык (< моднэж + жык) 'несколько иначе, по-другому', одэжык 'раньше', модіжык 'не похожий', етшажык 'меньше', ылынжык 'дальше'; н.-к. гажаджык 'веселее', скореджык 'скорее, быстрее'; лев. чоужык 'быстрее', сыланьжык 'ближе к той стороне', трудножык 'труднее', ылынджык 'дальше', позьоджык 'более доступно' и другие; пуко. туйоджык 'больше возможностей', зэр одзас сёоджык 'перед дождем больше едят (клопы)', отонжык 'пошире', дыржык 'дольше', ылоджык 'дальше' и др.; чур. матоджык 'поближе', таланьоджык 'поближе, сюда', одльонжык 'сильнее, крепче'; гаин. одэжык 'раньше', чоужык 'быстрее', унажык 'больше'; ис. матіжык 'поближе (пройти, например)', озжык 'он(а) меньше', одэжык 'раньше'; мыс. одэжыкат кодэлісё рудзёт 'раньше-то сеяли рожь', озоужык 'они не так (меньше)', огжык 'я не (меньше...)', тэ энжык тод 'ты меньше знал', абужык 'меньше обычного', эмжык 'больше, чем где-то что-то'; в.-л. унжык и унаджык 'больше', скоржык (< скоре + жык) 'скорее, быстрее' и др.

Следовательно, форма сравнительной степени наречий (и нечто подобное у послелогов и глаголов) образуется путем наращивания на них суфф. сравнительной степени прилагательных -жык. В приведенных примерах отсутствует словообразовательный суфф. наречий -а, который часто встречается в южных диалектах и в литературном языке, ср.: буржыка 'лучше', кузьжыка 'длиннее' и т.п.

Из приведенных примеров видно, что у суфф. сравнительной степени -жык имеется вариант -джык. Последний в некоторых говорах встречается чаще (в левичанском, пуксибском и чураковском), в других — реже (большекочинском, кочевском, пельмском, кксеевском и верх-лупьинском), в третьих — вообще не встречается; в гайнском, исеевском и мысовском последовательно употребляется -жык.

В большекочинском, кочевском, пельмском и кксеевском говорах, расположенных на территории Кочевского р-на, вариант -джык встречается главным образом лишь тогда, когда основа прилагательного оканчивается на -т. Ср.: б.-к. югыджык < югыт + жык; ылжыджык < ылжыт + жык; коч. югыджык < югыт + жык; ккс. ылжыджык < ылжыт + жык и т.д.

В верхнекамском наречии, как и в других диалектах, суфф. сравнительной степени является -жык (-джык): томыжк мыжыксяс 'моложе своего мужа', мыжыкыс пöрисъжык 'муж ее старше', оабаис томыжк 'жена-то моложе', модöрыс мичажык 'вторая сторона красивее' и т.д., но ср.: чуть кöлзылджыкöсь 'чуть холоднее', этая шонылджык 'теплее этого', джулджылджык кöкыс 'нога моя выше' и др. Вариант -джык суфф. -жык — результат аффрикатизации конечных звуков основ -т и -д начального звука суфф. -жык (см. об этом же на стр. 60).

В коми-пермяцких диалектах имеются особые конструкции для выражения меньшей или большей степени качества и действия, присущего тому или иному предмету. Это значение передается с помощью отрицания абу 'нет', оформленного суфф. -джык: пукс. абуджык (и абужык) ягöдыс 'меньше ягод (чем где-то или было когда-то)'; мыс. абужык лөк 'менее злой', огжык гöгöрво 'я меньше понимаю', озжык гöд 'меньше знает'; б.-к. турүннэс абужык 'травы меньше (в этом году, например, по сравнению с прошлым годом)', няннэс эмжык 'хлеба хорошие (лучше)' и т.п. (см. также примеры на стр. 218). Степень качества у прилагательных и наречий выражается также и суфф. -кодъ и -öl (ю. -öв), например, в кочевском: унаöl жö сөтисö 'многовато же дали', кузькодъ 'длинноватый, довольно длинный', векнитöl лоас 'узковат будет', пымöl 'слишком горячий'; ис. яройкодъ ли мый ли 'сильноват, не жалеющий силы', чöчкöмкодъöсь 'беловатые'; пукс. сөрöнöl 'поздновато', учötöl 'маловат'.

В сравнительных оборотах имя, выражающее предмет, с которым что-либо сравнивается, стоит в исходном падеже, ср.: в.-л. тэ томыжк мамöйс 'ты моложе моей матери'; мыс. вынажык кöйинис 'сильнее волка'.

Аналогичные формы свойственны и коми-зырянскому языку с той лишь разницей, что в нем прилагательное имеет форму положительной степени. Например: 1) Удал зонмыс ошкыс ён (В.Ю.) 'Удалой парень

сильнее медведя'; 2) Тайб лунб Алешансь шуда некод эз вбв (С.П.) 'В этот день счастливее Алеши никого не было'⁴³.

Превосходная степень. Превосходная степень прилагательных, а также и наречий в большинстве диалектов коми-пермяцкого языка образуется с помощью приставки мед-: мѣдбур 'самый лучший, хороший', мѣдсьбѣкт 'самый тяжелый, самый трудный', мѣдматн 'ближе всех' и т.д. Приставка мед- является очень продуктивной в южном наречии и в литературном языке⁴⁴. В северном же наречии мед- чаще всего встречается как частица со значением 'пусть' (ср. южн. и к.-п. лит. ась 'пусть'). Ср.: б.-к. мед кѣть олѣны (и. ась олѣны) 'пусть живут'; лев. мед эз пѣрьялы (и. ась оз бѣ-бѣтчывлн) 'пусть не обманывает'; мыс. мед пѣрас (и. ась пѣрас) 'пусть зайдет', мед лѣктас (и. ась лѣктас) 'пусть придет' и др. Частица мед в роли приставки встречается лишь изредка в левичанском и гаинском говорах (напр.: лев. мѣдпѣрысь 'самый старший, самый старший'; гаин. мѣдучѣт вѣли 'самым маленьким был'⁴⁵), так как в северных диалектах значение превосходной степени передается описательно, например: коч. сек (из русск. всех) бѣсѣк (ср. к.-и. мѣдбѣсѣк) 'самый красивый'; мыс. ѣна мѣча (к.-и. мѣдмѣча) 'самый красивый (-ая, -ое)', ѣна бур (к.-и. мѣдбур) 'самый хороший, лучший', ѣна ѣлын 'дальше всех'; в.-л. ѣянин бур (к.-и. мѣдбур) 'лучше всех', ѣна ѣджит (к.-и. мѣдѣджит) 'больше всех' и др.

Словообразование

Прилагательные образуются от существительных, числительных, местоимений, глаголов и наречий.

От имен существительных прилагательные образуются при помощи суфф. -а(-я, -овѣй (-ѣвѣй, -ѣй, -ѣой, -вѣй), -тѣм, -ись, -ся, -ѣсь, -са. Все эти суффиксы употребляются довольно часто, но наиболее часто встречаются из них суфф. -а(-я), -овѣй. Например: пѣжума 'лес, где имеются сосны', туруна 'травянистый', кѣтѣм 'безрукий', мѣтѣсь 'близкий', ѣлѣсь 'дальний', кѣртѣвѣй 'железный', ѣрся 'осенний', нѣтѣсь 'грязный', тѣдса 'знакомый' и др.⁴⁶

Суфф. -ѣвѣй, имеющий различные фонетические варианты в некоторых говорах (карта 10), заимствован из русского языка. Он широко

⁴³ Совр.к.яз., 168-169.

⁴⁴ Коми-перм., 216-217.

⁴⁵ В других северных говорах приставка мед- нами не зафиксирована.

⁴⁶ Подробнее см. об этом в кн. Коми-перм., 219-224.

ных, обозначающих вещество или материал, и указывают на признак по веществу или материалу, из которого сделан определенный предмет, например: пизёвöй 'мучной', нянёвöй 'хлебный', кндзöвöй 'березовый' и др. По-видимому, на более ранних этапах развития коми-пермяцких диалектов в этом значении употреблялся суфф. -ись, который употребляется и в настоящее время наряду с суфф. -овöй (-ёвöй), ср.: пувöй и пуись 'деревянный', яёвöй и ййись 'мясной' и т.п. Однако использование суфф. -ись постепенно суживается. По своему значению оба суффикса идентичны.

Приведем примеры из говоров на употребление суфф. -овöй (-ёвöй): б.-к. этöвöй 'из этого самого', дөрöвöй 'из холста', чилькөтöмöвöй 'надоевший'; коч. арöвöлöй 'осенний'; лев. гжөтöвöй 'бумажный', сойöлөн нылкаёвöй ныл 'старая дева - дочь сестры'; пуко. öсьяёвöйес 'яровые', плакаёвöй 'из плахи', пувöй 'деревянный', баракöвöй 'из барака', вильöвöй 'новый', шөгдівöй 'пшеничный', дöравöй 'из холста', но: берёзаёвöй 'березовый' (в этом диалекте три варианта суфф. -овöй (-ёвöй): -овöй, -ёвöй, -вöй - последний встречается после гласной основы); гаин. öкәлөвөй 'в бокалы', рудзöгöвöйисö 'ржаного-то', пувöй телега 'деревянная телега'; ис. ме домöвöй жö вöлi 'я была домовою (т.е. приводила мужа в дом)', дöрсёвöй 'свиное (мясо)', мöсöвöй 'коровье', рудöвöй 'серый', турунöвöй 'травяной, из травы'; мис. пувöй 'деревянный', муöрöй 'земляной', нянёвöй 'хлебный', прöсаявöй каша 'каша из проса'; в.-л. пуэвай 'деревянный', кöртэвай 'железный', нянэвай 'хлебный' и др.

Следовательно, почти во всех северных говорах данный суфф. встречается в форме -öвöй. Исключение составляют пуксибский и верх-лупинский: в первом - наряду с -ёвöй встречаются его фонетические варианты -овöй (как и в южных диалектах и в литературном языке) и -вöй, если основа слова оканчивается на гласную (примеры см. выше); во втором - вместо -ёвöй употребляется -эвэй (-эвэй), ср. верхнекамские примеры: öдльöн рамовöй вöлi 'очень смиренный был', мйивöй сiа? 'из чего это?', синövöй бров 'глазные брови', помазёйолöй 'фланалевый', көчөвөйес 'заячьи', маövöй 'медовый'.

Вариантность этого суффикса в южных диалектах зависит от позиций звука в в том или ином говоре: ср. доег. -öй - нянёöй 'хлебный', дöраöй 'холщевый', турунöй 'из травы' и др.; в крохалевском -оöй, -вöй: көдзосооöй 'семенной', рудзöгöоöйис 'ржаного-то', шөгдівöйис 'пшеничный' и др. (Вариант -вöй употребляется с именами на гласную основу, а -оöй - с именами на согласную основу); в фёдоровском -овöй с вариантами -оöй, -оöй: мöртöвöй бөлэз 'колдовство', готöоöйсö тöлькö 'готовое только'; в среднеинь-

венском — о́йи, о́ой: кóзо́йи, кóзо́ой (л. кóзoвóйи) 'еловый', я́йóйи, я́йóой (л. я́йoвóйи) 'мясной', пýо́йи, пýо́ой (л. пýoвóйи) 'деревянный', сeрайсё́йи, сeрайсё́ой (л. сeрайсё́вóйи) 'смеющийся' и др.; в верхиньвенском — о́йи, изредка — о́вóйи: рeзiнóойи сапогeсё́ ва́исё́ 'резиновые сапоги привезли', кóзaóойи 'козлиный', здорó́йи 'здоровый', кiрзóойи сапогжуггез 'кирзовые сапожища', рóзoвóйи 'розовый' и т.д.; в дёминском, косогорском, отевском — о́ой: рудзё́го́ойи 'ржаной', ня́нбо́ойи 'хлебный', картoшкóойи 'картофельный', бытtáссóйи 'приёмш', зб́роо́йи крупa 'овсяная крупа', пýо́ойи я́шник 'деревянный ящик' и др.; в вагановском — фонетические варианты о́ойи, вóйи: эм жó пó учаскó́йи тракторресды́и 'есть же, говорят, участковый у тракторов', матéрё́йи́ 'из материала', здорó́йи́свóн 'у здорового', готó́йи́сё́ 'готовое-то', йи́ вó́йи морт 'ледяной человек' и др.; в егоровском, лопанском и мелехинском относительные прилагательные имеют суффикс о́вóйи, как и в литературном языке: ср. мелех. здорóвóйи вóйи, туру́новóйи 'из травы, травяной' и др.; егор. ме ы́вiсьовóйи 'я дальний', сиa мýйовóйи? 'это из чего?'; лоп. эта вéжóm, а эта мóртoвóйи 'этот из чертей, а этот человек (человечий)', пéрво тéзaовóйи́с... 'сначала у тезки...'

В южных говорах с помощью суфф. -ойй/-овой образуется большое количество относительных прилагательных от причастий на -ись. Приведем примеры из доеговского говора нижеиньвенского диалекта: улкайсёй 'работающий', байтисёй 'говорливый, разговорчивый', виччисёй 'любящий поругаться', воктисёй 'прибывший', шумитисёй 'шумный', вебччисёй 'обучающийся', сейисёй 'любящий поесть', стряпайтисёй 'любящий постряпать' и т.д. Таким же путем образуются относительные прилагательные от притяжательных местоимений ми(й)ан, ти(й)ан: миянисёй 'наш, нашенький', тиянисёй 'ваш, вашенький'; ср.-и. тияноойсис сётисё 'из ваших (материала, денег) дали', мияноойсис вүрисё 'из нашего спили', мийоой? 'из чего?', кытшомоой 'какой?', этаоой кодь 'как этот же'.

В диалектах встречаются относительные прилагательные с суфф. -ско́й: юне́вско́й 'июньский', ю́левско́й 'июльский'. Эти прилагательные образованы по типу: до́еговско́й < Доег и якуне́вско́й < Якунь и др.

Наряду с прилагательными: тóвся 'зимний', гóртся 'домашний', áрся 'осенний' — употребляются январся 'январский', ма́йся 'майский' и т.д.

В верхнекамском наречии широко употребителен суфф. -гъм: тър-гъм налила 'многовато налила', раногъм жъ унесла 'рановато же унесла', только дженнѣтгъм (ср. лит. дженнѣтѡв) 'только коротковата', дѣргъм вѣтлѡ 'долго уже ходит', дѹбгъм (лит. дѹбоколь) 'соли маловато' и др. Суфф. -гъм имеет значение неполноты качества и

соответствует по своему значению коми-пермяцкому суффиксу. -ӧв(-ӧл), -кодъ и русскому суффиксу. -оват(-еват).

Как видно из примеров, суффикс. -гӧм употребляется не только с прилагательными, но и с наречиями. С тем же значением — неполноты качества — суффикс. -гӧм употребляется в верхнесысольском, вымском и лузско-летском говорах коми-зырянского языка. Ср.: вс. ульгӧм 'сыроватый', дубыдгӧм 'недостаточно соленый'; вым. дженгӧм 'коротковатый'; лет. дӧзгӧм 'синеватый',⁴⁸

В удмуртском суффикс. -гем (ср. в.-к. -гӧм) известен почти во всех диалектах и в литературном языке (он в нем выступает как суффикс сравнительной степени), ср.: кузьгем 'длиннее, более длинный', чебергем 'красивее, более красивый' и др.⁴⁹ Венгерский ученый Д. Фокош-Фукс считает -gem (-gem) общепермским суффиксом сравнительной степени⁵⁰.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В современном коми-пермяцком языке счет ведется с помощью числительных, заимствованных из русского языка; на родном языке считают обычно только до пяти: ӧтік 'один', кык 'два', куим 'три', нӧль 'четыре', вит 'пять', а далее счет продолжается как и в русском языке: шесь, сем, восем, деветь, десеть и т.д. Однако и до пяти наряду с коми-пермяцкими числительными употребляются также русские числительные: один, два, три, четыре, пять. Очевидно, со временем и эти числительные до пяти уступят свое место заимствованным из русского языка. Нужно отметить, что в диалектах изредка встречаются и некоторые другие исконные числительные, кроме 1 — 5.

В литературном принято счет вести на родном языке до десяти: ӧтік, кык, куим, нӧль, вит, кватъ, сизым, кыкъямыс, ӧкмыс, дас.

Приведем примеры из северных диалектов: б.-к. кыкнаннитӧ 'обоих вас', мӧдӧс тай нӧджасьӧ 'второй-то вон разглядывает'; коч. март вылас лӧас три годъ 'в марте будет три года', тринадцатӧй морт вылӧ мунис 'в семье мужа тринадцатой стала (она)', кык воӧлӧн зӧн-нӧс 'сыновья двух братьев', шӧся мӧсӧзӧнӧс 'коров у них шесть (голов)', куимӧдз лӧдорӧ 'в третью сторону', нӧльӧдз 'четвертый', куимӧ ну 'трех отнеси', ӧтік неделъ 'одна неделя', пятьсот пӧ кӧссӧны 'говорят, обещают пятьсот'; лев. сто разӧл ни 'уже сто

⁴⁸ ССКЗД, 476.

⁴⁹ Тепляшина. О суффикс. сравнит. степ., 136-145.

⁵⁰ D. R. F o k o s — F u c h s. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen. — FUF, BD. 30, H. 1-2, стр. 147-230.

раз', шесѣдсѣят, сѣмдсѣят, недѣли трийз куйлис 'недели три он пролежал', куим буханка 'три буханки', семнацетсѣис пѣтисѣ витѣн 'из семнадцати вышли пятеро', витѣт патѣранн ѡлѣ 'на пятой квартире живет' и др.; н.-к. вѣлисѣ хозѣйсвоѣ сѣмдсѣят 'было хозяйств семьдесят'; чур. талун четѣртѣй денѣ ни 'сегодня уже четвертый день', ѡтчиѣ пѣртлѣмѣсѣ 'раз заносили', пѣтнацѣт минѣтѣн видзлис 'по пятнадцать минут он держал', черѣз шѣсѣ мѣсяцѣв лѣчшѣ мол лѣас 'через шесть месяцев лучше, мол, будет'; пукс. ѡтик сой 'одна сестра', дѣвѣтѣ собѣищчѣннѣ 'в девять собираются', лѣт дѣсѣтѣ ни прокод ѣрѣ висѣѣ 'уже лет десять голова постоянно болит'; гаин. ѡтик 'один', мѣдик 'второй', вѣта 'пятеро', шѣсѣ 'шестеро', чѣлѣдѣ нѣлѣѣсѣ 'детей четверо', кѣкнѣннѣсѣ 'оба', до трѣх мѣжно нѣтшкѣсѣннѣ 'до трех можно косить', сто штѣк крѣликкѣннѣсѣ 'у них сто штук кроликов'; ис. золѣвкаѣз кѣк 'две золовки', куим морт искалѣчил 'троих искалечил', дѣва гѣды тѣрас 'два исполнится', куим сой 'три сестры'; мѣс. ѡтѣ и ѡтик 'один', кѣватѣ 'шесть', сѣзѣим 'семь', кѣкѣямѣсѣ 'восемь', ѡкѣмѣсѣ 'девять', дѣсѣ 'десять', куимѣт 'третий', витѣт и витѣлдѣз 'пятый', кѣватѣѣлдѣз 'шестой', чѣтѣрѣ копѣйкѣнѣ 'по четыре копейки', дѣсѣтѣ бухѣнок бѣсѣтам 'десять буханок купим'; в.-л. ѡтик и ѡтик 'один', куимѣтѣсѣ 'третий-то', куимѣсѣ гѣльѣяли нѣн 'уже три раза я выполоскал', трѣ гѣда пѣкта сѣим 'три года пихту мы ели', дѣвѣцѣтѣн вѣунѣѣ 'по двадцать жнет', мѣ мѣдѣсѣ ни дѣсѣтѣ вѣунѣдѣ 'я больше десяти не жну', тѣсѣча 'тысяча' и др.

Займствуются как количественные числительные, так и порядковые, например, ѡдин – пѣрѣвѣѣй, дѣва – вѣторѣѣй, пѣтѣ (пѣтѣ) – пѣтѣѣй, шѣсѣ – шѣстѣѣй, дѣсѣтѣ – дѣсѣтѣѣй и т.д. Если же до пяти (а в некоторых случаях до десяти) встречаются коми-пермяцкие порядковые числительные, то свыше десяти употребляются только заимствованные из русского языка, окончания которых -ий, -ѣй, -ѣй перешли в -ѣй, например: шѣснацѣтѣѣй, трѣтѣтѣѣй, сто сѣрокѣѣй и т.д. Заимствованные числительные ведут себя в предложении как исконные коми-пермяцкие числительные. Падежные окончания присоединяются к форме им. падежа ед. числа заимствованных числительных. Например: пѣрѣвѣѣй-лисѣ 'у первого', дѣва-ѣн 'по два', пѣтѣ-ас 'в пяти', вѣсѣмѣѣлдѣз 'до восьми', чѣтѣрѣ-исѣ 'от четырех, четырежды, в четыре раза' и др.

Заимствованные числительные принимают суфф. мн. числа -ѣз, а именно: дѣсѣтѣѣй-ѣз > дѣсѣтѣѣйѣз 'десятые', пѣтѣ-ѣз > пѣтѣѣз 'пятерки', сто-ѣз > стѣѣз 'сотни' и т.д.

Для выражения определенного количества в коми-пермяцком языке могут употребляться и после существительного, стоящего в им. падеже мн. числа: пѣаннѣсѣ вѣта 'детей пятеро', ѣшѣннѣсѣ нѣлѣя 'четыре окна', нѣлѣлѣсѣ шѣсѣ 'шесть дочерей', рѣбѣбѣсѣ сто 'сто рублей' и т.д.

Подобные сочетания в русском языке выражают неопределенное количество предметов. Когда же в коми-пермяцком языке числительные стоят после существительного, имеющего форму им.падежа ед.числа, они показывают неопределенное количество предметов, ср.: морт вит 'человек пять, т.е. около пяти', ёшын нёль 'окна четыре', косинка кнк 'платка два' и т.д. В подобные сочетания могут входить только исконные числительные.

В диалектах (как северных, так и в южных) широко употребительны заимствованные русские конструкции числительного и существительного в форме род.падежа ед. или мн.числа, типа: сорок ведер, сем домов, пять окон, десять снопов и т.д. Например: чур. Крути-кас пё пять домол 'В Крутике, говорят, пять домов'; ис. два годн тйрас 'два года исполнится'; мнс. десять буханок 'десять буханок', шесть возол 'шесть возов' и т.д. Встречается немало таких конструкций, в которых существительное может стоять и в других падежах. Под их влиянием в коми-пермяцком языке появились конструкции, состоящие из заимствованного числительного плюс существительное с русским окончанием род.падежа мн.числа -ов(-ол), например: мнс. миан вёлі десять кольтаол 'у нас было десять снопов'; ис. видзілім пять мёсол 'держали мы пять коров', сёлён сем жёникол да 'у нее семь женихов да' и т.д. Подобные конструкции особенно часто встречаются в южных диалектах. Для сравнения приведем примеры из оньковского диалекта: Тёркааныс пять ёшынёл 'В их доме пять окон'; Висьта четырнацет мёсол 'Дою четырнадцать коров' и др.

Интересно отметить, что в указанных конструкциях существительные принимают коми-пермяцкие падежные окончания после русского окончания род.падежа мн.числа независимо от того, в каком падежном оформлении оно выступает в соответствующей русской конструкции, ср. в.-к. тодун петь домолын вёлі 'сегодня я в пяти домах была', уна я сем ведёрын картошка 'много ли в семи ведрах картошки', шесть мешколтё кыччё воштан? 'шесть мешков-то куда денешь?' и т.п. Рассмотренный материал показывает, что в диалектах заимствуются не только отдельные слова, но и целые конструкции.

Значение собирательности заимствованным числительным придает суфф. -ён без указания на определенное лицо: гаин. вётлім пятьён 'сходили мы пятеро', сётім шестьён 'сдали мы все шестеро', восьмён лёткісё 'восемь прибыли они' и др. На определенное лицо при этом указывает глагол, стоящий перед числительным или после него, например: ис. олім одинацетён 'жили мы одиннадцать (человек)'; б.-к. пётіт семён 'вышли вы семеро' и др. Заимствованные числительные от 6-10 могут принимать суфф. -нан, имеющий также собирательное значение, но (в отличие от суфф. -ён) почти всегда сочетающийся с лично-притяжательными окончаниями -ё, -нт, -ис и -ним,

-ныт, -ныс, например: семнанным гижам 'мы все семеро пишем', шеснанныт уджалат 'вы все шестеро работаете', деветнанныс получатисо 'все девять они получили' и т.д.

Сложные и составные числительные обычно не принимают суфф. -нан. Вместо суффиксального способа в таких случаях употребляется аналитическая конструкция, состоящая из обобщенно-определятельного местоимения быдос обязательно с лично-притяжательными суфф. -ным, -ныт, -ныс плюс числительное: быдонным двенацетыс 'все мы двенадцать', быдонныт двенацетыс 'все вы двенадцать', быдонныс двенацетыс 'все они двенадцать', быдонныс сто дванс 'все они сто два' и т.д.

Как показывает изложенный выше материал, заимствованные числительные постепенно вытесняют исконные, коми-пермяцкие⁵¹.

Особое место занимают счетно-личные местоимения: отнам 'я один', отнат 'ты один', отнас 'он один', отнаным 'мы одни', отнанит 'вы одни', отнанис 'они одни'. В мысовском диалекте наряду с отнаным встречается и отнасым 'мы одни'.

МЕСТОИМЕНИЯ

В диалектах употребляются в основном те же местоимения, что и в литературном языке. Большинство имеющихся отклонений носят фонетический характер. Например, личное местоимение sia (< sia) 'он' в некоторых говорах наряду с полной формой имеет сокращенную форму (вариант): коч. са оз тод 'он не знает', sia гижис 'он записал'; лев. са вóли 'он был', са уджалис 'он работал'; ис. са мыля лóктас 'он зачем придет'; в.-л. мед са уджалис 'пусть он работал', са пётас 'он выйдет'; аз. са абу гортын 'его нет дома'; тук. кытón са 'где он'; доег. вокто са бдльон и бура 'приходит она очень аккуратно'; акс. адззан са кытшом бур 'видишь, как он хорош'; фэд. са не асвис баито 'он бредит'; лоп. са больничанн 'он в больнице'; мелех. са гортас ни 'он уже дома'; хайд. мыля са оз роднич-чó 'а почему не роднятся' и др.

Сокращенная форма личного местоимения 3-го л. ед. числа са < sia встречается в кочевском, левичанском, чураковском, исаевском, верх-лупьинском говорах северного наречия и в фёдоровском, лопанском, мелехинском, хайдукском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта и в говорах нижеиньвенского диалекта. Употребляется она также в нердвинском и оньковском диалектах.

⁵¹ А.С. Гантман - Кривошекова. К проблеме языковых контактов. - ВДУЯ, вып. V, 1970, стр. 78-85.

Личное местоимение 3-го л.мн.числа ниа 'они' имеет краткую форму на или ня в говорах нижеиньвенского диалекта, в оньковском и нердвинском диалектах и в лопанском и хайдукском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта, например: доег. На совсём оз оё. 'Они совсем (здесь) не живут'. Ня горёны. 'Они пахут'; оньк. На локтисё. 'Они приехали'; нерд. Кыкён на мунёны. 'Вдвоем они идут'; лоп. Сэччин на байтёны. 'Там они говорят'; хайд. Кор на воктёмась, ме эг вёв. 'Когда они приехали, меня не было'.

В кочевском диалекте изредка встречается вариант но от местоимения ниё (ниё), например: Бидти айтёг но. 'Вырастила я их без отца'.

В левичанском и исаевском говорах северного наречия в дательном падеже встречается краткая форма мем 'мне', ср.: лев. мем ётикыс надоёл 'мне один-то надоел'; ис. мем сёссия эн чёлт 'мне больше не наливай', но: мёным кыкё сётисё 'мне два дали'⁵². В верхнекамском наречии личные местоимения 1- и 2-го л. ед.числа в дательном падеже употребляются параллельно в двух вариантах – в полной и краткой форме: в.-к. мёным и мем 'мне', тэныд и тэд 'тебе', например: Мёным сылсис 'Мне он пел'. Мем нем оз кол 'Мне ничего не нужно'. Тэныд вая 'Тебе принесу'. Тэд оз кол лёдзчыны 'Тебе не нужно спускаться'. Тэд да мем мый колё 'Тебе да мне что нужно'. Гижны тэд колё 'Писать тебе нужно'. Мем уж горто де колё 'Мне уж домой, говорит, пора'. Подобные формы функционируют во многих диалектах коми-зырянского языка⁵³.

Личные местоимения сиа, ниа, мийё, тийё, мийан, тийан и т.п. в диалектах произносятся (употребляются) без й, между гласными, как правило, он выпадает: сиа, ниа, миё, тиё, миан, тиан и т.д.

В кочевском, нижнекосинском, левичанском, чураковском и пуксибском кустах личные местоимения 1- и 2-го л. мн.числа в им.падеже имеют форму ми, ти (ср.: лит. мийё 'мы', тийё 'вы'). В остальных северных говорах – большекочинском, гаинском, исаевском, мысовском, верх-лупьинском, пельмском и юксеевском данные местоимения употребляются в своем полном и кратком вариантах: ми, миё; ти, тиё, причем, в большинстве из них полные формы встречаются гораздо чаще, чем краткие ми, ти: в.-л. эге миэ 'мы нет', миё пёдорёвёдз мўнам 'мы до Фёдорово пойдем', тиё вёлины 'вы были' и др.; пел. миё вёллэ юским 'мы лошадей распрягли', миё нуждасё мый адззим 'нужду мы большую видели'; юкс. миё старикёт четыре рубля сётамё 'мы со стариком четыре рубля платим' и др.

⁵² Ср.: К.Е. М а й т и н с к а я. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964, стр.51.

⁵³ ССКЗД, 469–470.

В юкеевском, чазевском, пуксибском, чураковском, нижнекосинском, исаевском и верх-лупьинском нередко встречаются случаи употребления личного местоимения 1-го л. ед. числа ме вм. ми (мио), например: юкс. нѣль кѣлья ме вѣлим 'мы были четыре снохи'; чаз. ме сѣим 'мы кушали'; н.-к. ме тай доктим жо самолѣтѣн 'мы тоже на самолете прибыли', но: ми чугунысла кайим 'мы съездили за чугуном'; пукс. ме эг сѣтѣ 'мы не дали'; чур. унна ме байтам неправельной 'многое мы говорим неправильно', ме ѳтамѣднимѣс ог адзѣ 'мы ненавидим друг друга'; ис. та цѣтатѣ (здесь личное местоимение 2-го л. ед. числа вместо тиѣ 'вы') 'вы выйдете'; в.-л. ме эг вошталѣ 'мы не потеряли', та ланне ѳнттисит 'вот хорошо, что вы воспитали детей'; сѣа сьнимаичисѣ 'они сфотографировались', сѣа ѳтнанис паннялѣнн 'они одни хлебают' и др. В верх-лупьинском диалекте и местоимения 2- и 3-го лица ед. числа выступают вместо соответствующих местоимений мн. числа (примеры см. выше).

Аналогичные явления имеют место в некоторых говорах южного наречия и особенно в говорах верхнекамского наречия, ср.: тук. Вопата ме шуам 'Мы называем лопатой', Ме тѣдим 'Мы знали'; тим. Ме вѣвимѣ 'Мы съездили', Часто ме вѣвам 'Мы часто приходим' (ср. Ме муні 'Я ушел', Ме кѣнчыва ни сенокѣс 'Я уже завершила сенокос'); акс. Ме пѣ мунамѣ татисѣ 'Мы, мол, уедем отсюда'; крох. Ѵгѣ и бѣсѣтѣ ме онисѣ 'Мы у него и не возьмем' (ср. Ми сабаннѣзѣн гѣрим 'Мы сабанами пахали'); фед. Ме уж шѣгавѣдз турѣннаным вѣим 'Мы до болезненного состояния с заготовкой сена (для себя) дошли' (ср. Миѣ рѣдом ѳам дзик 'Мы совсем рядом живем'; хайд. Ме вѣимѣ 'Мы были'; нерд. Ме ѳтнам тѣлько вѣлим Бурдоввес 'Мы одни только были Бурдовы'; в.-к. Ме сѣчанѣ днр ѳлим 'Мы там долго жили', Ме старѣхаѣс гѣжѣччам 'Мы, старухи, веселимся'.

В доеговском говоре нижеиньвенского диалекта и в оньковском все личные местоимения ед. числа ме 'я', тѣ 'ты', са 'он' часто употребляются вместо местоимений мн. числа миѣ 'мы', тиѣ 'вы', на (нѣа) 'они', например: доег. Ме вѣѣртѣмѣ 'Мы понимаем', Тѣ вѣктѣтѣ рѣтнѣс ѳѣр 'Вы (букв. ты) приедете вечером обратно'; оньк. Ме из-за сек инѣтерѣснейѣ байтам 'Мы интереснее всех говорим', Тѣ мунатѣ ни? 'Вы уже уходите?', Са лѣжн ни муниѣсѣ 'Они давно уже уехали'.

Личные местоимения в диалектах в основном склоняются так же, как и в литературном языке. Личные местоимения ме 'я', тѣ 'ты' в родительном, притяжательном, дательном и винительном п. имеют полную основу мен- и тѣн- в отличие от других падежей, где выступают краткие основы ме-, тѣ-, например:

1. Им.п.	ме 'я'	тѣ 'ты'
2. Род.п.	мен-ам, ме-(й)-ам 'мой'	тѣн-ат, тѣ-(й)-ат 'твой'

3. Прит.п.	мен-чим 'у меня'	тэн-чит 'у тебя'
4. Дат.п.	мен-ым, ме-(й)-ым 'мне'	тэн-ыт, тэ-(й)-ыт 'тебе'
5. Вин.п.	мен-џ 'меня'	тэн-џ 'тебя'

Однако в отличие от литературного языка в родительном падеже в кочевском, левичанском, чураковском, нижнекосинском, исаевском и мысовском говорах нередко употребляются формы 1- и 2-го л. ме-(й)-ам 'мой', тэ-(й)-ат 'твой' наряду с меням и тэнат, т.е. имеют краткую и полную основы ме- и мен-, тэ- и тэн-. Йот (й), как вставочный звук появляется между гласными для устранения зияния, но в большинстве случаев он не произносится, так как интервокальная позиция для й в коми-пермяцких диалектах является слабой, и он переходит в нуль звука, т.е. выпадает (см. стр. 48). Ср. по говорам: коч. сіа мёам 'это мое'; лев. мё(й)ам зонџ 'мой сын'; н.-к. тэ(й)ыт сёті 'я тебе отдал', но: меням џті 'у меня один', ніа тэ-натџсь 'они твои'; чур. ме(й)ам 'мой', но: тэнат 'твой'; ис. эніа ме(й)ам 'эти мои', но: меням тэ 'ты мой', мёным кор 'проси для меня', эта менам 'это мое'; мыс. мёным и мё(й)ым 'мне', меням 'мой', тэнат 'твой'.

Подобное явление имеет место также в коми-язьвинском наречии и в южных диалектах. Ср.:

	к.-я.		мыс.	
Ед.ч. род.п.	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.
	меням	тэнат	меням	тэнат
	мейам	тэйат	ме(й)ам	тэ(й)ат

Ср. к.-я. Кык кенак на мёям. 'Две снохи они у меня',⁵⁴.

В отличие от других соседних диалектов и литературного языка в чазевском, пуксибском, исаевском и верх-лупьинском говорах встречаются случаи, когда личные местоимения 3-го л. ед. и мн. числа сіа(сіа) и ніа(ніа) в некоторых падежах имеют несколько иную или же полную основу. Ср.: ис. сіа-лісь и он-лісь 'у него'; в.-л. татісьџсь ніа 'они здешние, местные', но: нія 'они', ніязлџн 'у них' по аналогии с ны-лџн 'их', міся сіалџн 'говорю, у него', но: Сылџ донимайтіс іньыс 'Ему помешала жена'. В чазевском и верх-лупьинском зафиксирована необычная для коми-пермяцких диалектов основа личного местоимения 3-го л. ед. и мн. числа ніа (и: ны-лџн) - на- (ср. в литературном): чаз. Да на-лџн (лит. нылџн) эная быдсџн 'Да, все это у них (им принадлежит)', Значит най-џ лэдзасџ кана-

⁵⁴ Примеры по коми-язьвинскому наречию коми-пермяцкого языка взяты из кн.: Лытк. Коми-язьв., 61.

ваас 'Значит, их свалят в канаву'; в.-л. Налы (л.т. нылѡ) сѣтны 'Им отдать'.

Формы найѡ, налѡн, характерные для коми-зырянского литературного языка, употребляются в сыктывкарском, верхневьчегодском, нижневьчегодском, среднесольском, печорском, вымском и удорском (в Плотове) диалектах⁵⁵.

В верхнекамском наречии личное местоимение 3-го л.мн.числа ня (ня) в косвенных падежах сохраняет полную основу: Ніалѡн аѡн 'У них нет', Ніакѡт вѡлі 'С ними был', Ме нїалїсь мїндакѡ сѣи 'Я у них немного поел', Нїа дїнѡ пїрис 'К ним зашел' и т.д. То же самое имеет место в лузско-летском (в говоре летских пермяков) и верхнесольском говорах.

В пуксиском говоре изредка встречается форма сіѡ в им.п. ед. числа вместо обычного сіа, например: Сіѡ сіѡ оз тѡд 'Он этого не знает'. В других диалектах она не зафиксирована. Форма сіѡ также является нормой коми-зырянского литературного языка, она употребляется в сыктывкарском и среднесольском диалектах в им.п.ед.числа⁵⁶. В коми-пермяцких диалектах форма сіѡ употребляется в вин. падеже ед.числа.

Личное местоимение сіа в сравнительном падеже в диалектах имеет основу сн-, сі- или сѣ-: ис. сѣсся эн чѡлт 'больше (кроме этого) не наливай'; юкс. сѣсся зятѣѡ вѣтлі 'потом (после этого) в дом брала я мужа'; в.-л. сѣсся кѡлтѡдзис тїрмас 'после этого уже до смерти хватит', но: лев. сісся эн лок 'больше (сольше этого) не приходи'; пел. а сісся эт аїззыл 'а больше этого я не видел'.

В диалектах притяжательные местоимения мїан, тіан и усилительно-личное местоимение ас принимают суфф. -сь со значением принадлежности. Суфф. -сь употребляется вместе с притяжательно-указательным суфф. -ис, -ным, -нѣт, -нѣс: мїанїсьнѣс моз жѡ 'как наш же', тіанїсьнѣс кѡдѣ жѡ 'похож на вашего', асванїсьнѣт 'свой-то, ваш', асванїсьнѣс жѡ кѣрѡм 'свой же сделал'.

Специфическими обобщенно-определятельными местоимениями являются дѡс и став 'все, всё'. Местоимение дѡс отмечено нами в чуратовском, нижнекосинском, левичанском и чазевском говорах: чур. дѡс пїшїѡмѡсь 'все удрали', дѡс этѡ туй вылас аїззїн? 'все это в дороге ты нашел?', дѡс ѡбр тїртѡ 'все снова замело'; н.-к. дѡс жѡнїк сайнн 'все замужем'; чаз. дѡс сісьмѡ 'все гниет'; лев. дѡс учїтелесянн 'все из-за учителей'; пукс. дѡс сѡччїс 'все сгорело' (ср. пет. быдѡс тѡкѡ мѡнѡ 'все в жир идет'; пел. вѡзалѡ быдѡс 'продает все').

⁵⁵ ССКЗД, 469-474.

⁵⁶ ССКЗД, 471-473.

Местоимение став отмечено в мысовском и верх-лупьинском диалектах: мыс. ста́вным ми́ 'все мы'; в.-л. ста́во пукта 'все положу', ста́выс э́татшом 'все такое'.

В верхнекамском наречии широко употребительны специфические обобщенно-определительные местоимения быкб и дыкб 'все, все' и заимствованное из местного русского говора местоимение весь с тем же значением вместо общераспространенного быдб 'все, все' (ср. сев. дбс в том же значении), например: Э́тика-ту́ с́а быкб пыхтбм 'Здесь она вся опухла', Весь ныллэс и зоннэс волалисб 'Все парни и девушки приходили'.

Из указательных местоимений выделяются своим фонетическим обликом следующие: чаз. тайб (куд. э́тб) кёрны 'это сделать', э́ная (куд. э́на) быдсбн 'все эти'; пукс. э́тшбм (куд. э́тшшбм) му́жиккэс 'таких мужиков'; н.-к. э́тая (куд. э́та) 'тот, та, то', э́татшбм (куд. э́тшбм) 'вот такой'; васьк. тайб (куд. э́та) то́ркэсэс 'этот погибнет'; ис. э́ния (куд. э́на) го́длэ́нн 'в эти годы'; мыс. та дыра 'так долго', та гы́рися 'вот такие крупные', та́тшбм (куд. э́тшшбм) 'вот такой'; в.-л. э́татшбм (куд. э́тшшбм) жб 'такой же', та (куд. э́та) пыр 'через это', тайбн (куд. э́тбн) ка́ття 'этим заверну', та ы́лынаэс ло́кны 'за такую даль приехать'. Большинство из приведенных здесь специфических указательных местоимений имеют соответствия в коми-зырянском языке⁵⁷.

К указательным местоимениям близки по своему значению указательные местоименные наречия: б.-к. та́тын 'здесь', сэ́ччын и сэ́ччин 'там', та́ччб 'сюда', сэ́ччинка 'вон там'; коч. э́тыдэ 'вот так, вот как', сэ́тбн 'вот тут', та́лань 'ближе к нам', сэ́тбн 'там', та́тбн 'здесь'; пел. э́стбн 'вот здесь, тут', э́ччын 'вон там'; н.-к. э́ччб 'вот сюда, на это место'; пукс. э́сьчинь 'вот там', э́таті 'вот здесь, по этому месту', э́татбны 'вот здесь', э́сьчб во́ллисб 'сюда приезжали', э́татбнын во́яс 'вот здесь утонул (утонет)'; чур. э́сьсинь 'отсюда', э́татэ вэ́тліс 'здесь ходил'; гаин. сэ́ тадэ и дэ́урта 'вот так и живу (букв. скриплю)', э́натбн кы́к пята́чка 'здесь два пятнышка', э́счин са́мбй гла́внбйэс 'вот там самое главное', э́сті 'по этому месту', сідэ ба́ско 'вот так красиво'; ис. э́татбн 'вот здесь', э́тчиннын 'вон там', э́таті 'вот здесь', э́тыдэ 'вот так'; мыс. э́стісянь 'отсюда', та́сянь 'отсюда'; в.-л. э́ччань и э́тчан 'вон там', сэ́ччань и сэ́ччан 'вон там', сэ́ччинісб 'вот оттуда' и др. Эти указательные местоименные слова, как и наречия, не изменяются. В предложении они выполняют роль обстоятельств.

Из вопросительно-относительных местоимений остановимся на местоимении коді, употребляющемся в северных говорах в значении

⁵⁷ ССКЗД, 362-336, 447-449.

'который'. В некоторых говорах оно имеет варианты: ис. кѡдѣя са уджалѡ 'который из них работает'; пукс. кѡдіа нянялжык 'у кого больше хлеба', кѡдніа казна мѣсѡ шѣлісѡ 'которые на казенные земли попали'; мис. кѡдлѡ абу дыш 'кому не лень', кѡдкѡ 'который-то, кто-то'; в.-л. кѡдіа (кодя) са 'который из них', кѡді 'который', не код сумкас абу 'ни одной из двух сумок нет'.

В некоторых южных диалектах и верхнекамском наречии данное местоимение имеет также разные фонетические варианты и употребляется в значении 'кто, который'. Приведем примеры из говоров нижеиньвенского диалекта: ср. аз. Код инѡ мунасѡ? 'Кто тогда пойдет?'; тук. Кѡдіа нѡ гѡрѣѡ? 'Который(кто)плачет?' Кѡдлѣ вѣтвѡтѡ? 'Кто (который)ходит?'; доег. Вот кѡдіа порѡѡ 'Вот в какую пору'; крох. Кѡдіа абу? 'Кого нет? Кто отсутствует?' Никѡдлѣ 'Никого нет' и т.д. В кувинском говоре оно встречается в форме кѡніа, кѡна 'кто, который', например: Повѡтѡк кѡніа, кѡніа джѡдж миськависѡ 'Кто потолок, кто (которые) пол мыли'.

Вопросительно-относительное местоимение мѣй 'что' в форме мѡй (изредка: ма, май, мѣй) довольно часто встречается в оньковском и нижеиньвенском, а также в хайдукском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта: оньк. Мѡй гѣжѡ? 'Что пишет?' Из лок я ма? 'Не пришел что ли?'; доег. Мѡй корис? 'Что попросил он?'; хайд. Мѡй шѣин? 'Что сказал ты?' Мѣй лѡас? 'Что случилось?' и т.п. В остальных диалектах и говорах, как и в литературном языке, употребляется кѡда в значении 'который' и кѡдна 'которые'.

Усилительно-личные (лично-определенные) местоимения одинаково употребляются как в северных диалектах, так и в южных: ачѣм 'я сам', ачѣт 'ты сам', ачѣс 'он сам', ас 'свой', асѣным 'мы сами', асѣнит 'вы сами', асѣныс 'они сами'. Как видно из приведенных примеров, усилительно-личные местоимения склоняются, но они не употребляются в достигательном падеже, а в пространственных местных падежах употребляются очень редко⁵⁸.

В диалектах замечены отклонения. В чазевском и левичанском говорах местоимение ас в роли определения встречается без личных окончаний: чаз. ас зѡркѡт кѡдзи 'со своим овсом я посеял'; лев. ас машинѡѡн кѡим 'на своей машине мы приехали'. В кочевском диалекте в сравнительном падеже вместо ассяс употребляется ассяас, например: ассяас тай ѣлжѣт 'больше себя уже'. В соединительном падеже верх-лупьинского диалекта вместо аскѡттѣм употребляется аскѡттѣм: аскѡтѣм и кѡи 'один я и пошел'.

⁵⁸ См. Коми-перм., 236.

ГЛАГОЛ

Личные формы

В мысовском и верх-лупьинском диалектах формы 2-го лица мн.числа настоящего, будущего и прошедшего времени имеют окончания -анё, -инё вместо -атё, -итё: мыс. мунинё (лит. мунитё) 'вы шли', пыринё (лит. пыритё) 'вы зашли', мый нё ті(й)ё керанё (лит. кератё)? 'что же вы делаете?' можот пёткётланё? 'может быть, вынесете?' ті(й)ё сёинё 'вы покушали', онё (вместо одё) 'вы не' и др. Полная парадигма спряжения глаголов в первом очевидном прошедшем времени выглядит следующим образом:

Ед.ч.	Мн.ч.	Перевод
ме вёлі, муні	ми вёлім, мунім	'мы были, шли'
тэ вёлін, мунін	тіё вёлінё, мунинё	'вы были, шли'
сія вёлі, муніс	нія вёлінё, мунинё	'они были, шли'

Ср. далее в.-л. Отланн кё вётлінё, быть делит 'Если вместе сходили, то нужно поделиться', Мый ті нё гижанё? 'Что же вы записываете?' Нуинё ни? 'Уже вы отнесли?' Мый керанё? 'Что делаете?' Та пыринё 'Вы зашли', Тіё вёлінё 'Вы были', Кятён уджалінё? 'Где вы работали?' Мый лядльётінё? 'Что читали?' Формант -инё (-инё) вместо -итё (-итё) в верх-лупьинском диалекте употребляется последовательно, а в речи молодых носителей мысовского говора изредка встречается на месте -инё и -итё, например: мунинё и мунитё 'вы шли', пыринё и пыритё 'вы зашли'. По-видимому, это результат влияния литературного языка.

Окончание -инё по своему происхождению, вероятно, является вторичным: -инё -анё появились в результате влияния аналогичной формы 2-го л.ед.числа первого прошедшего времени. Ср.:

Ед.ч.	Мн.ч.	Перевод
тэ вёлін	ті вёлінё	'ты был, вы были'
тэ босьтін	ті босьтінё	'ты взял, вы взяли'

В верхнекамском наречии вспомогательный глагол вёлны в первом прошедшем времени по лицам не изменяется, ср.: ме вёлін 'я был', тэ вёлін 'ты был', сія вёлін 'он был', ми вёлінё 'мы были', ті вёлінё 'вы были', нія вёлінё 'они были' – с литературными формами и с формами других диалектов:

Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1. ме вёлі	мі(й)ё вёлімё	3. Сія вёлі	нія вёлісё
2. тэ вёлін	ті(й)ё вёлітё		

Приведем примеры в предложениях: в.-к. 1) Ме ђдѣѡн ни ѡдѣѡт вѡлѡн (лит. вѡлі) 'Я уже очень большая была', 2) Не ђдѣѡн жѡ эд том вѡлѡн (лит. вѡлі) 'Не очень же ведь молод был он', 3) Нѡа Оверинчин вѡлѡнѡ (лит. вѡлісѡ) 'Они в Оверино были', 4) Мѡнам сѡкор вѡлѡн (лит. вѡлі) 'У меня свекор был', 5) Вѡтѡк вѡлі 'Удмурт был', 6) Вѡсѡ хѡзѡйсво мѡнѡн вѡлі 'Все хозяйство на мне было', 7) Ме кѡкѡн нѡлѡс вѡлѡнѡ (лит. вѡлімѡ) 'Мы две сестры были', 8) Дѡминскѡй дерѡвнѡн чѡстѡй вѡтѡккѡс вѡлѡнѡ (лит. вѡлісѡ) 'В деревне Дѡмино все вѡтки были'. Формы типа вѡлѡн, вѡлѡнѡ представляют собой личные формы глаголов 2-го л. ед. и мн. числа первого прошедшего времени. Из приведенных примеров видно, что форма вѡлі (3-е л. ед. ч.) встречается лишь в отдельных случаях и употребляется также, как и вѡлѡн. Форма мн. числа вѡлѡнѡ имеет вариант вѡлѡнѡнѡ, например: гѡртѡн бѡкѡб вѡлѡнѡнѡ 'все дома были'.

Аналогичные формы могут образоваться и от самостоятельных глаголов. Ср.: Мѡмѡ кѡлѡн (куд. кѡліс) дѡк, жѡнѡк гѡртѡн нѡѡ вѡлі 'Когда моя мать умерла, так муж дома еще был'; Мѡжѡт сѡнѡ сѡшкѡзѡсѡ? 'Может быть, покусаете сушки?'; Ме вѡт мѡй кѡрин (куд. кѡри) 'Я вот что сделал'; Тѡ эд рѡжѡѡтѡг кѡлѡнѡ (куд. кѡлѡтѡ) 'Вы ведь без ружья поймали'; Тѡ эд ѡдѡлѡнѡ кѡлхѡзнѡ, мѡжѡт бѡсѡтѡнѡ (куд. бѡсѡтѡтѡ) 'Вы ведь в колхозе работали, может быть, возьмете'; Мѡй дѡ тѡ дѡр ѡзѡнѡ (куд. ѡзѡтѡ) 'Что вы де долго спите'; Кѡлѡнѡ (куд. кѡлѡтѡ), дѡк кѡрсѡѡте 'Оставили, так ищите'.

Нечто подобное наблюдается также в летском говоре коми-зырянского языка, например: нѡдѡ вѡлісѡнѡ и нѡдѡ вѡлѡнѡнѡ 'они были'. Употребительны обе формы.

По верхнекамскому наречию, вероятно, можно было предположить, что появление данного морфологического процесса вызвано сильным влиянием русского языка (ср.: я был, ты был, он был и мы были, вы были, они были), но этого никак нельзя сказать в отношении мывского и верх-лупинского диалектов, где влияние русского языка незначительно. По-видимому, корни этого явления следует искать во внутренней структуре этих говоров⁵⁹.

В некоторых говорах форма 1-го л. ед. числа I прошедшего времени и 3-го л. ед. числа II прошедшего времени обычно употребляются без наращения, т.е. без конечного гласного а: в.-к. дѡйдалѡм 'ушиб, оказывается', сѡбѡдѡтѡм 'почернел он', дѡбѡссѡз нѡлѡлѡм 'са-

⁵⁹ Р.М. Баталова. О некоторых фонетических и морфологических явлениях в периферийных диалектах коми языков. - СФУ, № 2, 1974, стр. 99.

рафаны носили мы', сіндорас гаягнас жвантём 'попал он камешком на край глаза' и др.; коч. мёсыс люкалём 'корова забодала'; бура велёччём 'хорошо он учился, оказывается', гортё вайётём 'домой он привел' и т.д.; лев. ми пёртім 'мы занесли', багсём 'покрылось плесенью, заплеснело', вашётём 'он выгнал', но: кусіньтёма 'он загнул', кружитёма 'он сделал околицу'; н.-к. чернигансла кайм 'пошли мы за черникой'; пукс. пыралім 'мы заходили', йёрлас пуктём 'положил он на изгородь', артисйэзё велёччём 'выучился он на артиста' и др., но: вёлёма да пётёма 'он тонул, но вышел'; гаин. гёрдотём 'он покраснел', адзылём 'он увидел'; ис. козьналём 'он подарил', босётём 'он взял', но: пуксьётёма 'он посадил', мунёма 'он пошел', норасёма 'он наябедничал, пожаловался', велёччёма 'научился'; в.-л. чарёталём 'убило молнией', видзчисим 'мы ждали', вёлі нойтём 'избил, оказывается', но: косёмёма 'высохло', обсалёма 'набедокурил', йойёма 'он с ума сошел' и т.д.; мыс. гатш сатш-кисём 'он упал на спину', но: грэзьёма 'испачкалось', лайкниччёма 'накренился', кучикс ставис кульишсьёма 'вся кожа содралась'. Формы с наращением -а (очевидно, это следы бывших конечных гласных) преобладают в исаевском, мысовском и в верх-лупьинском диалектах (примеры см. выше). В чураковском говоре все глагольные формы 3-го л. ед. числа неочевидного прошедшего времени имеют конечную гласную а. Ср.: сэк жё машиналё шедёма 'тогда же (сразу) на машину попал', нырнитёма 'вынырнул он', сія кылтёма 'он поплыл', киэзёс дёс пурёма 'руки мои все искусал он' и др.

В большинстве северных говоров глаголы в форме 2- и 3-го л. мн. числа II прошедшего времени имеют окончание -ёмось вместо южного и литературного -ёмась. Примеры: б.-к. мий и керёмось, чисто варскёмось 'что и делали, все исцарапали'; лев. больничанн лечитёмось 'в больнице вылечили', пос бомойтёмось 'мост бомбили', абу вёлтёмось 'не выгнали', гижёмось 'написали', кельдотны пономось 'начали подсыхать листья', Чурако кайёмось да ошёмось 'пошли в Чураки, но потерялись' и др.; н.-к. байтёмось по 'говорят, разговаривали', сьёдалёмось 'плевали'; пукс. кайтёлтёмось 'поднимали, приносили', мёснимёс лэдзёмось 'нашу корову отпустили', сапогиэз вайёмось 'сапоги привезли', вёрын узёмось 'в лесу ночевали', видно онмёссьёмось 'видимо, заснули', керкуэз сотёмось 'дома сожгли', кык лис гижёмось 'два листа исписали' и т.д.; чур. абу лэдзёмось 'не отпустили', Касыбысь по адзёмось 'говорят, из Касиба нашли', бёр мирдцёмось 'отобрали', видзезыс тырёмось 'луга засорены' и др.; гаин. куйма вёлёмось 'трое были', бёра потёмось 'снова лошнули', пурттэз керёмось 'ножи сделали'; ис. косялёмось 'разорвали', керёмось и сетёмось 'сделали и отдали', кёккес пык-

төмөсө 'ноги опухли', но: ягөддә вәтлөмәсә 'за ягодами сходили', сем раз кислөмәсә 'семь раз переливали' и др.

Таким образом, форма -өмәсә встречается в больше-кочинском, юкеевском, левичанском, нижекосинском, пуксиском, чураковском, васькинском и исаевском говорах. Изредка вместо -өмөсә встречается -өмәсә в юкеевском и чазевском, а также в исаевском. В левичанском, нижекосинском, чураковском и гаинском говорах окончание -өмөсә употребляется последовательно. А в кочевском, мысовском и верх-лупьинском диалектах, как и в большинстве южных диалектов и в литературном языке, в 3-м л.мн.числа неочевидного прошедшего времени употребляется форма -өмәсә, ср.: коч. кыкнан кокыс четө-мәсә 'обе ноги перебиты (сломаны)', уйнытө кужөмәсә 'плавать-то умели', клевер днө йөртөмәсә 'на клевер пустили'; пел. көиннәз өдлөйтлөмәсә 'волки одолевали', розгиөн кұльпыллөмәсә 'розгами били'; мыс. пыртөмәсә 'занесли', кыңмөмәсә тай 'замерзли, видимо', нүмөсә нин 'уже отнесли'; в.-л. өдзтә шулылөмәсә 'раньше называли', тәтиссөсә вөлөмәсә 'здесь были'.

В отдельных южных говорах также наблюдаются колебания в употреблении формантов -өмәсә и -өмөсә.

В ёгвинском и хайдукском говорах формы 3-го л.мн.числа неочевидного прошедшего времени оканчиваются на -өмәсә и -өмөсә, например: ёгв. кыкнан кокыс өрөмөсә 'обе ноги разбиты', зәв бүрөсә шедөмөсә 'очень хорошие попались', бөрвань юрреныс мунөмөсә 'голови назад повернуты', но: чүнненсө сөйөмәсә 'пальцы разгрызли', челядөккес өбсөтөмөсә 'детшки взяли'; ср. также егор. гөртө кайө-төмөсә 'домой привели', абү вөтвөмәсә 'не ходили', пөттөдз сөйө-мөсә 'досыта поели' и др.; хайд. мундаөн сөтөмөсә? 'по сколько выдали?' мыйсянь вөктөмөсә? 'почему приехали?'. В лопанском говоре формы 3-го л. мн.числа второго прошедшего времени имеют окончание -өмөсә вместо -өмәсә, например: Бөбас дзөбөмөсә 'В поле похоронили', Кольөмөсә йөбас 'Оставили на поле', Киз паськавөмөсә 'Руки растопырены', Былсө сөйыштөмөсә 'Все съели'. Можно предположить, что форма на -өмөсә появилась по аналогии с причастными формами на -өмөсә или же в результате ассимиляции гласных смежных слогов, например: күртөмөсә < куртөмәсә 'гребли', өбсөтөмөсә < бөсөтөмәсә 'взяли, купили' и т.п. Весьма вероятно, что глагольные окончания -өмәсә и -өмөсә являются разными видами стяжения: >
< -өмәсә
< -өмөсә.

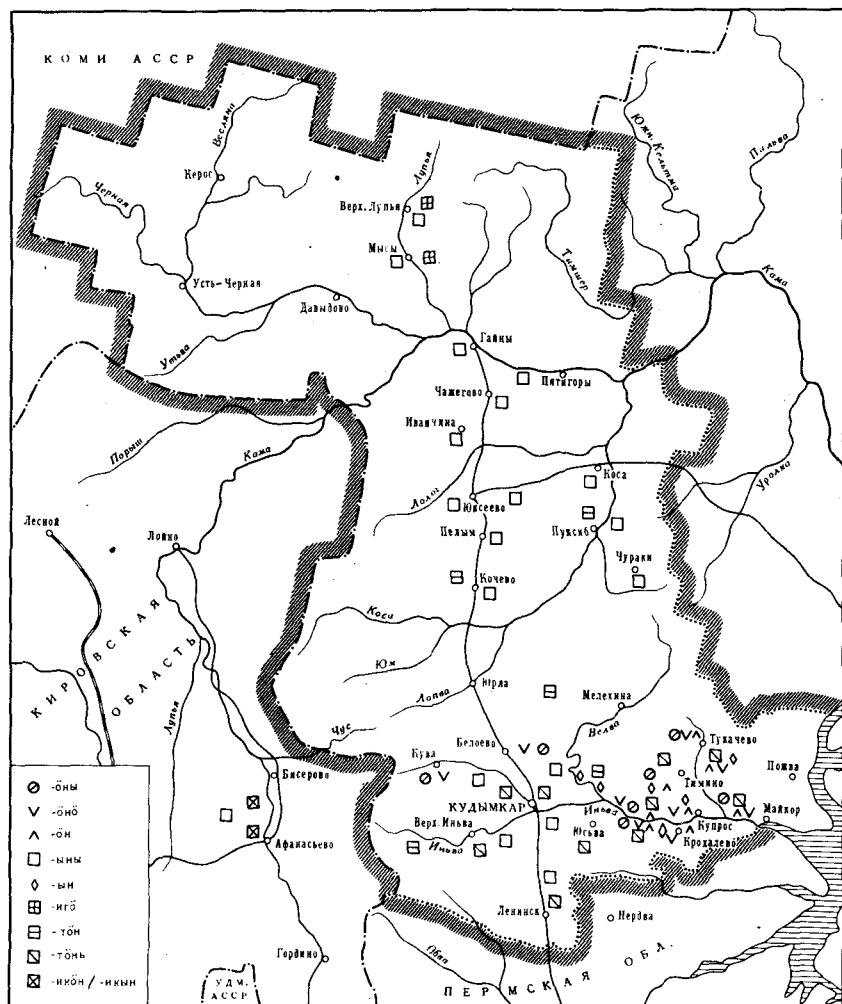
Во многих говорах окончание 3-го л. мн.числа настоящего времени наряду с -өны имеет варианты -өнө (< -өны) и -өн (< -өнө или -өны). Ср.: аз. мөдөн (< мөдөнө или мөдөны) нөвөтны 'хотят увести', мый нә керөн (< керөны или керөнө)? 'что они делают?' мунөн

'идут', вайён 'несут', но: кыв чэгьявонё 'язык ломают'; акс. кёрён (< корённ) 'просят', петён (< петённ) 'выходят', коньчайтён 'кончают', видён 'ругают' и т.д., но: истонё 'посылают', сэйонё 'едят', ветвётонн 'ходят' и др.; крох. куртёнё 'занимаются греблей', гозийён воктёнё 'супруги идут', узёнё да 'спят да', кольён пё тай 'говорят, оставляют', сё суваённ 'все еще стоят', Майкарьянь вовённ 'из Майкара приезжают', сераншвённ 'посмеиваются, шутят' и др. В большинстве случаев употребляется окончание -ённ, несколько реже -ёнё (< -ённ) и изредка -ён (карта 11). В среднеиньвенском изредка появляются варианты с суфф. 3-го л. мн. числа настоящего времени -ённ > -ёнё > -ён, например: кёрёнё 'просят', ветён 'ходят', садитён 'сажают', но: гортё вайённ 'домой несут', весь баитёнё 'зря говорят'. Суфф. -ённ в большинстве случаев сохраняется. В белоевском и кувинском говорах в редких случаях вместо глагольного окончания -ённ появляется -ёнё, ср.: бел. гортё кёрёнё 'домой приглашают', гйжнн тшётённ 'писать заставляют' и др.; кув. Сюэс жатён воёнё (< воённ) 'Хлеба медленно поспевают', Гортё пё воктёнё (< воктённ) 'Домой, говорят, едут' и т.д. В оньковском диалекте в 3-м л. ед. числа настоящего времени чаще всего выступает окончание -ён (усеченная форма), но употребляются также и полные формы -ёнё или -ённ, например: гортё локтён 'домой едут', ворё пырён 'в лес заходят', пыр кёрёнё 'всегда просят' и др.

В верхнекамских говорах наряду с -ённ нередко появляется форма -ёнё, ср.: лечитёнё эдь 'лечат ведь', мед сылёнё 'пусть поют', часто мыскалёнё 'часто моют', по деревне ветлётёнё 'по деревне ходят', но: поперегалённ, пырённ он теркаё 'идут на перерез, в дом заходят он', онкёбён осужайтённ 'все осуждают', эзе-эзе баитённ 'так и так говорят' и т.д. Форма -ёнё (< -ённ) - результат ассимиляции смежных гласных.

Отрицательные глаголы употребляются с глаголами мн. числа чаще всего в форме ед. числа. Приведем примеры из ёгвинского говора 1) Короллес эз петё, он тодё? 'Короли не вышли, не знаете?' 2) Тённн эг босьтё 'Вчера мы не брали' и др. Вместо отрицательного глагола во 2-м л. мн. числа эд употребляется форма 2-го л. ед. числа эн или он (см. 1-й пример).

В нижнеиньвенском диалекте, как и в оньковском, в отрицательных глаголах показателем прошедшего времени является и: доег. иг вёу 'я не был', ин тод 'ты не знал' и др.; крох. ин верд 'ты не накормил', из эшты 'он не успел', изё касьтивё николля 'ни тот ни другой не вспоминали' и т.д.

Р и с. 11. 1 - Употребление глагольных форм 3-го лица мн. числа настоящего времени на -оны, -оно, -он; 2 - глаголы инфинитивной формы на -ыны, -ын; 3 - деепричастия на -итё, -тён (-тёнь), -икён (-икын).

Инфинитивные формы

И н ф и н и т и в. В отдельных диалектах к инфинитивам глагола присоединяются указательно-притяжательные суффиксы, например: н.-к. сумкант иджит ноллотнытё 'сумка твоя большая (тяжелая) но-

с) ё-то, вунёччи порччалнытё 'я забыл развязать-то'; чур. ог вермы горбчыннытё 'не могу выговорить-то'; ис. ноллыныт оз туй 'носить-то нельзя'; мыс. оз туй куртныт 'нельзя грести-то', пырныт 'зайти-то', оз туй изныс 'нельзя молотить-то', лок босытасыннытё 'иди покупать-то', олныт 'жить-то'; в.-л. колё ытшыксыныс 'надо косить-то', ештан чышкыныс 'успеешь мести-то', вурсыныт ог вермы 'шить-то не могу', верман эд жё нёравитныт 'можешь же ведь подождать-то' и т.д. Как видно из приведенных примеров, чаще всего встречается указательно-притяжательный суфф. -т, суфф. -с при инфинитивных формах встречается лишь в мысовском и верх-лупьинском диалектах. Следует отметить, что в этих двух последних диалектах суфф. -т и -с при инфинитиве употребляются наиболее часто, в остальных — редко. В верхнекамском наречии, как и в мысовском и верх-лупьинском диалектах, инфинитив наряду с суфф. -ны и -ныс имеет суфф. -ныс, например: 1) Мий някөт пондам ыласыны ни 'Что уж мы с ними будем заигрывать', 2) Шогөдны пондис ёвө 'Ему не можно', 3) Можно аслын ытшыкыны 'Можно себе накосить', 4) Пыртыс оз сетө 'Занести-то не дают', 5) Сой ордө гөсытитыныс 'К сестре погостить', 6) Дыш жө тай мунныс 'Лень же идти-то' и др.

Заметим, что окончание инфинитива -ныс употребляется довольно часто. Примеры показывают, что они не имеют значения притяжательности. Мы склонны согласиться с выводом Б.А.Серебренникова, что -с в составе суфф. -ныс является усилительной частицей, которую мы находим в окончании вин.падежа на -ёс, например: уокөв 'брата', а также в окончаниях некоторых наречий удорского диалекта типа бугав 'хорошо', јонав 'сильно' и т.д.⁶⁰

В оньковском диалекте к инфинитивным формам широко присоединяется выделительная частица -тө (по происхождению лично-притяжательное окончание 2-го л.): кайнытө 'подняться-то', мунис коситнытө 'он ушел косить-то', ог понн вермыннытө 'не буду в состоянии' и др. Суфф. -тө употребляется и в соседних иньвенских диалектах. В этом же диалекте звук ө из суфф. -тө часто выпадает, поэтому встречается как усеченная форма, так и полная. Ср.: уджалнытө и уджалныт 'работать-то', висынытө и висыныт 'болеть-то', виднытө и видныт 'ругать-то' и т.д. Выпадение конечного ө в этих формах — явление аналогичное выпадению и и ө в словоизменительных суффиксах, упомянутых ранее. Для литературного языка такие формы инфинитива не характерны. В.И.Лыткин считает, что суфф. -тө — остаток былого именного склонения инфинитивных форм глагола⁶¹. Весьма вероятно, что широкое употребление выделительной частицы

⁶⁰ Сереб. Ист. перм., 310-314.

⁶¹ Совр. к. яз., 239-240.

-тѹ(-т) в инфинитивных формах глагола могло появиться и под влиянием русского языка, поскольку инфинитивные формы с суфф. -тѹ в диалектах коми-пермяцкого языка по своему значению близки к русским инфинитивным формам с пост-положительной частицей -то, которые широко употребляются в русских диалектах, расположенных по соседству с оньковским и иньвенскими диалектами. Например: робить-то, баять-то, сидить-то, пособить-то и т.д. Вероятно, только по этой причине формы инфинитива на -то прежде всего ассоциируются с глаголами типа: оньк. русск. грудить-то (оньк. к.-п. грудитны-тѹ), лечить-то (лечитнытѹ), крошить-то (крѹшитнытѹ), шумить-то (шумитнытѹ) и т.д. Ср. примеры из других южных говоров: крох. ог тѹл, кѹчѹ пырнытѹ 'не знаю, куда войти-то', кольвавынытѹ 'проводать-то'; кѹдзынытѹ и горнытѹ, и пѣстѹ вайнытѹ и нѹвѹ кайнытѹ некинѹ 'сеять-то и пахать-то, дрова привезти-то и в поле идти-то некому'; доег. висьтѹнытѹ кѹѹ 'доить-то надо', сѣ эшѹ эм пичкѹнытѹ 'все еще есть, что выжать'; ср.-и. пушѹта сѣйнытѹ 'сварю поесть-то', ѹнытѹ оз туй 'жить-то невозможно (нельзя)', нелеккѹ уджаунытѹ 'нелегко работать-то', неудѹбно чужѹйес дырня ругайчынытѹ 'неудобно при чужих ругаться-то' и др.

В самковском говоре инфинитивная форма с лично-притяжательным суфф. -тѹ(-т) в большинстве случаев употребляется с суфф. -сѣ: сѣбкыт ѹвнытѹсѣ 'трудно жить-то', оз ков кѹрнытѹсѣ 'не нужно просить-то', эг куж мѹнытѹсѣ 'не сумел я выехать-то' и др.

В некоторых южных говорах в формах инфинитива на -ны конечное н редуцируется и выпадает (см. карту 11). В одних говорах это явление распространено довольно широко, в других - меньше. Ср.: аз. снова чѣчын (< чечыны) 'снова вставать', вѹрѹ кайын (< кайыны) 'сходить в лес', но: вѹрны 'шататься, двигаться', мѹдѹн нѹѹтны 'хотят увезти' и др.; акс. мѹда ѹктын (< ѹктыны) 'хочу собрать', думаѹта пышын (< пышыны) 'думаю удрать', пѹнѹм рѣздын (< рѣздыны) 'начал расходиться в швах', но: куртыны 'грести'; доег. кѹѹ вѣрдын (< вердыны) 'надо подкармливать', нѣтшкын (< нетшкыны) 'дергать, рвать', куртны (< куртын) 'грести', но: пѹнас ѹктыны 'будет собирать', ковѹяс кнѹзыны 'надо будет слушать' и др. (-н в суфф. -ны, как правило, сохраняется в конце фразы). В вагановском говоре также имеются единичные случаи выпадения конечного н в указанной позиции, ср.: мѹнѹс вѣѹчын 'Он уехал учиться', кысѣ сѣа воѹйтѹн 'Они не воют (букв. Откуда воют они)'.

В тукачевском и тиминском говорах нижеиньвенского диалекта конечное н в инфинитивных формах глагола обычно сохраняется: тук. тшак кѹсьтыны 'грибы сушить', гѹртѹ вѣтвыны 'домой сходить', пѹнѹс кѹсьтыны 'начал сушить' и др.; тим. пѣтамѹ мѣздын 'выйдем освобождать', ковѹ пѹ пѣшвыны 'говорят, надо попробовать' и др.

Выпадение конечного н имеет место и в формах глаголов 3-го л. мн. числа настоящего времени: н.-и. (доег.) купкбччн (вм. купкбччнн) 'кудахчут', вердн (вм. верднн) 'кормят', корн (вм. корнн) 'просят' и др., но: вебччнн шкоанн 'учатся в школе', частро сетаонн 'часто выдают' и т.п.; тук. опеть кошшн 'снова ищут', вермн кернн 'могут сделать', но: гортн ворвонн 'домой приходят', нянь вузаонн 'хлеб продают', четыре днья ниа куртсбнн 'четыре дня они гребут сено' и др.

Выпадение конечного гласного н из глагольных суфф. -ннн и -онн — результат редукции конечного гласного слова в потоке речи.

Деепричастие. В верхнекамском наречии деепричастия имеют суфф. -икн/-икнн. Ср.: пбсьмлас бэргаликнн 'вертятся в жару', адззиб самогон пуикн 'застали во время варки самогона', шонн лэчигикн 'во время захода солнца' и др. В литературном языке употребляется суфф. -икб/-икб, ср.: уджаликб 'работая, во время работы', гижикб 'во время письма' и др. (см. карту 11).

Деепричастия на -икб (-игб) в северных диалектах малоупотребительны. По сравнению с другими говорами они чаще встречаются в пуксибском, исаевском, мысовском и верх-лупьинском: пукс. миан ондмикб 'во времена нашего детства', вбйбм пикеталикас 'утонул во время сплава леса'; ис. тасянь муникб 'уходя отсюда', узьбмась локтиканьс 'переночевали на обратном пути', ншб парресб горикб 'еще во время пахоты паров'; вбрын уджалигб 'работая в лесу', гортись пэтигб 'выходя из дому' и т.п.; в.-л. онбй пэтсис пукалигам 'клонит ко сну меня во время сидения (букв. сидя)' и др. Деепричастия на -икб/-игб в северных диалектах обычно употребляются без послелогов коста и кежб, ср.: лит. доктик кежб⁶² 'к приходу', сбйк коста 'во время еды' и др. При наличии послелогов коста и кежб деепричастия на -икб утрачивают конечный гласный б.

Деепричастия на -ик могут принимать притяжательные суфф. пукс. пикеталикас 'во время его пикетирования'; в.-л. пукалигам 'во время моего сидения'; мьс. горзигат 'во время твоего плача' и т.п.

В мысовском и верх-лупьинском диалектах деепричастия имеют формант -игб вместо обычного -икб (-ик). Указанный суфф. -игб встречается и в говоре села Поруб лузско-летского диалекта коми-зырянского языка, ср.: мунигб 'идучи, когда шел'. В остальных говорах лузско-летского диалекта деепричастия образуются посредством суфф. -игнн вместо -игбн (-иген) других диалектов: скр. мунигбн, вв. муниген, лет. мунигнн 'идучи, когда шел'.⁶³

⁶² Коми-перм., 281.

⁶³ ССКЗД, 486.

В других северных говорах коми-пермяцкого языка вместо деепричастий на -икѵ/-игѵ употребляются деепричастия на -тѵн, которые по своему значению не отличаются от деепричастий на -икѵ: они также выражают одновременность сопутствующего действия главному действию: коч. кѵрттѵн эз зэр 'когда гребли, дождя не было', йѵбас мѵнтѵн пѵртѵ 'идя в поле, я занес', кѵльчат ѵзѵтѵн 'останетесь спящими (букв. когда спите)'; пукс. каймѵ гѵрзѵтѵн 'пришли со слезами' и др.

В одних южных говорах деепричастия на -тѵн имеют твердый вариант, в других — мягкий, оканчиваются на -тѵнь.

Например: н.-и. вѵрѵн уджѵвтѵн 'работая в лесу', кѵдѵтѵн вок-тисѵ 'приехали во время сева' и др.; ср.-и. ытшкисѵтѵн дѵймис 'ушибся во время сенокоса', гѵрзѵтѵн воктис 'пришел он со слезами' и др.; кайд. кѵртѵн ѵдѵмѵ 'я рос нищим', тшакѵвтѵн кѵжѵ 'заходил во время сбора грибов' и др.; мелех. тишес вѵрдѵн 'во время кормления цыплят', пѵртѵн 'во время входа'; ср. егор. гѵрзѵтѵн 'плача', мѵнтѵн 'идя'; ваг. кѵйкѵзас уджѵтѵн 'работая в колхозе', гѵртѵ воктѵн 'идя домой'; куд. сѵвѵтѵн кайѵ 'едет с песнями', пукаѵтѵн пѵчкан 'на посиделках прядешь'; дем. вог утѵн кѵрттѵн 'во время гребли в логу', ѵджѵк ме кѵртѵн ѵѵи 'раньше пришлось просить милостыню' и т.д. (см. карту 11).

В отличие от северного суфф. -тѵн, формант -тѵнь южного наречия, а также и -тѵн (литературного языка) могут принимать лично-притяжательные суффиксы: перед данными суффиксами конечное н формантов -тѵнь, -тѵн удваивается (у последнего н палатализируется): ср.-и. вѵртѵнѵнѵм (< вѵртѵнѵ + ѵм) 'когда я шил', вѵртѵнѵнѵт 'когда ты шил', вѵртѵнѵнѵс 'когда он шил' и т.п.

П р и ч а с т и е. Причастия образуются от глагольных основ с помощью суфф. -исѵ(-исѵ), -ѵн(-ѵн), -ѵм, -тѵм. Эти суффиксы употребительны во всех диалектах и одинаково продуктивны. Заметим, что лишь в крайних северных говорах и в верхнекамском наречии суфф. -исѵ имеет вариант -исѵ, который встречается довольно редко: мис. кѵрѵсѵсѵ (ср. к.-з. корѵсѵ) 'просящего-то', гѵрисѵ (ср. к.-з. гѵрѵсѵ) 'пашущий', ѵгѵдѵлѵсѵ нѵлсѵ 'девочку, собирающую ягоды'; в.-л. мѵнѵсѵ 'идущий', кѵритѵсѵ 'курящий'; в.-к. тѵдѵсѵ морт 'знающий человек', сѵтѵсѵ 'дающий', сѵралѵсѵ 'смеющийся' и др.

Словообразование

В мысовском, верх-лупьинском, чураковском и чазевском говорах наблюдается более широкое употребление суффикса со значением длительного действия -ѵл(л), например: мис. начкалѵнѵнѵ (ср. куд.

начкывны) 'забивать скот', анькытш кӱдзальисӱ (нерд. кӱдзылны) 'горох сеяли', гор лонталны (нерд. лонтны) 'печь затапливать'; в.-л. ме вунӱталі (нерд. вунӱті) 'я забыл', чарӱталӱм (лит. чарб-тӱм) 'громом ударило'; чур. шӱмалас (куд. шӱммас) 'скиснет', ось-тышаллыны (куд. осьтышны) 'приоткрывать'; чаз. шӱмалӱма (куд. шӱм-мӱм) 'скисло'. Это явление характерно и для говоров верхнекамского наречия. В них глаголы с данным суффиксом обозначают действие, состоящее из множества отдельных однородных актов, которые длятся продолжительное время без большого перерыва, ср.: ӱдзжык кылали 'Раньше слышал я', Нужели сідз кӱльмалі 'Неужели так я утoreл', Кӱккестӱ кынталан (ср. куд. кынтан) 'Ноги отморозишь', Сесӱ ӱр-салисӱ (куд. ӱрсисӱ) 'Всегда игры устраивали', ӱз кӱльчалы (куд. кольчы) 'Не остается', Мӱсӱс лысӱталі (нерд. лысӱті) 'Корову я подоила'. И др.

В литературном языке и в большинстве коми-пермяцких диалектов суфф. -ав(-ад) употребляется со значением длительности действия, например: пукавны 'сидеть долго, быть в сидячем состоянии', удж-авны 'работать' и др.

В верхнекамском наречии часто употребляется также суфф. -ыли со значением неоднократности прохождения действия, например: По-лялӱн айыс лӱкыллис 'Отец Поли приезжал не раз', Мыжыккес лӱкы-лисӱ бы дак 'Мужчины приехали бы так'. С аналогичным значением имеется суфф. -л в удмуртском языке⁶⁴, ср.: лӱкылыны 'делить, рас-пределять' - лӱкыны 'разделить'. Глаголы с суфф. -л обычно вы-ражают повторяющееся действие, длительное действие, представляющее цепь однородных действий, иногда рассредоточенных по разным ме-стам⁶⁵. Широко употребляется суфф. возвратных глаголов -сь/-ась: пукс. эз нем лось 'ничего не случилось'; мый и лӱсис 'что и слу-чилось'; ис. ме сідз лӱси (лит. лои) 'со мной так случилось', кӱ-мазӱн шӱасям (лит. шусям) 'кумовьями называемся', кайласи (куд. кайви) 'сходил я', сія турунасьӱ (ср. нерд. туруналӱ) 'он заготов-ляет сено'; в.-л. гӱжасисӱ (куд. гӱжисисӱ) 'расписались', ягӱдасьӱн (куд. ягӱдавыны) 'собирать ягоды'.

В северных говорах несколько необычное употребление имеют суфф. -м(-мм), -ӱрт, -ырт, -ӱт: б.-к. сьлӱпми (ср. к.-и. слӱпӱй сӱи) 'я ослеп'; пукс. лӱсяммас (к.-и. вӱсяас) жӱ эд 'поправится же ведь'; чур. погӱддыс кымӱртис (к.-и. кымӱрччис) 'появились тучи', пичкыртам (к.-и. пичкам) 'выжмем'; пукс. чӱдзыллӱз ӱсӱті (к.-и. ӱсі) 'вытошнило ящерицами'.

⁶⁴ При сравнении языковых данных мы не выходим за пределы пермских языков.

⁶⁵ Грамм.совр.удм.яз., 219-220.

В говорах встречается немало заимствованных глаголов и производных от них и исконных слов (по типу образования коми-пермяцких и русских глаголов). Например: б.-к. пинь не сѣяѣает 'зуб не берет'; пел. дерносялас 'покроется дерном'; лев. радиѣт мианѣс 'уважает нас', вѣлись шѣ ме исправился 'только, говорит, я исправился', ме выѣ не забѣдуй 'на меня не обижайся' и др. Особенно много заимствований в верхнекамском наречии. Например: Мѣнѣчим писѣ пѣндис убеждатъ 'Моего сына стал убеждать', Кѣѣѣ ва начѣрпатъ 'Нужно воду начерпать', Кынымысь перездаватъ вѣтлѣс 'Сколько раз ходил пересдавать', Кыкнанныс пѣлимѣ ѣхатъ-то 'Мы оба побаивались ехать-то', Ми де гажалям выехать татѣсь 'Мы де хотим (желаем) выехать отсюда', Кытѣн мол ѣтъ 'где, мол, ѣтъ' и др.

Употребляются не только русские инфинитивы, но и личные формы глаголов: Не доѣдет гѣртѣдз-ту, пѣзѣдас 'Не доедет до дому, умрет', Ме учительницѣзѣс уважала 'Я учительницѣ уважала', Кѣр нѣ тожно согласилась? 'Когда же тогда согласилась?' Пѣнимаю ѣнкѣѣ 'Все понимаю', Мѣд по телефонѣ позвѣнит 'Пусть по телефону позвонит', Сѣа приѣхана 'Она приехала', Нѣнѣтѣгѣс ѣдѣѣн гѣрчит ма 'Без хлеба мѣд сильно горчит' и т.д. Заимствование подобного типа без морфологического усвоения стало возможным только в условиях двуязычия.

НАРЕЧИЕ

В диалектах встречается большое количество фонетических вариантов одних и тех же наречий, что позволяет выяснить пути образования отдельных наречий, считающихся с синхронной точки зрения не разложимыми по своему составу. Например, наречия ѣтчин 'там', ѣтѣѣ 'сюда' (лит. формы) и т.п. в северных говорах имеют следующие варианты: лев. ѣтачѣн сѣкла 'там свекла', ѣсьѣѣ 'сюда, на это место', ѣтачѣѣ 'вот сюда', ѣсѣѣ 'вот сюда'; н.-к. ѣсьѣчин 'там', ѣтѣѣ, ѣсьѣѣ 'вот сюда'; пукс. ѣсьѣчинѣ 'там', ѣсьѣѣ вѣллисѣѣ 'сюда приезжали', ѣтчинѣсь и ѣсьѣчинѣсь 'оттуда'; чур. ѣсьѣчинѣ 'там'; гаин. ѣсѣчин 'там', ѣстѣ 'вот здѣсь, по этому месту'; ис. ѣтѣчинѣ и ѣтѣчинѣн 'там', ѣтѣтѣ (и ѣстѣ) кайсѣѣ 'здѣсь поднялись, по этому месту шли'; в.-л. ѣтѣчанѣ и ѣтѣчан 'там, вот там'. Более или менее четко выявляющиеся здѣсь падежные окончания местного (-ин, -ѣн, -анѣ), вступительного (-ѣѣ), исходного (-исѣ, -ѣсѣ) и переходного (-тѣ) падежей — это сохранившиеся слѣды склонения, свойственные именам.

Данные наречия произошли от местоименных основ. Основу на -ѣс(а) из приведенных выше наречий имеют следующие: лев. ѣсьѣѣ

'скуда, на это место', эсчѣ 'то же'; н.-к. эсьчин 'там, вон там и тут', эсьчѣ 'вот сюда'; пукс. эсьчинь 'там, вон там', эсьчѣ вол-лисѣ 'сюда приезжали, на это место', эсьчинысь 'оттуда'; чур. эсьчинь 'вон там', эсти 'вот здесь, по этому месту'; ис. эсти. В южных диалектах наречия с основой на эс- не замечены.

Наречия этачин (лев.) 'там', этачѣ 'вот сюда'; ис. этчинин 'там', этати 'по этому месту'; в.-л. этчан и этчань (< этчань < эт-сянь) 'там'; пукс. эччинись (< этчинись) 'оттуда'; н.-кос. эччѣ (< этчѣ) 'вот сюда, на это место' — имеют основу эт(а)-, поскольку в большинстве к.-п. диалектов звук т ассимилируется последующим ч (см. стр. 61), это фонетическое явление отразилось и на наречиях.

Более прозрачна структура рассматриваемых наречий в коми-зырянских диалектах. Ср.: эстьчань (скр.), эсчань (вв. Бог.), вым., печ., сс., этчань (л. Об), этчень (л. Пор.) 'туда, в том направлении', эстьчѣ (скр.), эсчѣ (сс.), этатчы (лет.) 'туда', этатчѣ (скр. сс., уд.), этатче (вв.), этатче (иж. нв.), этчы (л. Пор.) и т.д.⁶⁶

Как и в литературном языке, в диалектах большая часть наречий произошла от существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Приведем диалектные наречия, образованные 1) от имен существительных: коч. одзынѣ 'в позапрошлом году', ыллаас 'на улице'; н.-к. омѣн 'прямо'; пукс. тусь ог вермы 'вовсе не могу', крут тырма 'везде я успеваю'; гаин. крут и круг вѣсьѣ 'кругом и кругом (везде) болит'; ис. тѣнын (лит. тѣн) 'вчера', сэсь одззуну 'в позапрошлом году'; в.-л. гожумѣн 'летом', рытѣн 'вечером', аски 'завтра', лунын 'днем', одзати 'раньше', тѣнын 'вчера', век жѣ кѣрѣ 'всегда же просит' и т.д.; 2) наречия от прилагательных: коч. гажжык 'веселее', эна 'крепко', жагѣник мунѣ 'медленно идет'; лев. чожжык 'быстрее'; пукс. чожжыка 'быстрее'; ис. бѣдѣра 'красиво'; 3) наречия от числительных: коч. ѣтчиц 'один раз', лун-мѣд 'несколько дней'; н.-к. и ис. ѣтчиц 'раз, один раз'; пукс. ѣтчиц 'однажды'; в.-л. мукѣдчиц 'иногда', мѣдног 'иначе, по-иному'; 4) наречия от местоимений: пет. толн 'завтра'; пел. тасянь 'отсюда'; б.-к. татын 'здесь'; коч. этыц 'так', таны 'сегодня'; юкс. талу 'в этом году'; чаз. тало 'в этом году'; лев. этатѣн 'вот здесь', этачин 'вон там'; пукс. этатѣны 'вот здесь', татѣн 'здесь', талань 'ближе сюда', татѣнын 'вот здесь'; чур. тась 'отсюда', этаты вѣтлі 'по этому месту я ходил'; гаин. тацз 'так', энатѣн кык пятночка 'вот тут два пятнышка'; ис. этатѣн 'вот здесь', этати 'по этому месту'; в.-л. этчан 'вон там', тацзи 'так'; мис. этісянь 'с этого места' и др.

Ср. примеры из языка верхнекамских пермяков: Мый кѡнтѡсь? 'Где что?', Китрѡя ѡлѡ 'Хитро живет', Этат вѡсьѡ 'Здесь болит', Кѡн нѡ 'де?', 'Где же, мол?', Дубѡм 'Малосольный', Сѣчань дир олѡ 'Там я долго был', Некѡдѡрѡ эссянь? 'Никуда отсюда', Сѣтика 'По этому месту', Миян этѡсь 'У нас отсюда', Шаня 'Хорошо', Ѣна 'Крепко, сильно', Кыт сѡа дѡйдѡс? 'Какое место он повредил?', Кѡнкѡ ѡлѡ 'Где-то живет', Вот этѡн-ту пѡсь 'Вот здесь горячо', Ми эсь-ту 'Мы так-ту', Миян эдз жѡ 'У нас так же', Этѡн вѡлѡма корѡста 'Здесь была короста', Вот этѡка-ту 'Вот здесь', Унаѡм 'Многовато', Эдзи и ѡзи 'Так и я спал', Тырѡма гудралѡ 'Полновато наместил я', Эссень пѡх-тѡ-ту 'Отсюда опухоль идет', Этѡн эмѡсь 'Здесь есть', Чаѡт 'Сейчас', Кѡнтѡ сѣтѡс 'Где-то отдал', Тшек-тшек 'Прыг-прыг', Ѡтчѡд 'Один раз', Эзѡка... пришлѡсь 'Так пришлось', Ранѡм жѡ унесла 'Рановато же унесла', Гѡжи чѡгѡника 'Написала я красивенько', Мѡдчѡд 'В другой раз', Жаркѡджѡка 'Жарче', Этка-ту... ѡбралѡ 'Здесь разнашивается', Мый сѣчаньнѡ? 'Что там?', Мѡчажѡк 'Красивее', Кызь вѡрдѡ... 'Как я накормил', Тасень... дзѡбѡсѡ 'Откуда... хоронили', Сѣччѡннѡ 'Там', Неохѡта и др.

Приведенные примеры в основном отличаются от соответствующих литературных форм и иньвенских диалектов своим фонетическим обликом или же морфологической структурой. Ср. также данные южных говоров. Состав наречий в южных говорах в основном одинаков, но некоторые из них по говорам имеют специфическую форму: аз. эстѡнѡ 'здесь', татѡнѡ 'здесь', снѡва, некудѡр 'никогда', этатѡн вѡр 'здесь лес', сѣтѡнѡ 'там, на том месте', кѡдз 'как', некидз 'никак', мамыт кѡтѡнѡ? 'твоя мать где?', мылѡ са шуас? 'Почему от скажет?'; тук. сѡсь (куд. сѣтѡсь) 'оттуда', сѡкта (лит. сѡк) 'тогда', эстѡнѡ 'здесь', коркѡ (лит. кѡркѡ) 'когда-то'; тим. эсьсин 'там', сѡччѡнѡсь 'оттуда', сык 'тогда', сѣччѡнѡ 'там', мѡлѡ 'почему', сѡсинѡ (лит. сѣтчѡн) 'там (например: сѡсинѡ видзѡмѡ 'там держим')'; доег. сык и сѡкыт (лит. сѡк) 'тогда', сѡдз и сыдз (лит. сѡдз) 'так', кѡтѡнас? (лит. кѡтѡн?) 'где?', кор? (лит. кѡр?) 'когда?', эта вына < эта ѡвына (ѡвын) 'так далеко', ѡтвынѡсь 'совместно, вместе'; в.-и. эсчѡнѡ 'вон там', тѡйыт сѣт (лит. сѣтѡ) да 'дорога-то там да', ѡшѡ (лит. ѡшѡ) 'еще'; сѡки пѡнѡвы шѡгѡвѡннѡ 'тогда начинал я болеть', таѡ (< таѡу) 'в этом году' и др.; ѡгв. сѣччѡннѡ (лит. сѣтчѡн) 'там, вон там', сѣктѡдз (лит. сѣтчѡдз) 'до той поры, до тех пор', кысь (лит. кытѡсь) 'откуда', сѡсь (лит. сѣтѡсь) 'оттуда, с того места', тѡннѡ и тѡн 'вчера'; ош. вѡлѡсьте 'потом, после', тасѡ 'откуда', сѣчѡн 'там'.

В последнем говоре в наречиях места (сѡѡбрѡсянь 'потом' и кытѡсь? 'откуда?') наблюдается удвоение падежных суффиксов. Ср.: 1) Сѡѡбрѡсяннѡ (вм. сѡѡбрѡсянь) корѡс 'потом просил', 2) Кытѡсѡсь

(вм. кытісь) исьмоньис? 'Откуда невестка?' Наслоение второго падежного суффикса, очевидно, вызвано стремлением уточнить значение места действия. Аналогичное явление имеет место и в егоровском говоре: сэччинь (ср. лит. сэтчин) 'там, вон там', татонь (лит. татон) 'здесь, на этом месте'; Ме татонь 'Я здесь'. Ср. другие наречия: эссяна 'кроме того, больше', эссияс 'больше этого', сэки 'тогда', тума 'много', сэсь видё 'потому (из-за) этого ругает'; Эта славанс медбурвиё 'Эта слава (позор) для меня хуже всего', Сэт кайн? 'Там поднялся ты?', Нёдонт 'Нехорошо', Пырава кёстён 'Как-нибудь зайдю'.

В хайдукском говоре у некоторых наречий места появляется конечная гласная ё, например: кытёнё (вм. кытён)? 'где?', татёнё 'здесь' и др. Аналогичное явление имеет место в тиминском, тукачевском и азовском говорах нижеиньвенского диалекта и в оньковском диалекте (см. стр. 70-71).

Некоторые специфические особенности в употреблении наречий имеются также в оньковском и нердвинском диалектах. Так, в оньковском диалекте у ряда наречий появляются новые падежные окончания плюс к старым, так называемые наращения для усиления значения места: сэчаньн < сэчань 'там, вон там', сэчаньсян < сэчань < сэтсян 'вон оттуда'. Данное явление вызвано изменением лексического значения этих наречий.

Разряд наречий места в этом диалекте пополняется за счет существительных во внешнеместных падежных формах с окончаниями -лын и -лө (внешнеместного и внешнеместного предельного падежей): лун-лын 'на юге', ойлын 'на севере', арлөдз 'до осени', гожумлөдз 'до лета'.

Некоторые наречия в нердвинском диалекте имеют специфическое фонетическое оформление: в них отразились фонетические и морфологические особенности диалекта: сёбөрсинь 'после', этасинь 'потому', кысень 'откуда', тасинь 'отсюда', сэччынсинь 'оттуда', этатон (лит. эстон) 'здесь', кокнятика 'легонок', матына 'близко'. Наречия көркөсь (ср. к.-и. көркө) 'когда-то' и кытөнкөсь (к.-и. кытөнкө) 'где-то' в большинстве случаев употребляются с суфф. мн. числа -сь (-ёсь) (который широко употребляется также с прилагательными, причастиями, числительными и с некоторыми местоимениями, ср.: басөкөсь 'красивые', уджалісьөсь 'работающие', кыкаөсь 'двое', тіанөсь 'выши' и т.п.).

Послелог

Современная развитая система послелогов является относительно поздним явлением. По происхождению послелог чаще всего являются падежными формами имен⁶⁷.

По соотношенности корневых элементов послелог можно разделить на две группы: серийные (которые входят в серию послелогов, образованных от тождественного корня) и несерийные (одиночные)⁶⁸.

К первой группе в коми-пермяцких диалектах относятся следующие послелог (примеры приведены в северном варианте): 1) с основой на въл- (вълнн, вълӧ, вълӧсь, вълӧт, вълӧдз), 2) с основой на днн- (днннн, дннӧ, дннӧсь, дннӧт, дннӧдз), 3) с основой на дор- (дорнн, дорӧ, дорӧсь, дорӧт, дорӧдз), 4) с основой на сай- (сайнн, сайӧ, са(й)ӧсь, сайӧт, сайӧдз), 5) с основой на ул- (улынн, улӧ, улӧсь, улӧт, улӧдз), 6) с основой на берд- (бердынн, бердӧ, бердӧсь, бердӧт, бердӧдз), 7) с основой на ӧбр- (ӧбрнн, ӧбрӧ, ӧбрӧсь, ӧбрӧт, ӧбрӧдз). 8) с основой на ӧдл- (ӧдлнн, ӧдлӧ, ӧдлӧсь, ӧдлӧт, ӧдлӧдз), 9) с основой на орд- (ордынн, ордӧ, ордӧсь, ордӧт, ордӧдз), 10) с основой на пытшк- (пытшкнн, пытшкӧ, пытшкӧсь, пытшкӧт, пытшкӧдз), 11) с основой на сьӧбр- (сьӧбрнн, сьӧбрӧ, сьӧбрӧсь, сьӧбрӧт, сьӧбрӧдз), 12) с основой на олз- (олзнн, олзӧ, олзӧсь, олзӧт, олзӧдз), 13) с основой на гӧгӧр- (гӧгӧрнн, гӧгӧрӧ, гӧгӧрӧсь, гӧгӧрӧт, гӧгӧрӧдз), 14) с основой на колас- (коласнн, коласӧ, коласӧсь, коласӧт, коласӧдз), 15) с основой на весьт- (весьтнн, весьтӧ, весьтӧсь, весьтӧт, весьтӧдз), 16) с основой на шӧр- (шӧрнн, шӧрӧ, шӧрӧсь, шӧрӧт, шӧрӧдз).

Большинство существительных, лежащих в основе перечисленных выше серийных послелогов (въл, днн(дн), дор, берд, сай, ӧбр, олз, гӧгӧр, колас, шӧр) функционируют в диалектах и в литературном языке как самостоятельные слова. Основы ул-, сьӧбр-, весьт- встречаются в составе производных слов или в сочетаниях слов, например: кӧрку улт 'фундамент дома', ай сьӧр 'похожий на отца, копия отца', горт весьт 'место над (перед, вблизи) родным домом'. Следовательно, структура серийных послелогов довольно прозрачна. Застывшие падежные формы -нн, -ӧ, -ӧсь, -ӧт и -ӧдз - составные

⁶⁷ Károly R é d e i. Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen von K.Rédei Radanovics. Budapest, 1962; Серебр. Ист. перм., 355.

⁶⁸ А.И. С а й н а х о в а. Служебные слова в мансийском языке. Автореф.канд.дисс. М., 1966, стр.4-11.

части серийных послелогов — являются суффиксами функционирующих ныне группы местных падежей (местного, вступительного, исходного, переходного и предельного)⁶⁹. Эти формы местных падежей выполняют функции послелогов. Но в послелогов могут перейти не только имена, употребляющиеся в этих местных падежах, но и некоторые слова, стоящие в форме творительного падежа (Муніс ю пѳлѳн 'Шел вдоль реки'; Гѳрзѳм сѳрѳн 'Со слезами'), отдалительного (мѳд бѳксѳнь 'с другой стороны'; вѳр сѳйсѳнь мѳччѳсѳс 'показался из-за леса').

В коми-пермяцких диалектах наблюдается и процесс обратного характера — переход послелогов в падежные формы, что привело к увеличению числа местных падежей (см. об этом стр.136-141).

К несерийным послелогам относятся следующие: панѳт (тѳв панѳт 'против ветра'), пасѳта (аршѳн пасѳта 'шириной с аршин'), понѳсь (зѳр понѳсь 'из-за дождя'), пѳлѳн (ва пѳлѳн 'по реке'), пѳр и пѳрѳт (му пѳр 'через, сквозь землю'), пѳрѳя (сѳ пѳрѳя 'через него'), дѳрни (тѳ дѳрни 'при тебе'), дѳрна (сѳ дѳрна 'так долго'), и дѳра (мѳй дѳра 'так долго'), ѳѳртѳ (лѳн ѳѳртѳ 'через день'), кѳжѳ (тѳв кѳжѳ 'к зиме'), кѳжѳн (ѳс кѳжѳн 'меж собой'), кѳста и кѳстѳн (сѳ кѳста 'в тот период'), ѳдѳтѳ (во ѳдѳтѳ 'год тому назад'), сѳѳрна (кѳк лѳн сѳѳрна 'в течение двух дней'), кѳч (кѳч кѳч 'как заяц'), мѳз (мѳрт мѳз 'по-человечески'), кѳзѳ и кѳзѳи (сѳ кѳзѳ 'из-за него'), ѳжѳ (тѳ ѳжѳ 'ростом с тебя'), нѳж (тѳ нѳж 'по твоему'), нѳг (мѳд нѳг 'по-другому'), сѳѳртѳ (тѳ сѳѳртѳ 'по-твоему'), понѳда, понѳдаѳсь и понѳна (кѳнѳга понѳдаѳсь 'за книгу', тѳ понѳдаѳсь 'из-за тебя, для тебя'), мѳгѳсь (ѳѳйтѳм мѳгѳсь 'для разговора, беседы'), тѳѳѳ (ва тѳѳѳ 'вместо воды'), уѳѳя и уѳѳя (лѳг уѳѳя 'со злости'), ѳѳ и ѳѳѳдѳ (гѳрш ѳѳ 'до горла'), ѳтѳ (кѳ-рым ѳтѳ 'с горсть'), сѳѳрѳя (ѳѳ сѳѳрѳя 'в отца'), сѳѳѳда и сѳѳѳда (вѳр сѳѳѳда 'высотой с лес'), ѳѳѳѳя (ѳнѳнс ѳѳѳѳя 'из-за жены'), кѳ-нѳ (нѳ кѳнѳя 'кроме них'), ѳѳсна (сѳ ѳѳсна 'за него'), шѳгѳя (зѳр шѳгѳя 'от дождя'), пѳнѳѳѳи и пѳнѳѳѳи (мѳм пѳнѳѳѳи 'вместо матери'), пѳлѳѳн и пѳѳѳѳн (кѳк пѳлѳѳн 'вдвое').

Большинство послелогов употребляется во всех диалектах коми-пермяцкого языка⁷⁰, но некоторые из них встречаются лишь в окраинных говорах северного наречия или же свойственны лишь ряду диалектов, т.е. имеют определенное территориальное распространение. Так, послелог пѳнѳѳѳи встречается в следующих говорах: пѳл. сѳчѳнѳка ѳѳѳс дѳ сѳѳ мѳй пѳнѳѳѳи и сѳѳѳм 'Кашу из крупы принес он, так ели мы с удовольствием (букв. вместо чего и ели); чѳз. ѳд

⁶⁹ Коми-перм., 189-193.

⁷⁰ См. об этом подробнее: Коми-перм., 301-309.

пыньди юи 'я выпил вместо яда'; пукс. гёрд винасё ва пыньди юоны 'красное вино как (вместо) воду пьют'. Его вариант пыньди употреб-
ляется в исаевском говоре (сы пыньди отдувайся 'отдувайся из-за
него', висьталёмыс пыньди 'за сообщение', сія нем пыньди шедіс
'он не из-за чего (зря) попался'), в мысовском и верх-лупьинском:
тё пыньди 'вместо тебя', то тай кыччё швёргомат косьтём пыньдиат
'вот куда, оказывается, ты забросил вместо сушки-то'.

Послелог ног зафиксирован в верх-лупьинском диалекте: мёд ног
'иначе, по-другому', сякёй ног 'по-всякому', сякёй ног йёдис 'вся-
чески издевался'. Послелог вёсна также замечен лишь в верх-лупьин-
ском диалекте: сы вёсна и босьтисё 'за него и взяли'.

Послелог киня встречается в гайнском, исаевском (ачыс том киня
том 'сам он из молодых (очень молод)' и пуксибском говорах (Коча-
ланыс татісь киня богатджыкось вёллісё 'В сторону Кочи по сравне-
нию со здешними богаче были').

Послелог выльа отмечен в исаевском говоре: йныс выльа сіа
торксис и торксис 'Он из-за жены испортился'.

Для сравнения приводим материалы по верхнекамскому наречию.
В нем бо́льшая часть послелогов совпадает с теми послелогоми, ко-
торые встречаются в диалектах южного и северного наречий. Некото-
рые из них являются фонетическими вариантами послелогов, встречаю-
щихся в других диалектах. Например: Нія ордын 'У них', Нія дінё
дак 'К ним так', Ныллэс привыкли кинёэс кузи дак... 'Дочки-то при-
выкли по кинокартинам так...', Тэ бырись эттшённа 'Из-за тебя та-
кой', Кама дорті видзес шильдысё 'По Каме луга ровные', Тэ дырня
ышё 'При тебе еще', Пальто бёрисё босьтан 'Пальто с собой возъ-
мешь', Тэ бёрсинь 'Вслед за тобой', Помелё пыдди 'Вместо веника',
Никита сайё 'За Никиту', Кокля бёрдті 'Около сустава', Пиок дынё
вьеду 'Вьеду к сынку', Тэ бөрё сёрё 'За тобой попадает' и т.д.

Специфическими являются послелогі: бырись 'из-за', бёрись 'с'
и пыдди 'вместо, из-за'. Как уже говорилось выше (см. стр. 135),
послелогі с основой на выл- (вылын, вылё, вылісь и др.) в верх-
некамском наречии постепенно переходят в падежные формы. Нами за-
регистрировано лишь несколько случаев сохранения полных форм
послелогов с основой на выл-, например: Отік бок вылын куйла 'Ле-
жу я на одном боку', Ме вылё логасис 'На меня сердится' (см.
стр. 135).

Ср. также, как употребляются послелогі в оньковском и нердвин-
ском диалектах. В оньковском диалекте употребляются те же после-
логі, что и в соседних, иньвенских диалектах. Специфичным для
диалекта является послелог пыдди (< пыньди - к.-я.) со значением
'из-за кого-то, из-за чего-то'. Для обозначения цели действия
употребляется послелог понда. Например: Сы пыдди нинём оз пет

‘Из-за него ничего не получится’, Зэр пыдди куртын оз туй ‘Из-за дождя грести нельзя’. Ср.: Ме понда са кёрис ‘Для меня он сделал’, и т.д.

В нердвинском диалекте встречаются те же послелог, что и в литературном языке. Лишь послелог серти ‘по’ имеет иной фонетический облик (ср. лит. сёрти): Не сы серті ‘Не по нему (Не по его вкусу)’.

Частицы

В северных диалектах употребляется довольно большое количество частиц. Перечислим наиболее часто встречающиеся из них: пё (па) тай, эд и эдось, абу, не, ни, жё, тё, и, а, бы, да, язь и разь, гладь, огладь, мед, шуч, тусь, крут, бат, кё, на, нё, -то, -ту, я и нин. Некоторые из них заимствованы из русского языка, например: эд ‘ведь’, не, жё ‘же’, или, да, огладь, крут, -ту, бы и т.д. Большинство из приведенных частиц встречается и в других диалектах коми-пермяцкого языка, и в литературном языке⁷¹.

Частица нин характерна для мысовского и верх-лупьинского диалектов: мыс. Локтёны нин кука́ннес ‘Телята уже идут’; в.-л. Пёрись нин ‘Уже стар’, Виа нин бур ‘Уж очень хорошо’.

Частица пэ – вариант пё встречается лишь в верх-лупьинском диалекте, например: Шуё пэ, лок пэ ‘Говорит, мол, приходи’. Абу пэ ‘Говорят, нет’. Но ср. в том же диалекте: Мед пё ловья ‘Пусть, говорит, живой’.

В мысовском диалекте отрицательная частица абу ‘нет, нету’ употребляется вместо частицы не: Эта нало́ггеись ли мый ли? – Абу ‘Эта по налогам что ли? – Нет (в значении – нету)’, Эта поныс тиян? – Абу ‘Это ваша собака? – Нет (нету)’. В других диалектах и говорах вместо абу употребили бы в этом значении частицу не ‘нету’. В этом же диалекте встречается частица на в значении частицы ‘ни’, ср.: сія сек на уна босьтис ‘Он больше всех уж взял’.

Частица а чаще всего встречается в кочёвском диалекте: 1) Меям кыкыс велб́чисё-а ‘У меня двое-то вот выучились’, 2) Гёдыт палжун эз бось-а ‘Дед-то твой обед вот не взял-а’.

Частица мед в значении ‘пусть’ (ср. ась ‘пусть’) характерна для северных говоров: в.-к. мед коть олёны ‘пусть хотя будут живы’; чаз. Мед только не пиши́т ни ‘Пусть только не пишит уже’; гаин. Мед мися и кулё ‘Пусть, думаю, и умирает’; чур. Мед сіа дынам олё ‘Пусть она при мне будет’; мыс. Мед локтас, мед пырас ‘Пусть придет, пусть заходит’.

⁷¹ Коми-перм., 314–317.

Часто встречаются также частицы гладь (огладь), тусь, шуч, круг, бат. Например: б.-к. Гладь кѡс 'Все сухо', Огладь талис 'Все вытопчет'; пел. Дѡгасѡм бат да 'Видимо, сердится да'; юкс. Круг вѡр 'Всюду лес'; Шуч вѡрда 'Всегда кормлю'; лев. Тусь ѡѡбѡтас 'Обманет ведь', Тусь уна 'Очень много' и т.д. Частицы гладь, шуч, тусь, круг по своей семантике близки к наречиям.

Остальные частицы встречаются во всех северных диалектах. Заметим, что частица да стоит всегда в конце предложения: 1) пукс. Мийкѡ тай вѡйпѡны сякѡсѡ да 'Что-то всякое говорят да', 2) коч. Кѡлмисисѡ да 'Кланялись да', 3) б.-к. От лѡсь да 'Не смею да', 4) в.-л. Сякѡй ног йѡйдис да йѡйдис да 'Всяко ругал да ругал'; 5) мис. Гѡжумис тай кѡльѡ да 'Лето-то вот проходит да'. Ср. данные других диалектов.

1. В верхнекамском наречии в основном употребляются те же частицы, что и в остальных диалектах, только некоторые из них имеют свои индивидуальные фонетические особенности. Ср.: аѡн < аѡу 'нет', аѡсѡсь < аѡуѡсь 'нет, не имеются', по радио ле 'по радио ли', мий уна ле? 'что много ли?' Нѡмтор йез (лит. эз) горѡчѡ-а 'Ничего же не сказал-а'.

Специфической, характерной только для данной группы говоров, является частица де: Кѡкѡт де аѡу 'Ноги, мол, твоей нет', Вѡтлы де, вѡлѡт де мѡста де 'Сходи, мол, посмотреть место' и т.д. Частица де заимствована из местного русского говора. Приведем ряд примеров на часто употребляемые частицы: Мисѡкалѡны эз куѡ да 'Вымыть-то не сумел да', Лѡктис ни 'Он уже пришел', Чайѡн-то ѡштѡн 'С чаем-то выпьешь', ѡлѡѡн-ту ѡз вѡтлы да 'Много-то не ходит да', Кѡн нѡ? 'Где же?' Казѡнной бѡня плѡть-а 'Городская баня рядом-а', Эм ли аѡу ли 'Есть ли нет ли', Ме ѡн не ѡду, сѡа ѡн мѡнѡ 'Я ѡн не еду, он едет ѡн', Гѡсударсво мѡд де мѡнтѡ 'Пусть, мол, государство платит' и т.п.

2. Для нердвинского диалекта характерно употребление специфической частицы но (нѡ, на) в значении вводного слова шѡа или мѡся мѡся, мѡша и т.п. 'мол, думаю, говорю': Ме но мун дом инвалѡдѡ, дак ѡз мун 'Я говорю, иди в дом инвалидов, так не идет', Кѡкѡн но мѡнѡны 'Вдвоем, мол, идут', Ме но адѡзин зѡнтѡ? 'Я говорю, нашла ты сына-то?' Пѡлѡ жѡ, шѡгалны но ѡпетѡ пѡна 'Я боялся же, опять, думаю, заболею'. Эта частица употребляется также в юсвинском и мелюхинском говорах.

Близки к частицам по своему значению модальные слова. В говорах нижеиньвенского диалекта встречаются два специфических модальных слова: мыша 'говору, мол, может быть' и тоо (и тово) 'вот что, вот кого, как сказать'. Значение тоо очень неопределенное. Оно, несомненно, происходит из русского слова тово (< того), так как на территории нижеиньвенского диалекта опермичилось значительное количество русского населения (переселенцев и пришельцев); модальное слово тоо встречается и в оньковском диалекте: Тоосё сет 'Дай то самое', Одз мыша тэо кёдзёны 'Рано, говорю, в этом году сект'. Тово употребляется и в хайдуковском говоре, имеющем ряд общих черт с говорами нижеиньвенского диалекта.

Модальное слово мыша имеет в говорах ряд вариантов. Например, в крохалевском встречаются меша, мыша, миша (< ме шуса 'я говорю'): крох. 1) Меша, сидз и ковё 'Говорю, так и надо', 2) Прошайчы, меша, Лёнванас 'Прощайся, говорю, с Ленвой', 3) Миша, вёв больше ог сет 'Сказала я, лошадь больше не отдам'.

С подобным же значением в иньвенских говорах употребляется модальное слово мися (мися, меся): 1) Мися, ме от эшту 'Я говорю, не успеваю (мне некогда)', 2) Мися, кытшом сэтшом уш 'Думаю (предполагаю), какая такая работа', 3) Меся, те ачит вёввин он 'Может быть, ты сам навестил он'. В федоровском, мелюхинском, в верх-юсывинском говорах и в нердвинском диалекте вместо слова мися употребляется частица но. Приведем примеры из мелюхинского говора: Абу но кобма 'Говорю, не надо было', Ме но от и высь вузавны 'Я, говорю, не смею и продать', Ме но веччи вёрсянь 'Я, говорю, пришла из лесу', Эта бокис но висьб 'Этот бок, мол, у меня болит'. Ср.: нердв. Кыкён но мунёны 'Вдвоем, мол, идут'.

Союзы

Количество союзов в коми-пермяцких диалектах невелико, так как в речи преобладают простые предложения, а среди сложных — бессоюзные сложные предложения. Имеющиеся союзы разделяются на две группы — на сочинительные и подчинительные.

Наиболее употребительные из сочинительных союзов: а 'а, вот, но', и 'и', да 'да', но 'а', но 'но'. Менее употребительны союзы: ли-ли 'ли-ли', или 'или', или — или 'или — или', не-не 'ни-ни', нето-нето 'не то — не то', али-али 'либо-либо', то ли — то ли 'либо-либо'; я — я. Остановимся на диалектных особенностях употребления некоторых сочинительных союзов.

1. Союз да часто встречается в постпозиции: 1) коч. Да сѣи да сидз лѣччы да 'Да поешь, да так иди', 2) пел. Помеччез по ўна бдѣѣн да 'Помочей, говорят, много да', 3) лев. То тай вотясьб кодь да и 'Вот капает (дождь) да и', 4) гайн. Бѣрѣш гудырті да 'Квасу намешала я да', 5) ис. Ме ѣртасимѣ да 'Мы поженились да', 6) в.-л. Гортын абу да 'Дома нету да' и т.д.

В некоторых говорах наблюдается неоднократное употребление союза да после однородных членов в предложении. Ср.: 1) чур. Вѣр-йез да нѣрйез да и вѣлісѣ да 'Леса да болота да и были да', 2) пел. Ме кѣчсѣ штук петнацетѣ да мый да вая друг 'Я зайцев по штук пятнадцать да что да приношу вдрут', 3) лев. Тшаккез да ягѣддѣз да ѣкта 'Грибы да ягоды да собираю'.

Союз да часто употребляется и вместо союза но в значении противопоставления, например: 1) юкс. Мунісѣ мамыскѣт куртны, да сѣ эз лѣктѣ 'Ушли с матерью грести, но все еще не вернулись', 2) б.-к. Вѣрас абужык жар, да тѣлько горшыс кѣсьмас 'В лесу-то не так жарко, но захочет пить', 3) чур. Мужик сайѣ вѣтліс, да эз удайчы ѣлны 'Замужем она была, но жизнь не удалась', 4) в.-л. Ме адзѣн-лі жѣ, да ог нин тѣд 'Я видел же, но уже не помню'.

В диалектах употребительны следующие подчинительных союзы: а 'между тем как', да 'так как, поэтому', кѣ, кѣбы 'если', кѣтъ 'хотя', мед, медѣн 'чтобы', мый 'что', што, кыдз(и) 'как', кѣр и кор 'когда', дак 'если', мыля? 'почему?', есыли 'если', потому што и др. Наиболее употребительными из них являются: кѣ, дак, да, кѣбы, а, мый, што. Союзы што, есыли, кѣтъ, потому што, кѣбы заимствованы из русского языка⁷². Например союзы кѣ и кѣбы 'если': 1) коч. Мѣнѣ кѣ курчѣлтасѣ, дак ме ог ни вѣрмы ўзѣны 'Если меня укусят (комары), то я уже не могу заснуть', 2) Учитик кусѣк кѣ сѣя, дак долѣлнитѣ ог вѣрмы 'Если съем кусочек, то дышать-то не могу', 3) гайн. Кылан кинсянь кѣ, висьтал 'Если услышишь от кого-нибудь, то скажи', 4) в.-л. Оз кѣ вѣнѣтѣ, вѣа нин бур 'Если не забудут, то очень хорошо', 5) пел. Кѣбы гырись юзз вѣлісѣ дак, сѣа тѣліис 'Если были бы крупные реки, то она (лебедь) перезимовала бы', 6) чур. Кѣбы сѣйез ѣзѣ вѣлѣ дак, мый бы мѣѣ ѣйѣкѣт кѣрим 'Если сестры не приезжали, то что бы мы с отцом и делали'. Нужно заметить, что союз кѣ чаще занимает постпозиционное положение (см. примеры выше), а союз кѣбы во всех говорах употребляется обычно в начале предложения. Интересно отметить, что вместе с кѣбы, как правило, в предложении появляются частицы дак и то.

Союз дак 'если, так': 1) коч. Кѣтъ кин мед, он тѣд дак 'Пусть хоть кто, если не знаешь так', 2) пел. Му ўна дак, ўна и вѣштѣ

⁷² О происхождении других союзов см.: Сереб.Ист.перм., 375-374.

‘Если земли много, то много и платит’, 3) лев. Вёрдёмось ли мый
ли дак, узьоны ‘Накормили что ли так спят’, 4) пукс. Он кóтот дак,
курнт ‘Если не намочишь, так горькие’, 5) в.-л. Ог ни вёрмы дак,
мый кёран ‘Не могу уже, так что поделаешь’. Союз дак, как и кó,
занимает место в конце предложения (главного или придаточного).

Союз дак употребляется и совместно с союзами есыли, кёр, кыз, да.

Союз да ‘так как, поэтому, потому что’: 1) чур. Куртны, навёр-
но, эдó оз жó туй, зэрис да ‘Грести, наверно, ведь нельзя же, так

как дождь был’, 2) б.-к. Силóй ветлóтi да кыз, ойон палитó ‘Сил-

ком ходил я так, поэтому словно жжет’, 3) ис. Одлбон тóждисё сой,
шоталó да ‘Очень беспокоится сестра, так как болеет она’, 4) мнс.
Усацьбатó кóдзимó, этша садитим да ‘Огород-то засеяли, так как

мало мы посадили’.
Союз а ‘между тем как, хотя’: 1) б.-к. Коримó-а, эз тай лóктó
‘Хотя пригласили, а ведь вот не приехали’, 2) чур. Пóчта вылын
уджалис да, пóчта вылисэ чапкисё-а ‘На почте работал он да, между

тем с почты уволили’. Союзы да и а также стоят в конце предложения.
Союз кыз ‘как, если’: 1) чаз. Висьталис сё на свёте, кыз кó-
лó олы ‘Сказал все на свете, как надо жить’, 2) пукс. Нiа кужó-
ны, кыз кóлó вийнытó ошшесё ‘Они умеют, как надо убивать медве-

дей’, 3) чур. Кыз пó янсóтин, сидз пó и свалит ‘Как ты развела,
так, мол, и соедини’, 4) мнс. Кыз чуть огжик узэ, сйиннэзын кыз
бус ‘Если немного не выплусь, в глазах словно пыль’.

Союз мед ‘чтобы, пусть’: 1) б.-к. Мися эзна эд ол, мед эз ош-
шасэ ‘Говорю, мало пожила (букв. еще не пожила), пусть не хваста-

ется’, 2) коч. Висьталó, мед лóктасё ‘Скажите, чтобы приехали’,

3) ис. Оз кучиччы дак, мед оз и бызгы картóлсис ‘Не окучивает,

так пусть и не просит картошки’.

Как и в литературном языке, в диалектах в роли подчинительных

союзов используются относительные местоимения и наречия, которые

принято называть союзными словами. К ним относятся: кытшóм ‘ка-

кой’, кыным ‘сколько’, кóдия ‘который’, мый ‘что’, кытón ‘где’,

кёр ‘когда’ и др.

Выше были рассмотрены одиночные союзы. Кроме одиночных союзов,

имеются еще парные: ли - ли, и - и, не - не, ни - ни, да - да,

нето - нето, толи - толи. Например: 1) юкс. Но ось ли мый ли

мыйóнкó мóбссó ‘Ну, открой ли что ли чем-то дверь-то’, 2) чур.

Трицетэ восем ли сóрок ли сýлó ‘Тридцать восемь или сорок ему’,

3) пукс. Пóрсýслó и, мóсýслó и, куканýслó и - лóс кóлó ‘Свинье-

то и, корове-то и, теленку-то и - все надо’, 4) в.-л. Сидз и вó-

лóm и олó ‘Так и было и живет’, 5) пел. Не турún нтшкыны, не гóр-

ны оз позэ ‘Ни травы накосить, ни вспахать нельзя’, 6) лев. Не

óграда áбу не мый не ‘Ни ограды нет ни что’, 7) ис. Нётó вóрисó,

нѣто бѣсьтисѣ асьныс 'Не то спили, не то купили сами', 8) чур. То ли онмѣссылі, то ли сальтѣм вѣлі 'Или заснул, или без сознания был я', 9) гаин. Арнас лымѣкыс то ли вѣлі, то ли эз 'Осенью снежок то был или нет', 10) чур. Мун ни тѣкѣ, эн ни кѣльчч 'Иди уж только, не оставайся уже', 11) в.-л. Сякѣй ног йбидіс да йбидіс да 'Всячески измывался да издевался да'.

Представляют интерес парные союзы: кыдз, сідз; кысянь, сысянь; кытѣн, сѣт(ѣн); дак, мед и кыдз - дак, кѣбн - дак, кѣ - дак, кѣтъ - дак, кѣр - дак⁷³. Второй компонент данных парных союзов - дак может стоять как в конце придаточного предложения, так и в начале главного (примеры см. на стр. 204).

⁷³ Ср. с литературным языком в кн.: Коми-перм., 309-312.

КЛАССИФИКАЦИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

ИЗ ИСТОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Первые попытки классификации коми-пермяцких говоров были сделаны В.И.Лыткиным по мере собирания им диалектного материала по коми-пермяцкому языку. Его отдельные сведения и предварительные выводы отражены в ряде его работ¹. В "Диалектологической хрестоматии по пермским языкам" в разделе "Коми-пермяцкие говоры" он пишет: "Территориальные разновидности коми-пермяцкой речевой системы в пределах Коми-Пермяцкого округа... можно объединить в два говора или вернее в две диалектные группы: северный и южный"². Северную диалектную группу он часто называет еще и косинско-камской. Южную группу говоров он называет то иньвенским, то кудымкарско-иньвенским говором (диалектом). По предварительным данным в составе южной диалектной группы В.И.Лыткин выделяет следующие говоры: кудымкарско-иньвенский, нердвинский, оньковский и нижеиньвенский. Он перечисляет их основные черты³.

Специальное исследование кудымкарско-иньвенскому диалекту посвятила А.С.Гантман-Кривошекова⁴. В этой работе она отмечает относительную близость названного диалекта к коми-пермяцкому литературному языку. "Он имеет почти тот же словарный состав, что и литературный язык... и одни и те же основы грамматического строя. Различия касаются лишь особенностей в словообразовании и словоизменении, вытекающих из своеобразного употребления *в*, а также некоторой части словарного состава..."⁵ Далее она отмечает, что "иньвенский диалект сам по себе тоже неоднороден, различия внутри иньвенского диалекта идут, главным образом, по территориальной, возрастной и другим линиям". Из иньвенского диалекта она выделяет

1 Лытк. ДХПЯ; Лытк. Ист. грамм.; Совр. к. яз.; Коми-перм. и др.

2 Лытк. ДХПЯ, 24 и др.

3 Лытк.Ист. грамм., 57-61.

4 Гантман. Слов. состав... иньв. диал., 5-7.

5 Там же, стр. 6-7.

"говор населения бассейнов рек Доег, Пой, Исыл" и констатирует следующие особенности: 1) специфические слова виж, меша и миша, дзигавны, дзиготны, идзос и удзос, коситны, кор, нарман, ричка, товос; сяньын, сятяньын, сэчань; черёмка, чир и др.; 2) и-овую огласовку в спрягаемом отрицании иг, ин, из, игё, ин(ё), ид(ё), из(ё); своеобразные явления в постановке ударения: звонитны, сэчань, умоль, пуксьыны и др. Эти черты свойственны говорам нижеиньвенского диалекта.

Е.В.Ботева в составе иньвенского диалекта называет следующие "разновидности, как-то: оньковская, расположенная в одноименном сельсовете и характерная наличием звука д; нижеиньвенская, занимающая бассейн северных притоков р. Иньвы – Доега, Поя и Исыла с прилегающими к ним территориями по р. Иньве; кудымкарско-иньвенская, расположенная на остальной территории бассейна р. Иньвы с притоками. На границе этого последнего говора и нижеиньвенского расположен переходный говор, который можно назвать среднеиньвенским"⁶.

Итак, в составе южной диалектной группы были названы пять диалектов: кудымкарско-иньвенский, среднеиньвенский, нижеиньвенский, оньковский, нердвинский. Е.В.Ботева впервые различает среднеиньвенский говор южного наречия, не выделяя его специфических особенностей.

Это подразделение говоров южного наречия в тот период отражало степень изучённости диалектов и говоров названного наречия, занимающего обширную территорию двух крупнейших районов округа – Юсьвинского и Кудымкарского, население которых говорит на воевых диалектах.

В составе северной диалектной группы В.И.Лыткин различает "лупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупь"⁷.

Коми-пермяцкие диалекты и говоры⁸ на основании некоторых общих черт можно объединить в три крупных наречия: северное, южное и верхнекамское. Объектами нашего исследования были диалекты первых двух наречий, занимающих территорию Коми-Пермяцкого национального округа. Попутно нами исследованы основные особенности верхнекамского наречия – языка кировских пермяков, проживающих на территории Афанасьевского р-на Кировской обл.

⁶ Коми-перм., 41.

⁷ Лытк. ДХПЯ, 25–26.

⁸ В.И.Лыткин употребляет термин "говор" для обозначения мелкой территориальной разновидности, совокупность говоров называет наречием. Термин "диалект" употребляет как в значении говора так и в значении наречия.

Группировку диалектов и говоров⁹ мы даем на основании рассмотренных выше черт. Это первый опыт фронтального исследования коми-пермяцких диалектов. Отсутствие исследований по северному наречию и слабая изученность коми-пермяцких диалектов вообще не могли не сказаться и в данной работе. К тому же за короткий срок не было возможности изучить более детально говоры всех или хотя бы большинства крупных населенных пунктов. Поэтому границы говоров и диалектов имеют условный характер. Последующие исследования по коми-пермяцким диалектам позволят конкретизировать наши выводы по этой сложной проблеме.

В основу подразделения коми-пермяцкого языка на наречия, диалекты и говоры взяты их фонетические, морфологические, а также лексические особенности (различия). Синтаксис разговорного языка коми-пермяков пока никем не исследован.

По сложившейся традиции, в коми-пермяцком языке за основу классификации диалектов в качестве одной из ведущих черт берется различное употребление звуков л и в. Еще Н.А.Рогов, автор первой грамматики пермяцкого языка, в середине прошлого века отмечал, что "пермский, или пермяцкий, язык в имениях Строгановых имеет два наречия, отличающиеся изменением буквы (т.е. звуков. — Р.Б.) в и л; в первом наречии, принятом здесь за главное, буква (звук) в выговаривается почти во всех случаях, где это возможно, исключая весьма немногих слов, в которых удерживается буква (звук) л; во втором наречии во многих словах, однако же не во всех и не вполне, вместо коренной в выговаривается л. Коренным наречием говорят пермяки, живущие в северной и восточной частях иньвенской дачи и в смежной с нею купросской, а измененным в юго-западной части иньвенской дачи и в лежащей южнее ее кокшаровской, для отличия от коренного, названо южным и обозначено буквою "ю"¹⁰. Под южным наречием Рогова предполагается современный нердвинский диалект, относящийся к группе эловых.

В.И.Лыткин все коми диалекты (зырянские и пермяцкие) по употреблению звука л делит на четыре типа: эловые, вз-эловые, нуль-эловые и без-эловые¹¹. Из этих четырех групп в коми-пермяцком языке встречаются два типа — эловые и без-эловые или взовые.

⁹ В нашей работе термин "говор" обозначает мелкую территориальную разновидность. Группу говоров, имеющих ряд одинаковых черт, мы называем диалектом. Термин "наречие" употребляется для обозначения совокупности диалектов или говоров, обладающих общими чертами.

¹⁰ Рогов. Опыт грамм. перм. яз., 5-6.

¹¹ См. в кн.: Совр. к. яз., 45-57.

Те же четыре типа диалектов коми языка в целом – коми-пермяцкого и коми-зырянского – выделяет И.И.Майшев, автор первой научной грамматики коми-пермяцкого языка. Он пишет, что " в Коми-Пермяцком округе в отношении чередования л/в два резко противоположных говора – лыкающий и выкающий"¹².

В результате фронтального исследования основных говоров и диалектов все коми-пермяцкие диалекты по употреблению звуков л и в мы делим на три типа: эловые, вэовые, или без-эловые, и нуль-вэовые.

I. Для эловых диалектов характерно сохранение древнего л в начале, середине и в конце слов, например: пöл 'доска', кöл 'пояс', колны 'понадобиться', лок 'иди сюда', сьылыны 'петь', сылны 'та-ять', полö 'боится' и т.п. К этим диалектам относятся следующие районы с коми-пермяцким населением: 1) верховье р. Нердвы притока р. Обвы – пермяцкие населенные пункты Ленинского сельсовета Кудымкарского р-на; 2) бассейн р. Косы (с ее притоками и верховье р. Камы с притоками – Лупья, Леман, верховье р. Тимшер) – это территория Кочевского, Косинского и Гаинского р-нов Коми-Пермяцкого округа; 3) северо-восточная часть Кировской обл. (Афанасьевский р-н), где живут кировские пермяки.

II. Для вэовых, или без-эловых, диалектов характерно отсутствие звука л. Здесь л в любом положении перешел в в: тöв 'зима', чöв 'молчи', сьв 'талый', кывнас 'языком', тöвöн (тöөн, тöвöн) 'зимой', вöввис 'он приходил', вёччы 'спустись', ов 'живи' и т.п. К этой группе относятся диалекты и говоры бассейна р. Иньвы, притока р. Камы, занимающие территорию Кудымкарского и Юсьвинского р-нов Коми-Пермяцкого округа, за исключением коми-пермяцких населенных пунктов Ленинского сельсовета Кудымкарского р-на и Оньковского сельсовета Юсьвинского р-на.

III. К третьему типу диалектов – к нуль-вэовому относится территория Оньковского сельсовета (по р. Онь и Исыл, притокам р. Иньвы) Юсьвинского района. Отличительной чертой оньковского диалекта является отсутствие фонемы в, звук в встречается только как вариант фонемы л (звук в утратил свою фонематичность), ср.: лаж и важ 'старый, поношенный', лон и вон 'вот, тут, это', лöт и вöт 'сон' и т.д.

СОВРЕМЕННОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ДЕЛЕНИЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

По территориальному признаку в собственно коми-пермяцком языке на территории округа выделяются два крупных наречия: северное и южное. Все диалекты северного наречия относятся к эловым, в них

¹² Майшев. Грамм. коми-перм. яз., 11.

звук в встречается лишь в начале слова, в остальных случаях вместо него употребляется звук д. Дialectы южного наречия, кроме оньковского и нердвинского, характеризуются отсутствием твердой фонемы д и сужением позиций звука в. Оба наречия неоднородны и делятся в свою очередь на ряд диалектов. Язык кировских пермяков мы рассматриваем как самостоятельное наречие и называем верхнекамским. По употреблению звуков д – в он напоминает северное наречие (см. карту 8).

Северное наречие

Оно занимает территорию трех районов – Кочёвского, Косинского и Гаинского. В этих районах, охватывающих около 70% всей площади Коми-Пермяцкого национального округа, проживает всего около 30% коми-пермяцкого населения. Большая часть территории занята лесами и болотами.

Между северным и южным наречием расположен Юринский р-н с русским населением.

Основные отличительные черты северного наречия от южного: 1) наличие д этимологического во всех позициях в начале, середине и на конце слова; 2) широкое употребление звука ö на месте о; 3) процесс морфологизации ударения в диалектах находится на различных ступенях развития; 4) во всех диалектах различается достигательный падеж на -ла (как и в литературном языке); 5) сохранение более древнего окончания винительного падежа -лõ наряду с -õс, кроме мысовского и верх-лупьинского; 6) действует процесс разрушения серийных послелогов с основой на выл-; 7) отсутствует суфф. -жуг со значением пренебрежительности и уничижительности, широко употребляемый в южных диалектах, за исключением оньковского; 8) замедленное развитие ряда фоно-морфологических процессов; 9) имеется значительное количество слов, специфических для данного наречия: баг 'отстой, осадки при вытопке масла', батькõр 'название рыб', беля тўту 'ромашка', бўдзгыльсьны 'смотреть зло', бўгыль 'картошка в мундире', вериктыны 'мелькать, мельтешить', гўрдзыны 'кудахтать', данасьны 'споткнуться', интыны 'назвать, наименовать', лельыт 'гибкий, мягкий', милесь 'цель', педзил 'недотрога', пугыр 'сосняк на болоте' сё 'сто', сюрс 'тысяча' сўн 'быть', случиться, тук 'жир', тшõгны 'ожиреть, толстеть', чїжи турўн 'крапива', шёрдын 'лоток из бересты', шомкõр 'кислица, щавель' и т.д.¹³

¹³ Нами составлен "Краткий словарь диалектных слов", в него включено около 1,8 тыс. словарных единиц.

Первые статьи о северных говорах были написаны Г.А.Нечаевым¹⁴. В них он дал краткую характеристику верхнекамскому (так называемому зюэдинскому) и кочевскому диалектам.

В.И.Лыткин именует северные диалекты то северным говором (иногда: говорами), то северной или косинско-камской диалектной группой (или диалектом)¹⁵. Он пишет, что "громадное большинство населения северного коми-пермяцкого диалекта живет в бассейне р. Косы, правом притоке Камы, лишь весьма небольшая часть коми-пермяков расположена по Каме и ее левым притокам Лупья и др. Поэтому имеются все основания назвать этот диалект косинско-камским. Косинско-камский диалект, распадающийся на несколько под-диалектов (говоров), незначительно отличающихся друг от друга, представляет единое целое и заметно отличается от южного (иньвенского) диалекта. Среди говоров косинско-камского диалекта несколько выделяется говор бассейна р. Лупьи, левого притока Камы, являющийся самым северным коми-пермяцким говором. Однако этот говор не столь резко отличается от прочих говоров косинско-камского диалекта, чтобы его выделить в особую диалектную группу: лупьинскому говору в основном свойственны те же черты, какие остальным говорам этого диалекта"¹⁶. "Говоры косинско-камского диалекта в отношении целого ряда своих особенностей в зависимости от территориального приближения с севера на юг, постепенно приближаются к южному, иньвенскому, коми-пермяцкому диалекту"¹⁷. Здесь же он дает характеристику особенностей косинско-камского диалекта по сравнению с иньвенским и выделяет некоторые черты верх-лупьинского говора¹⁸.

В составе северного наречия можно выделить следующие диалекты: кочевский, косинско-камский, мысовский и верх-лупьинский.

Кочевский диалект

Кочевский диалект расположен на территории Кочевского р-на, который на севере и северо-востоке граничит с территорией косинско-камского диалекта (с Гаинским и Косинским р-нами), на юге - с Юрлинским р-ном и на западе - с Кировской обл.

Большинство населения, говорящего на кочевском диалекте, - в отличие от носителей говоров на территории Косинского и Гаинского

¹⁴ Нечаев. Характеристика зюэдинского диалекта. Нечаев. Отношение окр. коми лит. яз. к сев. диал.

¹⁵ Лытк. ДХПЯ, 24-26; Ист. грамм., 58

¹⁶ Лытк. Отчет о научной командировке..., 12.

¹⁷ См. об этом также в других работах В.И.Лыткина, указанных выше.

¹⁸ Лытк. ДХПЯ, 26.

р-нов - проживает на более или менее компактной территории, поэтому связи между отдельными населенными пунктами издавна были довольно оживленными. Это создало определенные условия для более равномерного развития языковых явлений на большей части территории этого диалекта. В несколько других условиях (особняком) находится население на территории Больше-Кочинского сельсовета (от районного центра Кочево до с. Б.-Коча - 20 км.).

Кочевцы издавна имеют контакты с носителями кудымкарско-инь-венского диалекта южного наречия. Кочевский диалект, как наиболее близкий по расположению - разделяет их Юрлинский р-н с русским населением - к южному наречию, по ряду фоно-морфологических черт как бы является "переходной ступенькой" между северным и южным наречиями. В нем интенсивно развивается процесс перехода послелогов с основой на вы- в падежные формы, полные формы этих послелогов встречаются сравнительно редко (см. стр. 132-134). Процессы морфологизации ударения в этом диалекте особенно интенсивны (см. стр. 97-101). Многие суффиксы в большинстве случаев являются ударными: -ал, -от, -ыл, -ыш(т), -отт, -ост, -ом, -ан. Всегда ударны: -ок, -нан, -ола (суфф. порядковых числительных).

Из других особенностей отметим следующие: 1) случаи замены исконного в звуком л (лаас вм. ваас 'в воду', та́ло вм. та́во 'в этом году', ло́ззыны вм. во́ззыны 'навязывать', ло́ллис вм. во́ллис 'он приходил' и т.д.); 2) наличие вставочного л (пу́ламō вм. пуа-мō 'варим', шу́лан вм. шуан 'говоришь' др.); 3) встречаются случаи выпадения интервокального л (суа́лыш вм. сула́лыш 'постой', висьта́й вм. висьта́л 'я сказал' и др.); 4) более широкая ассимиляция звука й (чем в южных диалектах) предшествующими твердыми согласными (сыс́сала вм. сысй́ала 'цежу', ло́ззыны вм. во́ззыны 'навязывать', оз́ о́ззы вм. оз́ о́зйи 'не горит', гы́жжало́ вм. гы́жйало́ 'скребет', чешет' и др.); 5) наряду с окончанием отдалительного падежа - -сянь в редких случаях появляется -синь (он мало употребителен).

В кочевском диалекте встречаются суфф. -шон с пренебрежительным значением (ср. лит. -жут) и окончание исходного падежа -ись вм. -ись. Например: зонкашон 'парнишка', сэ́тьсь 'оттуда'. Окончание -ись малоупотребительно.

Суфф. мн. числа -эз в середине слова выступает в сокращенном варианте -э: во́ллэон вм. во́ллэзон 'лошадьми', зы́ряннэлань вм. зы́ряннэлань 'к зырянам', та́тиссе́нс вм. та́тиссэ́нс 'здешние-то' и др. Это явление свойственно всем кочевским говорам.

В кочевском диалекте выделяются больше-кочинский и пелымский говоры. Ряд черт говора кксеевского куста являются переходными между особенностями кочевского и косинско-камского диалектов. То

же самое можно сказать о чазевском кусте косинско-камского диалекта, административно входящего в Косинский р-н.

Больше-кочинский говор по отношению к "основному" – кочевскому диалекту – является крайним, он занимает территорию Больше-Кочинского сельсовета. Отличительной его чертой является то, что в нем чаще, чем в других говорах диалекта, наблюдаются случаи постановки ударения на первом слоге (см. стр. 102), имеют место случаи колебания в ударении, например, а́сьяпонся 'утренний', ко́кчу́ньлас 'на цыпочках' и др. Это отражается и на постановке ударения в русских заимствованиях: ма́шина, ска́мья, труси́к, валя́нки, ку́мао ми́ськало́ 'кума моя моет' и др. В остальных кочевских говорах случаи переноса ударения в заимствованиях единичны.

Пельмский говор распространен в деревнях Пельм и Кузьмино Петуховского сельсовета Кочевского р-на. В отличие от соседних говоров, в пельмском суфф. мн. числа является -э (-е): э́на го́ддэо́ (вм. го́ддэо́) 'в эти годы', во́ллэо́н (вм. во́ллэо́н) му́но́ны 'едут на лошадях', сюэ кузя 'по яровым', ло́ссе сyóрын 'за лосями', ра́ссе йды́тoсь 'рощи большие' и др. Здесь э из суфф. -эз выпал во всех позициях перед суффиксами, окончаниями и на конце слова.

Имеются случаи наличия конечного гласного и: о́кто по́ны (вм. пон) 'подбирает собака', то́ны (вм. то́н) се́тис 'вчера он отдал'.

В пельмском говоре в ряде слов отмечено произношение специфического звука, нечто среднего между звуками о и и, обозначенного нами буквой е. Он в какой-то мере напоминает коми-язьвинский гласный е¹⁹, например: ше́тём 'выпаш' (обл.), ту́рэн 'трава', сье́ро́мка 'настоянная брага' и др.

В данном говоре употребляется послелог пиньди (мый пиньди 'вместо чего'). Он встречается также в пуксибском говоре, а его вариант пыньди – в мысовском, верх-лупьинском диалектах и верхнекамском наречии.

К о с и н с к о - к а м с к и й д и а л е к т

Данный диалект занимает территорию Косинского и Гайнского р-нов, за исключением Мысовского сельсовета. На этой значительной территории с относительно редким населением (на 1 кв. км. – от 4 до 1 чел.) населенные пункты располагаются "островками" в бассейне р. Коса и на правом берегу верхней Камы, поэтому в языковом отношении диалект не является однородным, правда, различия не очень значительные.

¹⁹ Лытк. Коми-язьв., 24-26.

Основные фоно-морфологические процессы развиваются более или менее равномерно. По сравнению с кочевским диалектом, в косинско-камском процесс перехода послелогов с основой на выл- в падежные форманты протекает более медленно, т.е. полные формы послелогов — вылын, вылѳ, вылѳсь, вылѳт, вылѳдз встречаются примерно в 50% случаев (примеры см. на стр.132-134).

И только коми-пермяки, живущие в районе Гаинского, Исаевского и Пятигорского сельсоветов, употребляют полные формы послелогов с основой на выл- очень редко. Унификация суффиксов продолжается.

Степень морфологизации ударения в этом диалекте (по сравнению с кочевским) также находится на более низкой ступени развития (стр. 103-113). Например, говор периферийного чазѳвского куста по своей системе ударения близок к кочевскому. Чем дальше к северу, тем чаще ударение в диалекте ставится на первый слог; перенос ударения на тот или иной суффикс выражен гораздо слабее (см.стр.103-109). Так, большинство коми-пермяков Косинского р-на (соседнего с Кочевским), по сравнению с гаинскими, часто ставят ударение на суфф.: -ал, ѳт; реже — -ись, -ась, -ыл(л). Всегда ударны в их говоре суфф. -ок, -тор (в существительных), -ѳник (в прилагательных); — -нан, -ѳт, -ѳдз (в числительных). У прилагательных с суфф. -жык и -ик в косинском и в левичанском говорах ударение переносится на предшествующий им слог, в в чураковском и пуксибском — непосредственно (см.стр.103-108).

В говорах гаинского куста всегда под ударением находится суфф. -ок. В редких случаях под ударением могут быть глагольные суфф. -ѳт, -ал, -ась, -ѳст, -ит, а также именные — -ѳс, -ас, -ѳн. Суфф. -жык, как правило, перетягивает ударение на предшествующий ему слог, что характерно и для соседних диалектов — мысовского и верх-лупѳинского. В говоре исаевского куста инфинитивная форма глагола имеет ударение на слоге, предшествующем суфф.инфинитива: сералны 'смеяться', кастьісьнытѳ 'помянуть-то', горѳччыны 'высказать', норасъны 'жаловаться' и др. Это свойственно верхнекамскому наречию и в какой-то степени всем северным диалектам, а также летскому говору коми-зырянского языка.

В некоторых говорах встречаются случаи сохранения й в составе суфф. мн. числа имен существительных. Например, в левичанском й сохраняется в именах с основой на р (горйѳз 'печки', вѳрийѳз 'леса', шѳрийѳз 'мыши' и др.). Исключением является слово кырнышйѳз 'вороны'. Суфф. -ѳз употребляется в полной форме: вѳннѳзыс 'братья его', вѳѳзѳ 'в сырые места' и др.

Довольно часто й в составе суфф. мн. числа встречается в говорах пуксибского куста, например: нѳрийѳз 'болота', мѳсийѳз 'коровы', нѳйѳс 'поля' и др. Следует отметить, что это окраинные го-

воры косинско-камского диалекта. Данное явление имеет место в соседних – мысовском и верх-лупьинском диалектах. На остальной части Гаинского р-на оно не встречается.

Лично-притяжательные суф. 2- и 3-го л. ед. числа в левичанском и исаевском говорах имеют полную и краткую формы -ыт(-т), -ыс(-с), например: лев. Ванят 'Ваня-то', шóндис 'солнце-то', но: о́шыс 'медведь-то', кыит 'рука твоя' и др.; ис. картас ына 'расстояние до двора', Васькат 'Василий-то', но: каньыс 'кошка-то', гóртыт 'твой дом' и др.

В исаевском говоре личное местоимение 3-го л. ед. числа sia имеет краткую форму са: Да оз са кай 'Да не придет он'; Оз эд са кольччн 'Он ведь не останется'; Сia лóггечн 'Он (это) в логах'.

Для данного говора характерно одиночное отрицание: Оз и пол не йóз мóртись не мый (вм. не мый не) 'И не боится чужого ни что'; Нýлка не йнъка (вм. не нýлка, не инъка) лóис 'Ни девушкой, ни вдовой не стала'; О́зо ко́сясьо не (вм. не мый не) 'не дерутся'.

Возвратная частица -сь употребляется несколько шире, чем в кижских диалектах: Ме сидз лóси 'Я такой стал'; Кýмаазóн шу́сям 'Называем друг друга кумушками'; Кайласи óтчид 'Сходил я один раз'; Сia турунасьо 'Он заготавливает сено'.

В говоре встречается послелог киня со значением сравнительного оттенка: том киня том (ср. лит. томся том) 'очень молодой'. Специфическими послелогамия являются пыньди и вылья (например: Сы пыньди 'Из-за него', Зёрыс вылья тóркис 'Из-за дождя испортился'), которые для пуксиского говора также характерны (например: ва пыньди 'вместо воды', тáтись киня 'по сравнению со здешними'). В нем встречается сокращенная форма местоимения мем 'мне'. Она употребляется и в мысовском диалекте, и верхнекамском наречии (см. стр. 217, 222).

МЫСОВСКИЙ ДИАЛЕКТ

Мысовский диалект занимает территорию одноименного сельсовета, за исключением верх-лупьинского куста. Он расположен вдали от остальных населенных пунктов Гаинского р-на. Расстояние от с. Гайны до с. Мысы 40 км. Диалект распространен в деревнях: Мысы, Конопля, Сойга, Тошюб.

Мысовскому диалекту свойствен ряд специфических черт. Суф. мн. числа -йэз имеет варианты -йэс, -йас, -эз, -ас, например: га́йэс 'черви', са́йэс 'сады', суста́йас 'суставы', ко́йэз 'ноги', ва́эз 'воды', кни́гаэз 'книги', ка́ннез 'кошки', ло́дзэс 'оводы' и др. Варианты -йэс, -йас, -йэз употребляются с именами на твердую согласную основу и мягкую согласную (примеры см. выше). Имеющиеся единичные

отклонения (пéссэз и пéсийэз, налóгтейсь) появились в результате влияния имен с основой на мягкий согласный.

Серийные послелого с основой на вы- разрушаются: запаняллын 'на западне', гóрылын 'на печке', кóйканын 'на кровати', гòл-бечлысь 'с голбечи', но: пíзан вылын 'на столе', кáрта выò 'во двор', вòл вылысь 'с лошади' и др. Полные формы послелогов, как и в косинско-камском, употребляются примерно в 50% случаев.

Форма исходного падежа на -ись употребляется в значении отдалительного и сравнительного. Ср.: Ошись пола 'Медведя боюсь', Пó-лòмись мúnис (лит. полòмсянь) 'От испуга ушел', Вынажык кóйнись (лит. кóйнся) 'Сильнее волка'.

Винительный падеж на -лò не встречается; это характерно и для верх-лупинского диалекта.

Лично-притяжательные суф. 2- и 3-го л. ед. числа -ыт и ис имеют краткие формы -т и -с например: Надыт 'Твоя Нада-то', Марикас-дòн 'У Марийки-то', Пòраис прòйдитò 'Время проходит', Мòсыт гòрт-ат 'Твоя корова дома'.

Значение превосходной степени прилагательных выражается аналитически: ёна мича 'очень (самый) красивый', ёна бур 'очень хорошо', ёна жар 'очень жарко'.

Исконные числительные встречаются до десяти: òтик, кык, куйм, нèль, вит, кватъ, сизым, кыкъямыс, òкмыс, дас. Сохранилось сè 'сто'.

Для говора характерно указательное местоимение та: Та дыра 'Так долго', Та гырися 'Так крупно'. Специфическим является сэсся 'кроме того', ср.: сэсся и кòдикò 'кто-то, который-то', тáтшòм 'такой'. Личное местоимение 3-го л. мн. числа ня имеет вариант няя 'они', ср.: няялòн и нылòн 'у них'.

Употребляются краткие формы лично-притяжательных местоимений. мем 'мне' и тэт 'тебе', например; мем аслым 'мне себе, самому', тэт аслыт 'тебе себе, самому'.

Встречается специфическое счетно-личное местоимение òтнасым 'я один', но: òтнам, òтнат, òтнас, òтнаным, òтнаныт, òтнанис.

Инфинитивная форма глаголов принимает суф. определенности -т и -с: кúртныт 'грести-то', пýрныт 'зайти-то', òлныт 'жить-то', изныс 'смолоть-то', гíжыс 'писать-то' и др.

Несколько шире употребляется глагольный суф. -ал со значением длительности, повторяемости действия: начкаллын (лит. начкýвны) 'резать скот', гор лонталлын 'печь топить' и др.

Глаголы в форме 2-го л. ед. и мн. числа первого прошедшего времени имеют окончания -ин и -инò, а в настоящем и будущем времени ед. числа -анò, например: вòлн 'ты был', вòлнò 'вы были', кéранò 'вы делаете', можот пёткòтланò 'может быть вынесете', тэ кéринò 'вы делали'. Эта черта свойственна верхнекамскому наречию (см. стр.

Деепричастия имеют суфф. -игѳ: уджэлѳгѳ 'работая', пѳтѳгѳ 'выходя'.

Специфическими частицами являются нин, нѳ, на, тац: Гѳртат нин? 'Дома уже?' Вѳтлѳтан на? 'Ходишь еще?' Бѳасѳѳмѳн нѳ ѳлѳѳ 'А тогда лучиной пользовались'.

Общее отрицание выражается частицей ѳбу 'нет, не имеется', например: Эта налѳггѳсѳ ли мѳй ли? — ѳбу (ср. лит. не) 'Эта по налогам что ли? — Нет'; ѳбу ѳлын (ср. лит. нелын) 'Не далеко'; Эта пѳннс тѳан? — ѳбу 'Это ваша собака? — Нет'.

Мысовский говор имеет ряд общих черт с косинско-камским диалектом, но ближе примыкает по своим особенностям к верх-лупьинскому.

В е р х - л у п ь и н с к и й д и а л е к т

Верх-лупьинский диалект распространен в селениях Верх-Лупья, Пурга, Коса-сотѳѳм, Ягдын, Шордын. Все они входят в состав Мысовского сельсовета. Большая часть населения этих деревень ныне переселена в с. Гайны. В названных пунктах осталось всего несколько семейств.

От Верх-Лупьи до ближайшего коми-зырянского селения Дзѳль около 20 км. На юге диалект граничит с мысовским. Верх-лупьинский диалект является самым северным и относится к числу окраинных.

В этом диалекте чаще, чем в косинско-камском и мысовском диалектах звук в выступает как вставочный звук: Кѳчѳ нѳ лѳвисѳ (вм. лѳисѳ)? 'Куда же делись?' Ювѳн ювисѳ (вм. кан кѳсѳ) 'Квасу выпили'; Пѳнда пѳлвынн (вм. пунн) 'Буду варить иногда'. В качестве вставочного изредка встречается звук д: ѳчѳм пѳ шѳла 'Сам, мол, выскажу'.

Отличительной чертой диалекта является наличие варианта д — 1 (д средневропейского). В употреблении 1 никакой закономерности установить не удалось, он появляется как вариант фонемы д и напоминает коми-зырянское д средневропейского типа, например: лѳк 'иди', 1унн 'днем', ѳламѳ 'живем', кѳлта 'кофта' и т.д., но: ѳнлѳ 'ему', 1упѳсѳ 'из Лупьи' и др. Д твердый в верх-лупьинском диалекте имеет более широкие позиции (см. стр. 42).

Другой отличительной чертой является довольно широкое употребление звука э на месте ѳ в первом слове слова: мѳмѳ 'моя мать', пѳѳвѳй 'деревянный', пѳймѳ 'болит', ѳмѳсѳ 'имеются', пѳлкаѳн 'палкой' и т.д. Позиции э на месте ѳ других диалектов не устойчивы: одни и те же слова и формы их могут употребляться со звуком э или ѳ. Это значит, что в употреблении звука э на месте ѳ нет никакой закономерности. Следовательно, звук э здесь выступает как вариант фонемы ѳ (см. стр. 71-72).

В диалекте встречаются случаи стяжения гласных или вынадения их, например: пельшеричан (вм. пельшѣричаѣн) олѣ 'работает фельдшер-цей', скѣржык (вм. скѣрѣжык) 'скорее', ягѣдасѣѣн (вм. ягѣдасѣѣнн) 'собирают ягоды', пѣктын (вм. пѣктынн) 'положить'. Эта черта свойственна верхнекамскому наречию.

Звук рь (мягкий р) не усвоен: зыранка 'зырянка', прамѣй 'хороший', румка 'рюмка', морѣнѣй кѣр 'моренный вкус' и др.

И сохраняет свои позиции в большинстве случаев в составе суффиксов. мн. числа -ѣз. В отличие от мысовского говора, в верх-лупьинском -ѣз (-ѣс) появляется изредка в словах с основой на гласную и мягкую согласную, например: кнѣгаѣз 'книги', кѣѣз 'руки', панѣ-ѣз 'ложки'. Вариант -ѣз (-ѣс) употребляется в именах с основой на согласную, ср.: кагаѣс 'дети', комѣзѣс 'коми-то'.

Дательный падеж имеет окончания -лѣ и -лы: ѣйлѣ кѣлѣ 'Отцу нужно', Нѣлы сѣтны 'Им отдать'. Дательный на -лѣ может употребляться иногда в значении отдалительного: Нарѣд тѣнѣлѣ кѣлыс (ср. лит. тѣнѣсанѣ кѣлыс) 'Народ с голоду умирал'.

В исходном падеже выступает окончание -исѣ. Вариант -исѣ малоупотребителен, например: Тѣтисѣ Мѣсѣсѣ 'Откуда из Мысово'; Нѣа Луписѣ 'Они из Лупы'; Ѣа Москванѣсѣ 'Не из Москвы'. Форма исходного падежа встречается вместо сравнительного: Тѣ тѣмѣжык мѣмѣисѣ (ср. лит. мѣмѣся) 'Ты моложе своей матери'.

Лично-притяжательным суффиксом 1-го л. ед. числа является -ѣ (е). Вариант -ѣй встречается очень редко: мѣмѣ 'моя мать', бѣте 'мой отец', Иванѣ 'мой Иван', но: ѣнѣй (вм. ѣнѣ) пѣтѣсѣ пѣкалѣгам 'сидя спать захотелось'.

Как и в мысовском диалекте, лично-притяжательный суффикс 2- и 3-го лица ед. числа -ѣт, -ѣс имеют краткие формы -т и -с, например: сѣмѣкас ѣбу 'сумки нет', то чѣчат 'вот твоя игрушка' и др.

Сравнительная степень у прилагательных образуется с помощью слов: вѣа нѣн, вѣлтѣ, ѣна, лѣвѣ, мѣдѣя: ѣна пѣймѣ 'Очень сильно болит'; Вѣа нѣн бур 'Очень уж хорошо'; Кѣринас вѣлтѣ жѣ бур 'В Харино тоже очень хорошо' и др.

Относительные прилагательные образуются с помощью суффикса -ѣвѣй: пѣувѣй 'деревянный', кѣртѣвѣй 'железный', нѣнѣвѣй 'хлебный'.

Личное местоимение 3-го л. мн. числа нѣа 'они' имеет основы нѣ- и на-, последняя более употребительна: Да нѣлѣѣн ѣнаѣ ѣлѣсѣѣн 'Да это все у них', Нѣйѣ лѣдзасѣ канавѣас 'Их выбросят в канаву'. Местоимение 3-го л. ед. числа сѣа часто встречается в краткой форме са 'он', например: Мѣд са вѣсѣталас 'Пусть он выскажется'. Употребительны в диалекте местоимения: кѣдѣа, кѣдѣа 'который', кѣд, кѣдѣ 'кто', ѣтѣтѣѣѣм 'такой', та, тѣйѣ 'тот', та, 'то'. Обобщенно-определительные местоимения став, ставѣс 'все, всё' характерны

лишь для верх-лупьинского и мысовского диалектов: Ста́всö пү́кта 'Все выложу', Ста́всэ э́татшöм 'Все такое'.

В данном диалекте чаще, чем в южных, встречается глагольный суфф. -ась: гй́жасисö 'расписались', ягöдасьöн 'собирают ягоды', шү́асьны 'молвить'. В остальном глагольные словообразовательные форманты совпадают с соответствующими формантами мысовского диалекта.

Деепричастия имеют суфф. -игöн (-игöн): Лү́пьяс öли́гöн 'Живя в Лупье', Ягöдали́гöн 'Во время собирания ягод'.

Специфическим послелогом является ног (ср. южн. моз), например: Сякöй ног йй́йдис да йй́йдис 'Всячески обругал он'.

Употребляется также и послелог пы́нди со значением 'из-за'. Остальные послелогии употребительны и в других диалектах.

Процесс разрушения серийных послелогов с основой на выл- только начинается: пы́заны́лын (вм. пызан вы́лын) 'на столе', го́рылын (вм. гор вы́лын) 'на печке' (см. стр. 134).

Как и в мысовском, в данном диалекте употребляются частицы нин и нö, частица мед в значении 'пусть' (ср. лит. ась): Нё́ля нин 'Уже четверо'; Мый нö тй́ гй́жатö? 'Что же вы пишете?'; Да мед öсьтö 'Да пусть откроет'.

Мысовский и верх-лупьинский диалекты являются смешанными: в них имеются черты, сходные с коми-зырянскими диалектами. Отметим их в отдельности. В мысовском диалекте зафиксировано следующее: 1) наличие варианта суфф. мн. числа -йэз -йас (ср. к.-з. -яс) (стр. 52-53, 124); 2) употребление форм исходного падежа на -ись в значении отдалительного и сравнительного (см. стр. 151); 3) краткая форма местоимения та (та дй́ра 'так долго'); 4) краткие формы личных местоимений мем 'мне', тэт 'тебе', (см. стр. 177); 5) употребление деепричастного суфф. -игö (ср. к.-з. в говоре с. Поруб(л) - -игö вместо -игöн, -иген других говоров)²⁰.

В верх-лупьинском диалекте следует выделить такие черты: 1) наличие варианта звука л - л (л средневропейского); 2) употребление звука э на месте ö в первом слоге (стр. 71-72); 3) случаи стяжения гласных (например, пельшеричан вм. пельшеричаöн 'фельдшерницей'); 4) употребление варианта окончания дательного падежа -дö -дй́ (ср. к.-з. -дй́); 5) использование варианта лично-притяжательного суфф. 1-го л. ед. числа -öй вм. -э; 6) деепричастный суфф. -игöн ср. к.-з. -игöн/-иген)²¹.

²⁰ Сорвачева. Кр. грамм. спр., 486.

²¹ Ср. там же, 460.

Носители верхнекамского наречия проживают на северо-востоке Кировской обл. в Афанасьевском р-не, изолированно от основной массы коми-пермяцкого населения. Кировские пермяки находятся в русском окружении и являются в данное время двуязычными: говорят на русском и коми-пермяцком языках.

В условиях обособленного развития и двуязычия в языке кировских пермяков сохранился или выработался ряд специфических черт: 1) в условиях двуязычия наблюдается более активное усвоение русских звуков ф, х, ц, щ, рь; 2) в глаголах лэдзчыны 'спуститься', лэбтыны 'поднять', лэбзыны 'лететь' вместо обычного л твердого в других эловых диалектах употребляется лэ; 3) в притяжательном падеже употребляют-ся окончания -лэсь и -лысь, в дательном падеже — -лэ, -лы, соединительном — -кэ и -кэ, в исходном — -тэ, в отдалительном падеже — -сянь, -сень, -синь; 4) процесс перехода послелогов с основой на вы- в падежные суффиксы находится на ранней ступени развития; 5) наличие суффикса степени качества -гэм; 6) употребление специфических обобщительно-определятельных местоимений быкэ и дыкэ 'все, всё'; 7) вспомогательный глагол вэлыны 'быть' в прошедшем времени по лицам не различается: мэ вэлін 'я был', тэ вэлін 'ты был', сэ вэлін 'он был', мыэ вэлінэ 'мы были', тэ вэлінэ 'вы были', ня вэлінэ 'они были' (под влиянием форм этого глагола аналогичные формы могут образоваться и от самостоятельных глаголов, например: мэ кэрин 'я делал', тэ кэрин 'ты делал', сэ кэрин 'он делал' и т.д.); 8) деепричастия имеют суфф. -икэ/-икы: бэргэлыкэ 'крутятся, вертятся', пэуикэ 'во время варки'; 9) специфическими послелогоми являются бырысь 'из-за', бэрысь 'с', например: сапоггес бэрысь-ту 'с сапогами-то', зэрыззэ бырысь 'из-за дождей'; 10) широко употребительна частица де, заимствованная из местного русского говора; 11) имеется значительное количество слов, характерных для данного наречия, например: бэбелсялыны 'чуть, еле нагреться', бэртэлыны 'резать хлеб', бурдалны 'поправиться, выздороветь', вэдззыны 'смеяться', гэрчыны 'вертеться, мешать, путаться под ногами', гэпэлыны 'обидеть', дубэ 'недосоленный', дыр (кулан дыр) 'время смерти', зэбалны 'быть в судороге', клекасэны 'избавить', кэсуня 'постный', кук 'нога', лэны 'день', мэздыны 'помочь', мыйсэ 'какой', нэш 'ленивый', бэсэсыны 'обманывать', пэжыялыны 'мыть, вымывать', пэрччэ 'босиком', рэзэ 'дыра', сэдэ 'ум', пэрэ 'подушка, изголовье', чэрэ 'чулок' и др.

Верхнекамское наречие имеет ряд черт общих с коми-зырянским языком: 1) сохранилось более древнее сочетание -йт (-ид) в словах: вэйтны 'утопить', мэйтэ 'мыло', мэйдэ 'судачит, рассказывает сказки';

2) именные суффиксы -ыц, -ёд, -кёд, -ад со звонким согласным д употребляются как варианты соответствующих суффиксов -ыт, -ёт, -кёт, -ат, характерных для южного и северного наречий коми-пермяцкого языка: последние имеют более широкое употребление; 3) в пределах одной морфемы перед -сь встречаются звуки и и н: тáтись 'откуда', пóрьсь 'старый' и др., и перед -сь — черта коми-пермяцкая, а наличие звука н в этой позиции характерно для большинства коми-зырянских диалектов; 4) имеются следы сохранения суффикса мн. числа имен существительных -йас (ср. к.-з. -яс.) наряду с суффиксом -эз — характерной чертой коми-пермяцких диалектов; 5) окончания притяжательного падежа -лысь (ср. к.-з. лит. -лысь) и -лись; 6) в дательном падеже наряду с окончанием -лõ (ср. к.-п. -лõ) употребляется вариант -лы (ср. к.-з. лит. -лы), но последний малоупотребителен; 7) окончание переходного падежа -тi совпадает с коми-зырянским -ti, который встречается в сыктывкарском, верхневьчегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском диалектах²²; 8) суффикс -гõм со значением качества степени свойствен и лузско-летскому, верхнесысольскому и вымскому диалектам коми-зырянского языка; 9) личные местоимения 1- и 2-го л. ед. числа в дательном падеже имеют краткие формы мем 'мне', тэд 'тебе' (мем встречается в сыктывкарском и верхнесысольском диалектах, а тэд — в сыктывкарском, лузско-летском и печорском коми-зырянского языка; в верхнекамском эти формы малоупотребительны, форма мем встречается также в левичанском и исаевском говорах косинско-камского диалекта и мысовском диалекте); 10) в данном наречии имеются слова, совпадающие по фонетическому облику с коми-зырянскими, их немного, например: омõ 'в рот', вый 'масло', выль 'новый', искõлтыштис 'покатился немного', керка 'дом', кõсõсь 'сухие', кор 'когда' и др. Слова керка 'дом', кõс 'сухой', кор 'когда', ом 'рот' встречаются и в других коми-пермяцких наречиях.

Приведенный материал показывает, что многие из указанных черт, общих с коми-зырянскими (см. пункты 2, 3, 6, 8,), не являются преобладающими, т.е. в наречии преобладают коми-пермяцкие черты.

Отметим черты, общие с коми-пермяцким языком: 1) Суффикс мн. числа -эз (-эс) занимает доминирующее положение; 2) широко употребляется уменьшительно-ласкательный суффикс -ок; 3) достигательный падеж оканчивается на -лõ; 4) в соединительном падеже суффикс -кõt более употребителен, чем -кõд; 5) суффикс сравнительной степени -жык, его вариант -джык встречается на стыке основы слова, оканчивающейся на смычные -т и -д; 6) как и в остальных диалектах коми-пермяцкого языка, послелог с основой на выл- переходят в падеж-

²² Сорвачева. Кр. грамм. спр., 466.

ные формы (стр.135-136); 7) послелог дін-(дын) – сокращенный вариант послелога дінын (дынын) – употребляется в наречии как падежный суфф. (см.стр.140); следовательно, в верхнекамском наречии, как и во всех других коми-пермяцких диалектах, наблюдается процесс увеличения количества падежей); широко употребляется подчинительный союз дак.

Верхнекамское наречие является одним из переходных "диалектов" между коми-пермяцким и коми-зырянским языками. Но, находясь в условиях изолированного развития, оно имеет свои особенности (см. стр. 221-222).

Южное наречие

Южное наречие занимает довольно значительную территорию Коми-Пермяцкого национального округа. Оно распространено в двух крупных южных районах – Юсьвинском и Кудымкарском, где сосредоточено свыше 70% коми-пермяцкого населения. Носители южного наречия занимают бассейн р. Иньвы с ее притоками. По сравнению с северными эти районы издавна были более развитыми экономически, чему способствовали и более благоприятные природные условия. Здесь сосредоточено основное производство сельскохозяйственной продукции, а также большая часть местной промышленности. На территории данного наречия находится административно-политический центр Коми-Пермяцкого национального округа – г. Кудымкар с населением 26 тыс. чел.

Основными отличительными чертами южного наречия мы назовем следующие: 1) отсутствие фонемы л во всех позициях; 2) ослабление позиций звуков в и й; 3) морфологизация ударения и наличие качественно-вокальной системы ударения; 4) наличие ряда новых фонетических явлений и более быстрое их развитие (в отличие от диалектов северного наречия); 5) наличие системы внешнеместных падежей; 6) образование новой падежной системы приблизительно-местных падежей; 7) употребление специфических слов: бам 'лицо', бегляч 'беглец', виж 'желтый', вотсáвны 'помогать', гра́мотка 'письмо', годак 'одногодок', ровéсник, да́вкнитны 'размахнуться, ударить, оттолкнуть', до́вкйыны 'вытолкнуть', жась 'разве', кидз 'как', ко́ддя 'который', коды́р 'когда', мо́ллыны 'мать', на́рман 'грабли', некуды́р 'никогда', ни́льсыны 'лизать', приласкаться', ни́ркниччыны 'напасть вероломно', пéзны 'мучаться, зря стараться', по́льга 'польза', пы́рдыны 'раздаивать телку до отела', титя́ 'сосок', то́окерны 'вот что делать', ту́ндруситны 'очистить от шелухи, от кожицы', у́чкисыны 'высматривать, подсматривать', э́ння 'эти', чо́ш 'вместе', чита́йтны 'читать' и др.

В южном наречии (вслед за В.И.Лыткиным) мы различаем следующие диалекты: нижеиньвенский, оньковский, нердвинский и кудымкарско-иньвенский. Последний является в языке центральным и самым крупным по занимаемой площади и числу носителей.

По употреблению звука в и его различных вариантов (стр. 25–39), а также по другим локальным фонетическим и морфологическим особенностям нижеиньвенский и кудымкарско-иньвенский диалекты являются неоднородными: многие явления в них перекрещиваются, варьируют. По сохранности основного качества варианта звука в и степени его ослабления мы различаем окраинные и центральные говоры, так называемые "кусты" (по группам населенных пунктов).

Наши данные показывают, что "ослабление" позиций звука в началось в центре южного наречия, где были и существуют в настоящее время более оживленные связи между населенными пунктами. Условно можно начертить такую "линию" — Аксеново → Антипино → Архангельск-Кудымкар → Верх-Иньва → Ёгва → Белоево (см. карту 1). На данной территории выступают различные варианты звука в, в^о, ў, ў^о, ø (нуль звука), ослаблению в иногда сопутствует незначительное удлинение предшествующего гласного (см. стр. 28). В так называемых окраинных говорах изменения качества звука в в слабых позициях (в середине слова между гласными и перед согласными на конце слова) протекают несколько замедленнее, поэтому в них на данном этапе развития в выступает в своем основном варианте в или в^о; нередко звук в сохраняется и в интервокальном положении — в наиболее уязвимой для него позиции (см. стр. 34–38). По данному признаку мы выделяем следующие периферийные говоры, образующие кусты по названиям опорных пунктов: тиминский, тукачевский, азовский, крохалевский (в составе нижеиньвенского диалекта), фёдоровский, мелухинский, верх-юсьвинский, самковский, дёминский, кувинский, лопанский, егоровский, ошибский и хайдуковский (в составе кудымкарско-иньвенского диалекта).

О нь к о в с к и й д и а л е к т

Оньковский диалект коми-пермяцкого языка представляет собой небольшой языковой островок с населением в 1 тыс. чел., проживающим на территории нынешнего Оньковского сельсовета Юсьвинского р-на Коми-Пермяцкого нац. округа. Оньковский сельсовет находится в юго-восточной части Юсьвинского р-на, в нижнем течении р. Иньвы, притока Камы (см. карту 1).

Оньковский диалект распространен в следующих населенных пунктах: с. Большие Они (Ыджыт Ынь), д. Малые Они (Учѳт Ынь), Потапова, Заполье, Васьканова, Евсина. К этому же диалекту относилось население небольших населенных пунктов — Исыла, Бусыгиной, Артюшо-

вой и Питера, жители которых в 30-50-е годы переселились в более крупные деревни — Б.Они, М.Они и др.

Естественной границей диалекта с южной стороны является р. Иньва, на западе — приток Иньвы р. Исыл, а на севере — лесные массивы Тукачевского леспромхоза. Восточной границей является поселок Майкар (Майкор) с русским населением. Соседями с юго-западной и северной стороны являются носители нижеиньвенского диалекта (население Купросского и Тиминского сельсоветов).

Нижеиньвенский и оньковский диалекты имеют некоторое сходство в системе ударения и почти одинаковую диалектную лексику. Основное отличие между этими диалектами состоит в употреблении звуков д и в: первый относится к без-эловым (нуль-эловым) диалектам, второй — к эловым. В оньковском диалекте звук д сохранился в первоначальном виде (как и в диалектах северного наречия), например: сэталны 'раздавать, выдавать', кулны 'умереть', пёл 'доска', лыс 'хвоя' и т.д.

С другой стороны, оньковский диалект имеет сходство с коми-язьвинским наречием, хотя в силу сложившихся исторических условий коми-язьвинцы оказались отделенными от оньковцев широкой полосой территории с русским населением свыше 150 км.

Исторические данные показывают, что территория между оньковцами и коми-язьвинцами, где теперь живут русские, до присоединения к Московскому государству была заселена пермяками, говорящими на промежуточных диалектах, похожих на оньковский и коми-язьвинский говоры. На это указывают и материалы рукописных словарей (Усольский русско-пермьяцкий словарь 1848 г., словарь Антония Попова 1785 г. и словарь Палласа, см. об этом стр. 6-7), в которых отражен приусольский диалект, промежуточный между оньковским и коми-язьвинскими диалектами.

Как уже отмечалось выше, оньковский диалект имеет значительное сходство с нижеиньвенским. Специфической чертой (в отличие от соседнего нижеиньвенского является наличие звука д, встречающегося во всех позициях: лун 'день', вёл 'был', тёл 'ветер', султны 'встать' и др. В отличие от других эловых диалектов, звук д повторяется и на месте в исконного, ср.: Нытла (вм. Нытва), синла (вм. синва) 'слеза', нелажын (вм. не важын) 'недавно', лёт и вёт 'сон' и т.д. Особой закономерности в употреблении звука д на месте в нет, но проявляется тенденция к замене в звуком д. Звук в в диалекте перестал быть фонемой и является вариантом фонемы д. Поэтому оньковский диалект представляет новый тип коми диалектов, который мы называем безэловым. Имеются случаи смешения д с в: вётлётам и вётвётам 'ходим', миська́лны и миська́вны 'мьтть', лок и вок 'иди сюда'. Возможно, смешение д с в — вполне закономерное

явление на стадии исчезновения последнего, уже утратившего свою фонематичность.

В диалекте широко распространены редукция и выпадение гласных, например: не́бъра < небура 'не сильно, не очень', лас < лоас 'будет', быдлаън < быдланн 'везде, всюду', пьянѳс < пьянѳс 'ребенка своего', нелъѳѳи < нелюѳѳи 'не любимый' и др. Редукции чаще всего подвергаются гласные верхнего подъема: и, у, у.

Система ударения – качественно-вокальная; случаи морфологизации занимают незначительное место, например: бѳрънжык 'позже', жагѳньчок 'медленный', нѳльѳт 'четвертый'.

Из морфологических особенностей отметим следующие: 1) встречаются единичные случаи на сохранение звука й в составе суфф. мн. числа –эз < –йэз: нѳмѳэс 'комарн', шѳрѳэз 'мыши' и др.; 2) характерно возникновение новых падежных форм с приблизительно-местным значением: миандын 'у нас', миандѳ 'к нам', миандисъ 'от нас', миандѳтъ 'через нас', миандѳдз 'до нас' (результат разрушения серийных послелогов с основой на дын- и орд-); 3) как и в других южных диалектах, оформилась система внешнеместных падежей; 4) отдалительный падеж имеет окончание –синь (вѳрсинь 'из лесу'); 5) отсутствует суфф. – жуг, широко употребляющийся во всех южных диалектах; его значение передается описательно; 6) имеются своеобразные суфф. –кодем, –ынчок и –чок; 7) вспомогательный глагол вѳлны 'быть' в 3-м л. ед. числа во втором прошедшем времени имеет окончание –с (вѳлис 'он был'); 8) специфичным является послелог пыдди (< пыньди) со значением 'из-за кого-чего' (зѳр пыдди оз туй 'из-за дождя нельзя'). Данный послелог встречается в некоторых северных говорах.

Н и ж н е и н ь в е н с к и й д и а л е к т

Нижнеиньвенский диалект занимает территорию Тиминского, Тукачевского, Купросского, Крохалевского, Аксеновского и Доеговского сельсоветов Юсьвинского р-на. На юго-востоке он граничит с оньковским диалектом, а с запада к нему примыкает кудымкарско-иньвенский диалект. Носители диалекта живут на правых притоках р. Иньвы – по р. Доег, Исыл и Пой (Пѳй).

Нижнеиньвенский диалект относится к числу вѳзовых, в чем он сходен с кудымкарско-иньвенским диалектом, но от последнего он заметно отличается: характеризуется качественно-вокальной системой ударения: мунѳс (ср. к.-и. мѳнѳс) 'он ушел', кывѳѳ и кы(вѳ)ѳ 'слышит' (см. стр. 93–96); 2) и-овая огласовка отрицательных глаголов (иг, ин, из мун 'я, ты, он не ушел'; йгѳ, йнѳ, идѳ, изѳ мунѳ 'мы, вы, они не ушли'). И-овую огласовку имеют также некото-

ные корневые слова, например: чир (ср. к.-и. чер) 'топор', вим (ср.к.-и. вем) 'мозг', сѣтшѡм (ср. к.-и. сѣтшѡм) 'такой' и др.

Эти черты — общие с чертами соседнего оньковского диалекта, основной отличительной особенностью которого является наличие древнего л и сужение позиций звука в вплоть до утраты им фонематичности (см. стр. 43-44).

В диалекте действует процесс образования серии приблизительно-местных падежей, как результат разрушения серийных послелогов с основой на дын- и орд-. Эти два близкие по значению послелога в процессе перехода в падежные форманты совпали по значению: миан дынын 'около нас, при нас', миан ордын 'у нас', миандын 'у нас' и т.д.

Послелоги с основой на выл-, как и во всех южных диалектах, трансформировались в падежные суффиксы и образовали систему внешнеместных падежей. Лишь в говоре тиминского куста (в периферийном говоре) данный процесс окончательно не завершился. В нем послелоги выв°ын и выв°ѡ перешли в падежные формы (например: турникын 'на турнике', пызанвѡ 'на столе' и др.), остальные же (выв°ись, выв°ѡть, выв°ѡдз) употребляются чаще, чем их сокращенные варианты -вись, -вѡть, -вѡдз: нѡ выись 'с поля', нѡ выѡть 'по полю' и др.

Как и в оньковском, лично-притяжательные суффиксы 2- и 3-го л. ед. числа -нт и -нс имеют краткие формы -т и -с в неодносложных словах, оканчивающихся на гласный; например: кагат (вм. кагонт) 'твой ребенок', кагас (вм. каганс) 'его ребенок', но: воннт 'твой брат', воннс 'его брат', кынт 'твоя рука', кынс 'его рука' и т.д.

Личные местоимения ме 'я', тэ 'ты', сиа(са) 'он' часто употребляются в значении миѡ 'мы', тиѡ 'ты', ниа 'они'.

Относительно-вопросительное местоимение мый 'что' имеет варианты мѡй, ма.

Относительные прилагательные с суфф. -овѡй имеют варианты -оѡй, -оой, -вѡй, -вой. В употреблении их внутри диалекта нет единства (см. стр. 171).

Для диалекта в целом характерно довольно широкое употребление звука ѡ (по сравнению с кудымкарско-иньвенским): сѣтѡнѡ (вм. сѣтѡн) 'там, на том месте', мѡдѡмѡ (вм. мѡдѡм) 'он хотел', кытѡнѡ (вм. кытѡн) 'где' и др. Это характерная черта и оньковского диалекта.

Модальное слово меша < ме шуа 'я говорю' имеет варианты мыша и миша.

В формах инфинитива на -нын и 3-го л. мн. числа настоящего времени на -ѡны (-ѡнѡ) конечные гласные часто редуцируются и выпадают: это явление распространено неравномерно (стр. 186-188). Например, в говоре тиминского куста конечная гласная н в суфф. инфинитива -нын чаще всего сохраняется; в азовском, как и в оньков-

ском, — выпадает. Выпадение гласных в данных позициях — живой языковой процесс в этом диалекте, имеющий место и в кудымкарско-иньвенском диалекте (см. стр. 186-187).

Ассимиляция звука й предшествующим ш характерно для жителей тукачевского и азовского кустов, например: вешшö (вм. вешйö) 'двигается', пышшö (вм. пышйö) 'убегает' и др.

В речи жителей Аксеновского и Крохалевского сельсоветов встречается специфическое явление — упрощение геминат в форме мн. числа имен существительных с основой на согласную и во внешнеместных падежах с основой на гласную: акс. сюр'ёс (вм. сюррес) 'рога', мös'эз (вм. мöссэз) 'коровы'; кинöвö (вм. кинöввö) 'в кино', ййвын (вм. ййвын) 'на льду' и др.; ср. крох. пелесö вм. пэллесö кынтис 'уши отморозил', нöес (вм. нöбес) кузя 'по полям', вечö (вм. веччö) 'спускается', меса вм. месся 'кроме меня', мунй (вм. муннй) 'идти', учöжык (вм. учötжык) 'меньше', провлёнёас (вм. правлённёас) 'в правлении' и др. Как видно из приведенных примеров, в крохалевском говоре процесс упрощения двойных согласных получил более широкое распространение, чем в аксеновском. Это явление аналогичное (близкое) упрощению стечений согласных.

В аксеновском говоре довольно часто употребляется с глаголами в форме 3-го л. ед. числа настоящего времени суфф. -кодь, характерный для прилагательных и наречий: мунöкодь 'почти идет', кыöкодь 'немного слышит' и др.

Как указывалось выше, ударение в нижнеиньвенском диалекте качественно-вокальное, но оно претерпело значительные изменения в силу действия нового явления — процесса морфологизации ударения, закрепления его на том или ином суффиксе слова. Вот что пишет В.И.Лыткин о характере ударения данного диалекта: "В отношении места ударения нижнеиньвенский говор занимает промежуточное положение между оньковским и кудымкарско-иньвенским говорами: а) в глаголах, не имеющих словообразующих суффиксов, ударение этого говора ничем не отличается от оньковского ударения, т.е. ударение падает на корневые гласные нижнего и среднего подъема а, э, ö, о, а если в корне стоит гласный верхнего подъема и, н, у, то ударение падает на словоизменятельный суффикс (пётны 'выйти', кóрны 'просить', вэдзны 'отпустить'; пырнй 'зайти', сьывнй 'петь', пывсьыннй 'париться в бане', усьыннй 'падать', сувта 'встаю', гижис 'он писал', чига 'сломаю' и т.д.); б) в глаголах же, имеющих словообразовательные суфф. -ав, -öt, -ась, -ись, -ört и др., ударение всегда стоит (как и в других коми-пермяцких говорах, кроме оньковского) на этих суффиксах независимо от того, какой гласный звук имеется в корне слова (петáвны 'выходить', вэлóтны 'учить', корáсьны 'сватать', чышкíсьны 'утираться' и т.д.); в) неглаголь-

ные категории слов (имена, местоимения, наречия и т.д.) по размещению ударения в общем не отличаются от других коми-пермяцких говоров (кроме оньковского) и от коми-пермяцкого литературного языка (ручѳс 'лису', кѳчлѳн 'у зайца', йѳрис 'его голова', мѳрттѳз-вѳн 'у людей')²³.

Процессу морфологизации ударения, а следовательно, сужению позиций качественно-вокального ударения, более подвержен говор населения Доеговского сельсовета, и еще сильнее этот процесс действует в крохалевском говоре (см. об этом стр.).

Н е р д в и н с к и й д и а л е к т

Названный диалект распространен на территории современного Ленинского сельсовета и находится в южной части Кудымкарского р-на.

Из 42 деревень сельсовета 13 заселено русскими. Коми-пермяки живут в деревнях: Балкачи, Буслаева, Валикова, Высокая Гарь, Гаврилова, Галки, Евдокимова, Ершова, Иванкова, Карпушева, Кекур, Мазунина, Новые Рассохи, Ошева, Паладева, Подгора, Пронина, Пятино, Сенькина, Сеникова, Сечище, Сидорова, Софронова, Тихонята, Чаверина, Чуваши, Якина. Смешанное население (русские и пермяки) имеют селения Ленинск и Васькина Гарь. На территории сельсовета проживает около 4 тыс чел., из них больше половины составляют коми-пермяки.

Нердвинский диалект граничит с кудымкарско-иньвенским диалектом и имеет с ним большое сходство. Его основной отличительной чертой является наличие звука л (твердого), и он относится к эловым диалектам.

Звук в сохраняется лишь в начале слова (вѳрма 'могу', вѳтлас 'выгонит') и почти во всех русских заимствованиях: ѳдва 'едва', активсѳ 'актив-то', красивая и др.; он появляется и как вставочный звук: ловѳлнѳтѳ (вм. лоалнѳтѳ < лолалнѳтѳ) 'дышать-то', ювѳлѳ (вм. ралѳ) 'спрашивает', сувѳлѳ (вм. суѳлѳ < сулалѳ) 'стоит' и др. В редких случаях звук л появляется на месте в: кѳчѳ лѳштѳсян (вм. воштѳсян) 'куда денешься', удѳрлу (вм. ударву) 'в позапрошлом году', тѳло (вм. тѳво) 'в этом году', лѳтрол пѳть (вм. литров пять).

Имеют место случаи выпадения л и в в интервокальном положении: достѳил ѳй 'доставил мяса', прѳвѳлно 'правильно' и др.

Довольно широкое употребление имеет звук ѳ: ѳстѳтѳксѳ 'остатки-то', пѳлваисѳ 'из Полвы', тѳлѳ (вм. тѳво) 'в этом году' и др.

Ударение данного диалекта совпадает с литературной нормой.

Морфологические особенности. Суфф. мн. числа -ѳз употребляется

²³ Лытк. ДХІЯ, 28.

в двух вариантах: -эс и -эз (Мёссэс вайётны 'Коров привести', Ме вёлім Бурдовес 'Мы были Бурдовы', Пёрвёйез вёлім 'Мы первыми были'.).

Послелого с основной выл- перешли в падежные окончания -лын, -лө, -лісь, -лёт, -лөдз. Лишь с двумя словами но 'поле' и мис 'возвышенность' встречаются полные формы, т.е. послелого вылын и вылас. Вероятно, здесь они имеют какой-то семантический оттенок, например: выл 'поверхность' – но вылын 'на поле', т.е. на поверхности поля' и т.д.

Отдалительный падеж имеет окончание -синь: тэсинь 'из-за тебя', брагасинь 'от браги'. В некоторых наречных формах встречается -сень, например, кысень 'откуда'.

Лично-притяжательные суфф. 2- и 3-го л. ед. числа -нт и -нс в вариантах -т и -с употребляются с именами на гласную основу, за исключением односложных: шондіс оз ло 'солнца-то не будет', погод-цят оз сет 'погода не позволяет'.

Достигательный падеж совпадает с дательным: вётлі няньлө 'я ходил за хлебом', мунім ягөдлө 'мы пошли за ягодами'.

Некоторые прилагательные и наречия принимают частицу -сь: көр-кось (ср. куд. көркө) 'когда-то', кытөнкось (ср. куд. кытөнкө) 'где-то', кытшөмкось (ср. куд. кытшөмкө) 'какой-то' и др.

Личное местоимение сиа 'он' имеет вариант са. Как и в мелкинском говоре, с прилагательными употребляется суфф. -атик: учатик 'маленький', кокнятик 'легонький'.

В диалекте частица но (нө) употребляется вместо вводных слов мыся, шуа: Кулас но 'Думаю, умрет'; Томыник нө вөлі 'Говорю, молоденький еще был'.

Кудымкарско-иньвенский диалект

Кудымкарско-иньвенский диалект является наиболее крупным по занимаемой территории. Он распространен в современных границах Кудымкарского р-на и юго-западной части Юсьвинского р-на (Антипинского, Бажинского, Харинского, Мелкинского, Юсьвинского и Архангельского сельсоветов). На востоке он граничит с нижнеиньвенским диалектом, на юге – с нердвинским; на западе Кудымкарский р-н граничит с Верещагинским р-ном Пермской обл. и с Кировской обл., на севере – с Юринским и Косинским р-нами Коми-Пермяцкого нац. окр. и Соликамским р-ном Пермской обл. (см. карту на стр.5).

Основные особенности кудымкарско-иньвенского диалекта легли в основу литературного языка²⁴.

²⁴ Коми-перм., 41-50.

Как уже говорилось выше, кудымкарско-иньвенский диалект неоднороден. Для характеристики основных его черт мы берем особенности говора населенных пунктов, расположенных вблизи г. Кудымкара.

Кудымкарско-иньвенский диалект имеет ряд характерных черт: 1) звук в в слабых позициях выступает в вариантах в°, ў, ў° и ø (нуль звука); 2) й ассимилируется предшествующим звуком ш; 3) система ударения диалекта в основном совпадает с нормами литературного языка²⁵, однако в нем можно выделить а-ударенные говоры, в которых ударение переносится на звук а непервого слога; чаще всего это наблюдается в двусложных словах, имеющих во втором открытом слоге а, ср. кага 'ребенок', дѳра 'холст', вѳра 'вымя', торта 'скребок', чача 'игрушка', Катя, Ваня и т.п. (данное явление распространено на территории Пешнигортского, Кузьвинского, Белоевского, Егвинского, Ошибского и Егоровского сельсоветов; отдельные колебания в постановке ударения встречаются в верх-иньвенском и самковском; перенос ударения на а непервого слога имеет место в кочевском и косинско-камском диалектах, за исключением чураковского куста); 4) в переходном падеже окончание -ѳт (вѳрѳт 'по лесу', ваѳт 'по воде' и др.); 5) деепричастия имеют суфф. -тѳн (гѳртѳн 'во время пахоты', кѳртѳн 'во время просьбы' и др.); 6) окончание глаголов 3-го л. мн. числа настоящего времени -ѳны сохраняется: вѳрдѳны 'кормят', нянь кѳрѳны 'хлеба просят' и т.д. (черты, отмеченные во 2, 5 и 6-м пунктах, совпадают с нормами литературного языка); 7) суфф. относительных прилагательных -ѳѳй имеет варианты -ѳѳй, -ѳѳй, -ѳѳй, -ѳѳй: зѳрѳѳй 'овсяной', идзасѳѳй 'из соломы', шѳгдѳѳй 'пшеничный' и др.

Далее отметим некоторые различия, наблюдаемые в разных населенных пунктах распространения кудымкарско-иньвенского диалекта.

1. В населенных пунктах Бажинского (опорный пункт д. Федорово) и Мелюхинского сельсоветов Юсьвинского р-на, Верх-Юсьвинского, Дѳминского, Кувинского, Косогорского, Лопанского, Егоровского, Ошибского, Мелехинского и Хайдукского кустов Кудымкарского р-на позиции звука в устойчивее, чем в остальных населенных пунктах этого диалекта (см. карту 1). Здесь в слабых позициях – в середине слова перед согласными и в конце слова – наряду с основным вариантом в выступает в°, например: в.-ю. кѳв°зѳ 'слушай', эз вѳсяв° 'не подошло', курѳв° 'собери' и др.; дѳм. вѳвзѳс 'ожил', асѳв°нас 'утром', вѳв 'лошадь', тѳв 'ветер, зима' и др.; косог. нѳвна 'мало', жѳгвѳв 'медленно', пѳкав 'сиди' и др.; ош. ос кѳвсѳн 'не слышно', нѳдѳв°ны 'командовать', он адзѳѳв 'не увидишь' и др.

²⁵ Коми-перм., . 90-95.

2. В отевских населенных пунктах звук й ассимилируется предшествующим ш непоследовательно, например: кóшшис и кóшйис 'он искал', вёшшис 'он отодвинулся', ошйáсьö 'хвастается'. Он не ассимилируется в юго-восточной части диалекта – на территории Юсьвинского р-на, за исключением Мелехинского куста, например: ср.-и.²⁶ кóшйис 'он искал', вёшйис 'он продвинулся и др.

3. На территории Юсьвинского р-на кудымкарско-иньвенского диалекта переходный падеж имеет окончание -öть: дóрöть 'по краю', öшннöть 'через окно' и др. В отевском, косогорском и хайдукомском ареалах переходный падеж также оканчивается на -öть: от. Юмйöть 'через Юм'; косог. юöть 'по полю'; хайд. Мелéхинöть 'через Мелехино' и др.

4. В винительном падеже наряду с падежным окончанием -öс (-сö) встречается реликтовая форма -вö в лопанском и егоровском кустах (см. стр. 144).

5. На территории Сервинского, Юринского, Пешнигортского и Верх-Юсьвинского сельсоветов отдалительный падеж имеет окончание -сянь: куд. гóртсянь 'из дому', тóўсянь 'с зимы' и др.; в.-ю. ок тóп мыйсянь 'не знаю почему', Лéнинскянь 'от Ленинска' и др. Однако на этой же территории встречается и окончание -синь. Ср.: в.-ю. вапкóт вьвисинь 'придави сверху'; д. Дёмино (Сервинского сельсовета) – Рóмановасинь 'от Романово', гóжумсинь 'с лета' и др.

Окончание -сянь употребляется в северо-восточной части Кудымкарского р-на, на территории Егвинского, Ошибского, Новоселовского и Егоровского сельсоветов: ваг. джджсяняс 'с пола', канавáсяняс 'из-за канавы' и др.; егор. пёрмаэсянь 'из ферм', миансянь 'от нас', патэрасянь 'с квартиры' и др.

В речи населения некоторых сельсоветов встречается наряду с -синь вариант -сень. Ср., в.-и. гóртсень 'из дому', грипсинь 'от гриппа'; сам. сьбóрсинь 'потом', нúчоксень 'от внука'; дём. оптёкасинь 'из аптеки', тáтисень 'отсюда'; косог. Юринасинь 'от Юрино', сьсень 'поэтому' и др. В кувинском кусте отдалительный падеж оформлен окончаниями -сень, -синь, -сянь: тáсень 'отсюда', жáрсинис 'от жары', вáмпасянь 'из-за лампы', вот ёссень, тáсень 'вот с этого места, отсюда', котóртóм сáткинсянь 'сбежал с того места' и др. Все три варианта окончаний одинаково употребительны.

6. В верх-юсьвинском и дёминском кустах данного диалекта употребляется краткая форма лично-притяжательного суфф. 3-го л. ед. числа -с наряду с -нс, например: в.-ю. этанскóт 'с этим', шóндис

26

Под "среднеиньвенским" мы рассматриваем территорию Архангельского, Антипинского, Юсьвинского и Бажинского сельсоветов Юсьвинского р-на.

пéтис 'солнце взошло'; дём. огурчís áбу 'огурцов нет' (см. стр. 162).

7. Полная форма суфф. мн. числа -эз во всех позициях – как и в литературном языке – употребляется в южной и юго-восточной части диалекта (сюда относятся населенные пункты Средней Иньвы и территория Визяйского, Дёминского, Верх-Юсьвинского, Пешнигортского, Юринского, Сервинского сельсоветов Кудымкарского р-на.). На остальной части распространения диалекта наряду с полной формой встречается сокращенная форма -э (-эз) в позиции перед лично-притяжательными суффиксами и падежными окончаниями. Например: егор. эмось ни гóддэо 'мне уже много лет', пáззэас 'в щелях', мукóддэнс 'некоторые' и др.; косог. типпенас 'с пылятами', вídзээнс 'лугато', вóггеас 'в логах', кíэнт пíктасо 'руки отекают' и др. Данное явление широко распространено в северных диалектах (см. стр. 65–67). Единичные случаи выпадения э из суфф. мн. числа -эз встречаются и в самковском кусте. Ср.: пéстрóддээнс вм. пéстрóддээнс 'их пестряди'.

8. Суфф. относительных прилагательных -овóй имеет разные варианты: -о́й, -оо́й, -о́й, -вóй. Ср. по данным опорных пунктов: бел. идзáсо́й 'соломенный', нездорóй 'нездоровый'; косог. бытáсоо́й 'приемыш', картóшкоо́й 'картофельный'; егор. мýйовóй? 'из чего?', нýйсéвóй 'дальний'; ош. пýовóй 'деревянный', дóравóй 'из холста'; ваг. учаскóй 'участковый', йýовóй 'ледяной' и др.; в.-и. кóзáо́й 'козлиный', рóзовóй 'розовый'; сам. вóктóмо́йóсь 'приезжие', шóг-д́о́й 'пшеничный'; дём. рудзóгоо́й 'ржаной', нян́ео́й 'хлебный'; ср.-и. кóртоо́й 'железный', нян́ео́й 'хлебный'; лоп. мóртовóй 'человечий' и др.

9. В говоре фёдоровского куста, как и на Нижней Иньве, личное местоимение 3-го л. ед. числа сиá 'он' имеет краткий вариант са. В говорах же лопанского и хайдуковского кустов личные местоимения 3-го л. ед. и мн. числа сиá 'он' и ниá 'они' имеют сокращенные формы са и на (см. стр. 177).

10. В говоре Средней Иньвы на территории Юсьвинского р-на встречается инфинитивный суфф. -нýс: мóснс вузáвнýс вóас 'Для продажи корова будет', муннýс ог вёрмы 'Уехать-то не могу'.

11. В говорах верх-иньвенского, отевского, ёгвинского, егоровского кустов (в населенных пунктах этих сельсоветов) в инфинитивной форме и в формах 3-го л. мн. числа настоящего времени встречаются случаи выпадения конечного гласного ы. Ср.: в.-и. сетáвóны 'дают', пýрóн 'заходят', нян́ён сётóн (вм. сётóны) 'хлебом дают' и др.; от. тышкáсьóн 'дерутся', бóквас пýрóн 'на бок падают' и др.; ваг. мýнís вёб́ччн 'он уехал учиться', ниá во́йтóн 'они воюют'; егор. вóв кóшшóн 'лошадь ищут' и др.

12. В речи жителей населенных пунктов Белоевского и Верх-Инженского сельсоветов окончание глаголов 3-го л. мн. числа настоящего времени на -өнн имеет вариант -өнө: в.-и. кытцаённ 'кличут', пырёнө 'заходят', осётёнө 'открывают'; бел. гортө корёнө 'домой приглашают', тшөктөнн 'заставляют' и др. Это явление встречается и в кувинском говоре, ср.: сьэс жагөн воёнө 'хлеба медленно поспевают', гортө пö вөктөнө 'домой, говорят, едут', бура уджаённ 'хорошо работают' и др.

13. В среднеинженском ареале формант 3-го л. мн. числа настоящего времени употребляется в трех вариантах: -өнн, -өнө, -өн, например, кёрённ, кёрёнө и кёрөн 'они делают', вөр кёраёнө 'лес рубят', кайётөн турун 'везут сено', черива пүённ 'уху варят' и др. Все варианты употребительны.

14. На Средней Иньве, а также в Мелехинском и Хайдукском кустах деепричастный суфф. -төнн употребляется в мягком варианте (ср. куд.-төн): гөртөнн 'во время пахоты', узытөнн 'во время сна', сьыв-төнн 'во время пения' и др.

15. В федоровском, мелкухинском и верх-юсьвинском ареалах частица но употребляется вместо вводного слова мися: Ме но от төд 'Я, говорю, не знаю'; ср. мелкух. Абу но коьма 'Не нужно, мол, было'; в.-ю. Боныс но вөктөм 'Говорят, брат-то приехал'. Данное явление характерно и для соседнего нердвинского диалекта.

Представляет определенный интерес хайдукский говор, как говор смешанного типа. К данному говору относятся два населенных пункта Новоселовского сельсовета Кудымкарского р-на - д. Хайдуки и Трошева. Д. Хайдуки находится в двенадцати километрах от Мелехино. В 1968 г. в д. Трошева проживало две семьи (из 12), остальные переселились в Хайдуки, часть - в Савино. Здесь живут переселенцы из д. Ядьва бывшей Тиминской вол. (ныне Тиминского сельсовета Юсьвинского р-на), среди которых были и русские, но они со временем опермичились. Жители этих деревень имеют сходные фамилии с тиминцами - Тукачевы и Калины.

Хайдукский говор является окраинным. Отметим ряд его черт, сходных с нижеинженским диалектом.

1. Множественное число имен существительных образуется так же, как, например, в тиминском или тукачевском говорах (см. стр. 126): Баби́коввез 'Баби́ковы', Тукачэ́ввез 'Тукачэ́вы', Леснико́ввез 'Лесни́ковы', ра́нёнёйезө вайётвисө 'раненых привозили', вонна́с кы́ка 'два брата' и др. Выпадение звука э из суфф. мн. числа -эз отмечено лишь в одном случае: му́жиккөй вө́виөсь 'мужики у меня (в доме) были'. Это, очевидно, результат влияния соседнего мелехинского говора.

2. Отдалительный падеж имеет окончание -синь (-синис): вóктисö 'гласинь' 'прибыли из Ёгвы', Кáйдуксинис перекóд эм 'от Хайдука переход есть'.

3. Как и в лопанском, мелехинском и нижеиньвенских говорах, в хайдукском говоре личные местоимения 3-го е. ед. и мн. числа сиа 'он', ниа 'они' имеют краткие варианты са (из сиа) и на (из ниа). В отличие от лопанского и мелехинского говоров, в этом говоре полные формы встречаются очень редко: А мыля са оз родниччö 'А почему не родятся? Кóр на вóктöмась, ме эг вöв' 'Когда они приехали, меня не было'. Личное местоимение 1-го л. ед. числа ме 'я' употребляется также в роли местоимения 1-го л. мн. числа, например: Ме вöймö 'Мы были'.

4. В некоторых наречиях места появляется конечная гласная ö, например: кытöнö (вм. кытөн) 'где', татöнö (вм. татөн) 'здесь' и др. Аналогичное явление имеет место в тиминском говоре нижеиньвенского диалекта (см. стр. 71) и в оньковском.

5. В хайдукском говоре, как и в нижеиньвенском, употребляется вводное слово товó 'вот что, так сказать' и т.п. Оно является русским заимствованием. Слова - упётъ 'опять' и идзöс, идзöс 'дверь' - являются также характерными для нижеиньвенских говоров.

Схема диалектного деления коми-пермяцкого языка

Южное наречие

Н и ж н е и н ь в е н с к и й д и а л е к т

Миан деревня шуоны Ивачон. Двенацеть вои, а они десеть токо. Десеть жителей ооны. А ок тод кытись ня воввисо. Ивач тай шуоны. Кысь на вовомась... Перво по нуна строятчомась, а потом дзот идж-иджык и иджиджык.

Нель вон ме́нам воисо. Муні со армияо нельнанныс. Ниа погибли. Ме ныс токо отнам вои. Ай меам куис сорок восьмом, мам куис пятидесятом. А ме уж татон мужиккот оа сорок лет ни. Гозйонось только. Кы^идз бытисо? Мой восьпитаннойс вои... Новийм ковшовыйо. Нем и^з воу решительно. Ачит печкан дак, вуран. Джендосоой юпочка, коуточка. Йорносок, джендосоой и се. Нинкомкезон швопкан котрасян. А они эд нинкомсо ого и комао.

А шкоао моді мунни, мено мам из сет. Отпыр веччи шкоаас пышй-омон да вокти дак, мам суййис. Вот меным и тоо. А сыбрын мой, иджыт вои да кыччо шю. Сидз ме иг и веоччы некытшом шкоаын. Маодео ликфунтас ветви да, вот ракаон кужа бродитны ни. Ну, а они дзот чисто веотны и бурся бура-а.

А зонкаас понисо веотны дак, вашотас айис гортсянь веоччин(ы)-то. Ниа веччасо пийвас да ыжмаоу. Шкоаодзас оз воо. Учительница упеть вокто, ер исто, мыля эд воо шкоаын. Упеть провирыт. Ниа шуоны: А изо ведзо мианос уроккезвас пырныто. А вунтыр котрасасо пий дорас.

Вот меша мено дак шкоаас идо ведзо, а зоннато вартван да йстан да озо веоччо.

Нашу деревню называют Ивач. Двенадцать было, а теперь десять только. Десять жителей живут. А не знаю, откуда они приезжали. Ивачом вот называют. Откуда они приезжали... Сначала, говорят, немногие строились, а потом смотри, больше и больше.

Четыре брата у меня были. Ушли в армию все четверо. Они погибли. Я — дочь только одна была. Отец мой умер в сорок восьмом, мать умерла в пятидесятом. А я уже здесь с мужем живу сорок лет. Муж с женой только. Как растили? Что за воспитание было... Носили холщевое. Ничего не было решительно. Сама спрядешь, так сошьешь. Из грубого льна юбочку, кофточку. Рубашку из грубого льна и все. В лапоточках шлепаешь-бегаешь. А теперь ведь лапти и не обуваем.

А в школу хотела идти, меня мама не отдала. Раз сходила я в школу тайком да пришла так, мать наказала. Вот у меня и вот чего.

А потом что, большая стала так, куда еще. Так я и не училась в никакой школе. Мало-дело в ликпункт ходила я да, вот как ворона лапками брожу (т.е. еле расписываюсь). Ну, а теперь, смотри, всех учат и так хорошо-о.

А мальчиков начали учить так, отец выгонит из дому учиться-то. Они спустятся к речке Пой и играют. До школы не дойдут. Учительница опять приходит, ставит в известность, почему вы не были в школе. Опять проверяет. Они говорят: а не допустили нас на уроки. А целый день бегает у Поя.

Вот, я говорю, меня так в школу не пустили, а сыновей —то бьешь да отправляешь (на учебу), а не учатся.

Записано в 1970 г. по рассказу Калиной
Е.И., 63лет, д. Ивач Тиминского сельсовета
Юсьвинского р-на (м/зап.).

О н ь к о в с к и й д и а л е к т

Ошкѳт пантасьѳм (быль)

Ошислѳ ме шѳдлѳ ѳтпырись. Мѳдѳс вѳртлыны да эз жѳ вѳрт. Вись-
талѳсѳ, пѳрссет пѳ пырѳмась перемѳнаѳть, муѳѳмась ѳблѳ. Вѳрас пы-
рѳ. Адззи тшак коровѳк. Думаѳта вот ѳбѳд лас. Мѳтын ѳшшес вѳлѳ-
мась пиѳннѳскѳт. Друг ѳшс ме дынѳ. Макаѳйчча чирнѳс. ѳшс сыдз и
чѳччѳлтѳ, нѳвна оз кут. Пиѳннѳс кѳисѳ кѳзлѳ. Вѳтлас на дынѳ да
ѳпѳть лѳктѳ. Ме кѳѳртѳ кѳзѳк улѳтѳ. Нет, из сулччѳ. Одвѳ мѳзми.
Дыр жѳ полѳ вѳтлынытѳ вѳрас, года двѳ.

Скѳрѳ и ѳлсинскѳй муѳиксѳ вѳртлѳм, сѳнсѳ кыскѳм. Кѳдѳ вѳла-
лѳм, так мѳртыслѳс из пол. Дерѳлня гѳгѳр и ѳлѳс. Мѳнам вѳныс ви-
ѳс сѳѳ.

ѳшс лѳгалѳ, пиѳннѳсѳ вѳртѳ и, мылѳ пырѳнѳ мѳртѳс дынѳ. Са ма-
линасѳ сѳѳѳ эд бурѳ.

Встрѳча с медведем (быль)

Медведю я попададѳся раз. Хотѳл меня избѳть, но не тронул же.
Сказали мне, что твоѳ свѳнѳи черѳз перемену (ѳбл.) зашли, ушли на
поле. Зашѳл я в лес. Нашѳл (я) белѳй грѳб. Думаю, вот ѳбѳд бѳдет.
Близко, оказывѳется, медведѳ с медвежѳтами бѳли. Вдрут медведь ко
мне. Машу топорѳм. Медведь так и хочѳт прыгнѳть на меня, чѳть не
достаѳт. Медвежѳта взѳбрѳлись на ель. Схѳдит к ним и опѳть ко мне.
Я побѳжал под елочку. Нет, не ѳстановѳлся. Едѳа избѳавѳлся. Долго
же боялся в лес ходѳть, года двѳ.

Вскѳре и ѳвсинскѳго муѳика избѳил, глаз вытѳшил. Кѳторѳй привѳк,
так чѳловѳка не боялся. Около деревни и находѳлся. Мой брат убѳил
ѳго.

Медведь злится, бьет своих детенышей и за то, что подходят к человеку. Он ведь малину хорошо ест.

Записано в 1960 г. со слов Шелонцева П.Е.,
72 л., с. Б.-Они.

Кудымкарско-иньвенский диалект

Му нимвун порйотом

Просто сидз шуоны, что мусо порйотны каям. Сіо пö коо порйотны мусо. Сіо каяной год кайон. Дак вот вунсо вуноти, кышом вуно кайвам. Вознесенне вуно? Не дуков день вуно? Вознесенне вуно ли мыйли, бая. Вот вунсо вуноти. Строича обрас дак, сіа дуков день. Вознесенне сіа иджыт вунсянь шесь нидиль пожайи воо. Кыдзко сидз видьоны.

Міо кайотам еннэз, сууотам. Кыдзез, вöсьотасо. Сеччо еннэсо гриссесо сууотасо этадз. И тожно мийкокерамо... Брага кайотыштамо. Можот сейан кайотыштам. Нянь кайотам. Но кинвон эм чернянь можот, кинвонко можот ейсьнича пуом, кинко можот рись сорваом... А мый? Ырош кисьтам. Отго нем сисся. Сіа енысво кеймоны, юрбитоны. И мусо по порйотамо міо. Вот они уж олжык. А они это чапконы видно.

Они ышö винаэс кайотасо. Дак инькересно эдо. Тожно горто во-ктасо чисто откоддес. Сэгон сьёны, йёктёны. Сіо сіа век воома, но эзо винанас порйото, эзо йёкто да сьёо.

Именины земли

Просто так говорят, что идем справлять именины земли. Говорят, его нужно отметить. Это каждый год ходят. Так вот день-то я забыла, в какой день ходят. В день вознесения? Не в духов день? В день вознесения что ли. Вот день-то я забыла. Если после троицы, то это духов день. Вознесенье-то это после пасхи шесть недель пожалуй будет. Как-то считают. Мы несем иконы, расставим. Березы готовят. Туда большие иконы ставят вот так. И потом вот что делаем... Брагу принесем. Может быть, пишу принесем. Хлеба приносим (букв. поднимаем). А у кого рыбный пирог, может быть, у кого-то, может быть, яичница сварена, кто-то может быть творог со сметаной приготовил... А что? Квасу выльем. Больше ничего. Это богу молятся, крестятся. И, мол, именины справляем земли мы. Вот теперь уже меньше. А теперь, видимо, от этого отказываются уже.

Теперь еще вина принесут. Так интересно ведь. Потом домой придут все одинаковые-то (старики). Тут поют, пляшут. Это вечно так было, но вином раньше не отмечали, не плясали и не пели.

Записано в 1968 г. по рассказу Боталовой М.А., 59 лет, д. Рудакова Антипинского сельсовета (м./зап, рулон № 4).

А мый? Бѣдмимѡ мѣ сѣтаки унаѡн. Шѣся чѣлядь вѡлимѡ. Пасѣтасѣ-
нн мѣѡнкѡ кѡлѡ. Мѣѡ эд семигодѡллѣз да мѣѡ да пѣчкимѡ ни. Печ-
кѡтѣс мѣмѡ. Кѣччѡ воштѣсян. А шкѡлѣын эг велѡччѡ. Эгѡ. Миѣнѡс нѣ-
лкаѣсѡ эз велѡтѡ. Зѡнкаѣс велѡччѣсѡ. Ме и неграмѡтнѡй вѡлѣ. А пѣч-
ким. Тѡжнѡ велѡтѣс мѣмѡ. Пѣркѡччѣлѣм, зуѣсѣлѣм. Чѣсто бѣдѡс кѣри-
мѡѣтѡ...А кѣтшѡм? Чѡчкоммез кѣйлѣмѡ, пѣстрѡддѣз кѣйлѣмѡ ѡджѣк.
Вѣшпѣн дѡразѣз? Вѣрман сѡдзѡвѡй лѡсѡтнѣ. Цвѣттѣз? Синѣтан, чѡч-
комѡ пѣнан. А крѣскаѣз эз вѡлѡ так, вѡлькаѡн гѡрдѡтлѣм. Вѡлькасѡ?
Мѣлѣ ѡгѡ? Кѣч^тсѡ кѣлѣмѡ, тѡжнѡ сѣѡ ѡндѣжерѣм, кѣччѡкѡ вѡт лѡсѡт-
амѡ. Сѣа сувѣлас, сувѣлас. Сѣччѡ кѡртѣз пѣктѣн. Сѣа синѣччѣсѡ
кѣдзи, ѡлас да ѡлас да. Вѣѡн, вѣѡн. ... Тѡжнѡ дѡрасѡ кѣрлѣлѣмѡ.
А не дак пѣстрѡддѣс ѡпѣтѣ кѣрлѣмѡ дак, шѡртсѡ сѣлѣтамѡ. Сѣа кѣдз
чѣрнѣнѡй лѡас. А сѣѡд сѣа, сѣтшѡм сѣѡд лѡѡ.

А дѡбѣтѣмѡ упѣтѣ Сѣѡ ... Дѡбсѡ ѡндѣжерѣн, сѣдѣжѡ лѡсѡтѣн кѣд-
зи.А тѡжѡ. Гѡрд тѣѣ, дѡбсѡ кѣлѣн. Сѣччѡ кѡрт не мѣѡ он пѣктѣл.
Сѣдз тѡкѡ. А мѣѡ пасѣтасѣнн эд кѡлѡ. Йѡрнѡс вѣран дѡрасѣс, пѣс-
трѣдѣсѣс. Йѡка вѣран. Нѡйлѣсѡ чѣсто дѡравѡй. Ѳнѣ эд кѡлѡлѡйѡс
он кѣшѣл. А вѡт сѣмѡй бѣдмѣ ме, ѣта вѡлѣканѣс и гѡрдѡтлѣмѡ да мѣѡ
да. А тѡжнѡ пѡтѡм крѣскаѣз пѡнѣсѡ лѡнѣ. Крѣскаѣзѡвѡй пѡнѣмѡ кѣр-
нѣ пѣстрѣддѣсѡ. Вѡт пѣстрѣдѣннѡй йѡка вѣран, йѡрнѡс вѣран.

А что? Выросло нас все-таки много. Шестеро детей нас было. Оде-
ваться чем-то нужно. Мы ведь семилетки да что да пряли уже. Ма-
ма заставляла прясть. Куда денешься. А в школе не учились мы. Нет
мы. Нас девочек не учили. Ребята учились. Я и не грамотная была.
А пряли мы. Потом научила прясть мама. Трепли, чесали (лен). Всѡ
это мы делали. ... А какой? Белое ткали, пѣстряди ткали мы раньше.
Холст на штѣны? Можѣшь из чѣстого сорта льна пригѡтѡвить. Цвѣта?
Вѣсинѣлѣ, белѡу ѡснову наладишѣ. А красѡк не бѡло так, ѡлѣхѡй в
краснѣѣ цвѣт красѣли. Ѳлѣхѡ? Пѡчѣму нет мѣ. Кѡру снѣмаѣм, пѡтѡм
ѣѡ вѡт чѡ сдѣлаѣм, кѡда -тѡ вѡт пригѡтѡвим. Ѳна стѡит, стѡит.
Тѡда жѣлѣзнѣе пѣдмѣтѣ клѣдѣшѣ. Ѳн слѡвно пѡдсинѣваѣтѣсѣ, ѡтѣс-
ѣваѣтѣсѣ (бѡкѡв. жѣвет да жѣвет да). Вѡдѡй, вѡдѡй. ... Пѡтѡм холст
изгѡтѡвѣлѣѣ. А ѣсли нет, тѡ пѣстряди дѣлаѣли, нѣтѣкѣ пѡложѣм. Ѳнѡ
слѡвно чѣрнѣнѡѡ стѡнѡвѣтѣсѣ. А ѡнѡ чѣрнѡѡ, тѣкѣм чѣрнѣм стѡнѡвѣтѣсѣ.

А дѡбѣли ѡпѣтѣ ѣгѡ... Дѡб-тѡ (ѡлѣхѡ) вѡт чѡ дѣлаѣѣшѣ, тѣкѣе
пригѡтѡвѣшѣ. А тѡжѡ. А краснѣѣ, дѡб-тѡ снѣмаѣѣшѣ. Тѡда жѣлѣзнѡѡ
нѣчѡгѡ не клѣдѣшѣ. Так тѡльѡ. А чѡтѡ, ѡдѣваѣтѣсѣ вѣдѣ нѣжнѡ. Ру-
бѣшѡку сѡшѣѣшѣ из холѣта, из пѣстряди. Юѡку сѡшѣѣшѣ. Нѡсѣли вѣсѣ из
холѣта. Тѣпѣрѣ вѣдѣ холѣщѡѡѡ не нѡсѣѣт. А вѡт кѡгда я вѣрѡсла, ѣтѡѣ
ѡлѣхѡй и красѣли в краснѣѣ цвѣт да чѡтѡ да. А пѡзжѡ пѡтѡм красѣкѣ

стали появляться. Из красок мы начали делать пестряди. Вот пестрядинную юбку сошьешь, рубашку сошьешь.

Записано в 1970 г. по рассказу Поповой Е.А., 68 лет, д. Галюки Ленинского сельсовета (м/зап.).

Северное наречие

Кочевский диалект

Поп съметаназз ѓктіс, кольк. Тѳлнас сю ѓктѳллис. Ме поѳжѳн сѳ-сѳ пѳткѳті. Сѳа кадуляѳн кѳрис. Эг сет. Бѳльгис, бѳльгис да мѳніс. А дѳнѳга кѳждѳйс вѳштис. Одѳжѳк вот гѳднас ай четѳре рублѳ вѳштылис. Сѳк перѳззѳ вѳлісѳ. Есѳли му ѳна дак, ѳна и вѳштѳ. Не дектѳр-реѳн, а дуѳа лѳддисѳ. Полторѳ ли четѳверть дуѳи ли. Мѳйкѳ мѳным не памѳть. Богатѳнтлѳн до десѳти дуѳ вѳлли. Сѳ сертѳ и налог вѳштыл-лин. Дѳнѳганс кѳркѳ дѳна вѳлѳм. Дѳже рѳзгѳн кульѳылѳмась дѳе ко-пѳйки понда. ѓтѳк тѳтисѳ вѳлом ... Копѳйкасѳ ѳмас пѳ видзѳ, а ѳсѳсѳ кульѳны. ѓні сѳа сто рублѳйсѳн ... Темнѳй жѳ нарѳднс вѳлѳма.

Одѳжѳк и вѳрѳлисѳ бѳра. Сѳк тѳлько охѳтѳникке вѳдзлісѳ пѳнсѳ. Руч кѳисѳ. Ур вѳисѳ. Кѳч кѳисѳ. Ме штук петнацѳтьѳ да мѳй да вѳя друг.

Дерѳлнѳж кѳч вѳлалас. Вѳрсянѳс лѳктас: капуѳта пѳддзѳсѳ вѳла-лас кѳйны. А сѳлісѳ пѳаннѳсѳ ѓктѳ пѳны. Четѳре штѳки вѳис пѳаннѳ-слѳ кѳч пѳаннѳсѳ. ѓні эд тѳжѳ тар эз ло, и сѳѳла эз ло. Тѳрреѳс ѳна вѳлісѳ. Вѳрын крутѳм тѳлькѳ шум.

Поп сметану собирал, яйца. Зимой зерно побирал. Я в сите зерно вынес. Он кадушкой попросил. Я не отдал. Ворчал, ворчал и ушел. А дѳнѳги кѳждѳй платил. Ранѳше вот отѳц в год четѳре рублѳ пла-тил. Тогда перѳзы были. Если земли много, так много и платит. Не гектарами, а души считали. Полторы или четверть души. Чѳто-тѳ мнѳ не памѳтно. У богатѳх до десѳти дуѳ бывало. По ѳтому и налог пла-тили. Дѳнѳги кѳгда-тѳ дорогѳе были. Дѳже рѳзгами били за дѳе ко-пѳйки. Один здѳшний был ... Копѳйку, говорѳт, во рту дер-жит, а самѳго бѳют. Тепѳрь ѳто вмѳсто ста рублѳей ... Тем-ный же нарѳд был.

Ранѳше и охѳтились хорошо. Тогда тѳлько охѳтники держали со-баку. Лису ловили. Белку убивали. Зѳйца ловили. Я штук по пятнад-цѳть да чѳто да приношу вдруг.

В деревню заяц повадился. Из лесу придет: кѳчерѳжки привѳк грызть (букв. ловить). А ѳго зѳйчат собираѳт собака. Четѳрѳх зѳй-

чат принес щенкам. Теперь ведь тоже тетерев нет, и рябчиков нет. Тетеревов много было. В лесу кругом только шум был.

Записано в 1967г. по рассказу Петрова
З.Д., 79 лет, д. Пелым Кочевского района.

Пүксибын...

Эсэчинь Бүждом, Мараты. Бүждомдз петнацетъ километров. Этат Коса ю. Машиназ мый ветлётны тасянь, кор колас дак. Районас жö ветлётны. А туйес оз вöчö. Кöчас бурöсь туйес. Кöс яггез сэтöн. Бүждомсяняс лежнöвка плакаовöй. Мараэздзис пятъя бöльше. Кöча-нс тасянь эд трицетъ три версты. Уна коласнс дивö. Уна деревняз да. Ме ветлöтi частö. Сö вöллэзöн. Туйес сэтшö-мöсь умöльбöсь.

Кама абу ылын. Камалас вöйöны. Нэважын вöйсö. Öтиксö дыр эз адззö да сiа кылтöм ёрс пять. Чиркöвын кутöмöсь. Сöпыс потöм. Кы-ка вöйлöмöсь. Сэкжö öтиксö кыскалöмöсь. Мыжыкнс вöйлöма жö да пё-тöма. Гётрасьöм жö öбра. Учительница вöлi да сi(й)ö босьтöм. Ванс эд кизер. Мыйкö тай вöйлöны ... сякöйсö да. Татиссез мыйкö частö жö вöйöны. Кадровöй пикеталикас вöйс, а посёле вөррез коласись адззöмöсь. Васис вöлi кошйöмöсь жö. А сiа беднöй дыр öлис: эз адззö. Иньнс учительница жö. Кага ышö эм да гортас Кöсас нубтлö-мöсь. Да нылканс чивера жö. Абу красывöй. Айнс сьöрья да. Матшка глукой да оз пö и видзёт. Вёрда жö пö эдö. А кызкö эд бы быдмис жö.

В Пуксибе...

Там Буждом, Мараты. До Буждома пятнадцать километров. Это ре-ка Коса. Машины и что ходят отсюда, когда нужно. В район же хо-дят. А дороги не делают. В Кочево хорошие дороги. Сухие боры там. Из Буждома лежнёвка из плах. До Мараты больше пяти. Коча-то отсюда ведь тридцать три версты. Большой промежуток (расстояние) очень. Много деревень и. Я ходила часто. Все на лошадях. Дороги такие плохие.

Кама не далеко. В Каме тонут. Недавно утонули. Одного долго не нашли, и он уплыл верст на пять. В Чиркове поймали. Селезенка лоп-нула. Двое тонули. Тогда же одного вытащили. Мужчина тонул же да вышел. Женился же опять. Учительница была да, ее взял. Вода ведь жидкая. Что-то вот говорят... всякое да. Здешние что-то часто же то-нут. Кадровый во время пикетирования утонул, а позже среди бре-вен нашли. В воде искали же было. А он бедняга долго был: не наш-ли. Жена учительница же. Ребёнок еще есть да домой, в Косу увели. Да девочка своенравная же. Не красивая. В отца. Свекровь глухая

да, говорят, и не смотрит. Говорит, кормлю же ведь. А как-то ведь выросла же бы.

Записано в 1967 г. со слов Голевой А.И.,
65 лет, д. Пуксиб Косинского района.

Ягöдла муна нин. Мыля нö эн локлы? Старик уджалö талун. Локтö, пирö керкас. Клара западня вылö век пуксьö. Турунцез пöжи тöнын да юви. Мун эччань пуксьы. Номйес уна... Мыськö лөгасис старик. Шуа, коть öтик лун öтцал. Ювö бы каганс. Ладимерит мыйкö оз вöллы да. Сиа пö кытöнкö вöрын уджалö. Ю. Квастöг öлим. Йзыштас старикыс сюсö, чужсö. Изки эм изны. Кыччö нö ниа мунисö, дивö. Вöлинö, көр тэ пиринö. Колян кө, ветлам. Мийö Педöрöвöдз вёськыта мунам. локта Педöрöвись, квассö пöжам. ... Каганым учöтсянис öлис да жалейтамö, любиччам на. Ю, ю. Ышö ёштан чышкыныс. То чачат, адззас кагас. Кайлим Пургас. Сидөр пö öлö öтнас көзййакскöт, гөзийөн. Ме ачым Лупись. Татөн эд уна Лупинсис. Мукöдчид вöлылам. Лупсянис. Öська, Дзоль - зырянскöй. Öськаас кыкөн ни пö öлöны. Лупьяс öлигөн заран-нэскöт вöлисьлисö. Миян вёсиг кык сой вöли. Эгэ мие. Зырана мод-ног сёрнитöны.

За ягодами я уже иду. Почему не приходила? Старик работает сегодня. Идите, заходите в дом. Клара на западню всегда садится. Травы заварила вчера да пила. Иди, туда садись. Комаров много. Отчего-то рассердился старик. Говорю, хоть один день помощи. Пить хочет ребенок-то. Владимир-то что-то не приходит да. Он, говорят, где-то в лесу работает. Пей. Без кваса мы жили. Смелет старик-то зерно, солод. Ручная мельница есть молоть. Куда же они ушли, удивительно. Были они, когда вы зашли. Если оставишь, сходим. Мы до Федорово прямо пойдем. Вернусь из Федорово, квас выпарим. ... Ребенок (наш) с малых лет жил (у нас) да жалеем, любим же. Пей, пей. Еще успеешь подмести-то. Вот игрушка-то, найдет ребенок-то. Сходили в Пургу. Сидор, говорят, живет один с хозяйкой, муж с женой. Я сама из Лупьи. Здесь ведь много из Лупьи. Иногда навещаем. От Лупьи Öська, Дзоль - зырянский. В Öське, говорят, вдвоем уже живут (только). Когда жили в Лупье, к зырянам ходили. Нас только две сестры было. Мы нет. Зыряне по-другому (иначе) говорят.

Записано в 1966 г. со слов Мизевой А.С.,
70 лет, урож. д. В.-Лупья Гаинского района.

Миан ёстӱн ӱткодь, абы разнычанс. Сэчань тожӱ мианмоз баитӱны. Першинчи по-пермячки баитӱны. Ме почта кыскалі дак, тӱда. Бригадаз ёні неизвёсно мый ыждаӱсь. Ӗдзджык татын куим звенӱ вӱліно. Три деревни эт мёстын и сваличчино.

Челядьыс баитӱны по-русски. Абы татӱн русскӱйезыс. Ыкӱб пермяк-кез.

Кинлӱн, дӱчи, висьтась. Эта-ту Чӱйылсь Сьтепанлӱн монь. Елам-пихалӱн дӱчи. Нӱа ётын жӱ ӱлӱны. Эчӱ переехали. Дӱчинс сӱлӱн кольчис. Сӱтӱн жӱ до послёду ӱжаліс сё фермань. Сэчань турӱн полу-чат.

В гостях

У нас здесь одинаково, нет разницы. Там тоже по-нашему говорят. Першинские по-пермячки говорят. Я почту возила, так знаю. Бригады теперь неизвестно какой величины. Раньше здесь три звена было. Три деревни на этом месте потом и объединились.

Дети говорят по-русски. Нет здесь русских. Все пермяки.

Чья ты, доченька, рассказывай. Вот эта с Чӱйыла сноха Степана. Дочь Евлампихи. Они здесь же живут. Сюда переехали. Ее дочь осталась. Там же до последнего времени работала на ферме. Там сено получает.

Записано в 1965 г. по рассказу Першиной А.И., 30 лет, урож. д. Першиной Афанасьевского района Кировской области.

Иллюшын...

Пёчка шань, ыджыд. Ме уж и пёсӱ пӱткӱда. А ванас горё. Дружок судзӱтыштан, вёсӱдыштӱ дак. Вётыштӱ угӱр ултӱ.

Но эд мый кӱклы. Кӱйӱд кыскалікӱ кок бергӱді. Сӱлтӱ споряд. Вӱл нас канительнее. Куч петь ли мый ли кыскалі. Вӱлін картӱшка му. Толи чёгис, толи рётштӱс, сӱлтныс немӱнда ог вёрмы... А мый горзӱмьсь разь лӱтшье? Кок кӱсьмӱ. Мёнам напроч чёгис. Сӱнитӱс, кок пӱхтӱс. Туж кӱйлі. ӱзыньсӱ сӱвсем эг пӱнды... Да эд мёнам уж и гӱдйас мӱнӱны. Да пӱрись ни жӱ.

Да мӱнда сёйыштас. Мый пӱа, ӱткӱн ӱла да. Мӱртыс пӱрас да нехорӱшо ёзи-ту вӱчнысӱ. Хӱзьян вӱсна пӱи да. Чӱйыс мёнам шыпичавӱ тӱлько дак. Нӱаньыс чорыдик да сёй, кӱдзкӱ бёртышлы. Ю, чӱйӱн пӱтшуйта.

В Ильишах...

Печка хорошая, большая. Я уже и дрова колю. А с водой горе. Пару ведер достанешь, вычистила я так. Ходит под угор.

Ну ведь что ноге нужно. Во время вывоза навоза ногу свернула я. Навоз накладывала я подряд. С лошастью канительнее. Куч пять что ли я вывезла. Было картофельное поле. То ли перелом, то ли растяжение, встать не могу... А что от плача разве лучше? Нога сохнет. У меня перелом. Посинела, нога опухла. Все лежала я. Спать-то совсем не стала... Да ведь у меня уже и годы проходят. Да старая же уже.

Да сколько поест. Что сварю, одна живу да. Человек-то зайдет да не хорошо так-то делать-то. Из-за хозяина сварила я да. Чай мой из шиповника только так. Хлеб-то тверденький да ешь, как-то отрежь. Пей, чаем угощаю.

Записано в 1964 г. по рассказу Артемихиной М.С., д. Ильиши Порубовского сельсовета Афанасьевского района Кировской области.

- Баринава. Редукция и выпадение интервокальных согласных... - Г.А. Баринава. Редукция и выпадение интервокальных согласных в разговорной речи. - В кн. "Развитие фонетики современного русского языка". М., 1971.
- Баталова. Онък. диалект... - Р.М. Баталова. Онъковский диалект коми-пермяцкого языка. Канд. дисс. М., 1962.
- Баталова. К вопросу о развитии уменьшит. - Р.М. Баталова. К вопросу о развитии категории уменьшительности в коми-пермяцком языке. - В кн.: "Вопросы языкознания. Уч. зап. кафедры русского языка Пермского пединститута", т. 66, Перм., 1969, стр. 195-201.
- Баталова. О некоторых фонетических и морфологических явлениях... - Р.М. Баталова. О некоторых фонетических и морфологических явлениях в периферийных диалектах коми языков. - ж. СФУ, № 2, 1974, стр. 99.
- Ботева. Суфф. субъективной оценки... - Е.В. Ботева. Суффиксы субъективной оценки существительных современного коми-пермяцкого языка. "Вопросы финно-угорского языкознания". М.-Л., 1962.
- Верхневич. диал. - В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова и Е.С. Гуляев. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.
- Гантман. Слов. состав иньв. диалекта... - А.С. Гантман - Кривошекова. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Канд. дисс. Л., 1951.
- Гантман. - О некот. особен. иньв. диал. - А.С. Гантман - Кривошекова. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. "Уч. зап. Пермского пединститута", вып. 17. Пермь, 1957.
- Гантман. О переходе д в в и чередовании в с нулем звука... - А.С. Гантман - Кривошекова. О переходе д в в и чередовании в с нулем звука в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка. - В кн.: "Вопросы финно-угорского языкознания". М.-Л., 1962.
- Грамм.совр. удм. яз. - Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск, 1962.
- Коми-перм. - Коми-пермяцкий язык. Кудымкар, 1962.
- Кузнецов. Судьба твердого д в иньвенском диалекте... - П.С. Кузнецов. Судьба твердого д в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка. - Сб. "Памяти академика Л.В. Щербы". Л., 1951.
- Лытк. дя - В.И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952.

- Лытк. Отражение перехода е в о в русск. заимств. - В.И. Лыткин. Отражение перехода е в о в русских заимствованиях языка коми. "Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР", т. II. М., 1952.
- Лытк. Об ударении... - В.И. Лыткин. Об ударении в коми-пермяцком языке. "Труды Ин-та языкознания", т. I. М., 1952.
- Лытк. Отчет о научной командировке... - В.И. Лыткин. Отчет о научной командировке в Пермскую область по изучению коми-пермяцких диалектов (рукопись, 1953).
- Лытк. ДХПЯ - В.И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
- Лытк. Ист. грамм. - В.И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Сыктывкар, 1957.
- Лытк. Коми-язьв. - В.И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
- Лытк. Вопросы акцентуации... - В.И. Лыткин. Вопросы акцентуации пермских языков. Beitrage zur sprachwissenschaft. Volkskunde und Literaturforschung. Berlin, 1965.
- Майшев. Грамм. коми.-перм. яз. - И.И. Майшев. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.-Л., 1940.
- Нечаев. Характеристика зюздинского диалекта... - Г.А. Нечаев. Характеристика зюздинского диалекта коми языка. "Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка". вып. I. Сыктывкар, 1930.
- Нечаев. Отношение окр. коми лит. яз. к сев. диал. - Г.А. Нечаев. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа. "Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка", вып. II. М., 1931.
- Нечаев. К вопросу о грамм. катег. одушевл. в к. яз. - Г.А. Нечаев. К вопросу о грамматической категории одушевленности в коми языке. "Уч. зап. Коми гос. пединститута", № 10. Сыктывкар, 1962.
- Паллас. ср. сл. яз. и нар. - Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. СПб., 1787.
- Рогов. Опыт грамм. перм. яз. - А.Н. Рогов. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.
- Сереб. Исто перм. - Б.А. Серебрянников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Совр. к. яз. - Современный коми язык. Под ред. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.
- Сорвачева. Морфол. особен. верхневаш. гов. - В.А. Сорвачева. Морфологические особенности верхневашского говора. Автореф. канд. дисс. Сыктывкар, 1950.
- Сорвачева. Кр. грамм. справ. - В.А. Сорвачева. Краткий грамматический справочник. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Сорвачева и др. Верхневич. диал. - В.А. Сорвачева, М.А. Сахарова и Е.С. Гуляев. Верхневичегодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.

- ССКЗД - Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Под общей ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- Тепляшина. О суфф. сравнит. степ. - Т.И.Т е п л я ш и н а. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. "Вопросы финно-угорского языкознания". М.-Л., 1964.
- Фролова. Именные категории верхне-вым. говоров... - Т.И.Ф р о л о в а. Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка. Автореф. канд. дисс. Сыктывкар, 1951.
- Fokos-Fuks. Aus der Gebiete der Lehnbeziehungen. - D.R. F o k o s - F u k s. Aus der Gebiete der Lehnbeziehungen. "Acta Linguistica". Szientiarum Hungaricae, Bd. 3, H. 3-4. Budapest, 1953.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ И ОПОРНЫХ ПУНКТОВ

1. аз.	- азовский южного на- речия	20. коч.	- кочёвский северного наречия
2. бел.	- белоевский южного наречия	21. кув.	- кувинский южного на- речия
3. б.-к.	- больше-кочинский северного наречия	22. куд.	- кудымкарский южного наречия
4. ваг.	- вагановский южного наречия	23. крох.	- крохалевский южного наречия
5. васьк.	- васькинский север- ного наречия	24. лев.	- левичанский северно- го наречия
6. в.-и.	- верх-иньвенский юж- ного наречия	25. лоп.	- лопанский южного на- речия
7. в.-к.	- верхнекамское наречие	26. мелех.	- мелехинский южного наречия
8. в.-л.	- верх-лупьинский се- верного наречия	27. мелкх.	- мелкхинский южного наречия
9. в.-ю.	- верх-юсьвинский юж- ного наречия	28. мыс.	- мысовский северного наречия
10. гаин.	- гаинский северного наречия	29. нерд.	- нердвинский южного наречия
11. дан.	- данинский северного наречия	30. н.-и.	- нижеиньвенский юж- ного наречия
12. дём.	- дёминский южного наречия	31. н.-к.	- нижекосинский се- верного наречия
13. доег.	- доеговский южного наречия	32. оньк.	- оньковский южного наречия
14. егор.	- егоровский южного наречия	33. от.	- отевский южного на- речия
15. и. (иньв.)	- иньвенский	34. ош.	- ошибский южного на- речия
16. ис.	- исаевский северного наречия	35. пел.	- пельмский северного наречия
17. к.-и.	- кудымкарско-иньвен- ский южного наречия	36. пет.	- петуховский северно- го наречия
18. кос.	- косинский северного наречия	37. пукс.	- пуксибский северно- го наречия
19. косог.	- косогорский южного наречия		

38. самк.	- самковский южного
наречия	43. чаз.	- чазевский северного
наречия
39. сев.	- северное наречие	44. чур.	- чураковский северно-
го наречия
40. ср.-и.	- среднеиньвенский
южного наречия	45. южн	- южное наречие
41. тим.	- тиминский южного
наречия	46. юкс.	- юксеевский северного
наречия
42. тук.	- тукачевский южного
наречия	47. л.	(лит.) - литературный

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Предварительные сведения	5
Из истории изучения коми-пермяцких диалектов в дооктябрьский период	5
Изучение диалектов коми-пермяцкого языка в послеоктябрьский период	11
Расселение коми-пермяков	13

Глава первая

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Звуковой состав коми-пермяцких диалектов и его развитие . . .	21
Согласные звуки	21
Употребление звуков <u>в</u> и <u>д</u>	24
Последствия утраты фонемы <u>д</u>	48
К вопросу о выпадении интервокальных согласных.	49
Судьба звука <u>й</u> в диалектах.	50
Смягчение задненебных согласных	59
Явление деаффрикатизации.	60
Явление аффрикатизации.	61
Явление ассимиляции согласных	61
Упрощение стечений согласных.	64
О судьбе звука <u>з</u> в составе суффикса мн. числа	66
Гласные звуки	70
Фонетические явления в области гласных.	70
Выпадение гласных звуков.	75
Ассимиляция гласных звуков	77

Глава вторая

СИСТЕМА УДАРЕНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

Предварительные сведения.	81
Ударение в кудымкарско-иньвенском диалекте южного наречия . .	82
Ударение в оньковском и нижнеиньвенском диалектах южного на- речия	90
Ударение в кочевском диалекте северного наречия	96

Ударение в косинских говорах северного наречия	I03
Ударение в гайнских говорах северного наречия.	I09
Ударение в верхнекамском наречии	II3
К вопросу о фонологизации ударения	II5

Глава третья

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Имя существительное.	I24
Число.	I24
Падежи	I29
Предварительные сведения	I29
О формировании системы внешнеместных падежей	I36
О формировании системы приблизительно-местных падежей.	I38
Особенности в употреблении некоторых падежей	I41
Определенно-притяжательное склонение существительных	I59
Словообразование	I64
Имя прилагательное	I66
Множественное число.	I66
Степени сравнения.	I67
Словообразование	I69
Имя числительное	I73
Местоимения	I76
Глагол.	I83
Личные формы.	I83
Инфинитивные формы	I88
Словообразование	I92
Наречие.	I94
Служебные слова.	I98
Послелogi.	I98
Частицы.	201
Модальные слова.	202
Союзы.	203

Глава четвертая

КЛАССИФИКАЦИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Из истории классификации коми-пермяцких диалектов.	207
Современное диалектное деление коми-пермяцкого языка	210
Северное наречие	211
Кочевский диалект	212
Косинско-камский диалект.	214
Мысовский диалект	216
Верх-лупьинский диалект	218
Верхнекамское наречие.	221
Южное наречие.	223
Оньковский диалект	224
Нижнеиньвенский диалект	226

Нердвинский диалект	2
Кудымкарско-иньвенский диалект.	2
Образцы диалектных текстов.	2
Сокращения и источники.	2
Сокращенные названия диалектов, говоров и опорных пунктов . . .	24

Раиса Михайловна Баталова
КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Г.Н. Корозо*. Художник *Э.П. Стулина*
Художественный редактор *Т.П. Поленова*. Технический редактор *Г.П. Каренин*

Подписано к печати 28/V-75 г. Усл.печ.л. 15,75. Уч.-изд.л. 16,7.
Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная № 1. Тираж 1000 экз. Тип. зак.148
Цена 1 р. 15 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства "Наука". 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 1

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
193	сн. 5	слепōй сѧи	слепōйсѧи
210	св. 22	тōвōн	тōв°ōн
225	сн. 3	бѣзѣвовым	бѣзведвым
239	св. 7	кѣримōѣтō	керимō ѣтō
240	св. 15	вōлом	вōлōм
243	св. 3	гōсьтѣтѣкō	гōсьтѣтѣкō
244	св. I	в Илвюшах	в Ильюшах

зак. 148. Р.М.Баталова. Коми-пермяцкая диалектология